

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА
КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ



МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

Под руководством и общей редакцией
академика
Л. Ф. ИЛЬЧЕВА

Редакционная коллегия издания:

Д. П. ГОРСКИЙ, доктор философских наук
Л. Ф. ИЛЬЧЕВ, академик
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ, доктор философских наук
М. Б. МИТИН, академик
И. С. НАРСКИЙ, доктор философских наук
Т. И. ОЙЗЕРМАН, академик
Ю. К. ПЛЕТНИКОВ, доктор философских наук
Ю. В. САЧКОВ, доктор философских наук
В. С. СЕМЕНОВ, доктор философских наук
Ц. А. СТЕПАНИН, член-корреспондент АН СССР
В. С. ТЮХТИН, доктор философских наук
Б. С. УКРАИНЦЕВ, доктор философских наук
А. П. ШЕПТУЛИН, доктор философских наук

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ



Редакционная коллегия книги:

Г. А. ДАВЫДОВА, кандидат философских наук

М. М. НОВОСЕЛОВ, кандидат философских наук

Б. Я. ПАХОМОВ, доктор философских наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

В книге дается изложение философских основ диалектико-материалистической теории развития как общеметодологического ориентира научного познания процессов развития в природе и обществе. На основе теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма раскрывается фундаментальность проблемы развития, особенности ее современной постановки и последовательного научного решения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о том, какая теория служит истинным ориентиром в решении фундаментальных исторических задач, выдвигаемых ныне общественным и научным развитием, — центральный в современной духовной жизни. Острота происходящих здесь идейных битв, отражающих реальное противоборство прогрессивных и реакционных сил, обуславливает жизненное значение борьбы за диалектику К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, органично сочетающую в себе последовательную научность и коммунистическую партийность. А борьба за материалистическую диалектику — это прежде всего ее содержательное развитие в качестве надежного руководства к научному познанию и практическому действию.

Защита теоретических основ научной диалектики неотделима от ее всесторонней разработки применительно к особенностям и требованиям нового этапа социального и научного прогресса.

Актуальность работы в этом направлении особенно возрастает в связи с выдвижением в центр современного научного познания и всей идейной жизни проблемы развития, в чем находит свое отражение революционный характер и динамизм современной эпохи. Действительным ответом на растущую общественную потребность в широком мировоззренческом, философском осмыслении проблемы развития выступает дальнейшая творческая разработка материалистической диалектики, принципы которой и позволяют раскрывать объективную диалектику процессов развития в конкретном многообразии ее форм. Необходимость исследования на современном этапе диалектики как общей теории развития, а также изучения ее применения к сложным процессам действительности и к обобщению новейших достижений естественных наук отметил М. А. Суслов на Всесоюзном совещании идеологических работников в 1979 г.

В Отчетном докладе XXVI съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул чрезвычайную важность развития марк-

систско-ленинской теории для научного обоснования партийной политики, конкретных путей и задач коммунистического созидания: «Марксистско-ленинская партия не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни, творческому развитию марксистско-ленинской теории»¹.

Основная задача данного коллективного труда состоит в том, чтобы, опираясь на идейное наследие классиков марксизма-ленинизма, на опыт великих социальных преобразований и революционной борьбы, на достижения современной науки,— раскрыть глубину и цельность теоретического содержания материалистической диалектики как самого богатого и всестороннего учения о развитии. Авторский коллектив и редакционная коллегия стремились к тому, чтобы показать возможно полнее ее значение как философской основы решения научных и практических проблем современности, как исторически высшего типа рациональности, отвечающего радикальности и высокому гуманистическому уровню социальных преобразований, которые осуществляются в ходе строительства нового, социалистического мира.

Решение этих исследовательских задач неразрывно связано с раскрытием и освоением того богатейшего и всестороннего вклада, который внес в развитие диалектико-материалистической философии В. И. Ленин, по праву являющийся не только верным последователем учения К. Маркса и Ф. Энгельса, но и сотворцом научной диалектики, одним из ее создателей. Непосредственно применив диалектико-материалистические принципы к разработке теории социалистической революции в новых исторических условиях и к решению конкретных задач ее практического осуществления, В. И. Ленин определил то направление продолжения дела Маркса-Энгельса, которое является главным, определяющим, единственно соответствующим научному характеру и революционной сущности материалистической диалектики.

В современных условиях все более выявляется и подтверждается плодотворность, огромное мировоззренческое и методологическое значение ленинского определения диалектики как наиболее полного учения о развитии: это оп-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77.

ределение, синтезирующее в себе другие определения и аспекты диалектики, открывает путь ее разработки в существенном единстве ее гуманистического и объективно-познавательного аспектов.

Книга первая, посвященная исследованию философских основ диалектико-материалистической теории развития, представляет собой развернутое, опирающееся на разнообразный научный и исторический материал, обоснование ленинского определения диалектики. В ней освещаются характерные черты современной постановки проблемы развития, обусловленные новым уровнем социального, научного и технического прогресса, рассматриваются исторические особенности формирования научной диалектики К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина как качественно нового этапа в развитии философской мысли, обосновываются нераздельность и взаимодействие мировоззренческих и методологических функций материалистической диалектики, единство ее объективно-предметного, логического и гносеологического аспектов; прослеживается глубокая взаимозависимость основных принципов, законов и категорий диалектики, раскрывается их специфическое содержание и роль в теоретическом воспроизведении объективных процессов развития.

Исследование обширного научного и исторического материала, а также критический анализ современных буржуазных и ревизионистских концепций развития убеждают в том, что истинное решение проблемы развития в исторической конкретности, сложности, противоречивости и многосторонности ее содержания возможно лишь средствами материалистической диалектики, на основе ее исходных принципов и категориального аппарата.

Сквозной идеей труда является признание той плодотворной роли, которую играет в творческой разработке материалистической диалектики как общей теории развития ее союз с естественными, техническими и общественными науками. Диалектико-материалистическое учение о развитии дает широкую методологическую базу для содержательного синтеза данных современной науки. Одна из основных задач философского анализа развития и заключается в том, чтобы помочь специальным, конкретным наукам в укреплении их мировоззренческо-методологических основ, а тем самым и в разработке специально-научных концепций развития. Работа в таком направлении позволит принять активное участие в обсуждении и ре-

шении актуальных методологических проблем современного научного познания, в философском осмыслении его трудностей, противоречий, исканий и достижений, представляющих собой не только «поле применения» материалистической диалектики, но и живой источник ее собственного развития, обогащения ее философского содержания.

Марксистское исследование проблемы развития не может абстрагироваться от контекста идеологической борьбы, от настойчивых попыток опровержения и фальсификации научной диалектики со стороны ее идеологических противников. Прежде всего по линии исходных мировоззренческих принципов (материального единства мира, детерминизма, отражения) проходит граница, отделяющая марксистско-ленинское понимание развития от различного рода немарксистских трактовок. В главах, посвященных критике буржуазных и ревизионистских концепций развития, подробно показывается, что в осмыслении проблемы развития в различных ее аспектах буржуазные и ревизионистские идеологи упираются в неразрешимые трудности и противоречия, связанные с идеалистическим и метафизическим характером их мировоззренческих установок.

Ложно-диалектические опыты современной буржуазной (и примыкающей к ней ревизионистской) философской мысли, остающейся в рамках метафизического противопоставления противоположностей, без единства которых нет развития, являются своеобразным доказательством того, что в современную эпоху единственной формой диалектики, способной к содержательному развитию, является научная диалектика, опирающаяся на принципы диалектико-материалистического монизма.

Редакционная коллегия и авторский коллектив в своей работе ориентировались прежде всего на творческий подход к исследуемым вопросам. Они ставили своей задачей не только подытожить то, что уже достигнуто в области данной проблематики, но и попытаться выйти на новые рубежи в осмыслении сложнейших проблем философской науки и богатейшего нового материала, который дает современная история. В труде нашла отражение принципиальная установка на единство цельности и творческого развития материалистической диалектики, что диктуется самой сущностью научной диалектики и является необходимым условием выполнения ею своих мировоззренческих и методологических функций.

Последующие три книги посвящены обоснованию и конкретизации основных положений диалектико-материалистической теории развития.

Во второй книге дается анализ диалектики развития научного познания, в третьей — рассматривается методологическое значение принципа развития для современных естественных и общественных наук, в четвертой — исследуется диалектика современного социального развития. Редакционная коллегия и авторский коллектив труда сочли целесообразным не предпосылать последующему теоретическому анализу обширной и сложной проблематики развития некоей заранее заданной дефиниции развития. Они исходили из того, что конкретно-содержательное понятие развития может быть получено лишь в качестве итога всего исследования в целом. Как отмечал Ф. Энгельс, «единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела»².

И редакционная коллегия, и авторский коллектив первой книги полностью отдают себе отчет в сложности исследуемых в труде проблем и в тех трудностях, которые стоят на пути решения поставленных задач.

Свидетельством этих трудностей выступают известные различия и расхождения в точках зрения по ряду вопросов среди марксистских исследователей, что является отражением как недостаточной разработанности отдельных аспектов материалистической диалектики, так и факта ее развития, обогащения, конкретизации, постановки и решения новых вопросов. Наличие элементов поиска, а отсюда и некоторых спорных положений, дискуссионных подходов неотделимо от живого исследовательского труда. Ни в какой сколь угодно большой по объему работе невозможно изложить диалектико-материалистическое учение о развитии в полном, а тем более завершенном виде: это учение само непрерывно развивается через живую связь с опытом конкретной постоянно развивающейся практической и познавательной деятельности.

Не претендуя на исчерпывающее решение затронутых в данном труде проблем, редакционная коллегия и авторский коллектив тем не менее выражают надежду, что попытка целостного изложения диалектико-материалистической теории развития на уровне современных естествонаучных и общественных знаний, предпринятая большим числом ученых-философов, представителей наук

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 634—635.

социального профиля в тесном сотрудничестве с естествоиспытателями, вызовет определенный интерес и даст импульс для новых творческих исследований, для дальнейшего продвижения в разработке материалистической диалектики — великого завоевания человеческой мысли.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают глубокую признательность рецензентам первой книги — заместителю директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, доктору философских наук М. П. Мchedлову; заведующему кафедрой философии МГПИ им. В. И. Ленина, доктору философских наук В. С. Готту; заведующему сектором истории марксистско-ленинской философии Института философии АН СССР, доктору философских наук Б. В. Богданову; заведующему отделом философских вопросов естествознания Института философии АН СССР, доктору философских наук А. Д. Урсулу — за ценные критические замечания и пожелания.

Авторский коллектив первой книги:

Раздел I. Академик Л. Ф. Ильичев (введение, глава 2), академик Т. И. Ойзерман (глава 1), академик Академии наук УССР, член-корреспондент АН СССР В. И. Шинкарук (глава 3). Раздел II. Доктор философских наук Я. Ф. Аскин (глава 1), доктор философских наук Б. Я. Пахомов (глава 2), кандидат философских наук Г. А. Давыдова (глава 3 /разд. II/, глава 3 /разд. III/), доктор философских наук Е. Ф. Молевич (глава 4), доктор философских наук Ю. Б. Молчанов (Глава 5). Раздел III. Доктора философских наук И. С. Нарский и В. С. Тютин (глава 1), доктор философских наук В. С. Тютин (глава 2), доктор философских наук А. П. Шептулин (глава 4). Раздел IV. Доктор философских наук А. С. Богомоллов (глава 1), член-корреспондент Академии наук БССР Е. М. Бабосов (глава 2), доктор философских наук Б. Т. Григорьян (глава 3), доктор философских наук Ю. Н. Семенов и кандидат философских наук Э. В. Демьенченко (глава 4), доктор философских наук В. Д. Скаржинская (глава 5).

Научно-организационную работу по подготовке первой книги коллективного труда выполняла группа сотрудников Института философии АН СССР: старший научный сотрудник, кандидат философских наук Н. В. Карабанов (ученый секретарь коллективного труда), старший научный сотрудник, кандидат философских наук Г. А. Давыдова (ученый секретарь первой книги), младшие научные сотрудники Р. М. Ободзинская и Т. С. Лаврова,

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обобщая ход творческого развития марксистской мысли, В. И. Ленин отмечал, что на различных поворотах истории в зависимости от конкретных задач выступают на первый план те или иные стороны марксизма. «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма,— писал В. И. Ленин,— ничего нет удивительного в том, что... различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма... Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне»¹.

Материалистическая диалектика — коренное теоретическое основание марксизма.

В наше время совокупность исторических условий выдвигает в качестве первостепенной задачи разработку диалектики как *общей теории развития*. Непрерывно нарастающие темпы изменений во всех областях человеческой жизни, углубление социальных противоречий в странах капитала, развертывание во всемирном масштабе борьбы за мир, демократию и социализм, огромная созидательная работа в социалистических странах, опирающаяся на живое творчество масс, обуславливают особую теоретическую и идеологическую актуальность проблемы развития. Все отчетливее выявляется всеобщность феномена развития, невозможность игнорировать его при анализе самых различных сфер природной и социальной реальности. Идея развития приобретает поистине ключевое значение в духовном освоении и творческом преобразовании мира.

Сегодняшняя живая история действительно ставит задачу не только теоретического, но и практического овладения процессами развития в природе и обществе в целях сознательно-планового управления этими процессами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 128.

Не удивителен поэтому рост потребности во всестороннем и адекватном *философском* осмыслении проблемы развития. Широкое и активизирующееся внимание к ней — существенная черта современного научного и общественного климата, отличающегося рядом характерных особенностей.

Первая из этих особенностей — повышение интереса к собственно диалектическому содержанию, *специфически диалектическим* характеристикам развития, явно обозначившийся отход от механистической односторонности в исследовании и интерпретации источников и детерминант процессов развития, что существенно укрепляет материалистические позиции в их понимании, поскольку механистическая ограниченность была и остается одним из гносеологических корней идеалистических концепций развития. Конечно, механистические подходы еще имеют место. Они даже порождаются в новых и утонченных формах самим ходом современного научного прогресса в качестве его «побочного продукта», связанного с односторонними трактовками математических и физических методов, которые все шире проникают в самые различные области познания. Такими нежелательными продуктами выступают, например, редукционизм в биологии и кибернетике, поскольку он не учитывает качественного различия уровней развития материи, или абсолютизация узко-структурных и аналитических методов за счет педооценки историко-генетических и т. п.

Однако в наше время такие подходы не так влиятельны, во всяком случае, они не задают того тона, какой задавали, например, в начале XX в., о чем писал В. И. Ленин, отмечая поверхностность «ходячей идеи эволюции».

Наиболее существенные и «зримые» аргументы в пользу диалектической концепции развития дает область общественных явлений. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин разрабатывали стратегию и тактику борьбы рабочего класса, определяли его историческую миссию как могильщика капитализма и творца нового общественного строя на основе и в полном соответствии со всеми посылами диалектико-материалистического мировоззрения, опираясь на открытые ими законы исторического процесса. Успехи Коммунистической партии Советского Союза во внутренней и внешней политике — это результат глубокого осмысления диалектики общественного развития, неременного учета конкретных исторических условий, объек-

тивных противоречий процессов, совершающихся в современном мире. «Мы живем,— говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС,— в эпоху коренных социальных перемен, продолжают укрепляться и шириться позиции социализма. Победы национально-освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость. Нарастает классовая борьба трудящихся против гнета монополий, против эксплуататорских порядков. Приобретает все большие масштабы революционно-демократическое, антиимпериалистическое движение. Все это в целом означает развитие всемирного революционного процесса»².

На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев особо подчеркнул роль социалистических стран в поступательном движении истории по пути прогрессивных социальных перемен: «В развитии экономики, культуры, в совершенствовании общественных отношений, социалистической демократии — буквально во всех областях мировой социализм уверенно идет вперед»³.

Механистически-эволюционистские и субъективистские концепции не выдерживают «очной ставки» с реальным содержанием современной эпохи, переживающей одновременно и невиданную научно-техническую революцию, и несомненный переход к принципиально новому этапу социального развития — этапу, который даже буржуазное сознание пытается осмыслить в категориях «решительного поворота», «тотального разрыва», спонтанного скачка в «радикально новое» качество жизни и т. п.

Всемирная история — поистине «пробный камень диалектики». Диалектика все более признается, говоря словами Ф. Энгельса, «единственным, в высшей инстанции, методом» такого исторического сознания, которое смело идет навстречу жизни, не отворачивается от объективных тенденций и действительных задач истории, но полностью открыто ее восходящему движению и гуманистической перспективе. Современная наука и практика, сама жизнь, движимая противоречиями, складываясь из сложнейших переплетений разнонаправленных процессов, кризисных и революционных ситуаций, шагов вперед и «возвратов» назад, постепенности и скачков, уже не оставляет сомнений в том, что развитие «не есть простой, всеобщий и

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 27.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

вечный *рост, увеличение* (respective уменьшение) etc.»⁴, что «диалектический метод не является формальной схемой, навязанной природе и обществу извне»⁵, что, напротив, и в природе и в обществе «все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически»⁶.

Действительная история в многообразии своих реальных проявлений, развитие науки во всех ее подразделениях подводят все более прочную базу под диалектико-материалистическую концепцию развития, под ее основные принципы, одновременно доставляя новый конкретный материал для ее творческого обогащения и углубления. Плоско-эволюционистские концепции, сводящие развитие к процессам постепенных количественных изменений и в сущности полностью обходящие *главное* в развитии — единство и борьбу противоположностей как источник глубоких качественных превращений, вступают в противоречие с современным уровнем познания социальных и природных процессов, а также с ходом самого научного прогресса, осуществляющегося через скачки, революции, крутые ломки устоявшихся представлений и развертывающего сложнейшую диалектику отрицания и сохранения, старого и нового, непрерывного и прерывного.

Во второй половине XIX в. Ф. Энгельс, анализируя и обобщая достижения современных ему естественных наук с точки зрения адекватной им философской методологии (в направлении к которой они более или менее стихийно шли, одновременно и требуя ее и подтверждая), считал диалектику методом мышления, наиболее соответствующим потребностям теоретически развитого естествознания, восходящего к познанию всеобщей связи явлений как связи развития.

Научная обоснованность и проницательность философского вывода Ф. Энгельса выдержали испытание временем. Современные науки — как общественные, так и естественные (включая и науки о неживой природе) — предоставляют обширный материал, позволяющий исследователю раскрывать единство самых, казалось бы, разнородных явлений, объективность и всеобщность развития как процесса, развертывающегося под действием внутрен-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

⁵ Бернал Д. Д. Ленин и наука. — В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969, с. 29.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 22.

них противоречий, богатство диалектических связей в природном и человеческом мире. Уже имеются основания говорить о таких результатах, которые открывают возможность более глубокого понимания взаимосвязи процессов органической и неорганической природы, охватывающих бесконечное качественное разнообразие форм материи⁷. В различных областях научного познания (от генетики до экологии и от квантовой теории до космологии) множатся убедительные доказательства диалектического тезиса о вечности развития⁸, о его абсолютности, т. е. подводится все более широкий научный фундамент под материалистическую идею атрибутивности развития. Все очевиднее становится ныне несостоятельность понимания развития как процесса, присущего лишь некоторым уровням и сферам реальности.

Вопросы диалектики, выработка адекватных средств теоретического воспроизведения процессов развития оказываются в поле зрения представителей самых различных подразделений наук. Ставятся и обсуждаются эти вопросы в связи с разработкой новейших стратегий научного поиска и определения наиболее перспективных направлений развития научной мысли. Современная наука во всех своих ответвлениях диалектизируется, проникаясь — и на уровне общеметодологических предпосылок, и в самой живой ткани специальных исследований — *диалектической* идеей развития, которая, в свою очередь, насыщается и оплодотворяется результатами научного познания.

Вторая особенность современного подхода к развитию, тесно связанная с первой и вытекающая из нее, состоит в том, что принцип развития привлекает к себе внимание не

⁷ Современная физика обнаруживает существование всеобщего взаимодействия, играющего, по словам М. А. Маркова, фундаментальную роль «в установлении взаимных связей единичного и общего». И хотя конкретная форма единства отдельного и общего еще не установлена, «важно, что понимание существования такого единства уже возникло. „Все“ в природе связано со „Все́м“. И это физически дает бесконечное число разнообразных связей, ведущих к богатству свойств единичного объекта. Можно думать, что со временем возникнет понимание единства элементарной частицы и Вселенной, ультрабольшого и ультрамалого. Будет ли это единство раскрыто в теории, подобной теории фридмонов, или на каком-то другом пути, но сама тенденция соответствует духу материалистической диалектики» (Марков М. А. О природе материи. М., 1976, с. 146).

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

в качестве второстепенного элемента в общей картине мира, но как *центральный принцип миропонимания*, имеющий фундаментальное научно-философское значение.

Идея исторического развития внедряется во все области научного познания (включая традиционно «неисторические»), революционизируя их содержание и методы. Математика и математическая логика в лице своих новейших отраслей разрабатывают свои специфические средства для отображения процесса развития (создаются, например, специальные исчисления для описания процессов движения и изменения). Эволюционный подход к явлениям проникает в физику и химию, поскольку все более конкретно ставится вопрос об эволюции элементарных частиц и химических элементов. Принцип развития признается краеугольным камнем методологии современных астрофизических исследований. Современная эволюционная генетика, ставящая перед собой задачу изучения закономерностей процессов эволюции, рассматривает свой предмет в соответствии с диалектико-материалистической концепцией связей в развитии, которые синтезируют в себе случайность и необходимость, изменчивость и преемственность, направленность и дивергентность.

Сейчас, пожалуй, трудно было бы назвать сколько-нибудь фундаментальную проблему, которая не имела бы генетически-исторического аспекта. К принципу развития не безразличны и такие, выражающие своеобразие «научного духа эпохи» методы, как системно-структурный, кибернетический, информационный: они так или иначе втягиваются в проблематику развития и втягивают ее в себя.

С ассимиляцией идеи развития связаны, таким образом, наиболее существенные преобразования в современном научном мышлении.

Необходимость серьезного осмысления теоретического аппарата современного естествознания с точки зрения проблемы исследования процессов развития в живой и неживой природе сегодня признают многие исследователи и в нашей стране и за рубежом. По мнению видных советских ученых Я. Б. Зельдовича и И. Д. Новикова, казавшаяся привлекательной еще в начале нашего века картина статической Вселенной с современной точки зрения выглядит как нечто принципиально неправильное уже по той причине, что сегодня «мы видим эволюцию везде. Там, где раньше видели только покой или вращение по

стационарным орбитам, мы теперь видим картину эволюции»⁹.

Интенсивное исследование особенных, специфических процессов развития в различных областях действительности стимулирует глубокий интерес к уяснению всеобщности феномена развития и выявлению мировоззренческих и методологических функций принципа развития в решении задачи синтеза научных знаний. Движение вширь — к охвату конкретного многообразия явлений развития — сочетается (и в этом также выражается диалектика познавательного процесса) с движением к единству, к общему пониманию развития как процесса, позволяющего диалектико-материалистически осмыслить глубинные связи мировых явлений в их внутренней противоречивости, взаимных переходах и объективном единстве.

Своеобразным проявлением синтезирующей тенденции, опирающейся на принцип развития, является заметное в наше время сближение наук о природе с науками о человеке, осознание (порой в форме весьма оригинальных и необычных идей) того, что не только познание природы необходимо для эффективного познания человека, но и, наоборот, познание человека необходимо для более глубокого познания природы, космоса. В направлении именно такой тенденции мощно действует научно-техническая революция, стимулирующая единство естественных, технических и общественных наук как своими позитивными результатами, так и теми противоречиями, которые неизбежно возникают в ходе ее разворачивания, принимая осо-

⁹ Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Проблемы релятивистской космологии. — В кн.: *Философские проблемы астрономии XX века*. М., 1976, с. 86. Здесь и в следующей цитате термин «эволюция» использован в широком смысле, как синоним термина «развитие». Лауреат Нобелевской премии И. Пригожин и его сотрудник Г. Николис в одной из своих недавно опубликованных книг пишут: «В последнее время был открыт ряд новых свойств, относящихся к самому характеру физического мира. Классическая физика подчеркивает устойчивость, постоянство окружающего нас мира. Сегодня очевидно, что это справедливо лишь в некоторых довольно редких случаях. В самом деле, мы повсюду сталкиваемся с эволюционными процессами, приводящими к возрастанию разнообразия и сложности» (Николис Г., Пригожин И. *Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации*. М., 1979, с. 9). Методологическая роль идеи развития в научном познании процессов в неживой и живой природе специально рассматривается в книге «Методология исследования развития сложных систем» (Л., 1979).

бо острый (антагонистический) характер в условиях буржуазного общества¹⁰.

Реальная угроза «экологического кризиса» в наши дни с большой силой и наглядностью показывает, в какой узел связаны *развитие человечества с развитием природы и развитие природы с развитием человечества*.

В философской литературе научно-техническая революция иногда соотносится преимущественно со стремительным ростом естественно-научного познания, который рассматривается в качестве чуть ли не ее основного результата и показателя. Конечно, такая каузальная связь существует, и ее легко выявить. Однако научно-техническая революция прежде всего с небывалой остротой выдвигает вопросы о *связи природы и общественной истории*¹¹, теснейшей зависимости как человека от природы, так и природы от воздействующего на нее человека, а отсюда об опасностях, которые таятся в односторонне утилитаристском, техницистском отношении к природе,— ставит вопрос о том, что разрешение антагонистического противоречия между человеком и природой неотделимо от коренных социальных преобразований. Именно в этом смысле, а не только в познавательном, научно-техническая революция оказывает наибольшее воздействие на развитие общества. Не менее остро и на новом уровне поднимаются в условиях научно-технической революции давние вопросы: что дает познание природы и развитие техники человеку, в каком реальном соотношении нахо-

¹⁰ Прогрессивный американский философ Г. Парсонс пишет, «что громадные достижения человека сосуществуют с голодом, болезнями, нищетой, характеризующими существование половины или даже двух третей всего человечества, с угрозой ядерного, химического и бактериологического уничтожения жизни на нашей планете... Элита, стоящая на верхушке классовой структуры... капиталистического общества, использует знания для контроля над основными экономическими процессами и идеями людей... Наука развивается в условиях классово-эксплуататорского общества применительно главным образом к нуждам совершенствования и наращивания военного потенциала» (*Парсонс Г. Умственная деятельность человека как материальная сила.*— В кн.: Современная прогрессивная философская и социологическая мысль в США. М., 1977, с. 200—204).

¹¹ В частности, эту связь в широком теоретическом и практическом, научном и гуманистическом аспектах раскрывал и исследовал В. И. Вернадский. См.: *Вернадский В. И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление.* М., 1977, кн. 2, с. 91, 109.

дится научно-технический прогресс с общим прогрессом человечества?

Постановка и решение таких вопросов ведет к естественной интеграции наук о природе и человеке, к их все более глубокому взаимоопосредствованию, предполагающему прежде всего разработку четких единых философско-мировоззренческих оснований.

На XVI Всемирном философском конгрессе (1978 г.) мировоззренческие проблемы оказались в центре острых дискуссий. Многие участники конгресса, и прежде всего советские ученые, активно доказывали необходимость глубокого философско-мировоззренческого обоснования всех областей научного знания, неразрывность науки и мировоззрения, науки и философской методологии. Должно подчеркнуть, что выработка единых философских оснований науки не может опираться только на законы природы, какими бы фундаментальными сами по себе они ни были. Человеческий исторический процесс, конечно, «вписывается» в первичные по отношению к нему законы неживой и живой природы, но он привносит в мир нечто новое, качественно своеобразное. Сложность проблемы состоит в том, что в ее решении необходимо удерживать как различие, так и единство природного и человеческого, не сводя одно к другому и не впадая в дуализм.

К. Маркс в свое время писал о создании в будущем единой науки, которая преодолет социально обусловленный разрыв природы и человека, нашедший свое идеологическое отражение в метафизическом противопоставлении природы и истории (т. е. в рассмотрении природы вне связи с общественной историей, а общественной истории — вне связи с природой). В противовес такой позиции К. Маркс обосновывал объективную генетическую и общественно-практическую связь человеческой истории и истории природы, образующих в своем взаимодействии единый процесс развития материального мира. «Впоследствии, — писал К. Маркс, — естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*»¹².

Разумеется, смысл Марксовой идеи единой науки состоит отнюдь не в отрицании содержательных различий между науками, обусловленных спецификой их предмет-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 124.

ных областей. *Единая наука не значит единственная наука.* Интеграция наук является ведущей тенденцией развития современного знания. Но в процессе открытия все новых и новых связей между разными уровнями и формами развития материи все более выявляется и их специфичность. Растет поэтому не только интеграция наук, но одновременно и их дифференциация, обе эти тенденции диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Можно сбиться на неправильный путь, если трактовать идею К. Маркса о тенденции развития познания «к одной науке» в абстрактно-онтологическом плане, как простую вариацию древней идеи единства микрокосма и макрокосма. Включая в себя известный рациональный момент древнего натурфилософского принципа — утверждение субстанциального единства мира, субстанциальной общности природы и человека, идея К. Маркса несет принципиально новое научное и историко-гуманистическое содержание. Ее смысл состоит в предвосхищении такой формы единства человека с природой, которая будет опираться на развитое познание как общества, так и природы и отразит исторически высшую форму их общественно-практического единства. Естествознание придет к осознанию себя исторической наукой, формой «человеческого богатства», органом развития человеческой универсальности, став действительно таким органом только на основе коммунистических общественных преобразований.

Идею философско-методологического единства естественных и общественных наук, реализуемого диалектико-материалистическим принципом развития, отстаивал и конкретизировал в своих работах В. И. Ленин.

Касаясь, в частности, взаимовлияния естествознания и политической экономии, В. И. Ленин приводил в качестве примера разработку идеи *естественного закона развития*, без которой невозможно ни научное естествознание, ни научное обществоведение. «Именно „ток от естествознания к обществоведению“, — пишет он, — подкреплял, подкрепляет и делает неизбежной эту идею. Именно „материалистический историзм“ окончательно обосновал эту идею, очистив ее от метафизических (в марксистском значении этого термина, т. е. антидиалектических) нелепостей и недостатков»¹³. «Могущественный ток к обществоведению от естествознания», имевший место и в про-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 42.

шлые исторические эпохи,— замечает В. И. Ленин,— «не менее, если не более, могущественным остался и для XX века»¹⁴.

В наше время ток от естествознания к общественному действительно стал могущественным, вступив во взаимодействие с не менее могущественным током от общественнознания к естествознанию.

Каковы же в общих чертах характерные проявления указанного процесса? С одной стороны, растущая тяга науки к самосознанию — не только в смысле сознательного использования арсенала научно-теоретических средств, методологического инструментария, но и в плане осмысления ею своего социально-исторического статуса, своей общественно-практической обусловленности и закономерностей своего развития в широком контексте общественных, культурно-исторических связей. А с другой — кризис позитивистского мировоззренческого индифферентизма и сциентистского натурализма, повсеместный отход от позитивистских схем и программ, обнаруживающих свое явное несоответствие тенденциям, запросам современного научного и общественного развития.

«Стыковка» естественных, общественных и технических наук, проявляющаяся, в частности, в развитии междисциплинарных исследований, в свою очередь, дает интегративному движению новые стимулы, раскрывает новые возможности научного познания.

Мощные потоки самой разнообразной, налагающейся друг на друга научной информации, быстрый рост удельного веса теоретических обобщений рождают острую потребность в исходных ориентирах, в содержательных принципах упорядочения, единого подхода, в новых уровнях обобщения уже сложившихся научных теорий с точки зрения их единства, неожиданно открывающихся взаимосвязей и взаимопереходов, в интегральных идеях философско-методологического характера. Иначе говоря, рождают потребность в таком целостном миропонимании, которое не сводимо к попыткам «объединять» науки путем расширительного толкования и некритического переноса понятий и законов из одних наук в другие, к попыткам стирания специфики научных областей, конструирования неких универсальных моделей, опирающихся на поверхностные аналогии.

¹⁴ Там же, с. 41.

Перед лицом неоспоримых успехов научного знания и социальной практики все более растет убежденность в том, что материальное единство мира, взятого в его *саморазвитии*, в его неисчерпаемом многообразии и противоречивости, может быть наиболее рационально осмыслено только на основе диалектико-материалистической концепции развития, признающей всеобщность развития, в котором необратимость изменений во Вселенной ведет к бесконечному воспроизведению и возникновению конкретных, разнообразно направленных процессов развития.

Реализация действительного мировоззренческого синтеза, предвосхищенного Марксовой идеей единой науки, не может быть делом одних только (самих по себе) конкретно-специальных наук, результатом лишь их собственных усилий, хотя роль и значение их не могут быть поставлены под сомнение. Важнейшим фактором здесь выступает также разработка *философской теории*. Существенно, однако, подчеркнуть, что и сам процесс развития специально-научного познания, — так сказать, «из себя» — рождает тенденцию, нацеленную на указанный синтез.

Марксова идея единой науки, отражающей в конечном счете закономерное единство развития материи, соответствует *стратегической* линии научного прогресса, необходимым условием которого становится преодоление существующего в буржуазном обществе социального отчуждения науки от человека, реальное утверждение наукой своей истинной роли, гуманистическо-созидательной функции в историческом развитии человечества¹⁵. Весьма знаменательна сама «встреча» философского предвидения, демонстрирующего содержательную глубину принципов

¹⁵ В своей недавно переведенной на русский язык книге «Генетические основы эволюции» Р. Левонтин — американский биолог-эволюционист — указывает, что в ней, помимо изложения специальной научной информации, он «попытался показать взаимопропикновение идей в гуманитарных и естественных науках и проиллюстрировать влияние общественных и экономических факторов на общее направление развития науки и на ее теоретические основы. Это обстоятельство... — отмечает он, — озадачило и даже встревожило некоторых моих рецензентов в Америке, которые считают, что такие вопросы не имеют никакого отношения к научной работе. Я надеюсь, что моим коллегам в Советском Союзе эти идеи покажутся более приемлемыми и они согласятся со мной, что наука — это форма общественной деятельности, неразрывно связанная с общим процессом исторического развития, частью которого она и является» (Левонтин Р. Генетические основы эволюции. М., 1978, с. 11).

диалектико-материалистического миропонимания, и рождаемой в «недрах» специально-научного познания мировоззренческой ориентации. Современная наука, в своих прогрессивных направлениях и тенденциях, идет на все более глубокий союз с подлинно научной философией, развертывающей на основе принципа развития последовательно монистическое понимание природы и человека.

Именно такой философией и является диалектический материализм, материалистическая диалектика — «правильное отражение вечного развития мира»¹⁶.

В начале нынешнего века В. И. Ленин говорил о физике, что она «рожает диалектический материализм». То же самое с немелким основанием можно сказать о современной науке в целом — в том смысле, что своими достижениями и трудностями, новыми идеями и новыми проблемами она развертывает картину *всеобщности* развития и выдвигает задачу его дальнейшего философского диалектико-материалистического осмысления. Борьба за диалектику, за ее творческое обогащение — это по существу борьба за науку, за подлинно научные принципы познания мира.

Обращение к теории развития в ее диалектико-материалистической трактовке является симптомом глубокой (получающей импульсы из самых различных сфер человеческой деятельности) общественной потребности в таком миропонимании, которое, синтезируя в себе исторический опыт человечества, обращено не только к прошлому, но и к будущему.

Третий момент, характеризующий современную постановку проблемы развития, связан с тем, что ее философское осмысление осуществляется не в вакууме абстрактно-теоретического интереса, а в атмосфере идеологической борьбы в условиях сосуществования стран с различным социально-политическим строем.

Все формы современного духовного производства, все его процессы и продукты движутся в рамках противоборства буржуазной и социалистической идеологий, несут на себе его печать, тяготея (непосредственно или опосредствованно) к одному из противоположных полюсов в объективной расстановке борющихся сил. Наука, разумеется, не составляет исключения: фронт идейного противоборст-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

ва проходит и через нее, через ее теории, поиски, методы и проблемы. Чем сложнее в теоретическом отношении научная проблема (чем более высокие уровни философских обобщений включаются в ее постановку и решение) и чем она социально актуальнее, тем ближе она оказывается к переднему краю идейной борьбы и глубже пронизывается классово-партийными детерминантами. Сказанное непосредственно относится к проблеме развития. Благодаря своей живой причастности к широкому кругу вопросов, относящихся к важнейшим сторонам современного общественного процесса в самых разнообразных его проявлениях, а также в силу обретаемой ею в научном познании фундаментальной роли она с необходимостью вовлекается в водоворот идейной борьбы, в значительной мере определяющей и ее напряженность, и способы ее постановки.

Как будет показано в соответствующих главах настоящей коллективной монографии, острота борьбы вокруг концепций развития, связанная прежде всего с их мировоззренческим содержанием, подтверждает идеологическую «ангажированность» таких концепций, несущих в себе явно или неявно определенную социальную ориентацию.

Когда во всемирном масштабе прокладываются радикально новые пути человеческого прогресса, «абстрактные» вопросы о сущности и критериях развития, о его источниках и механизмах, о разнообразии и единстве его форм, о соотношении в нем случайного и необходимого, стихийного и сознательного, возможного и действительного, старого и нового, постепенности и скачков и т. п. приобретают конкретную *практическую* актуальность и *политическое* звучание.

— Охватывают процессы развития все области и уровни действительности или только некоторые?

— Существует всеобщий критерий развития или критерии различны для разных сфер и уровней действительности?

— Является развитие принципиально непредвидимым, рационально непознаваемым процессом или же оно есть процесс объективно закономерный, поддающийся научному познанию и предвидению?

— Совершается оно всегда как не подвластный людям ход событий или возможно его планомерное, целенаправленное осуществление в соответствии с человеческими планами и идеалами?

— Какова роль в развитии количественных изменений и качественных скачков? Как определять его импульсы и движущие силы, его реальные возможности и перспективы? Что такое повое: как оно возникает и как соотносится с предшествующим, каковы его критерии?

Таковы лишь некоторые вопросы, которые имеют прямой или косвенный выход в мир насущных социально-исторических проблем и задач.

Дело в том, что способ *теоретического* понимания развития оказывается неразрывно сопряженным со способом *практического* действия. Вопрос — как понимать? — встает вопросом — как действовать? Именно здесь коренится действительная причина, с одной стороны, непрерывно растущего влияния материалистической диалектики как научно-философской теории развития, способной давать, по словам К. Маркса, «истинный лозунг борьбы», а с другой — не ослабевающих атак на нее со стороны наших идейных противников, использующих старые и изобретающих новые приемы извращения ее теоретического содержания и выхолащивания ее революционной сущности.

Под воздействием объективных факторов многие ученые (социологи, историки) на Западе вынуждены сейчас в той или иной форме признавать роль противоречий и конфликтов в развитии общества. Но в силу своей узкоклассовой позиции они весьма далеки от научного понимания объективной специфической закономерности общественного развития, неизбежности и перспектив классовой борьбы в условиях капиталистического строя¹⁷. В их концепциях проблема классовых конфликтов растворяется в рассуждениях о конфликте поколений, культур, рас, наций, религий, власти, референтных групп, институтов и т. д. Само развитие ставится в принципе под сомнение. Многие буржуазные социологи утверждают, что XX век — это век социального регресса.

Обоснование диалектического взаимопроникновения и революционного пути развития особенно важно в сфере общественно-политического мышления. Подход, раскрывающий конкретно-историческое единство эволюционных и революционных изменений, позволяет убедительно опровергать как реформистско-оппортунистические концепции буржуазных и праворевизионистских идеологов, ак-

¹⁷ См. интересное исследование «Социология и современность» (М., 1977), а также раздел IV настоящей книги.

Центрирующих внимание на постепенности социальных изменений (чтобы уйти от вопроса о необходимости радикальных и революционных социальных преобразований), так и субъективистско-волюнтаристские концепции анархистского и маоистского типа, абсолютизирующие скачкообразные переходы, проповедующие возможность произвольно перекраивать историю, не опираясь на научное понимание и учет объективных законов общественного развития.

Вот почему в ситуации, складывающейся в мире науки и в социальной жизни, позиция мировоззренческой и идеологической нейтральности в разработке теории развития может быть свидетельством либо крайней философской наивности, либо сознательной мистификации.

Установка на возможность построения свободной от каких-либо идеологических интерпретаций «чисто научной» теории развития есть в сущности выражение позитивистской иллюзии. Никакая *философская* концепция развития, какой бы абстрактной она ни являлась, не может сводиться к «беспредпосылочному» вычленению и описанию признаков (черт, характеристик, зависимостей, механизмов), общих различным процессам развития, или к нахождению таких их инвариантов, которые можно более или менее единообразно отразить средствами формальных моделей и математического описания. Ставя вопросы о всеобщности или локальности развития, о его носителе и субъекте, о его внутренних источниках и объективных детерминантах, о соотношении между собой его особенных форм, о его законах, критериях, направленности, наконец, об адекватных средствах его познания, — невозможно избежать соотнесения развития с определенными принципами, образующими мировоззренческую «систему отсчета», которая и определяет угол зрения на развитие, способ его общего видения, характер его толкования.

Идеологический подтекст явно или неявно, но неизбежно присутствует в концепциях развития, пронизывает и обуславливает его сознательно или бессознательно принимаемыми мировоззренческими ориентирами¹⁸.

¹⁸ В современной буржуазной философии и социологии, как известно, существует тенденция противопоставления мировоззрения — идеологии, претензия на создание мировоззрения, полностью свободного от идеологической «односторонности». В действительности в классовом обществе не может быть мировоззрения, идеологически нейтрального.

Для философов-марксистов вопрос в данном случае состоит не в том, существуют ли такие ориентиры и нужны ли они (они, несомненно, существуют и без них не обходятся), а в том, *каковы* эти ориентиры, каковы те реальные социальные силы, позиция которых этими мировоззренческими элементами отражается. Стремление отвлечься от мировоззренческого, а следовательно, и идеологического аспектов в построении общей теории развития означает в сущности попытку, так сказать, «очистить теорию», — но не от мировоззрения вообще, а именно от научно-целостного мировоззрения. Ведь в том или ином виде мировоззренческие элементы в теории остаются, но чаще всего в форме некритически, поверхностно усвоенных обрывков разнородных философских знаний, полуинтуитивных допущений и предположений. Желание стать «выше» идеологий, выражаемое представителями самых различных течений современной буржуазной философской мысли, по своему объективному смыслу, какими бы благими намерениями оно ни сопровождалось, есть форма самомистификации буржуазного сознания, прикрывающая его несовместимость с последовательной научностью.

В общем и целом история «работает» на диалектику, на научно-философскую теорию развития. В этом выражается *ведущая* тенденция научного и общественного развития, но существуют реальные силы и процессы, которые активно противодействуют ей, заслоняют и искажают ее. Рост интереса к Марксовой диалектике сопровождается и ростом нападок на нее, ростом фальсификаций и подделок. Научной диалектике противопоставляются различные варианты более «критичных», более «революционных», более «человечных» и даже будто бы более «научных» диалектик: «теологическая» (П. Барт, П. Тиллих) и «негативная» (Т. Адорно, Г. Маркузе), «онтологическая» (Х. Ромбах) и «диалектика комплементарностей» (Ф. Гонсет), «структуральная» (Л. Гольдман) и «трагическая диалектика» (Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер). Как правило, все они признают только диалектику сознания, к тому же толкуя ее в извращенном, субъективистско-идеалистическом духе.

Борьба идей — это весьма сложный и внутренне противоречивый процесс, и было бы, конечно, упрощением (именно с точки зрения диалектического требования конкретности и всесторонности рассмотрения) выводить чуждые материалистической диалектике концепции *только* из

сознательных антимарксистских установок, *только* из прямого действия классового интереса. В конечном счете классовый фактор является решающим, но, кроме того, действуют и другие составляющие, не учитывать которые мы не можем.

Прежде всего, сама объективная диалектика процессов развития в природе и обществе не является чем-то таким, что, так сказать, лежит на поверхности вещей и для познания чего достаточно лишь открытого и непредубежденного взгляда. Напротив, она выражает глубокие и существенные зависимости, к которым надо «пробиваться» через не совпадающие с ними и скрывающие их формы проявления. Действительные трудности познания объективной диалектики процессов развития являются одной из реальных причин «соскальзывания» теоретической мысли в односторонность и метафизику (в смысле антидиалектики). Что же касается собственно классовых детерминант мышления, то и они чаще всего действуют опосредствованно через господствующие в обществе традиционные мировоззренческие установки и постулаты, абстрактная форма которых маскирует (нередко и для самого ученого) их идеологически-партийный характер.

Однако и отмеченные моменты не снимают и не могут снять поляризации философского сознания, идеологического размежевания.

Буржуазные и вообще немарксистские концепции диалектики остаются по ту сторону принципов, которые образуют мировоззренческий каркас материалистической диалектики: принципов первичности материи, материального единства мира, детерминизма, отражения, а следовательно, и по ту сторону принципа развития, опирающегося на признание «противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)»¹⁹. Отсюда отрицание диалектики природы, противопоставление диалектики детерминизму, исключение из диалектики принципа отражения.

Но, лишенная опоры на указанные принципы, диалектика неизбежно теряет такие фундаментальные характеристики, как объективность и всеобщность, субъективизируется и сводится исключительно к диалектике мышления, как такового, к диалектике сознания — вообще

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

духовной активности, которая и становится тем самым ее единственным «полем действия».

Вместе с такой традиционной *идеалистической* и субъективистской трансформацией диалектика в немарксистских концепциях претерпевает не менее традиционную *метафизическую* трансформацию, выражающуюся в абстрактно-одностороннем, абсолютном противопоставлении тех противоположностей, из живого взаимодействия которых складывается реальное содержание диалектического развития. В немарксистских концепциях метафизически противопоставляются утверждение и отрицание, единство и борьба, старое и новое, постепенности и скачки, общее и единичное, закономерность и свобода, объективное и субъективное, внешнее и внутреннее и т. п.

Все различия между такими концепциями диалектики — это различия внутри «одной сущности», одного исторического типа идеологии. Только с одной философской концепцией они находятся в отношении существенной противоположности — с материалистической диалектикой.

По существу в одном русле с буржуазными подходами к диалектике «развиваются» ревизионистские взгляды, проповедники которых либо игнорируют марксистскую диалектику, либо атакуют ее, так сказать, не «со стороны», а «изнутри», под флагом возврата к ее «истинному смыслу». Ревизионизм различных толков отрицает сущность марксистской диалектики под видом ее мнимой защиты. Огонь критики направляется против «натуралистической» (т. е. признающей объективную диалектику материального мира) или «сциентистской» (т. е. разрабатывающей последовательно научное миропонимание) диалектики. Настойчиво проводится тезис, будто диалектика как учение о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления несовместима с гуманизмом, с признанием способности человека к самоопределению. Такое толкование неизбежно заводит в тупик ложной дилеммы: или диалектика есть учение о всеобщих законах развития материи — и тогда в ней будто бы нет места человеку-творцу; или она раскрывает специфику человеческой позиции — и тогда в ней нет-де места независимой от человека реальности²⁰.

²⁰ Именно такого рода взгляды вполне откровенно оформились на страницах загребского журнала «Praxis» (хотя формально он перестал издаваться в 1973 г., «идеи» его продолжают существовать). Журнал этот, в котором активно сотрудничали А. Лефевр,

Итак, под предлогом восстановления и защиты якобы созданной К. Марксом «антропологической диалектики» осуществляется отрыв диалектики от материалистического детерминизма, от принципов материального единства и развития мира, т. е. фактически разрушение того глубокого философского синтеза, который был достигнут соединением материализма с диалектикой.

Особенно характерны нападки на ленинскую теорию отражения, попытки доказать ее «несовместимость» с диалектической концепцией развития. Вообще надо отметить, что ревизионистские концепции (и в этом они опять-таки следуют за буржуазными оценками марксизма), при всех различиях, едины в своем отрицательном отношении к принципу отражения. Диалектика без принципа отражения выглядит для них «удобнее», в таком виде она легче совмещается с различными чуждыми марксизму идеями (фрейдистскими, феноменологическими, экзистенциалистскими и т. п.). Но тем самым из диалектики пытаются исключить принцип, опираясь на который К. Маркс и Ф. Энгельс осуществили материалистическую критику буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и сформулировали основы диалектико-материалистической теории развития.

В настоящее время, если оставить пока в стороне различные «оттенки» и «нюансы», ревизионистская активность в основном направлена на дуалистическое противопоставление научно-познавательного и социально-гуманистического аспектов марксистской философии, абсолютизацию второго за счет отрицания первого.

Нагляднее всего это выражается в так называемых антропологических или антропоцентристских трактовках диалектики. В них материалистический монизм и само понятие материи подменяется «монизмом практики», трактуемой как абсолютно спонтанная активность, благодаря которой природа превращается из «ничто» в некое «нечто». Диалектика в данном случае предстает как своего рода проекция на мир изначально присущего человеку способа деятельности, не имеющей никакой опоры в природе самой по себе, как безусловно свободное полагание предметной определенности мира. Однако такая самостоятельность, провозглашаемая единственной сферой диалекти-

Л. Колаковский, Э. Фишер, П. Враницкий, С. Стоянович, М. Животич и др., усердно выполнял функцию трибуны международного ревизионизма.

ческого процесса, оказывается вне реальной диалектики: субъективистски и идеалистически истолкованная практика превращается в замкнутую в себе реальность, в спекулятивную абстракцию, от которой нет выхода к диалектическому единству связей природного и социального мира, да и к подлинной чувственно-предметной практике реального человека.

Рассмотрение проблемы развития в контексте идеологической борьбы показывает, что объединение интеллектуальных усилий, направленных на ее научно-философское решение, не может быть стихийным процессом. Рождение и нарастание в различных сферах духовной и практической деятельности тенденций, обращенных к диалектико-материалистической трактовке развития, не означает, что можно уповать на историю «саму по себе». История «сама по себе» разворачивается через противоречия и борьбу. И если она объективно диалектична, то это имеет также тот существенный смысл, что она выдвигает — в качестве все более актуальной и важной — задачу борьбы за научную диалектику, активной защиты ее принципиальных основ как необходимого условия ее истинно творческой разработки и применения.

Современная эпоха как переходная от капитализма к социализму ставит проблемы и задачи чрезвычайной сложности и ответственности. Имманентные капиталистическому миру социальные противоречия несут в себе постоянную угрозу разрушительных войн и массовых бедствий.

Жизнь современного человечества характеризуется прежде всего борьбой: борьбой против сил империалистической реакции и агрессии, за условия свободного созидательного труда, за мирное будущее планеты. Сознательная революционно-преобразующая деятельность широких трудящихся масс становится все более мощным фактором исторического развития. «Если будет мир, — подчеркнул Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, — творческая энергия народов, опираясь на достижения науки и техники, наверняка решит те проблемы, которые сейчас волнуют людей. Конечно, тогда перед нашими потомками возникнут новые, еще более высокие задачи. Что ж, такова диалектика прогресса, диалектика жизни»²¹.

Сознательная историческая деятельность — это уже не только познание развития, это — его действительное со-

²¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

вёршение, его субъективная, т. е. опосредствуемая целенаправленной человеческой активностью, реализация: это *развитие как творчество*. В качестве субъектов исторического процесса люди не только познают развитие, но и «вершат» его, активно вторгаясь в ход событий и направляя их в соответствии с целями, отражающими назревшие общественные потребности. *Реальное содержание проблемы развития поэтому не может быть исчерпано ее познавательным (теоретико-методологическим) аспектом. Ее существенной стороной является связь с материально-практической деятельностью людей, с их социально-исторической активностью.* И именно эта сторона выдвигается на первый план всем ходом современного общественного и научного развития.

Основное, в чем концентрируется специфика современной постановки проблемы развития и что определяет в общем и целом другие, отмеченные выше моменты,— и растущий интерес к диалектическому содержанию развития, и стремление осмыслить мировоззренческо-синтезирующую роль идеи развития, и обострение идеологической борьбы вокруг концепций развития — состоит в том, что центром тяжести проблемы все более становится практическое овладение и целенаправленное управление процессами развития в природе и обществе.

История подошла ныне к такому рубежу, когда условием дальнейшего прогресса человечества становится сознательно-планомерное, научно обоснованное управление всем ходом совокупного общественного развития в его органической взаимосвязи с природными условиями человеческого существования.

Переход от стихийной к сознательной, самостоятельной форме исторического движения — веление времени. *Проблема развития, таким образом, все более становится вопросом не только о том, как теоретически воспроизводить развитие, но и о том, как его реально «делать», как практически осуществлять развитие новых форм жизни.* Проблема развития в своем высшем выражении перерастает в проблему опосредствуемого научной диалектикой исторического творчества, которое, в свою очередь, опосредствует развитие научной диалектики. Именно такая — общественно-практическая в масштабах всемирной истории — постановка проблемы развития делает настоятельно необходимым обращение к теории, которая соответствует содержанию выдвигаемых временем задач, безусловно открыта

прогрессивному направлению исторического развития и поэтому утверждает и реализует принципы объективно-научного познания мира. Такой теорией и является материалистическая диалектика.

«Главное состоит в том, что коммунисты, вооруженные учением марксизма-ленинизма, глубже всех и правильнее всех видят суть и перспективу происходящих в мире процессов, делают из этого верные выводы для своей борьбы за интересы рабочего класса, трудящихся своих стран, за демократию, мир и социализм»²².

Оценивая переписку основоположников марксизма, В. И. Ленин подчеркивал: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*»²³. Ныне с особой остротой раскрывается творческий характер материалистической диалектики как философии «исторического оптимизма», ставящей задачи «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»²⁴.

Выше рассмотрены важнейшие особенности современной постановки проблемы развития. Все они с разных сторон «ведут» к материалистической диалектике, объективно требуют ее, выявляют ее огромное значение как наиболее полного философского учения о развитии.

Стимулируемая современным социальным, научным и техническим развитием, потребность в мировоззренческом синтезе, соединяющем различные частнонаучные картины развития (в том числе и общественный исторический процесс) в единую целостную концепцию, с необходимостью ведет научно-исследовательскую мысль к диалектико-материалистическим идеям, к диалектическому методу, позволяющему раскрывать все богатство и глубину объективного содержания диалектического развития.

Противопоставляя идею развития «в той ее формулировке, которую дали К. Маркс и Ф. Энгельс», всякой другой ее формулировке как «односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход

²² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 18.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 264.

²⁴ Там же, т. 26, с. 75.

развития», В. И. Ленин писал: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии;— развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества;— взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения,— таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии»²⁵.

Рост интереса к материалистической диалектике как философской теории развития обусловлен прежде всего тем, что она отвечает назревшим запросам прогресса человечества.

Обращение к марксистско-ленинской диалектике стимулируется не только ее чисто научным, или методологическим, аспектом самим по себе, но и спецификой ее *мировоззренческой* функции. Дело не просто в том, что научная диалектика предоставляет теоретико-методологические средства для построения логически стройной единой картины мира и его развития, но и в том, что ее принципы позволяют осуществить такой мировоззренческий синтез, который способен быть активным духовным орудием реализации прогрессивных возможностей современной истории как возможностей истинно человеческого развития.

И здесь следует подчеркнуть: к такому гуманистически направленному научно-философскому синтезу нельзя прийти только от науки, как таковой, какой бы богатый материал она ни накопила. Более того, к нему невозможно прийти, оставаясь только в рамках чисто теоретического подхода вообще, отвлекаясь от объективных социально-практических основ философского исследования. Проблема такого синтеза принципиально неразрешима в пределах сциентистского, абстрактно-онтологического или односторонне-гносеологического рассмотрения, не учитывающего должным образом конкретно-практическую основу и

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

социально-историческую обусловленность философского и научного познания.

Мировоззренческий горизонт материалистической диалектики, ее философско-теоретическое содержание в конечном счете определяется характером и историческими возможностями коммунистической практики.

Упраздняя социальную почву спекулятивно-метафизических и абстрактно-натуралистических представлений о природе и человеке, преобразование общества на началах социализма становится реальной практической основой исторически высшей формы мировоззрения, нерасторжимо соединяющей в себе объективно-научный и революционно-гуманистический аспекты. В своей социально-исторической определенности материалистическая диалектика предстает как подлинно человеческое постижение мира: миропонимание, выражаемое научной диалектикой, соответствует существенной специфике человеческого отношения к миру как отношения деятельно-преобразующего, революционно-практического.

В. И. Ленин, высоко оценивая данное Ф. Энгельсом определение марксистского учения как «руководства для действия», писал: «В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии»²⁶. Свою функцию руководства к действию диалектика осуществляет посредством своих категорий, законов и принципов, пронизывающих специальные методы, отдельные группы категорий — понятия, законы и методы частных наук, непосредственно обращенных на соответствующие им конкретно-предметные области явлений.

Теоретическое содержание диалектики принципиально неотделимо от ее революционно-исторической основы. Именно открытость революционной перспективе исторического движения находит свое адекватное философско-мировоззренческое выражение в том, что материалистическая диалектика есть «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде,

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 84.

учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи»²⁷.

Диалектика в качестве наиболее глубокого и всестороннего учения о развитии и диалектика как теория революционно-практической деятельности — не две разные диалектики и не две рядоположенные части внутри внешне объединяющей их теории. Это — единая теория, берущая за основу своих построений активную, творческую человеческую позицию (К. Маркс называл ее «практикой на высоте принципов»), которая и позволяет увидеть мир под углом зрения царящей в нем объективной диалектики. Человек именно потому способен открывать, научно познавать развитие как объективную и универсальную характеристику мира, что сам он является субъектом наиболее высокой формы объективного развития — общественной истории, и развитие есть существенная характеристика его собственного жизненного процесса.

В наше время, характеризующееся небывалыми темпами ускорения общественного развития и ставящее перед людьми в качестве жизненного императива задачу овладения историческим процессом, диалектико-материалистическое учение о развитии выступает средством адекватного осмысления назревших фундаментальных потребностей и возможностей человеческой истории. Вместе с тем оно предстает как одно из главных звеньев той совокупности научных знаний, которой должен быть вооружен человек: задачи современной практики требуют формирования научного мировоззрения в массовом масштабе, у каждого человека социалистического общества.

Вот, собственно говоря, чем определяется значение и актуальность разработки материалистической диалектики как общей теории развития, соответствующей и историческому масштабу, и научно-теоретическому содержанию, и социально-гуманистическому смыслу выдвигаемых нашим временем задач.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 43—44.

I. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА — МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

- 1. К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН —
СОЗДАТЕЛИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ**
- 2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
ФУНКЦИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ**
- 3. ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ДИАЛЕКТИКИ,
ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ**

1. К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН — СОЗДАТЕЛИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Важнейшим содержанием революционного переворота, совершенного марксизмом в философии, является создание материалистической диалектики. Конечно, материалисты-диалектики были и до Маркса. Но диалектика в учении этих мыслителей переплеталась с враждебным ей метафизическим мышлением, носила фрагментарный, непоследовательный характер. Лишь марксистская диалектика есть материалистическая диалектика в полном объеме этого понятия — наука, предполагающая не только материалистическое понимание природы, но и материалистическое понимание социальной реальности.

Материалистическая диалектика — теоретический итог истории познания. Чтобы понять значение марксистской материалистической диалектики как одного из важнейших теоретических результатов интеллектуального прогресса, необходимо, хотя бы вкратце, представить себе, какое место занимает диалектика в интеллектуальной истории человечества.

Ф. Энгельс как-то заметил, что люди мыслили диалектически и тогда, когда у них еще не было ни малейшего представления о диалектике. Это следует понимать в том смысле, что познание, как и все другие процессы, подчиняется диалектическим закономерностям, из чего, однако, не следует, что люди в своем мышлении всегда сознательно руководствуются принципами диалектики. История познания, напротив, указывает на то, что вопреки объективной диалектике этого процесса люди на протяжении большей части своей истории придерживались принципов антидиалектического (метафизического) мышления.

Антиномия метафизики и диалектики нередко обретала в истории философии весьма драматическое выражение. Платон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Руссо, Гегель являются блестящими представителями диалектики, между тем как их системы (если иметь в виду основное содержание) носят метафизический характер. В этой связи понятно известное положение Маркса о противоречии, характе-

ризирующем отношении между объективным содержанием многих философских учений и субъективной формой их выражения¹. Диалектика объективно выявляется уже в повседневном мышлении людей, которые вовсе не знают диалектики. Не случайно поэтому, что первые диалектические обобщения, сделанные древнегреческими материалистами, основывались на непосредственно наблюдаемых фактах.

Но диалектика предполагает и анализ понятий, без которого невозможно теоретическое мышление. И снова античная философия дает нам замечательнейшие образцы того, как даже метафизически ориентированное мышление выявляет реальные противоречия действительности посредством анализа ее отражения в понятиях. Знаменитые апории Зенона Элейского, несмотря на метафизические выводы, представляют собой диалектический анализ противоречий движения, пространства, времени.

Теоретическое мышление исторически развивается по мере того, как человечество изменяет окружающую природу и свои общественные и производственные отношения, в зависимости от масштабов, глубины, основательности этих преобразований. Капиталистический способ производства означал в этом отношении громадный прогресс, покончивший с характерной для предшествующих формаций застойностью и тем самым наглядно выявивший не только развитие общества, но и постоянное ускорение этого процесса.

Развитие естествознания, стимулируемое прогрессом производительных сил, означало развитие новой, враждебной теологии методологической установки: объяснение природы из нее самой. Механистическое мировоззрение, созданное передовыми естествоиспытателями и философами XVII в., при всей своей ограниченности, заключало в себе гносеологическую программу естественного объяснения природных процессов. В рамках этой программы возникло и нашло свое первоначальное обоснование положение о самодвижении материи, которое даже в форме, данной ему в ту эпоху, представляло собой, по существу, диалектический принцип.

Сначала философы, затем естествоиспытатели сформулировали принцип единства материи и движения, согласно которому покой есть частный случай движения мате-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 457.

рии². С этим принципом в научный обиход вошла идея универсальности движения. Космогония Декарта была первым, систематически разработанным космологическим вариантом теории развития. Это еще не диалектическая концепция развития, но она исторически и логически предшествует последней. Спинозовское понятие субстанции как самопричины (*causa sui*) вплотную подводит к диалектическому пониманию самодвижения материи. Его замечательный афоризм — *determinatio est negatio* — по существу предвосхищает диалектическое положение о конкретности истины.

Идеалист Лейбниц, теологически истолковавший идею единства мира, обосновывал в конечном счете, как подчеркивал В. И. Ленин, основополагающий принцип диалектики. «Лейбниц через теологию подходил к принципу неразрывной (и универсальной, абсолютной) связи материи и движения»³.

Разумеется, нет никакой случайности в том, что в естественно-научном и философском мышлении этой эпохи получают известное развитие диалектические догадки, идеи, обобщения. Как уже говорилось, познанию объективно присуща диалектика, вследствие чего метафизическое мышление неизбежно вступает в конфликт с внутренней природой познания. Однако противоречие между сознательно применяемым метафизическим методом и стихийно совершающимся диалектическим процессом познания оказывается такого рода конфликтом, который уже в эту эпоху постепенно выявляет недостаточность, неудовлетворительность метафизического метода. В этих условиях формируются диалектические выводы, которые в течение длительного времени осознаются не как принципиальные мировоззренческие, а как частные выводы. Последующее развитие познания, постоянное накопление новых фактических данных постепенно разрушает эту иллюзию: диалектика все больше, все чаще начинает осмысливаться не как частный случай всеобщего процесса, а как подлинная сущность последнего.

В XVIII — начале XIX в. ввиду недостаточности еще необходимых научных данных (и социальных условий) для систематически диалектического понимания материальной действительности диалектическая философия на-

² Подробнее о принципе единства см. раздел I, гл. 3 настоящей книги.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 67.

ходит свое систематическое развитие в учении о познавательном процессе. В этот период признание основополагающего характера диалектических процессов превратно осмысливается как субстанциальность мышления, познания. Онтологизация диалектического мышления является вместе с тем развитием идеалистической традиции, согласно которой духовное есть субстанция.

Родоначалник немецкой классической философии И. Кант поставил проблему диалектической логики. Фихте и Шеллинг с полным правом могут быть названы диалектическими идеалистами. Гегель, теоретически подытожив историю диалектики, пошел гораздо дальше своих предшественников. Он разработал, правда на идеалистической основе, систему диалектического миропонимания, диалектического метода, диалектической логики.

Теория диалектики разрабатывалась Гегелем как основная философская наука, которая обобщает развитие познания и благодаря этому становится его методологической основой. Философия Гегеля включает в себе первую систематическую критику того способа мышления, который позднее Ф. Энгельс назвал метафизическим⁴. Выдающейся заслугой Гегеля является открытие основных законов диалектики, которые были, однако, интерпретированы немецким идеалистом как законы чистого, т. е. якобы свободного от эмпирического содержания, мышления. К. Маркс, подвергая всесторонней критике гегелевское толкование диалектики, подчеркивал вместе с тем: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»⁵.

Подчеркивая громадную роль диалектики в истории познания, мы осознаем тем самым значение диалектического материализма и несостоятельность утверждений его

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 20—21.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 22. Мы ограничимся этой фрагментарной характеристикой развития диалектического способа мышления в домарксистской философии, поскольку подробное изложение этого круга вопросов не является необходимым в рамках данного исследования. Подробнее см.: История античной диалектики. М., 1972; История диалектики XIV—XVIII вв. М., 1974; История диалектики: Немецкая классическая философия. М., 1978.

противников, которые обычно изображают диалектику в качестве одного из равно возможных, сосуществующих и борющихся друг с другом философских учений⁶. Позитивистские противники диалектики идут, как известно, еще дальше, сводя диалектику к теории аргументации, иной раз даже к софистике. Особенно показательна в этом отношении позиция К. Р. Поппера, который в своей статье «Что такое диалектика?»⁷ пытался доказать, что диалектика в сущности противоречит логике и поэтому должна быть отброшена как чуждый науке способ мышления. Было бы поэтому серьезным методологическим упущением ограничиваться выяснением одного лишь философского значения диалектики. Дело в том, что значительная часть буржуазных исследователей стремится доказать, будто бы диалектика имеет значение лишь в рамках философии, что в естествознании или, скажем, в социологии она неприменима. Несостоятельность этого утверждения была систематически раскрыта Ф. Энгельсом, в первую очередь в его «Диалектике природы». «Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания...» — писал Энгельс⁸.

Последующее развитие естествознания полностью подтвердило этот вывод. Как показал В. И. Ленин в своем гениальном анализе методологического кризиса физики, одной из главных причин последнего было противоречие между диалектическим содержанием новейших открытий

⁶ Весьма показательным в этом отношении может быть тот факт, что в опубликованном западногерманским издательством Фишера философском словаре термин «Диалектика» вообще исключен как якобы не относящийся к основным философским понятиям. См.: Philosophie. Herausgeber: Diemer A., Frenzel I. Frankfurt a/M., 1963.

⁷ Popper K. R. What is Dialectic? — In: Popper K. R. Conjectures and Refutations. London, 1972, p. 312—335.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 520. Современные естествоиспытатели все чаще и чаще солидаризируются с положением Энгельса о безусловной необходимости диалектики для естествознания. Так, английский биолог К. Х. Уоддингтон, подводя итоги Международного симпозиума по теоретической биологии, заявляет: «...общая система представлений, которая начинает вырисовываться на основе проведенного обсуждения, в определенной степени близка к марксистской диалектической философии... Эти представления, как мне кажется, в большей степени соответствуют диалектической концепции Маркса и Энгельса, чем обычному упрощенно-материалистическому подходу к проблемам биологии» (цит. по: На пути к теоретической биологии. М., 1970, с. 8).

этой науки и традиционной метафизической методологией. Современное развитие естествознания, раскрывая многообразие диалектических процессов, обогащает диалектическое миропонимание новым содержанием, способствуя его дальнейшему развитию.

Таким образом, не только история философии, но и история всего научного знания выявляет всеобщее значение диалектики. Диалектика, разъяснял В. И. Ленин, есть итог, сумма, вывод всей истории познания. В этом ее неоспоримое научно-философское значение. В этом же необходимость (непреходящая необходимость!) ее дальнейшего развития, так как теоретическое подытоживание научного познания никогда не завершается. Диалектика, которую Ленин характеризует, в частности, как учение об относительности человеческого познания, естественно, не может рассматриваться как система окончательных истин в последней инстанции. Такой системы вообще не существует, и это составляет одно из важнейших положений марксистской диалектики.

Материалистическая диалектика — душа марксизма. Марксистская революция в философии есть сознательно осуществленный диалектический процесс. К. Маркс и Ф. Энгельс материалистически переработали идеалистическую диалектику и диалектически переработали предшествующий, метафизический материализм.

В итоге диалектический материализм — это отрицание философии как законченной системы знания, это отрицание традиционного философствования, философии в старом смысле слова. «До сих пор,— иронически отмечал Маркс,— философы имели в своём письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвящённому миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки»⁹.

Основоположники марксизма решительно отвергли мнимую противоположность философствования нефилософской — не только теоретической, но и практической, — деятельности, противоположность, которая, начиная с античности, считалась атрибутивной определенностью философии. Характеризуя диалектический материализм, Энгельс подчеркивает: «Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 379.

подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»¹⁰.

Отрицание предшествующей философии марксизмом глубоко диалектично. Ни одна философия не подвергала столь решительной, основательной, всесторонней критике своих предшественников, как это сделал марксизм. Но столь же несомненно и то, что марксизм радикально отличается от всех философских учений также и тем, что он в полной мере принимает достижения предшествующей философии.

Марксистское отрицание философии в старом смысле слова есть утверждение философии нового типа. Поэтому диалектическое отрицание предшествующей философии есть сохранение и творческое развитие прогрессивного философского наследия. «Философия, таким образом, здесь „снята“, т. е. „одновременно преодолена и сохранена“, преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»¹¹.

Философия марксизма, восприняв созданную предшествующим материализмом теорию отражения, диалектически переработала гносеологический принцип отражения. Материалисты-метафизики созерцательно интерпретировали познание, рассматривая отражение просто как воздействие предметов внешнего мира на сознание познающего субъекта. Диалектический материализм разработал учение о деятельной основе познавательного процесса — практике.

Метафизический материализм сталкивался с неразрешимыми трудностями при объяснении ложных представлений. Диалектический материализм, рассматривая познание как отражение действительности, противопоставляет истинное отражение ложному, раскрывая, однако, относительность противоположности между истиной и заблуждением, настаивая на диалектическом осмыслении истины как истины объективной и конкретно-исторической, т. е. относительной (и, следовательно, ограниченной) в своих пределах. Поскольку же противоположность между абсолютной и относительной истиной отнюдь не абсолютна, в относительной истине он признает нечто абсолютное (объективное).

Диалектический материализм воспринял и диалектически переработал принципы сенсуализма, разработанные

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 142.

¹¹ Там же.

предшествующей материалистической философией. Но если метафизики редуцировали, как правило, теоретическое знание к данным чувств, то философия марксизма раскрыла противоречивый характер их единства. Это позволило доказать, что мощь теоретического познания не находится в непосредственной зависимости от имеющихся в его распоряжении чувственных данных. Гегель называл эту специфическую особенность теоретического мышления свободой, но он глубоко заблуждался, полагая, что мышление независимо от чувственных данных.

Создание диалектической формы материализма означало преодоление половинчатости, непоследовательности предшествующей материалистической философии, которая, будучи неспособной диалектически осмыслить отношение «общество — природа», не могла применить материализм к общественной жизни. В своем понимании социального домарксовские материалисты оставались идеалистами, хотя они и боролись с теологической интерпретацией истории. Однако они не видели специфически материальной, качественно отличной от природы, основы жизни людей. К. Маркс и Ф. Энгельс открыли эту основу, определяющую в конечном итоге ход развития общества, — общественное производство.

Несомненной заслугой домарксовских материалистов было отстаивание положения: люди сами творят свою историю. Однако для обоснования этого тезиса недостаточно отрицания сверхъестественных причин, провидения и т. п. Необходимо положительным образом объяснить, как это возможно, чтобы люди сами творили свою историю, если внешняя природа (изначальное условие их существования), так же как и их собственная, человеческая природа, независимы от их сознания и воли? К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что не природа, а материальное производство является определяющей основой всемирной истории. Но люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые как накопленный, овеществленный труд достаются каждому новому поколению людей в качестве наследия. Следовательно, история делается самими людьми, однако не произвольно, а в зависимости от уровня производительных сил, развитие которых — объективная закономерность исторического процесса.

Таким образом, объективность социального процесса предполагает диалектику субъективного и объективного, идеального и материального, которая отсутствует в при-

роде. Объективные закономерности общественно-исторического процесса являются закономерностями деятельности людей, того взаимодействия между людьми, которое конституирует общество. Сама человеческая деятельность, порождая независимые от нее результаты, последствия, тем самым объективируется, становится основой последующей деятельности людей. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что производство, которое является сознательным, целесообразным делом людей, образует объективную основу общественной жизни.

Понятие производительных сил, как известно, имелось уже у классиков буржуазной политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс открыли социальную форму развития производительных сил и благодаря этому доказали, что материальное производство не есть лишь производство вещей, но также и производство общественных отношений, потребностей, форм личностного развития и т. д. Из всего многообразия общественных отношений основоположники марксизма вычленили основные, определяющие все другие формы взаимодействия людей — производственные отношения, которые и образуют экономическую структуру общества. Рабовладельческие, феодальные, капиталистические отношения являются общественными отношениями исторически определенных эпох общественно-го производства. Диалектика производительных сил и производственных отношений, раскрытая основоположниками марксизма, позволила понять исторически переходящий характер не только рабовладельческих и феодальных, но и капиталистических производственных отношений.

Благодаря материалистической диалектике политическая экономия превратилась из учения, которое увековечивало капиталистический способ производства, как якобы единственно возможную форму рационального хозяйствования, в научное обоснование необходимости его революционного преобразования в социалистический общественный строй. Социализм, который представлялся социалистам-утопистам идеалом чистого разума, был научно постигнут как исторически необходимый, неизбежный результат развития противоречий между производительными силами, развившимися в рамках капитализма, и буржуазными производственными отношениями. Борьба между классами, которую домарксовские социалисты считали большим социальным злом, впервые была понята как

закономерный прогрессивный процесс, посредством которого осуществляется объективная историческая необходимость.

Таким образом, создание материалистической диалектики означало методологическое обеспечение научного решения не только философских, но и социальных, экономических проблем, поставленных предшественниками марксизма, освободительным движением рабочего класса, всем ходом общественного развития вообще. Именно поэтому В. И. Ленин называет материалистическую диалектику душой марксизма.

Противоположность марксистской диалектики идеалистической диалектике Гегеля. Создание материалистической диалектики не имеет ничего общего с простым соединением домарксистского материализма с идеалистической диалектикой. Материализм и диалектика в тех исторических формах, в каких они существовали до возникновения марксизма, в принципе не могли быть объединены в единое целое. Создание материалистической диалектики, как отмечалось выше, предполагало диалектическую переработку предшествующего материализма и материалистическую переработку идеалистической, и прежде всего гегелевской, диалектики.

Идеалистический характер гегелевской диалектики заключается, конечно, не в том, что она отрицает наличие диалектических процессов вне мышления. Ведь, с точки зрения Гегеля, бытие есть в сущности мышление, вследствие чего различие между мышлением и бытием существует лишь на уровне явлений и исчезает по мере постижения их сущности. Но интерпретируя реальную диалектику как процесс, совершающийся в безличном «абсолютном мышлении», Гегель мистифицирует и само мышление, а значит, и ту основную форму диалектики, которую он признает и исследует. К. Маркс отмечал, что в философии Гегеля процесс мышления, именуемый «идеей», превращается в самостоятельный и притом абсолютный субъект, созидаящий все существующее. Гениальность Маркса и и Энгельса ярко проявилась в том, что они увидели в гегелевской мистификации процессов мышления глубокие диалектические прозрения действительных закономерностей познания и бытия. Особенно впечатляющим примером такого глубокого материалистического понимания диалектических открытий Гегеля может служить известное положение Маркса о восхождении от абстрактного к

конкретному как специфически теоретической форме познания процессов развития.

Гегель правильно утверждал, что теоретическое мышление конкретно не потому, что оно сохраняет близость к чувственным созерцаниям, а благодаря тому, что оно преодолевает их односторонность, вскрывает их отношения друг к другу, познавая тем самым исследуемые явления как единство многообразия, теоретическим выражением которого является единство различных определений. Однако Гегель, как указал Маркс, впал в иллюзию, истолковав переход от абстрактного к конкретному как процесс, совершающийся в объективном мире, безотносительно к человеческому познанию, «между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»¹².

К. Маркс и Ф. Энгельс материалистически переработали учение Гегеля о законах и категориях диалектики. Они, в частности, подвергли всесторонней критике телеологическое понимание развития Гегелем, его концепцию диалектической логики, как якобы исчерпывающей все категориальное содержание научного знания, панлогистское извращение законов и категорий диалектики, которые трактовались Гегелем как предшествующие природе абсолютные, субстанциальные формы. Идеализм Гегеля извращал открытые им закономерности. Так, по Гегелю, закон превращения количественных изменений в качественные действует лишь в сфере *бытия*, т. е. в области непосредственно воспринимаемых, единичных явлений, качественно отличных от *сущности*, в границах которой действует закон противоречия — отношение взаимоисключающих, но вместе с тем обуславливающих друг друга противоположностей. Однако и этот закон не является, строго говоря, всеобщим в системе Гегеля, поскольку сущность характеризуется Гегелем как промежуточная сфера между бытием и *понятием*, которое рассматривается как аутентичная форма «абсолютной идеи» — подлинной основы и бытия, и сущности. И только в сфере понятия, которое отождествляется Гегелем с духовной жизнью (божественной и человеческой), имеет место развитие.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 727.

Гегелево понимание закона отрицания отрицания, фигурирующего, согласно Энгельсу, «в качестве основного закона при построении всей системы»¹³, также страдало сугубым, обусловленным идеалистическими посылками схематизмом. Гегель полагал, что развитие осуществляется путем трехступенчатых циклов — триад. Идея диалектического, конкретного отрицания несомненно выявляет действительную универсальную закономерность развития, в особенности его прогрессивной формы. Однако, связывая конкретное отрицание с обязательной троичностью, навязывая всем процессам единую предустановленную схему развития, Гегель извращал тем самым реальную диалектику, присущую действительному развитию.

Гегелевская телеологическая интерпретация отрицания отрицания как результата, преформированного в изначальном содержании любого процесса, свидетельствует о несостоятельности идеалистического понимания имманентности и всеобщности развития. Всеобщность, внутренняя обусловленность процессов развития сводится Гегелем к мировой схематике, изначально предопределившей течение, последовательность и формы развития. Между тем всеобщность развития предполагает бесконечное многообразие форм своего осуществления. Так, биологическое развитие, законы которого исследовал Ч. Дарвин, качественно отлично от развития физического или, скажем, социального процесса. Общая теория развития, т. е. диалектика, не подменяя специальных теорий развития, осмысливает их специфические черты, вскрывает переходы от одной качественно определенной формы развития к другой, обогащая тем самым общее понятие развития. К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали качественное многообразие диалектических процессов. Способ отрицания, говорит Энгельс, определяется, во-первых, общей и, во-вторых, особенной природой каждого процесса¹⁴. «Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует, следовательно, свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие»¹⁵.

То же, разумеется, относится и к превращению количественных изменений в качественные. И здесь налицо

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 384.

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 145.

¹⁵ Там же, с. 146.

бесконечное многообразие количественных и качественных изменений, так же как и скачкообразных переходов из одного качественного состояния в другое. Именно это обстоятельство и делает невозможным заранее, т. е. без конкретного исследования процесса, предвосхитить его конкретные диалектические результаты, поскольку переход количественных изменений в качественные совершается «точно определенным для каждого отдельного случая способом»¹⁶. Это значит, что для различных состояний не существует одинаковой схемы образования новых качественных состояний. Значение диалектического закона заключается, следовательно, в том, что он выявляет внутреннюю природу развития, не предопределяя ни конкретного содержания процессов качественных преобразований, ни их особенной формы, исследование которых, как правило, является задачей соответствующих наук. Совершенно очевидно, что такое конкретное понимание диалектических закономерностей, в противоположность гегелевской идеалистической спекуляции, всегда остается на почве фактов, основывается на совокупности данных науки и практики. Не трудно поэтому показать, что лишь диалектико-материалистическое понимание законов, в отличие от гегелевского, явно не свободного от догматической предвзятости, является последовательно диалектическим, применимым и в специальных научных исследованиях, так как оно позволяет глубже понять связь особенных форм движения, изменения с универсальными формами всякого развития вообще, знание которых ориентирует ученого в его исследовательском поиске.

Естественно возникает вопрос: что послужило основой марксистской, материалистической переработки гегелевской идеалистической диалектики? Ясно, что для такой переработки недостаточно было одного лишь материалистического подхода к идеалистически-диалектическому учению, одной лишь материалистической интерпретации гегелевской диалектики. Необходимо было новое содержание, которое выходит за границы одной лишь логики, теории мышления, гносеологии. И как показывает история марксизма, К. Маркс и Ф. Энгельс создавали, разрабатывали материалистическую диалектику (перерабатывая тем самым идеалистический метод Гегеля) в процессе теоретического обобщения исторического опыта, опыта осво-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 385.

бодительного движения рабочего класса в особенности, в процессе создания научного коммунизма и новой, марксистской политической экономии, а также путем философского осмысления развития естествознания и его выдающихся достижений. Решающее значение в материалистической переработке диалектики Гегеля, в марксистской разработке диалектического метода, сыграл переход К. Маркса и Ф. Энгельса на позиции научного социализма, «достроение» материализма доверху, т. е. создание исторического материализма. Так, исследуя основное противоречие капиталистического общества, основоположники марксизма указывают, что пролетариат и капиталисты «порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого»¹⁷. Последнее замечание непосредственно направлено против буржуазной идеологии, утверждающей, что труд невозможен без капитала, подобно тому как капитал невозможен без труда.

На почве конкретного анализа исторических фактов К. Маркс и Ф. Энгельс преодолевают одностороннее, характерное для Гегеля и младогегельянцев толкование отношения противоположностей как обязательно коррелятивного («рефлексивного») отношения, толкование, которое в конечном счете сводит противоположности к тождеству, смазывая борьбу между ними, остроту противоречия. С новой точки зрения, которую формулируют, обосновывают, развивают основоположники марксизма, противоположности играют различную роль в той конкретной системе, структуру которой они образуют. Недостаточно поэтому истолковывать отношение противоположностей как взаимозависимость, необходимо исследовать условия, которые ограничивают это отношение, т. е. делают его преходящим.

К. Маркс и Ф. Энгельс, отвергая спекулятивное рассмотрение противоречия вообще, т. е. всегда одинаково, однозначно определенного отношения противоположностей, ставят центральную проблему диалектики на конкретно-историческую почву. В этой связи они поднимают новый, совершенно чуждый гегелевской философии вопрос о существовании консервативной и революционной

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 38.

сторон противоречия. Буржуазия — консервативная сторона основного противоречия капиталистического строя, пролетариат — революционная сторона этого противоречия.

Научный анализ взаимообусловленности классовых противоположностей внутри капиталистического строя позволяет К. Марксу и Ф. Энгельсу раскрыть диалектическую природу социально-исторической необходимости, которая качественно отличается от необходимой связи природных явлений, поскольку она не предшествует деятельности людей, а составляет ее внутреннее объективное содержание. Буржуазия стремится к сохранению частной собственности, пролетариат — к ее уничтожению. Борьба каждого из этих классов определяется условиями его существования, которые представляют собой также и условия существования и деятельности противоположного класса. Поэтому-то объективная необходимость, обуславливающая развитие буржуазного общества, не есть нечто внешнее, противостоящее существующим общественным отношениям. Напротив, она обусловлена взаимозависимостью, взаимодействием противоположных сторон, классов, борьбой между ними, которая отнюдь не представляет собой дело свободного выбора, а имеет объективную экономическую основу, создаваемую людьми на протяжении многих поколений. Таким образом, раскрывается диалектический характер материалистического понимания истории.

Ф. Энгельс указывает, что для создания пауки об обществе, в частности политической экономии, «гегелевский метод в *данной* его форме был абсолютно непригоден. Он был по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было бы более материалистическим, чем все прежние. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию Гегеля, „от ничего через ничто пришел к ничему“, был в этом виде здесь совершенно неуместен»¹⁸. Этот вывод Энгельса подтверждается также, и это следует особо подчеркнуть, анализом отношения идеалистической диалектики к естествознанию.

Обращаясь к таким произведениям Ф. Энгельса, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», мы видим, что

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 495—496.

материалистическая диалектика разрабатывается на конкретном материале естествознания, в связи с его наиболее выдающимися достижениями. Предмет естествознания — движение материи, и Энгельс соответственно этому делает предметом философского анализа основные формы движения материи: механическую, физическую, химическую, биологическую. Касаясь, например, периодической системы элементов, Энгельс отмечает, что эта система, по существу, раскрывает всеобщий характер закона превращения количественных изменений в качественные. В связи с анализом биологических процессов Энгельс материалистически переосмысливает гегелевскую концепцию диалектического тождества, показывая, что речь идет не просто о принципе мышления, а о движении материи, которая в биологической форме своего существования самым непосредственным образом выявляет отношение «тождество-различие» как динамический процесс, благодаря которому, собственно, только и возможна жизнь. «Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны с собой и тем не менее отличаются от самих себя благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и отмиранию клеток, благодаря происходящему процессу циркуляции — словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь...»¹⁹. Энгельс подчеркивает, что снятие и воспроизводство тождества выявляется также в неорганической природе; оно характерно в особенности для геологических процессов, посредством которых, например, возникли каменный уголь, сланец и другие ископаемые.

Ф. Энгельс диалектически интерпретирует великие открытия естествознания XIX в. (имея в виду главным образом 30—60-е годы XIX в.) — закон превращения энергии (Р. Майер), открытие клетки как анатомической единицы всего живого (М. Шлейден, Т. Шванн), эволюционную теорию Ч. Дарвина. Эти открытия, подчеркивал Энгельс, являются естественнонаучным обоснованием диалектико-материалистического мировоззрения. Великие ученые, сделавшие их, не были сознательными сторонниками диалектического метода. Но тем важнее то, что, раскрывая самодвижение материи, единство многообразных форм живого, возникновение и развитие видов расте-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 529.

ний и животных, эти открытия опровергали метафизическое воззрение на природу, господствовавшее в естествознании на протяжении столетий.

Подводя итоги анализу достижений естествознания, Энгельс приходит к заключению, что диалектические процессы носят универсальный характер — они присущи не только социальным процессам и познавательной деятельности, но и всей природной реальности. Таким образом, метод, который Гегель считал специфически философским, впервые был понят как метод, необходимый каждой науке, поскольку она достигает теоретического уровня исследования. Это значит, что противоположность марксистской диалектики идеалистическому методу Гегеля ярко раскрывает великий интеллектуальный подвиг К. Маркса и Ф. Энгельса, разработавших научно-философский метод исследования, имеющий универсальное значение.

Ленинский этап в развитии материалистической диалектики. К. Маркс и Ф. Энгельс, противопоставляя созданную ими систему воззрений догматическим теориям буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, настойчиво подчеркивали: наше учение не догма, а руководство к действию. В. И. Ленин постоянно обращается к этому основоположению марксизма, которое непосредственно указывает на его внутреннюю, органическую связь с общественной практикой, на творческий характер этого учения, которое не может быть сведено к неизменной системе неизменных истин, якобы независимых от последующего исторического развития.

Диалектика, учил В. И. Ленин, есть душа марксизма, который может быть правильно понят лишь как развивающаяся система, постоянно обогащающаяся на основе теоретического обобщения нового исторического опыта, новых открытий наук о природе и обществе. Разумеется, новый исторический опыт, как и новые научные данные, отнюдь не всегда согласуется с тем, что имело место прежде. Развитие науки характеризуется не только количественными, но и качественными изменениями. Подчеркивая творческий характер марксизма, В. И. Ленин указывал тем самым на то, что его развитие не сводится к одному лишь применению этой теории, к уточнению, конкретизации отдельных положений. Действительное научное развитие есть творческий процесс, благодаря которому учение марксизма, созданное более века назад, остается единственным учением, адекватно выражающим коренные

общественные потребности, объективную историческую необходимость современной эпохи.

Еще в начале текущего столетия В. И. Ленин, подчеркивая необходимость творческого развития марксизма, непосредственно обусловленную его подлинной научностью, его неразрывной связью с живой жизнью, писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»²⁰. С этих позиций В. И. Ленин подвергал критике не только догматическую интерпретацию учения К. Маркса и Ф. Энгельса, но и ревизионизм, выступающий под флагом борьбы против догматического понимания марксизма. Ссылаясь на новые исторические факты, ревизионисты истолковывают их в духе буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Они вопреки своим декларациям не развивают, а извращают марксистское учение в духе враждебных марксизму теорий, несостоятельность которых была вскрыта его основоположниками уже в середине прошлого века.

Борьба на два фронта — против догматизма, с одной стороны, и ревизионизма — с другой, — характеризует и ленинский этап в развитии материалистической диалектики.

В. И. Ленин, как известно, не считал завершенной задачу материалистической переработки гегелевской диалектики. Ленинские «Философские тетради» наглядно показывают, что их автор продолжает эту работу основоположников марксизма, критически анализируя «Науку логики» Гегеля, его «Лекции по истории философии» и другие труды. Еще в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин указывал на то, что основоположники марксизма заложили лишь основы новой, диалектико-материалистической теории познания, так как они «естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории»²¹. В этой связи становится понятной та грандиозная программа исследований в области теории познания, которая была намечена В. И. Лениным в «Философских

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 350; см. также: с. 255—256.

тетрадах». Характеризуя гносеологию марксизма как теоретическое обобщение истории отдельных наук, истории умственного развития человека, истории языка, данных психологии, физиологии органов чувств и т. д., В. И. Ленин делает вывод: «вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»²².

Таким образом, В. И. Ленин отнюдь не считал создание гносеологии марксизма, теории материалистической диалектики вообще законченным делом. Он продолжал вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом дело создания, т. е. творческого развития, диалектического и исторического материализма. И эту работу призваны вести (и, конечно, ведут) философы-марксисты, творчески разрабатывающие философское учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на основе нового исторического опыта и новых достижений естествознания и обществоведения.

К. Маркс и Ф. Энгельс создавали свое учение в эпоху домонополистического капитализма, когда вопрос о революционном переходе от капитализма к социализму практически еще не стоял на повестке истории.

В. И. Ленин выступил на историческую арену в эпоху монополистического капитализма — империализма, научный анализ которого является выдающейся заслугой великого продолжателя основоположников марксизма. В. И. Ленин писал, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, что социализм есть «не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»²³. Исторические условия, в которых протекала деятельность В. И. Ленина, выдвигали на первый план вопрос о революционно-критической, диалектической концепции развития. И В. И. Ленин всесторонне разрабатывал проблемы диалектики общественного развития, подвергая систематической критике метафизическую интерпретацию развития, характерную для буржуазных и ревизионистских теорий этой эпохи.

К концу XIX в. метафизика уже не отрицает прямо развитие, но ограничивает это понятие постепенными из-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 314.

²³ Там же, т. 34, с. 192.

менениями в рамках уже имеющихся форм и структур. Ленин писал, отмечая этот факт: «С „принципом развития“ в XX веке (да и в конце XIX века) „согласны все“. — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское „согласие“ есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину»²⁴. В противовес метафизической абсолютизации количественных изменений Ленин выделяет качественные характеристики процесса развития, обосновывая необходимость борьбы противоположностей как внутреннего источника этого процесса, необходимость скачкообразного перехода от одного качественного состояния к другому, необходимость отрицания (разумеется, конкретного, позитивного), которое он характеризует как важнейший элемент диалектики²⁵.

Ленинский анализ многосторонности развития имеет громадное принципиальное значение. Речь идет о диалектическом понимании развития в противоположность его (развития) метафизической интерпретации, выступившей в качестве модного в XX в. «принципа эволюции». С этой точки зрения необходимо рассматривать ленинскую характеристику диалектики: «наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии»²⁶. Не приходится доказывать, что всесторонность и глубина диалектического понимания развития обусловлены не просто субъективным устремлением, добросовестностью, обстоятельностью исследовательского поиска. Диалектическое понимание процесса развития предполагает определенные методологические и мировоззренческие посылки и соответствующий категориальный аппарат, которыми не располагает метафизика даже в своей новейшей, эволюционистской форме.

Уже в своих первых работах В. И. Ленин разрабатывает диалектику как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии. Мы имеем в виду ленинский анализ развития капитализма в России и критику «объективизма» так называемых легальных марксистов. В. И. Ленин показывает, что «легальный марксизм» односторонне характеризует капиталистическое развитие, ограничиваясь фиксированием стихийно совершающегося процесса, подчеркивая его необходимость, но вместе с тем отвлекаясь от присущих ему антагонистических противоречий, от специфических качественных характеристик, которые

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

²⁵ См.: там же, с. 207.

²⁶ Там же, т. 26, с. 48.

придает прогрессу общественного производства капиталистическая формация. Эта односторонняя, по существу, метафизическая интерпретация развития, несмотря на марксистскую фразеологию, конечно, чужда марксизму. «Объективист,— пишет Ленин,— говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»²⁷.

Буржуазный объективизм оказывается на деле субъективизмом идеолога капитала, который односторонне характеризует объективную необходимость капиталистического развития, умалчивая о противоположности классов буржуазного общества, о борьбе классов, в значительной мере определяющей его развитие. Между тем исторически определенная объективная необходимость капитализма не есть нечто предустановленное. Она складывается из деятельности масс, классов и объективизации этой деятельности в виде условий, экономических предпосылок, учреждений и т. д. В противоположность метафизически мыслящему буржуазному объективизму марксистская диалектика является подлинным, научным объективизмом, всесторонне исследующим исторический процесс. Партийность диалектического материализма, о которой говорил в этой связи В. И. Ленин, органически связана с этой научной объективностью, с гносеологическим императивом всестороннего исследования развития. А это предполагает определенное, партийное отношение к тем социальным классам, которые по-разному участвуют в этом процессе.

Знаменитые ленинские слова о том, что марксистский материализм необходимо включает в себя идею партийности, несомненно, относятся и к марксистской диалектике. Не следует рассматривать ленинскую критику объективизма просто как эпизод в многогранной истории марксизма. Речь здесь идет о самом главном: о диалектико-материалистическом понимании всего общественно-ис-

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.

торического процесса вообще, о важнейшем содержании диалектики социального развития, о критике социологического варианта метафизической концепции развития, о разоблачении антидиалектического истолкования исторического материализма. В. И. Ленин выступает здесь против псевдомарксистского понимания истории, которое игнорирует внутренние, активно, сознательно действующие силы социального процесса, так же как и ту основную диалектическую истину исторического материализма, что люди являются продуктами социальных обстоятельств лишь постольку, поскольку сами обстоятельства создаются людьми. Действительная диалектика истории человечества заключается именно в том, что следующие друг за другом человеческие поколения сами творят объективные условия, которые определяют общественное развитие.

Псевдонаучный объективизм, сводя общественное развитие к одному лишь якобы неодолимому стихийному процессу, в конечном счете смазывает, отрицает качественное отличие социального от природного, т. е. натуралистически интерпретирует историю. Но противоположность между стихийным общественным процессом и сознательной деятельностью людей относительна: она существует лишь в рамках их единства. Стихийность социального процесса коренным образом отличается от стихийности процессов природы, так как она предполагает сознательные действия людей, так же как и стихийные последствия этих действий. Развитие общества невозможно без соединения сознательной, целесообразной деятельности со стихийным социальным процессом, а тем самым и без преобразования последнего. Игнорирование этого — специфическая черта метафизического понимания истории²⁸.

Беликой заслугой В. И. Ленина является то, что он уже в первых своих работах разоблачил буржуазное и ревизионистское извращение диалектико-материалистического понимания общественного развития не только как

²⁸ Один из легальных марксистов особенно наглядно выразил эту метафизичность и антиматериалистичность буржуазного объективизма, заявив по поводу учения марксизма: «Не люди делают свою историю, а развитие экономики определяет их историю», вот как, скорее, следует формулировать учение Маркса и Энгельса (*Нежданов П.* Нравственность. М., 1898, с. 179). Не трудно понять, что такая фаталистическая интерпретация марксизма направлена против освободительного движения рабочего класса, т. е. против его классовой самостоятельности, исторической инициативы, политической активности.

российское, но и как международное явление. Во всех капиталистических странах, где рабочее движение стало мощной общественно-политической силой, буржуазные идеологи и оппортунисты идеализировали его стихийные черты. Сознательная, организованная борьба трудящихся масс изображалась как «инспирация», нарушение «естественного» порядка вещей, субъективизм и т. п. Знаменитая фраза неокантианца Р. Штаммлера: марксист «не требует социалистического строя: он его ждет» — резюме буржуазной ориентации на стихийный процесс капиталистического развития. Теория стихийности, как показал Ленин, принижает «материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»²⁹.

Оппортунисты, игнорирующие исторический материализм как руководство к действию, истолковывали ленинскую борьбу против теории стихийности как отрицание основ материалистического понимания истории. Они отождествляли стихийность и объективную обусловленность социальных процессов, т. е. абсолютизировали стихийность. Но стихийность — лишь одна из форм развития (и функционирования) общества, характеризующая преимущественно его эволюционную фазу. Критикуя принижение материалистического понимания истории, сведение его к разновидности исторического фатализма, Ленин разъяснял в период первой русской революции: «Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса». И далее: «освобождение рабочих может быть делом только самих

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 31. В этой же работе — «Две тактики социал-демократии в демократической революции» — В. И. Ленин подчеркивает первостепенное значение уровня классовой сознательности пролетариата в решении задач буржуазно-демократической революции. «Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции» (Там же, с. 5). Такая позиция является последовательным отрицанием теории стихийности.

рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи»³⁰.

В. И. Ленин, таким образом, разграничивает объективные и субъективные условия общественного развития, показывая, что неразрывная связь субъективного с объективным не лишает его относительной самостоятельности, не исключает его решающей, при известных условиях, роли. С этих позиций В. И. Ленин, как известно, разработал учение о революционной ситуации, согласно которому одной лишь объективной необходимости революции, одной лишь революционной политической ситуации недостаточно для того, чтобы революция действительно совершилась. Для революционного взрыва существенно необходимо субъективное условие, субъективный фактор, который, хотя и подготавливается предшествующим развитием, формируется, складывается благодаря сознательной, организованной деятельности передовых классов и их политических авангардов.

В. И. Ленин показал, что диалектика субъективного и объективного определяет исторический процесс, так же как и конкретно-исторические формы объективной необходимости социальных преобразований.

Так, в работе «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции» Ленин разъясняет, что «сохранение крепостничества в земледелии стало *абсолютно* невозможным», вследствие чего и самодержавие осознало, что необходимо «приспособиться к капиталистическому развитию, а не бороться с ним»³¹. Однако объективная необходимость не одномерна, не однозначна; она включает в себе различные возможности, тенденции. Помещики борются за «прусский» путь капиталистического развития сельского хозяйства, при котором сохраняется помещичье землевладение. Крестьянство, естественно, борется за уничтожение помещичьего землевладения. От борьбы этих классов зависит, какие формы — прогрессивные или консервативные — обретет историческая необходимость. И Ленин разъясняет: «необходимая и неизбежная ломка возможна в интересах крестьянской массы, а не помещичьей шайки. Основой развития капитализма может стать сво-

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 16.

³¹ Там же, т. 16, с. 403, 404.

бодная масса фермеров без всякого помещичьего хозяйства, ибо это хозяйство *в целом* экономически реакционно, а элементы фермерства *созданы* в крестьянстве предшествующей хозяйственной историей страны. При таком пути развития капитализма оно *должно* идти неизмеримо шире, свободнее, быстрее, вследствие громадного роста внутреннего рынка, подъема жизненного уровня, энергии, инициативы и культуры *всего* населения»³².

Эти ленинские положения не только подытоживают конкретный анализ конкретной исторической ситуации, они представляют собой дальнейшую разработку диалектики как общей теории общественного развития. Именно благодаря материалистической диалектике становится понятным, что объективная историческая необходимость несколько не исключает *исторического выбора*, который осуществляется путем борьбы различных социальных групп, классов, партий, отстаивающих свои интересы. Признание исторической необходимости не имеет ничего общего с пассивным приспособлением к ней, раболепием перед обстоятельствами. Каждый класс соответственно объективным условиям своего существования стремится по-своему, в своих интересах осуществить историческую необходимость. Конкретные формы исторической необходимости, формы, нередко альтернативные, исключают друг друга, не predeterminedены предшествующим развитием. Они детерминируются условиями, которые в данное время создаются борьбой данных общественных сил.

Трудно переоценить значение ленинского вклада в теорию диалектического развития общества. Ф. Энгельс, характеризуя свою и К. Маркса работу по созданию исторического материализма, указывал: «Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии»³³. Критикуя тех сторонников марксизма, которые иногда придавали «больше значения экономической стороне, чем это следует», Ф. Энгельс подчеркивал, что ни он, ни К. Маркс никогда не отрицали значения субъективной стороны общественно-исторического процесса. Каждый раз, когда основоположники марксизма занимались конкретным ис-

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 405.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 396.

следованием отдельного периода истории (например, революцией 1848 г., Парижской коммуны), они обстоятельно анализировали роль различных классов, партий, исторических деятелей в общественном развитии.

Так, конкретный анализ бонапартистского переворота 1851 г. во Франции позволил К. Марксу установить политическую ответственность определенных партий и деятелей за это отнюдь не неизбежное поражение революционных сил. В этой связи К. Маркс выступил против социологического объективизма П. Прудона, выявившегося в его характеристике переворота Луи Бонапарта. Прудон, писал Маркс, «стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков»³⁴.

В. И. Ленин, разрабатывая учение о диалектике субъективного и объективного в общественно-историческом процессе, исходил из идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако, обобщая новый исторический опыт, несравненно более высокий уровень освободительного движения пролетариата, Ленин пошел дальше своих великих учителей в разработке целостной теории диалектического взаимодействия субъективного и объективного в развитии общества, существенно обогатив тем самым диалектико-материалистическое понимание социального развития.

К. Маркс, указывал В. И. Ленин, видел «один из основных недостатков старого материализма» в том, что тот «не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности»³⁵. Этот недостаток был преодолен лишь диалектическим материализмом путем создания материалистического понимания истории. Именно на этой основе были разработаны стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата. В этой связи В. И. Ленин подчеркивает, что «без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным»³⁶. Стратегия и тактика Маркса и Энгельса, т. е. их теория и практика руководства революционной борьбой пролетариата, представляли ос-

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 375.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 77.

³⁶ Там же.

нову для философского осмысления субъективной стороны общественного развития, на которую в новых исторических условиях опирался В. И. Ленин, разрабатывая диалектическую концепцию развития общества.

Исследование диалектики общественного развития несомненно являлось главным направлением философской работы классиков марксизма. Однако исторический материализм неотделим от материалистического понимания природы, что постоянно подчеркивал В. И. Ленин в борьбе против ревизионистского отрицания материалистического характера марксистского учения об обществе. Исследование наиболее общих, в частности, гносеологических философских проблем является, с точки зрения Ленина, непременным условием творческого развития исторического материализма.

Принцип пролетарской партийности, выражающий магистральную линию общественного развития, необходимо формирующего материальные предпосылки социалистического переустройства общества, был руководством к действию и в ленинском анализе этой проблематики диалектического материализма.

Известно, что деятели II Интернационала (не только оппортунисты, но и их критики) обычно пренебрежительно относились к философским, мировоззренческим проблемам. Программы социал-демократических партий провозглашали мировоззрение частным делом члена партии. Социал-демократические теоретики нередко утверждали, что историческая заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса заключается, в частности, в том, что они навсегда покончили с философией. Этот философский нигилизм прикрывался эмпиристскими рассуждениями о том, что рабочий класс интересуют такие реальные вещи, как повышение заработной платы, социальное обеспечение, пособия по безработице, а не умозрительные проблемы «вещи в себе» или абсолютной истины. На деле же социал-демократический философский нигилизм открывал дорогу идеалистическому истолкованию научного коммунизма в духе неокантианского «этического социализма», оппортунистическому «соединению» марксизма (как якобы нефилософского учения) со всякого рода буржуазными философскими теориями³⁷.

³⁷ Г. В. Плеханов был, по существу, единственным среди деятелей II Интернационала теоретиком, который придавал первосте-

В. И. Ленин был первым и единственным среди учеников и последователей К. Маркса и Ф. Энгельса, полностью осознавшим значение диалектического материализма как философской основы марксизма и необходимость его дальнейшего, постоянного развития. С этих позиций В. И. Ленин критиковал теоретиков II Интернационала. «Материализм, как философия, *везде у них в заго-не*. «*Neue Zeit*», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярким сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков»³⁸.

Выступление В. И. Ленина против российских и международных ревизионистов в области философии, его борьба против эмпириокритицизма (махизма), ставшего модной философией среди социал-демократических теоретиков, ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» — все это органически вытекало из основной установки В. И. Ленина на всестороннее развитие учения К. Маркса и Ф. Энгельса, из партийной позиции по проблемам мировоззрения. Показательно, что К. Каутский, который ко времени выхода ленинской книги еще не успел перейти на позиции оппортунизма, не понимал действительной необходимости идейной борьбы с философским ревизионизмом. Эта борьба представлялась ему ненужным, уводящим в сторону делом: «не следует впутывать партию в подобные споры», — писал он в 1909 г.³⁹ Между тем социал-демократические эмпириокритики подменяли марксистский материализм субъективистски-агностической философией Э. Маха и Р. Авенариуса.

«Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, как на это указывает название книги, был посвящен критике идеализма, защите, обоснованию, развитию материалистической философии К. Маркса и Ф. Энгельса. Но в учении марксизма материализм и диалектика составляют единое целое. Неудивительно поэтому, что творческая раз-

пенное значение философским проблемам, настаивая на том, что К. Маркс и Ф. Энгельс создали свое философское учение, принципиально отличное от всех предшествующих. Однако ошибки Плеханова в области философии и его политический оппортунизм сделали невозможным для него последовательную борьбу с извращениями диалектического материализма и творческое развитие последнего.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 137—138.

³⁹ См.: Der Kampf, 1909, Hf. 10, S. 452.

работка философского материализма означала и дальнейшее развитие марксистской диалектики.

В эпоху К. Маркса и Ф. Энгельса философы-метафизики абсолютно противопоставляли друг другу знание и незнание, истину и заблуждение. В новых исторических условиях метафизика трансформировалась в абсолютный релятивизм, стирающий эти противоположности и истолковывающий знание в субъективистски-агностическом духе. Эти метаморфозы метафизики были связаны с методологическим кризисом в физике, начавшимся в конце прошлого века в связи с открытием электронной структуры материи и крушением механистического миропонимания.

Революция в физике, начавшаяся в конце XIX в. и достигшая своего апогея в середине нашего столетия, свидетельствовала об относительности знания. Классическая механика, которая представлялась прежде системой окончательных истин в последней инстанции, оказалась истинной лишь в известных пределах. Философы-идеалисты и некоторые находившиеся под их влиянием естествоиспытатели стали интерпретировать этот факт как свидетельство субъективности всякого знания, т. е. отрицание присущего ему объективного содержания. В. И. Ленин писал о сторонниках «физического идеализма»: «Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, то есть объективной реальности физического мира... Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно верно, относительно правильно отражаемого этим познанием»⁴⁰.

Ленинская критика абсолютного релятивизма, т. е. субъективно-идеалистической интерпретации факта зна-

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 277. Следует подчеркнуть, что субъективистская интерпретация знания, которую В. И. Ленин подверг всесторонней критике, является одной из наиболее характерных особенностей современной буржуазной философии. Один из видных ее представителей, К. Р. Поппер, например, утверждает: «У нас никогда нет достаточных оснований для веры в то, что мы достигли истины. Пользуясь языком Платона и Аристотеля, можно сказать, что мы добились в науке лишь „мнения“». Больше того, это означает, что в науке (исключая, конечно, чистую математику и логику) мы не имеем доказательств» (*Popper K. R. The Open Society and its Enemies. London, 1957, vol. 2, p. 13*). Таким образом, ленинские аргументы против абсолютного релятивизма актуальны и в настоящее время.

ния, является вместе с тем развитием материалистической диалектики как теории познания. Диалектика, разъясняет В. И. Ленин, включает в себя релятивизм, но не сводится к нему. Определяя диалектику как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Ленин тут же подчеркивает, что диалектика есть также учение об относительности познания, т. е. о связи нашего знания с условиями его возникновения и развития, применимости к определенным (а отнюдь не ко всем возможным или существующим) явлениям, в рамках которых совершается познавательная деятельность. Именно поэтому «пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»⁴¹. Относительность истины, которую «физические идеалисты» истолковывали как полную субъективность, Ленин истолковывает как определенность, конкретность, ограниченность истины определенными объектами, что вместе с тем указывает на заключающееся в ней объективное содержание. Это, следовательно, объективная истина, и именно поэтому ее содержание частично абсолютно, т. е. в нем наличествуют фрагменты такого знания, которое не может быть опровергнуто последующим развитием⁴². Следовательно, утверждение абсолютного релятивизма о невозможности абсолютной истины основывается на антидиалектическом понимании последней. Между тем противоположность между абсолютной и относительной истиной, как разъясняет Ленин, также относительна. Абсолютная истина интегрирует относительные истины. И поскольку этот процесс, как и познание вообще, остается незавершенным, абсолютная истина относительна в своих пределах, которые то раздвигаются, то суживаются развитием познания. Действительное знание есть единство абсолютной и относительной истины. Это диалекти-

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 137.

⁴² Эта точка зрения, всесторонне обоснованная В. И. Лениным, разделяется в наше время наиболее выдающимися представителями естествознания, вполне осознавшими принципиальную несостоятельность абсолютного релятивизма. Сошлемся для примера на Л. де Бройля, который решительно заявляет: «Всякий раз, когда с определенной степенью точности подтверждается какой-либо закон (а всякий результат может быть проверен лишь с определенной точностью), можно утверждать, что этот результат в основном является окончательным и никакие последующие теории его не смогут опровергнуть. Если бы это было не так, то никакая наука вообще не могла бы развиваться» (*Бройль Л. де. Революция в физике*, М., 1963, с. 13).

ческое положение В. И. Ленин резюмирует следующим образом: «относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед»⁴³.

Таким образом, отрицание абсолютной истины так же несостоятельно, как и отрицание относительности истины, которое было характерно для метафизически мыслящих ученых и философов домарксистской эпохи.

Метафизическая интерпретация факта относительности познания, составляющая основной грех абсолютного релятивизма, неизбежно приводит к субъективистски-агностическому пониманию философских и общенаучных категорий. Эмпириокритики, ссылаясь на совершающееся в ходе развития науки изменение содержания категорий, т. е. на зависимость их содержания от уровня развития познания, утверждали, что категории, которыми оперирует мышление, не имеют отношения к предметам исследования, а представляют собой лишь способы систематизации чувственных данных, специфически человеческие психические структуры. Так, констатируя приблизительность, ограниченность научных представлений о причинно-следственных отношениях, «физические идеалисты» лишали эти представления объективного содержания, прокладывая тем самым дорогу эпистемологическому индетерминизму. Вопреки этим несостоятельным утверждениям В. И. Ленин защищает «объективную причинность, отражаемую лишь приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, законе и проч.»⁴⁴

Возвращаясь к проблеме причинности в «Философских тетрадах», Ленин выступает как против механистической абсолютизации причинности, так и против субъективистского истолкования ограниченности этой (как и любой другой) категории. Причина и следствие — «лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи»⁴⁵, причинность есть «лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи»⁴⁶.

Понятие детерминизма, несомненно, шире понятия причинности, так как закономерности (наиболее существенные формы детерминации) несводимы к отношению при-

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.

⁴⁴ Там же, т. 18, с. 159.

⁴⁵ Там же, т. 29, с. 143.

⁴⁶ Там же, с. 144.

чины и следствия. Однако и понятие детерминизма в своих конкретных исторических формах предполагает неизбежные упрощения, а следовательно, и некоторые искажения действительного многообразия отношений, явлений, которое неисчерпаемо. Об этом свидетельствует, в частности, ограниченность механистической концепции детерминизма, несостоятельность которой применительно к открытиям физики конца XIX — начала XX в. становилась все более очевидной для естествоиспытателей и философов.

Основной вывод, обоснованный В. И. Лениным в процессе диалектического анализа методологического кризиса в физике, — необходимость разработки гносеологии как теории развития познания. Уже К. Маркс применял принцип развития познания к исследованию истории экономической мысли, раскрывая объективное содержание знания и его субъективный, нередко принимающий форму заблуждения, способ выражения. Ф. Энгельс исследовал историю естествознания как развитие его основных категорий. Ленин продолжает дело Маркса и Энгельса в эпоху, когда методологический кризис физики выявил необходимость сознательной разработки именно тех категорий мышления, которые сформировались в ходе истории цивилизации стихийно, незаметно для сознания и поэтому обычно считались неизменными, прирожденными (или, что то же самое, априорными) формами мышления. Рассматривая теорию познания как теорию развития, В. И. Ленин осуществлял систематизацию гносеологической теории К. Маркса и Ф. Энгельса и вместе с тем двигал ее вперед на основе новых данных науки и практики.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин так определяет предмет гносеологии. «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»⁴⁷. Гносеология, следовательно, изучает специфический процесс развития — развитие познания, выявляя присущие ему закономерности, противоречия, формы отрицания и диалектического перехода от одного уровня знания к другому, более высокому. Результаты познания трактуются гносео-

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 102.

логией марксизма как включенные в его последующее развитие и, значит, подлежащие изменению если не непосредственно, то опосредствованным образом, вследствие изменения их места в системе научных знаний.

Теория познания диалектического материализма относится к истории познания как логическое к историческому вообще: она есть его теоретическое подытожение, неизбежно ограниченное наличным историческим уровнем познания, но столь же закономерно преодолевающее эту ограниченность, поскольку история продолжается.

В статье «Карл Маркс» В. И. Ленин конкретизирует приведенное выше определение предмета марксистской гносеологии, указывая, что диалектика «включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию»⁴⁸. Следует подчеркнуть, что переход от незнания к знанию совершается на любой ступени познания, т. е. незнание всегда имеет место. Противоположность между знанием и незнанием диалектична; она наличествует в самом содержании знания в силу имманентно присущей ему определенности, не говоря уже о его относительности, неполноте, исторической ограниченности, осознание которой достигается лишь в процессе его последующего развития. Именно в этом смысле следует понимать известное положение В. И. Ленина: истина есть процесс.

Таким образом, В. И. Ленин разрабатывает гносеологию как учение «о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде»⁴⁹. Принцип всеобщности развития должен быть, следовательно, применен и к самим формам всеобщности, внутренне присущим познавательной деятельности человека. «Если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика *понятий* и диалектика познания, имеющая объективное значение»⁵⁰. Это положение, сформулированное в «Философских тетрадах», имплицитно содержится уже в «Материализме и эмпириокритицизме», в котором обосно-

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55,

⁴⁹ Там же, т. 23, с. 43—44.

⁵⁰ Там же, т. 29, с. 229.

вызывается необходимость гносеологической интерпретации категорий.

Отношение категорий к объективным онтологическим формам всеобщности, которые они воспроизводят посредством абстракций,— одна из ключевых проблем диалектико-материалистической теории познания. Ведь эмпирическое происхождение категорий (а значит, и их действительное отношение к объективной реальности) далеко не очевидно. Будь это иначе, были бы, конечно, невозможны споры о том, существует ли случайность, необходимость, сущность и т. д. То, что понятия, относящиеся к эмпирически фиксируемым объектам познания (например, понятия минерала, растения, животного и т. п.), постоянно обогащаются новым содержанием, конкретизируются, уточняются, известно каждому. Но философские категории (в том числе и те, которыми постоянно оперируют естествоиспытатели) не относятся, во всяком случае непосредственно, к эмпирически фиксируемым объектам. Домарксовская философия не исследовала связи философских категорий с конкретным содержанием исторически развивающегося познания. Представление Канта, согласно которому категории суть неизменные, прирожденные структурные формы теоретического разума, в значительной мере выражало и убеждения естествоиспытателей, хотя последние не формулировали его философски, не делали из него субъективистских и агностических выводов.

Гегель был, в сущности, единственным домарксовским философом, который поставил вопрос о развитии категорий и попытался дать целостную картину этого процесса. Однако в его идеалистической системе категории не отражают независимой от познания реальности, их логическое «развитие», самопорождение, самообогащение, трансформации совершаются вне времени. С этой точки зрения, система категорий есть иерархический порядок универсума, с которым соотнобразуются все вещи.

Философия марксизма покончила с абсолютизацией категорий во всех ее (в том числе и присущей диалектическому идеализму) формах. Становление и развитие диалектического и исторического материализма непосредственно связано с самой решительной критикой догматической абсолютизации результатов познания (к которым, разумеется, относятся и категории), с последовательным отрицанием метафизической интерпретации форм всеобщности, присущих объективной действительности и ее по-

знанию. К. Маркс, как известно, подверг всесторонней критике метафизику категорий буржуазной (и мелкобуржуазной) политической экономии. В работах Ф. Энгельса мы находим критический анализ метафизического понимания тождества и различия, необходимого и случайного, единичного и всеобщего, конечного и бесконечного в естествознании XIX в. В. И. Ленин разрабатывает учение о категориях как один из важнейших разделов гносеологии диалектического материализма.

Первые две главы ленинского «Материализма и эмпириокритицизма» объединены одним и тем же названием: «Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма». Третья глава — «Теория познания диалектического материализма и эмпириокритицизма» подытоживает противопоставление марксистской гносеологии гносеологическому субъективизму.

Э. Мах, прослеживая изменения понятий в ходе истории познания, отмечая тот факт, что некоторые понятия естествознания (флогистон, эфир и т. п.) были отброшены как лишённые объективного прообраза, пытался доказать, что признание объективного существования причинности, пространства и даже материи является пережитком спекулятивных метафизических систем, приписывавших категориям онтологический статус. В. И. Ленин вскрывает несостоятельность этого гносеологического отрицания «метафизики», которое на деле оказывается утонченным (гносеологическим) обоснованием субъективного идеализма. Если, например, изменение понятий пространства и времени вызывается необходимостью их конкретизации, дополнения, уточнения, устранения присущей им неполноты, односторонности, упрощенности, то это как раз и указывает на то, что данные понятия имеют действительное отношение к предметной действительности. «Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени,— пишет Ленин,— так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира»⁵¹.

Таким образом, В. И. Ленин противопоставляет субъективистской интерпретации факта приблизительности категорий (и научных представлений вообще) гносеологический анализ их развития. Такое исследование, поскольку

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 181—182.

оно учитывает научные данные, ведет от понятий к объективным отношениям, связям, формам всеобщности, которые в этих понятиях идеально и, разумеется, лишь приблизительно воспроизводятся.

Важно подчеркнуть, что гносеологический анализ категорий, осуществленный в «Материализме и эмпириокритицизме», был необходим не только для критики эмпириокритицизма — гносеологической разновидности идеализма. Необходимость теоретико-познавательного исследования категориальных характеристик объективной реальности вытекает из существа диалектического и исторического материализма. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин постоянно возвращается к этому вопросу, показывая, что все категории науки и философии, диалектический метод, диалектическое миропонимание в целом представляют собой теоретическое подытоживание истории познания. Однако история познания продолжается, и любое ее подытожение не носит окончательного характера. Поэтому абсолютизация категорий, диалектического метода, теории диалектического процесса, т. е. забвение постоянной необходимости их дальнейшего развития, оказывается в конечном счете подменой диалектики метафизическим способом мышления.

Буржуазные и ревизионистские критики марксизма обычно противопоставляют «Философские тетради» В. И. Ленина «Материализму и эмпириокритицизму». Так, Р. Гароди утверждает, что в «Философских тетрадах» Ленин преодолел «эмпиристские» заблуждения, якобы содержащиеся в «Материализме и эмпириокритицизме»⁵². Само собой разумеется, что «Философские тетради» представляют собой новую ступень в развитии философских взглядов В. И. Ленина. В этой работе Ленин выдвинул ряд новых положений, значение которых невозможно пе-

⁵² По словам Р. Гароди, в «Философских тетрадах» В. И. Ленин пришел к выводу, что «отражение имеет место не в начале познания, в иллюзорности, непосредственности ощущения, а, напротив, на ступени понятия» (*Garaudy R. Lénine. Paris, 1970, p. 43*), т. е. Гароди приписывает Ленину идеалистическое, гегелевское воззрение. Но В. И. Ленин никогда не разделял точки зрения, что ощущения иллюзорны, не говоря уже о том, что как диалектический материалист он считал иллюзии специфическим отражением действительности. Отражение с точки зрения гносеологии марксизма не представляет собой свойства, присущего лишь истине. Отражение — основная определенность сознания, сущность которого состоит в том, что оно отражает объективную реальность.

реоценить. Но это произведение не противостоит ленинским исследованиям предшествующего периода, а представляет собой (как уже было показано выше) их продолжение. Внимательный анализ «Материализма и эмпириокритицизма» выявляет в этом труде многие гносеологические положения, получившие дальнейшее развитие в «Философских тетрадах». И это относится прежде всего к одной из важнейших идей ленинских «Тетрадей» — идее совпадения диалектики, логики и теории познания.

Диалектический материализм не ограничивается философским анализом развития природы и общества. Диалектико-материалистическая гносеология, как об этом уже говорилось выше, есть теория развития познания. То же следует сказать о диалектической логике, которая исследует развитие логических форм, в частности, развитие категорий. Именно поэтому В. И. Ленин говорил о совпадении теории познания и логики (разумеется, диалектической). И именно в этом смысле следует понимать известное положение Ленина: диалектика есть теория познания и логика марксизма. «Диалектика,— писал Ленин,— *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁵³.

В другом месте, касаясь диалектической логики, Ленин подчеркивает: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания»⁵⁴. Это значит, что не только содержание знания, но и его логические формы отражают объективную действительность. Более того, категориальные формы знания представляют собой также определенные знания об этой действительности, которой внутренне присуще закономерное, необходимое, возможное, случайное и т. д.

В. И. Ленин пишет: «Если Магх не оставил „*Логики*“ (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В „Капитале“ применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и движущего сие ценное вперед»⁵⁵. Эта характеристика важнейшего произведения К. Маркса позволяет правильно

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

⁵⁴ Там же, с. 163.

⁵⁵ Там же, с. 301.

понять основополагающее значение положения о совпадении диалектики, гносеологии и логики. Маркс исследует в «Капитале» развитие капитализма, вскрывает закономерности этого исторического процесса. Труд Маркса является вместе с тем исследованием исторического процесса познания капиталистической экономики, критическим подытожением истории политической экономии. И, наконец, в-третьих, «Капитал» Маркса представляет собой исследование развития экономических категорий. «История капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее», — так характеризует В. И. Ленин основное содержание этого труда⁵⁶. И эта характеристика полностью выявляет всеобщее значение принципов исследования, примененных Марксом в «Капитале». Подчеркивая это обстоятельство, В. И. Ленин пишет: «Таков же должен быть метод изложения (*respective* изучения) диалектики вообще»⁵⁷.

Невозможно охватить мысленным взором буквально неисчерпаемое богатство философских идей, заключающееся в «Философских тетрадах» и других произведениях В. И. Ленина. Особенно важно подчеркнуть, что В. И. Ленин развивал материалистическую диалектику не только в специальных философских исследованиях, но и во всех других своих работах, посвященных политическим, экономическим, историческим вопросам. Обобщая опыт рабочего движения, теоретически обосновывая пути и средства осуществления социалистической революции, намечая программу построения социализма в нашей стране, ведя неустанную борьбу с оппортунизмом как в российском, так и в международном рабочем движении, В. И. Ленин ставил и решал коренные проблемы марксистской философии.

В одной главе, естественно, невозможно изложить все идейное богатство ленинского этапа в философии марксизма. Наша задача заключалась, скорее, в том, чтобы поставить, сформулировать узловые вопросы. Систематический анализ ленинского философского наследия — важнейшая задача всего последующего содержания данного труда.

Современные ревизионисты, как известно, стремятся умалить, принизить великое значение теоретического на-

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

⁵⁷ Там же, с. 318.

следования В. И. Ленина. Одни из них утверждают, что идеи Ленина относились главным образом к российской действительности и поэтому-де неприменимы к другим странам. Другие столь же голословно заявляют, что ленинизм устарел. Не трудно понять, что ревизионистское отрицание или принижение ленинизма есть лишь завуалированная форма антимарксизма, ибо идеи К. Маркса и Ф. Энгельса сохраняют свое значение для современности именно потому, что они получили свое творческое развитие в ленинизме. Ленинизм был и остается марксизмом современной исторической эпохи, марксизмом XX в. Ленинизм включает в себя не только теоретическое наследие В. И. Ленина, но и труды его учеников и продолжателей. И современная марксистская философия, как и все учение марксизма, творчески развивается в духе ленинизма, под знаком великих идей В. И. Ленина.

2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Сила марксистского учения обусловлена его объективно-истинным характером: концентрируя в себе исторические завоевания прошлого, оно научно обосновывает перспективу коммунистического будущего человечества. Вполне закономерно, что история приносит ему все новые и новые подтверждения.

Однако процесс подтверждения марксистского учения — это не просто «подведение» под его общие положения нового исторического опыта, нового конкретного — социального, природного, научного — материала; марксизм несовместим с канонизацией каких-либо формальных схем, безразличных к своеобразию реальных явлений и процессов, со стремлением «искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины...»¹. Марксистское учение раскрывает свою сущность в том, что выступает, по выражению В. И. Ленина, «живой доктриной», общие принципы которой служат орудиями для конкретного анализа конкретных ситуаций.

Примененная на практике революционная теория преобразует существующую действительность, а измененная действительность ставит новые задачи, требующие новых творческих решений, постоянного углубления самой теории, — которая, таким образом, вливаясь в революционно-преобразующий процесс, порождает необходимость своего собственного развития.

Развитие теории, ее единство с практикой — важнейшее условие и критерий ее действительности: она действительна, поскольку развивается, и развивается, поскольку действительна, т. е. неразрывно связана с «определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории»².

И вместе с тем философское учение марксизма является *целостной* научной теорией. Одно из великих до-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 14.

² Там же, т. 20, с. 84.

стоинств ее В. И. Ленин видел в ее цельности. В философии марксизма, «вылитой из одного куска стали,— писал он,— нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины»³. Принципиальная определенность марксистской философии исторически задана подлинной революцией, которую совершили в науке К. Маркс и Ф. Энгельс. Рождение марксистского философского учения означало конец не только классической немецкой философии, но и вообще философских систем, провозглашавших «истины в последней инстанции» (в чем и выражалась их историческая и теоретическая ограниченность); *началась качественно новая эпоха в развитии философской мысли.*

Взаимосвязь цельности и развития материалистической диалектики. Диалектика цельности и развития специфически характеризует содержание и историю философского учения марксизма. Вопрос о соотношении цельности и развития относится к числу тех вопросов, которые особенно остро встают в периоды, отличающиеся крутыми поворотами истории, своеобразием и неожиданностью ее «ходов»; это также один из вопросов, на котором более всего спекулируют буржуазные и ревизионистские критики, специализирующиеся на произвольном толковании и противопоставлении отдельных сторон марксистской философии, пытаясь таким образом разрушить ее внутреннее единство. Отождествляя верность незыблемым принципам философии марксизма с некоей «догматической ортодоксией», они столь же софистически отождествляют «свободу развития» с беспринципным эклектизмом и абсолютным релятивизмом, рассчитывая таким способом доказать несовместимость цельности марксистской философской теории с ее дальнейшим развитием. В конечном же счете сама проблема заводится в тупик метафизического противопоставления: либо «догматически скованная» цельность (лишенная развития) — либо развитие (лишенное цельности), выступающее в форме плюрализма и некритической открытости «новым критическим веяниям».

Реальная история марксистской философской мысли никак не «вписывается» в подобного рода спекулятивные конструкции.

«Разногласие между теми марксистами,— писал В. И. Ленин,— которые стоят за так назыв. „новую кри-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

тическую струю“, и теми, которые стоят за так назыв. „ортодоксию“, состоит в том, что и те и другие в *разных направлениях* хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более или менее существенные стороны учения Маркса... Первые обвиняют за это вторых в эклектизме и, по моему мнению, обвиняют совершенно основательно. Вторые называют первых „ортодоксальными“, и, употребляя это выражение, никогда не следует забывать, что оно дано противниками в полемике, что „ортодоксальные“ отвергают не критику вообще, а лишь „критику“ эклектиков⁴, т. е. ту критику, которую эклектики направляют против основ марксизма и его существенных сторон.

Цельность и единство философской науки марксизма есть нечто принципиально отличное от искусственной «завершенности» традиционных философских систем. Утверждая и обосновывая всеобщность принципа развития, материалистическая диалектика применяет тот же принцип к самой себе. Ее своеобразие в качестве нового типа философского мышления в том и состоит, что она *развертывает глубину своего содержания в ходе собственного творческого развития*, в котором и реализуется мировоззренческая и методологическая определенность философской системы марксизма.

В советской литературе по философским проблемам часто цитируется и комментируется известное положение Ф. Энгельса, на которое ссылался и В. И. Ленин, о том, что с каждым составляющим эпоху открытием в естествознании материализм неизбежно должен изменять свою форму.

Говоря об изменении форм материализма, Ф. Энгельс отмечал прежде всего реальную, действительную связь между развитием материалистической философии и прогрессом естественнонаучного знания, который своей объективной логикой и результатами подтверждает принципы материалистического подхода к миру, открывая возможности их все более глубокого и содержательного понимания. Между тем положение Ф. Энгельса иногда понима-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 634—635.

ется так, будто связь философии с конкретными (частными) науками по существу сводится к «подгонке» философских, мировоззренческих принципов к специальным научным данным. Но при таком понимании чуть ли не главной заботой философии оказывается — не отстать, догнаться «до уровня», заданного той или иной наукой, каким-либо крупным открытием.

Не отводится ли в таком случае марксистской философии скорее пассивная, чем активная роль?

Философия, разумеется, не должна отставать от развития конкретно-научного знания, игнорирование которого — не менее недопустимая односторонность. Опора на научное исследование природных и социальных явлений — это важнейшее условие формирования материалистических философских концепций, конкретная форма которых так или иначе определяется достигнутым уровнем научных представлений о реальности. Но хорошо известно, что уровень таких представлений является величиной переменной, и здесь коренится источник противоречия между формой всеобщности, которая характерна для философского знания, и неизбежной исторической ограниченностью конкретно-научных знаний. Способом разрешения такого противоречия и является, согласно Ф. Энгельсу, изменение формы материализма, или, говоря словами В. И. Ленина, «ревизия его натурфилософских положений», которая «не только не заключает в себе ничего „ревизионистского“ в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом»⁵. Переосмысление философских представлений о реальности, обнаруживающих свою неполноту, относительность и т. п., неотделимо от развития материалистического миропонимания, поскольку оно опирается на развивающееся научное познание, которое утверждает свою абсолютность через бесконечную сумму относительных истин.

Существенная особенность диалектического материализма состоит в том, что он сознательно отстаивает гносеологическую позицию диалектики абсолютного и относительного, через которую только и может осуществляться поступательное движение человеческого познания.

Обоснование и развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектического материализма было связано с выдающимися открытиями в естествознании того времени. Однако,

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 265—266.

опираясь на великие научные достижения, философия марксизма не ограничилась ими, как не ограничивается она никаким данным этапом научного познания природы. Диалектико-материалистическая философия, обобщая и усваивая новейшие достижения естествознания, не только сама обогащается, но и выступает — благодаря своей мировоззренческой и методологической функции — важнейшим фактором научного развития. Иначе говоря — выполняет не *пассивную*, а *активную* роль⁶.

Таким образом, смысл приведенного положения Ф. Энгельса состоит в том, что диалектико-материалистическая философия раскрывает и развивает свои возможности в живом и непрерывном взаимодействии с новейшими достижениями в науке (равно как и с новым опытом революционно-преобразующей деятельности человека), не утрачивая при этом ничего от своей принципиальной определенности. Она открыта научному прогрессу, усваивает и обобщает его результаты на основе *своих собственных*, творчески развиваемых диалектико-материалистических принципов.

Установка на творческое обогащение в соответствии с новейшими научными успехами, а также с новым опытом общественного развития реализуется через верность исходным мировоззренческим принципам, которые отнюдь не сковывают содержательного развития марксистской философской науки, но требуют его и подтверждаются в нем. Собственные принципы материалистической диалектики есть тот надежный компас, который позволяет ей, минуя Сциллу метафизического догматизма и Харибду эклектического плюрализма, выходить на просторы творческой разработки актуального философского знания. В этом заключается важнейшая специфика философии диалектического материализма как революционного ми-

⁶ На вопрос: «Является ли философия сейчас, как и раньше, для естествознания источником новых идей, или она утратила эту роль вместе с крушением натурфилософии?» — видные советские ученые дают положительный ответ. «Диалектическая концепция развития в сочетании с тщательным анализом фактического материала позволила сформулировать идею, что нестационарные объекты во Вселенной — не исключение среди наблюдаемых многочисленных объектов исследования, а закономерная фаза космической эволюции» (Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Диалектика — методология и логика развития современного естествознания. — В кн.: Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973, с. 35—37).

росозерцания, соответствующего вступлению человечества в эру коммунистического преобразования мира.

Повышение внимания к диалектическим идеям и концепциям, распространение их вширь как в смысле проникновения в новые области знаний, так и в смысле растущего интереса к ним мыслящих ученых во всем мире, конечно, не обходится без определенных теоретических «издержек» — от односторонних интерпретаций отдельных положений диалектики до в принципе неприемлемых трактовок ее сущности в целом. Не в последнюю очередь здесь сказываются и трудности собственно философской проблематики, своеобразие и сложность современной исторической ситуации с ее новыми противоречиями и задачами, а также давление со стороны чуждой идеологии, иногда проникающей в той или иной форме в марксистскую литературу.

Вопрос о характере (способе, путях) развития диалектического материализма как целостной философской системы приобретает кардинальное значение в период, когда стремительно ширится сфера приложения диалектических идей и внимание сосредоточивается на их конкретном взаимодействии с социальными и конкретно-научными проблемами. Именно в таких условиях особенно *возрастает потребность в систематическом осмыслении целостного содержания марксистской философии, ее внутреннего единства*. Целость — это то качество, в котором выражается и логическая стройность философии марксизма и присущий ей методолого-эвристический потенциал.

Глубокое понимание взаимосвязи всех существенных частей и аспектов диалектики — неперенное условие действенного применения ее в качестве орудия революционного познания и изменения действительности.

Развитие материалистической диалектики, исследование того или иного ее аспекта может стать плодотворным только в том случае, если при этом не теряется из виду «связь целого». Реализуется же такая связь в единстве мировоззренческих и методологических функций материалистической диалектики: лишь в статусе философского мировоззрения она способна развешивать глубину своих методологических возможностей, и лишь активно функционируя в качестве метода познания и действия, она раскрывает свой мировоззренческий потенциал и творческий характер.

О мировоззренческой функции материалистической диалектики. Роль диалектико-материалистической философии определяется в первую очередь ее мировоззренческим содержанием. Последнее включает в себя систему знаний о мире и человеке, которая вырабатывается марксистской философией в содружестве с другими науками и другими формами освоения мира, но специфическими средствами, что и обуславливает ее особое, относительно самостоятельное место в общей системе человеческой познавательной деятельности.

В мировоззренческом содержании философии марксизма выражается ее обращенность и к человеку и к миру в целом; здесь знание об объективной реальности слито с его смысло-жизненным значением, с социально-ориентирующей функцией, с идеологической направленностью. Последняя неотделима от *предметно-содержательной стороны* философского знания, находя в ней свой естественный материал и опору. Говоря иначе, для марксистской философии объективно-познавательный подход к миру не является чем-то внешним и индифферентным по отношению к ее социально-идеологическому аспекту. Поэтому в раскрытии мировоззренческого статуса материалистической диалектики принципиальное значение имеет исследование ее специфического познавательного отношения к миру, ее объективно-реального содержания — того, что вносит она, и именно она, в общую сокровищницу «живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»⁷.

Богатство предметного содержания материалистической диалектики, ее познавательно-теоретический потенциал есть источник ее мировоззренческой активности, тот «пункт», в котором соединяются в неразрывное целое и ее философская специфика, и ее научный характер, и ее партийность, и ее гуманистический смысл.

История развития и борьбы марксистского учения свидетельствует о том, что как раз в период революционных, кризисных, переломных ситуаций, когда жизнь с особой настоятельностью требовала новых ответов на новые вопросы и выбора путей практического действия на основе всесторонней оценки фактов, т. е. когда внимание переключалось прежде всего на конкретное применение теории, на ее практическую действенность, *одновременно*

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

выдвигалась в качестве важнейшей задача осмысления и отстаивания философско-мировоззренческих основ теории, ее, казалось бы, весьма абстрактных принципов, несущих в себе самые общие представления о мире и человеке. На связь между философско-мировоззренческим содержанием и его «выходами» в конкретную социальную практику постоянно указывал В. И. Ленин, подчеркивая, что отступления от твердости линии и чистоты принципов в партийной политике неизбежно сопровождаются разбродом и шатаниями в области теории, ревизией тех или иных сторон философского учения К. Маркса и Ф. Энгельса.

В наше время острота вопроса о мировоззренческом характере и методологической функции материалистической диалектики обусловлена многими факторами, прежде всего социально-практическими задачами современности, проблемами, которые ставит нынешний высокий уровень научного знания, а также активностью буржуазных идеологов, прибегающих к весьма изощренным способам атак на революционное мировоззрение марксизма-ленинизма.

В современной философии на Западе активно дискутируются вопросы о специфике философского знания, о его источниках, критериях, функциях и т. п.⁸ Выдвижение и обсуждение этих проблем при всем различии исходных посылок, целей и результатов выступает одним из признаков возрастания интереса к мировоззренческой роли философии. Общей особенностью, характеризующей буржуазную философскую мысль в этом отношении и очерчивающей в конечном счете границы ее теоретических поисков, является противопоставление друг другу и изолированное рассмотрение мировоззренческо-гуманистического и научно-теоретического аспектов философского знания. Осуществляется ли это под флагом борьбы со сциентизацией философии и во имя защиты ее ценностных ориентаций и человеческого фактора или же под флагом борьбы со спекулятивными и метафизическими «псевдопроблемами» и во имя защиты научности — результатом

⁸ См.: Материалы проблемной дискуссии «Будущее философии» в рамках XV Международного философского конгресса. (World Congress of Philosophy, 15 th. Varna. Sofia, 1973—1975. Vol. 1—6). Критический анализ наиболее распространенных в современной буржуазной философии концепций природы философского знания см. в кн.: *Бабушкин В. У.* О природе философского знания: Критика современных буржуазных концепций. М., 1978.

оказываются равно ложные в своей односторонности позиции: одни буржуазные философы претендуют на разработку ценностной, гуманистически ориентированной философской проблематики вне научного подхода и в противоположность ему, другие — апеллируют к научности, выбрасывая при этом за борт ценностное гуманистическое содержание философской мысли, развитое в русле классической философской традиции.

Тем самым неизбежно деформируются и научный и человеческий элементы: первый позитивистски выхолащивается, второй — иррационализируется и субъективируется.

В этой связи весьма характерна антитеза философии и науки как якобы несовместимых типов знания. Условием осуществления философией своих мировоззренческих функций (личностно-смысловой и ценностной ориентации человека, вооружения его высшими идеалами и целями, постижения и решения его коренных жизненных проблем) признается независимость ее от научной установки, опора на ненаучные (эстетические, даже религиозные) формы сознания, отказ от научности, иной раз даже борьба против нее. В таком случае философия так или иначе сохраняет мировоззренческий аспект, но — лишается научно-познавательного отношения к миру. В этом находит свое проявление ограниченность теоретических возможностей буржуазной философии, которая ныне может развиваться, лишь находясь в общем и целом в оппозиции к последовательно научному познанию и решению реальных человеческих проблем.

Вместе с тем здесь действует и определенная идеологическая установка, а именно нацеленность против марксистско-ленинской диалектики, фундаментальной характеристикой которой является как раз единство гуманистического и научного планов в самом ее философском содержании, научный характер выражаемого ею мировоззрения.

В современных буржуазных философских концепциях научный и ценностный подходы, онтологический и антропологический, гносеологический и методологический аспекты в различных сочетаниях противопоставляются друг другу, толкуются односторонне, одни абсолютизируются за счет отрицания других. Существует множество противостоящих друг другу школ и течений: трансцендентальная феноменология (Э. Гуссерль), провозгласившая

своей целью обоснование абсолютности и универсальности философской науки; логический позитивизм (М. Шлик, Г. Фейгль, Р. Карнап), лишаящий философию ее мировоззренческого значения и квалифицирующий фундаментальные философские вопросы как псевдопроблемы; «критический рационализм» (школа К. Поппера), отрицающий саму возможность существования философского метода исследования; «критическая теория» Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас), растворяющая философию в «тотальной» критике существующего; «новые философы» 70-х гг. во Франции, сводящие философию к критике любой власти; «философская герменевтика» (М. Хайдеггер, Г. Гадамер), редуцирующая философский анализ к онтологии человеческого существования через раскрытие «внутренних смыслов» языковой реальности; и т. п.

Картина такой разрозненности и разорванности, больше того — отчужденности друг от друга внутренне связанных элементов философского познания и духовной культуры — отнюдь не признак «творческого разнообразия» и «подъема» философской культуры. Напротив: она свидетельствует о кризисном состоянии современного буржуазного философского мышления, о его явной неспособности вырабатывать и усваивать принципы, позволяющие «схватить в мыслях» целостность реальной действительности, научно понять соотношение субъективного и объективного в общественной практике и постигнуть глубинное содержательное единство человеческого освоения мира.

Вполне естественно, что проблемы специфики философского знания, его научного характера и социальных опосредствований находятся в поле зрения марксистских исследователей — и отечественных, и зарубежных.

Вопрос о мировоззренческом содержании и методологической функции материалистической диалектики возникает вновь и вновь, поворачивается новыми гранями (и трудностями, и «острыми углами»), одним словом, остается объектом серьезных обсуждений и дискуссий⁹.

⁹ См., например, доклад Э. В. Ильенкова «Диалектика и мировоззрение» и другие доклады по этому вопросу на симпозиуме «Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания» (Алма-Ата, 1977). Краткий критический обзор некоторых материалов этого симпозиума был напечатан в журнале «Философские науки» (1978, № 6, с. 146—152).

Выявляющиеся при этом разногласия говорят о том, что существует разное видение вопроса, несовпадение подходов к его решению. Это имеет известные основания в реальной сложности и многоплановости его содержания, которое связано и с интерпретацией классической философской проблематики, и с пониманием совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом революционного переворота в философии, и с оценкой ленинского этапа в развитии философии марксизма, а также с осмыслением особенностей нынешнего общественного и научного развития со всеми его противоречиями.

Значение и острота вопроса о мировоззренческом аспекте материалистической диалектики во многом обусловлены своеобразием того глубокого теоретического синтеза, который реализован в ней. Ее философское содержание не может быть сведено к логической и гносеологической проблематике, к тому, что Ф. Энгельс называл субъективной диалектикой. Принципиальное, решающее значение имеет признание объективного характера диалектики материального мира, того, что в *конечном счете диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот*¹⁰. Вот та коренная материалистическая посылка, на которой держится единство всех аспектов диалектики и с утратой которой они «рассыпаются», лишаясь опоры.

Почему же возникает необходимость напомнить ленинское положение, хотя оно хорошо известно философам-марксистам?

В первую очередь потому, что в рассуждениях некоторых философов эта посылка как бы затеняется, когда материалистической диалектике, так сказать, «отказывают» в праве на статус философского учения о мире и исключают из нее «онтологический» аспект как якобы рецидив преодоленного ею натурфилософского способа философствования, противоречащий ее истинным функциям и научному духу. Помимо других причин, такой взгляд, по-видимому, порождается недостаточной еще разработанностью в нашей философской литературе вопроса *о единстве в теории материалистической диалектики объективно-предметного и человеческого компонентов*.

Материалистическую диалектику иногда предлагают исследовать так, как если бы заведомо признавалось, что диалектико-материалистическое учение о мире и общих

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

законах его развития и познания — это одно, а учение о человеке как общественно-практическом, историческом существе — нечто совсем другое: первое и второе оказываются всего лишь сосуществующими, внешне связанными частями философского знания.

Разумеется, марксистская диалектика в качестве материалистического учения исходит из признания первичности материального бытия, природы, которая существует до человека и составляет безусловную предпосылку человеческого существования и человеческой истории. Раскрывая практический характер человеческого отношения к природе, К. Маркс подчеркивал: «Конечно, при этом сохраняется приоритет внешней природы»¹¹. Каких бы масштабов ни достигала преобразующая деятельность человека, она может разворачиваться лишь в рамках объективной закономерности мира. «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»¹².

Но разве отсюда следует, что в диалектико-материалистической концепции мира нет места человеку и человеческой активности? Не следует, конечно. Напротив, именно материально-предметная деятельность человека есть такая форма связи его с миром, которая только и позволяет человеку постигать объективность мира и законов его развития и в конечном счете — создавать материалистическое философское учение о мире, которое необходимо как раз для успеха материально-предметной деятельности человека.

Отстаивать точку зрения, что объективный мир, всеобщие законы его развития как предмет философии — это непременно мир без человека, что критерием объективности и всеобщности философских принципов и категорий является их абстрактная противопоставленность человеческому историческому бытию; — значит как бы заведомо отвлекаться от того очевидного факта, что человек может познавать существующий независимо от него мир, в том числе и его (мира) всеобщие определения, не иначе, как в формах общественно развитой деятельности. Возможно, такая абстракция допустима (хотя и не всегда!) для дисциплин естествоведческого характера, но в философии она не может не привести к отрыву диалек-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 43.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169—170.

тики от той конкретной исторической практики, теоретическим выражением и интеллектуальным орудием которой материалистическая диалектика является, от тех социальных задач, при решении и для решения которых она возникла.

Подходу, который не учитывает в полной мере коренного отличия диалектического материализма от созерцательного материализма, противостоят в качестве другой крайности, по существу открывающей дорогу позитивизму в философии, попытки «обойтись без онтологии», заместив ее логико-гносеологической или специально-научной проблематикой.

Общей основой обеих точек зрения является то, что они не представляют себе иной формы учения о бытии и человеке, чем та, которую полностью преодолела марксистская философия, не учитывают ту позицию, на основе которой К. Маркс и Ф. Энгельс разрешили — радикально новым путем — проблему *объективной* содержательности философского знания.

Уже давно стало азбучной истиной: материалистическая диалектика несовместима с онтологией в старом смысле, т. е. со спекулятивными конструкциями «мировых систем». Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс начали разработку материалистической диалектики как раз с раскрытия несостоятельности подхода, берущего действительность «только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*»¹³. Поставив, по словам К. Маркса, вопрос об истине как «практический вопрос», марксистская диалектика впервые связала *всеобщность* философского знания о мире (его законов и категорий) с процессом *человеческого освоения* этого мира.

Именно на диалектико-материалистической основе было устранено характерное для домарксистской, а также для современной немарксистской философии противопоставление онтологии и логики, учения о бытии и теории познания.

Односторонность спекулятивного онтологизма и абстрактного гносеологизма (подходов, которые остаются в границах созерцательной философской позиции) полностью преодолевается, когда за исходное отношение человека к окружающему его миру берется материально-преобразующая деятельность, практика, на основе ко-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

торой и разворачивается диалектика объективного и субъективного, материального и идеального, природного и человеческого. Практика является тем процессом, в ходе которого человек познает и преобразует мир, реализуя, объективируя, опредмечивая свои собственные замыслы и идеалы, т. е. превращая идеальное в материальное.

Говоря о роли практики в человеческом постижении мира, В. И. Ленин отмечал, что «она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹⁴. И то и другое — всеобщность практики и ее непосредственная действительность — взаимосвязано. «Достоинство всеобщности», которым обладает практика, состоит в том, что в ней и на ее основе объективный мир раскрывается человеку в своих всеобщих определениях, отражаемых философскими категориями, которые В. И. Ленин определял как «ступеньки выделения» человека из сети явлений природы, как «узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»¹⁵.

Великое завоевание марксистской философии, в результате которого она поднялась над всякой философской спекуляцией, состоит в том, что она раскрыла действительную связь *всеобщего* как предметной области философского знания с *человеком*, с его общественно-практической активностью.

Философия диалектического материализма необходимо включает в себя материалистическое понимание человека и его исторического развития. Не может быть научной философии (в ее подлинном, заложенном и развитом классиками марксизма-ленинизма содержании) без материалистического понимания истории — не в качестве рядоположно сосуществующей с нею области знания, а в качестве принципиальной основы, проникающей собой и определяющей решение всех важнейших философских проблем. Такой взгляд не только не лишает философское знание его всеобщности, но, напротив, как раз и подводит под нее реальную основу. Ведь уже возникновение и характер человеческого сознания при раскрытии диалектико-материалистического решения основного вопроса философии не могут быть объяснены помимо историко-материалистического анализа генезиса общественного — а на этой основе и индивидуального — субъекта.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

¹⁵ Там же, с. 85.

Такой подход предполагает органическую включенность истории, исторического времени в категориальный аппарат материалистической диалектики.

Материалистическое понимание истории, как известно, не исчерпывается учением об особенностях и последовательной смене общественно-экономических формаций, т. е. учением, составляющим теоретическую и методологическую основу всего комплекса конкретных социологических дисциплин как наук о специфических законах общественного развития. Оно включает в себе вместе с тем глубокий *собственно-философский* смысл и значение, выступая концепцией, позволяющей, через раскрытие взаимодействия материального и духовного в самой жизни людей и взаимодействия природы и общества в целом, действительно преодолеть дуализм природы и социальной истории, охватить в высшем теоретическом синтезе человека и мир, развитие природы и общества.

Выдающуюся роль материалистического понимания истории подчеркнул В. И. Ленин, когда писал, что именно здесь основоположники марксизма сделали наибольший шаг вперед.

Идейные противники философии марксизма затрачивают немало усилий, чтобы доказать, будто материалистическая диалектика (именно в качестве *материалистической*, в качестве отражения универсальной закономерности «вечно движущейся и развивающейся природы»¹⁶) чужда человеческо-исторической проблематике, неизбежно сводясь к набору мертвых онтологических схем, а по сути дела давно изживших себя натурфилософских спекуляций. Они назойливо пытаются навязать ложную дилемму: либо материалистическая диалектика есть учение об объективно-всеобщих связях и развитии мира — и тогда в ней якобы нет места человеку; либо диалектика раскрывает своеобразие человеческого существования, выявляет источники специфически человеческой активности — и тогда она будто бы не может быть учением о независимой от человека объективной реальности.

Между тем в материалистической диалектике как раз преодолевается метафизическое противопоставление мира — человеку, объекта — субъекту, природного — историческому, материально-предметного — деятельному. Исторический материализм впервые в истории теоретической мысли не только показал действительную специфику об-

¹⁶ Там же, с. 164.

щественной жизни, но и раскрыл — через понятие общественного производства — подлинную связь общества и природы. Материалистическая диалектика «снимает» не только метафизическое «или—или», но и эклектическое «и—и», при котором в качестве предмета философии признают и мир, и человека, и природу, и историю, но не раскрывают их действительного единства. Коренное различие между современными субъективно-идеалистическими (антропоцентристскими и аксиологическими) концепциями и научной диалектикой заключается отнюдь не в том, что первые исходят из человеческой деятельности, а вторая — из мира вне и без человека.

Материалистическая диалектика, признавая своим фундаментом общественно-историческую практику, предполагающую существование объективного мира, раскрывает в ней такое ее содержание, в котором выражается не только *отличие* человека от остальной природы, но и — одновременно — *тождество* человека с природой (исторически формирующееся как тенденция к совпадению форм человеческой деятельности с формами бытия вещей). Имеется в виду такая определенность практики, в силу которой она, будучи специфически человеческой активностью, выступает вместе с тем ключом к постижению единства совокупного мирового процесса, а значит, и ключом к объективной всеобщности отражающих это единство философских категорий.

Материалистическая диалектика — и именно в качестве учения о всеобщих законах развития материального мира — органически включает в себя человеческий «компонент», отнюдь не «растворяя» его в неразличимом тождестве. Такая позиция, а не сведение философского содержания к логико-гносеологическим, методологическим или частнонаучным проблемам, есть, конечно, отрицание старой спекулятивной онтологии (и ее нынешних подновленных вариантов), однако это, используем здесь слова В. И. Ленина, не «зряшное», не «голое» отрицание, а отрицание диалектическое.

Среди других вопросов, по которым спорят советские философы, активно дискутируется в последнее время и вопрос о «мире в целом»¹⁷.

¹⁷ Некоторые аспекты этого вопроса были затронуты в кн.: Ильичев Л. Ф. Философия и научный прогресс: Некоторые методологические проблемы естествознания и обществознания. М., 1977, с. 97—104.

Некоторые советские философы отстаивают тот взгляд, что мир в целом, понимаемый как «универсальная мировая связь явлений», не может считаться специфическим предметом философии. В качестве главного аргумента выдвигается положение, что в содержание понятия мир в целом должен быть включен и человек с его сознанием, но тем самым будто бы оставляется в стороне высший вопрос всей философии — об отношении сознания и мира, поскольку сознание в мир в целом уже включено. Однако возникает вопрос — не упускается ли в таком случае из виду, что духовное не существует вне мира, находится в единстве с ним, как «высший продукт особым образом организованной материи»¹⁸. «Универсальная мировая связь явлений», образующая содержание понятия мир в целом,— это не статическая и однородная пространственная связь вещей, а система взаимосвязанных разнокачественных материальных процессов, развертывающихся не только в пространстве, но и в историческом времени.

Ф. Энгельс, сопоставляя материалистическую диалектику с метафизикой, специально подчеркивал необходимость «развить общий характер диалектики как науки о связях в противоположность метафизике»¹⁹, отмечая в другом месте, что от последней «ускользает связь целого». Что имел в виду Ф. Энгельс под ускользающей от метафизики «связью целого», становится понятным, если мы обратимся к его характеристике метафизики как общего мировоззрения, «центром которого является представление об абсолютной неизменяемости природы»²⁰. Метафизическое мировоззрение уже с середины XVIII в. начало во все большей степени противоречить зарождавшемуся в естествознании «пониманию того, что природа не просто *существует*, а находится в процессе *становления и исчезновения*», «начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинок и кончая солнцами, начиная от протистов и кончая человеком»²¹.

Таким образом, ускользающая от метафизики «всеобщая связь целого» является, по определению Ф. Энгельса, не чем иным, как всеобщей закономерной связью развития.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 50.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 384.

²⁰ Там же, с. 348.

²¹ Там же, с. 351, 354.

Другими словами, материалистическая диалектика «как наука о всеобщих связях» в противоположность метафизике имеет своим предметом не статическую связь неизменных во времени вещей, а динамическую, структурно расчлененную в пространстве и времени систему материальных связей развития, связей переходов между разнокачественными явлениями, генетически соотнесенными между собой в качестве разных фаз истории целостного процесса, охватывающего в своем единстве весь спектр «превращений движения, которые *от природы присущи* движущейся материи»²². Спектр таких превращений генетически включает в себя и формы развития мыслящей материи — человеческой истории и человеческого мышления, диалектика которого «есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей»²³.

Утвердительный ответ на вопрос о мире в целом как предмете философского исследования является иным выражением признания всеобщности разрабатываемого философией метода познания, всеобщности философских категорий, каждая из которых «есть одна из ступеней познания человеком *единства и связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса»²⁴. Всеобщность метода познания имеет смысл лишь в рамках целостного подхода к миру, опирающегося на все более глубокое раскрытие «всемирной, всесторонней, *живой* связи всего со всем»²⁵, т. е. объективного единства всех явлений (процессов) мира. Понятно, что то или иное представление об этом единстве, как и любой вообще продукт человеческого познания, всегда относительно и неполно, охватывая приблизительно, условно универсальную закономерность природы. Однако оно составляет основание, на котором только и может ставиться и решаться вопрос о содержании логических категорий как всеобщих форм движения мышления.

Исторически изжили себя метафизические системы и натурфилософские конструкции, в форме которых философская мысль прошлого пыталась представить внутреннее единство мировых явлений. Но отсюда не следует, что вместе с натурфилософией надо отбросить (в каче-

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 361.

²³ Там же, с. 526.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 135.

²⁵ Там же, с. 131.

стве якобы «бесполезного» или «вредного») и осуществляемый философией подход к миру в его единстве и цельности.

Отрицать за философией право на такой подход (на разработку наиболее общей категориально-теоретической «модели» мира в данный момент) — значит вступать в противоречие с ее реальной историей. Недаром каждая значительная философская идея, сыгравшая плодотворную роль в развитии человеческого познания, выступала в качестве утверждения (или предвосхищения) той или иной истины о мире, как таковом, и о характере его цельности (единства). Достаточно напомнить идеи единства макрокосма и микрокосма, атомистической структуры мира, всеобщности причинности, всеобщности движения и развития и т. п., а тем более материальной природы мира и материи как *causa sui*, — все они, в своей конкретно-исторической обусловленности, выражали представления о различных существенных аспектах мира в целом, чем и определялась их активная мировоззренческая функция и действительная методологическая роль как всеобщих ориентиров познавательной деятельности.

Идея материального единства мира, выдвинутая именно в философии, сыграла и играет основополагающую методологическую роль для естествознания и общественных наук.

Направленность на познание мира в его объективной цельности вовсе не означает подмены философией естественных наук, которые в своей совокупности исследуют Вселенную. Эта нацеленность не тождественна изжившей себя натурфилософской установке на построение застывших универсально-абсолютных схем²⁶. «Мир в целом» — это исторически развивающееся понятие, значение которого состоит в том, что оно выражает предельную экстраполяцию достигнутых познавательных результатов и по-

²⁶ «Разумеется, тот факт, что марксизм представляет собою мировоззрение и тем самым философское учение о Вселенной, — пишет английский философ-марксист Дж. Хофман, — не означает и не может означать, что он утверждает абсолютную истину *вне* исторического мира, ибо истинные знания о Вселенной, как и сама Вселенная, могут только углубляться, развиваться и расти от одного исторического периода к другому. Такая истина абсолютна, ибо она совершенно реальна, но она в то же время обязательно *относительна*, так как она может находить свое выражение только частичным и исторически обусловленным образом» (Хофман Д. Марксизм и теория «праксиса». М., 1978, с. 231).

этому как бы концентрирует в себе обращенный в будущее — к новым шагам в неизвестное — совокупный потенциал человеческого познания. В диалектичности этого понятия проявляется глубинное противоречие хода человеческого познания, разворачивающегося через непрерывное преодоление своей всегда относительной завершенности и движущегося от одного целостного образа мира к другому.

Подведем краткий итог: когда речь идет о понятии мира в целом в контексте диалектико-материалистического понимания принципа развития, то основной вопрос философии тем самым отнюдь не отбрасывается. Напротив, только при таком подходе и открывается путь к его правильному пониманию и решению, ибо преодолевается статическое, метафизическое противопоставление сознания и бытия, духа и материи и раскрывается как существенность, так и относительность границ такого противопоставления в рамках постановки и решения основного вопроса философии. Предметом марксистской философии, как известно, являются наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Но очевидно, что понятие универсальной закономерности предполагает монистическую концепцию объективного мира.

Ни одну философскую проблему нельзя решить последовательно материалистически и последовательно диалектически, а значит, истинно *монистически*, если исходить либо только из природы, либо только из истории общественного человека и его сознания (либо же — только из признания факта их внешнего сосуществования).

Монистический характер марксистской философии находит свое выражение в том содержании, которое диалектический и исторический материализм вносит в понятие мира в целом. Здесь никоим образом не имеется в виду все конкретное содержание объективной и субъективной реальности, т. е. «все существующее в мире»: это содержание изучается многообразием всех специальных научных дисциплин, совокупная деятельность которых, естественно, не может быть подменена философским познанием, и не дело философии изучать буквально «все в мире», хотя всякий объект и процесс может представлять для нее интерес с ее, собственно философской, точки зрения.

Философское познание в его классическом преемственно развиваемом содержании никогда не порывало с

фундаментальными и традиционными темами, в частности, с проблемой субстанциального единства мира и его всеобщих определений, отражаемых в конечном счете диалектико-логическими категориями.

Перестав быть философией «в старом смысле», диалектический материализм не перестал быть философией — специфической формой познания мира, объективное единство которого находит свое выражение во всеобщих законах его развития. Ф. Энгельс писал: «...история природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления»²⁷. Согласно В. И. Ленину, материалистическая диалектика отражает всесторонность материального процесса и его единство. И когда К. Маркс, раскрывая революционную сущность диалектики в ее «рациональном виде», пишет, что в «позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели»²⁸, то и здесь речь идет о понимании существующего как целостной объективной реальности, развивающейся и последовательно отрицающей свои ставшие тормозом формы под действием имманентно присущих ей противоречий.

Изъятие из философского содержания диалектики онтологического аспекта, который выражает статус диалектики как аналога объективных процессов развития, лишало бы ее как логико-методологических, так и мировоззренческих функций.

В своем крайнем выражении такая позиция может привести лишь к фактическому отрицанию философско-мировоззренческой определенности диалектики: из того само собой разумеющегося факта, что все отрасли науки так или иначе участвуют в выработке научного мировоззрения, некоторые философы делают неправомерный вывод, что материалистическая диалектика будто бы не вырабатывает — и не должна вырабатывать! — никакого относительно самостоятельного мировоззренческого содержания; а на основании того, что все науки так или иначе изучают реальные диалектические процессы в их конкретных и специфических формах, приходят даже к

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 384.

²⁸ Там же, т. 23, с. 22.

заклучению о ненужности учения об объективной диалектике в ее всеобщей форме.

Не напоминает ли такой взгляд известный позитивистский тезис: «наука сама себе философия»?

Исключение из философии «бытийного» содержания означало бы по существу отказ от материализма в диалектике, обеднение ее как философии, утрату того, что образует остов ее логико-эвристической и мировоззренческо-идеологической активности²⁹.

Известно глубокое ленинское замечание о том, что диалектика не может быть сведена к «сумме примеров». Крайне важно, однако, не допускать того, чтобы в процессе правильной критики попыток «сведения» диалектики к «сумме примеров» сама диалектика и ее предмет не сводились бы лишь только к общему для природы, общества и познания содержанию ее законов или же только к субъективной диалектике, т. е. чтобы трактовка диалектики как диалектического познания процесса познания не представлялась в виде будто бы единственно возможного способа «спасти» (от растворения в примерах) ее собственное теоретическое, философское содержание.

Материалистическая диалектика, разумеется, не «примероведение», но именно поэтому она не может быть лишена права быть учением об объективном мире, о вечно развивающейся материи. Ведь исключение из состава собственно философского рассмотрения объективной диалектики превратило бы обращение философии к ней как раз в привлечение отдельных «примеров» из области наук о природе и обществе.

Философское исследование не может заменить собой исследований конкретно-научных. Однако, раскрывая объективное содержание материалистической диалектики, философ должен обосновывать свое философское исследование научным анализом конкретных процессов и явлений. Так, В. И. Ленин указывал на важное значение

²⁹ Известное положение В. И. Ленина о неисчерпаемости электрона — пример того, как внутри философии вырабатывается новое знание, обладающее большой эвристической силой. — замечает В. С. Барашенков. «Поэтому, — пишет он, — едва ли можно согласиться с высказываемым иногда мнением о том, что предметом философии должна быть только теория познания, решение же всех онтологических вопросов целиком принадлежит естествознанию» (Барашенков В. С. Проблемы субатомного пространства и времени. М., 1979, с. 10).

«образцов» диалектики как осмысления конкретных данных естествознания и общественной практики. В этом же смысле и философия не обходится без «примеров». Но ее обращение к проблематике специальных наук о природе и обществе, конечно, не может сводиться только к подборке случайных примеров всеобщности действия основных законов диалектики.

Методологически обоснованный анализ конкретного научного материала, сознательно ориентированный на выявление объективной диалектики развития, имеет огромное значение для теории материалистической диалектики, выступая звеном, связующим общефилософскую теорию с неисчерпаемым многообразием объективного содержания мира³⁰. Постоянный контакт с такого рода исследованиями нужен конечно же не для того только, чтобы получить «еще одно» подтверждение законам и категориям диалектики, такие исследования — важный источник, питающий ее живыми соками конкретной реальности, которая открывает все новые и новые свои грани, пласты, «измерения» в ходе осваивающей ее практической и теоретической деятельности людей.

Категории материалистической диалектики, при всей их всеобщности, не являются раз и навсегда замкнутыми в себе истинами. Напротив, они развиваются и углубляются, они принципиально открыты — как «ступеньки выделения» человека из природы, как исторические образования, аккумулирующие в себе совокупный опыт освоения человечеством природной и социальной реальности. «Если *все* развивается, — писал В. И. Ленин, — то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»³¹.

³⁰ Принципиальное значение материалистической диалектики в анализе и развитии современного естествознания проявляется во многих отношениях. В свое время Ф. Энгельс на базе диалектики проанализировал великие открытия естествознания XIX в., раскрыв их воздействие на все естественнонаучное мышление. В. И. Ленин был одним из первых мыслителей, кто подверг глубокому философскому анализу революцию в физике на рубеже нашего века, ознаменовавшую начало революционных изменений в естествознании. Метод материалистической диалектики дал возможность советским ученым В. А. Фоку и А. Д. Александрову выработать основы диалектико-материалистической трактовки ведущих теорий современной физики — теории относительности и квантовой теории.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

Исследование теоретико-познавательных проблем в решающей степени зависит от разработки теории объективной диалектики.

Материалистическая диалектика, по известному определению В. И. Ленина, есть также логика и теория познания. Однако, представляя собой «отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории», «отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей»³², она выступает необходимо и как наука о «*внемыслительных*» *предпосылках мышления*, которые служат источником содержания последнего. Она есть теория познания, включающая в себя «точку зрения жизни, практики», которая «должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»³³. И только в качестве учения о законах «развития всего конкретного содержания мира и познания его» она есть диалектическая логика как наука, изучающая диалектику рационального движения к истине.

Иными словами, марксистско-ленинская диалектика, именно как общая теория развития природы и общества, выступает одновременно и теорией развития познания (гносеологией), и теорией развития логических форм и категорий (диалектической логикой).

Преодолевая натуралистическую и сциентистскую трактовки предмета философского знания, абстрагирующиеся от тех исторических предпосылок, которые очерчивают перспективу философского видения мира, диалектика отнюдь не утрачивает собственного познавательного отношения к миру, функции познания его в особом «срезе», а именно под углом зрения *всеобщности развития*. Тот, кто исключает из диалектики по тем или иным мотивам всякую «теорию бытия», не видит того, что *теория бытия*, осмысленная именно как *теория развития*, и есть действительное преодоление внеисторической онтологии. Теория бытия и теория познания и практической деятельности в марксизме-ленинизме взаимообусловлены, они не могут существовать изолированно друг от друга. Но это, понятно, не значит, что они будто бы абсолютно совпадают и теория бытия утрачивает относительную самостоятельность и непреходящее значение.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 519; 526.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 145.

Ленинское определение диалектики как учения о развитии в его наиболее глубоком и полном, свободном от односторонности виде является ключевым не только в том смысле, что охватывает другие предметные определения диалектики (как учения о всеобщих связях, о противоречии, о единстве противоположностей и др.), но и в том смысле, что оно связывает, объединяет в нераздельную цельность все составляющие ее единого философско-мировоззренческого содержания. Ленинское определение диалектики адекватно выражает *специфику* философского знания, так как всеобщие законы и формы реального мира — это в конечном счете законы и формы его развития. Вместе с тем оно утверждает *научность* философского знания, причем не в качестве внешнего дополнения к нему, а как его собственную характеристику.

В статье «Карл Маркс» В. И. Ленин отмечал, что основной недостаток старого материализма К. Маркс и Ф. Энгельс видели в том, что он «был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития»³⁴ и абстрактно понимал сущность человека. Но это означает, что последовательное и всестороннее проведение точки зрения развития предполагает раскрытие общественно-исторической сущности человека, т. е. материалистическое понимание *общественной истории*.

Наконец, понимание мира, опирающееся на принцип всеобщности развития в его материалистическом содержании, неотделимо от определенной социально-практической *классовой* позиции, требующей научного познания природной и общественно-исторической реальности и открывающей для него широкий простор. Материалистическая диалектика не просто объясняет мир, но вооружает знанием объективных законов развития, т. е. таким знанием, которое является условием и опорой революционно-преобразующей деятельности. Следовательно, она необходимо включает в себя классовую позицию, и эта сторона опять-таки не является чем-то внешним по отношению к ее философско-научной определенности, но предполагает ее и выражается в ней.

Таким образом, ленинская характеристика материалистической диалектики как наиболее глубокого и полного учения о развитии органически синтезирует все те

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 53.

аспекты, из которых «складывается» ее мировоззренческий статус.

Важно отметить, что В. И. Ленин фиксирует мировоззренческое своеобразие материалистической диалектики в специфической форме *философского* знания. Материалистическая диалектика есть философское мировоззрение, и этим определяется ее особый вклад в общий процесс выработки научных представлений о мире и человеке (в котором участвуют не только все науки, но и различные формы духовно-практического освоения мира)

Марксизм и его коренное теоретическое основание — материалистическая диалектика предстает цельным мирозерцанием, стоящим на уровне науки³⁵, цельным и последовательным революционным мирозерцанием³⁶ — в самом своем философском содержании, а не за его пределами.

О методологической функции материалистической диалектики. Нацеленная на решение конкретных познавательных и практических задач, материалистическая диалектика реализует свой мировоззренческий потенциал в *функции метода*. Методологическая функция диалектики определяется ее философско-теоретическим содержанием и неотделима от него. Действенность марксистско-ленинской диалектики как метода обусловлена всеми ее — отмеченными выше — аспектами, вернее сказать — их единством. Она — их «результатирующая», в которой слиты и научно-теоретическая глубина материалистической диалектики, и ее революционная сущность.

Специфика современной постановки вопроса о методологическом значении диалектики во многом определена тем, что он ставится на фоне широко развернувшейся беспрецедентной по своим масштабам и результатам научно-технической революции, — процесса, который не только значительно изменил облик науки, динамику ее развития, но и существенным образом повлиял на самые разные стороны человеческой деятельности в сферах как материального, так и духовного производства. В условиях современного капитализма этот процесс привел к обострению противоречия между рациональным по своему содержанию научным знанием и не поддающимися рацио-

³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 28.

³⁶ См.: Там же, т. 7, с. 253.

нальному контролю капиталистическими формами его применения и использования.

В рамках буржуазного науковедения процесс научно-технической революции привел, в частности, к кризису позитивистского понимания науки и вызвал неудовлетворенность подходами к знанию, постулирующими его абсолютную и безусловную самоценность и полностью отвлекающимися от содержательно-мировоззренческих и гуманистических аспектов научной деятельности. Не случаен поэтому рост интереса к так называемым метафизическим проблемам и идеям, т. е. по сути к философско-мировоззренческим представлениям об объективной реальности, как таковой.

Не касаясь в полном объеме вопроса о современных моделях «метафизик» в западной «философии науки», отметим лишь, что сам факт, так сказать, «реабилитации метафизики» отражает, помимо прочего, назревшую потребность современного конкретно-научного познания в такой философской методологии, которая не только дала бы возможность осмыслить многообразие уровней частнонаучных и общенаучных методологий, но и соединила бы научное познание с мировоззрением, обладающим подлинной ценностно-гуманистической ориентацией, что особенно характерно как раз для материалистической диалектики. Именно последняя рассматривает принципы познания не сами по себе, не как самодвижение инструментов и способов получения и обработки знаний о природе и человеке независимо от человека, но как принципы, разрабатываемые и изменяемые людьми в их общественной практике.

Наблюдаемое ныне повышение удельного веса философской методологии в конкретнаучных исследованиях закономерно связано прежде всего с постановкой комплексных практических задач, решение которых требует синтеза самых различных областей знания, синтеза, который охватывает естественные, технические и общественные науки и опирается на исследования, касающиеся всех сфер человеческой жизни: от ее экономического фундамента до высших этажей духовной надстройки. Такой синтез, подводя научную базу под идею материального единства мира, вместе с тем остро нуждается в ее философской диалектико-материалистической интерпретации.

Значение философских подходов и идей все более осознается также и в связи с тем, что ведущие науки,

например физика и биология, выходят на принципиально новые рубежи в исследовании своих предметных областей³⁷. С одной стороны, это выражается в переосмыслении самых глубоких, традиционно надежных и прочных оснований научного познания, в обнаружении изменчивости и относительности современного научного видения мира, а с другой стороны — в неожиданной стыковке и парадоксальном взаимопроникновении самых, казалось бы, далеких предметных областей, в подвижности, относительности их границ и т. п. При этом раскрываются такие глубинные, фундаментальные закономерности, осмысление которых позволяет ставить вопрос о создании *новых типов знания*, радикально преодолевающих его былую ограниченность (разобщенность, узость концептуальной базы, дегуманизированность и т. п.).

Наконец, следует указать и на такую причину роста потребности в философском оснащении научных исследований, как развитие самосознания науки, все более нуждающейся в понимании природы, целей и способов своей деятельности. В становлении адекватного методологического самосознания науки (на современном этапе — необходимого условия продуктивного научного поиска) существенная роль принадлежит философскому познанию, которое включается в исследовательский процесс не только в форме определенных гносеологических допущений, но и в форме содержательных представлений о природе реальности, позволяющих рассматривать изучаемые объекты в широком мировоззренческом аспекте.

Охватывая новые и новые предметные области, увеличивая свою мощь, передовая наука — в прямом противоречии с позитивистскими догмами и прогнозами — идет навстречу научной философии с ее классической проблематикой, все острее обнаруживает свою потребность в ней и свою зависимость от нее.

³⁷ Сошлемся на авторитетное мнение видного советского ученого В. А. Энгельгардта. «Биологическая революция, свидетелями и соучастниками которой мы все являемся,— пишет он,— не только перенесла изучение коренных проблем биологии на качественно новый уровень, но в то же время именно в силу своего стремительного развития в возрастающей мере выдвинула перед исследователями вопросы философского, гносеологического порядка» (*Энгельгардт В. А. Интегрализм — путь от простого к сложному в познании явлений жизни.*— В кн.: Философские проблемы биологии. М., 1973. с. 9).

Мировоззренческие по своему существу вопросы, которые ставят видные советские и зарубежные физики³⁸, рождаются сегодня на передовых рубежах современных фундаментальных исследований, где происходит интенсивный процесс становления нового знания, новых идей и представлений об окружающем нас материальном мире. В то же время они имеют принципиально важное методологическое значение для современного естествознания, ибо от них существенным образом зависит стратегия научного поиска, выбор его основных, стержневых направлений.

Весьма знаменательно, что интерес к философской методологии совпадает с интересом к марксистской диалектике, которая, не говоря уже о прогрессивных ученых, все более начинает признаваться методом, который соответствует уровню стоящих перед человечеством теоретических и практических задач. Взятая в методологическом аспекте, материалистическая диалектика выступает как система философских регулятивных принципов, а потому она и в данном аспекте также выполняет мировоззренческо-ориентирующую роль, но применительно уже к самому познавательному процессу, при определении результативных направлений и путей конкретных исследований.

Рассмотрение диалектики под углом зрения ее методологической функции вводит в широкий круг сложных, острых и активно дискутируемых в отечественной и зарубежной философской литературе вопросов: о соотношении философии с другими формами духовного освоения мира, о специфике философского метода и способах его разработки, о его мировоззренческих основаниях и взаимодействии с частно- и общенаучными методами, о его эвристических и прогностических возможностях. Отправным пунктом марксистского анализа и решения этих и

³⁸ «Наука приводит к пониманию важности и значимости каждой естественной формы, и пониманию того, как Вселенная, атом, явления жизни сосуществуют и образуют единство...— пишет В. Вайскопф.— Чем глубже проникаем мы в сложности живых организмов, в строение вещества или в просторы Вселенной, тем теснее соприкасаемся с существенными проблемами философии природы: „Как растущий организм развивает сложную структуру? Каково значение частиц или субчастиц, из которых состоит вещество? Каково происхождение материи? Каковы строение и история Вселенной в больших масштабах?“» (Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. М., 1977, с. 259).

других родственных им проблем является признание неразрывного единства методологической и мировоззренческой функций материалистической диалектики.

Эффективность диалектики как метода познания определяется теоретическим содержанием ее основополагающих принципов, которые концентрируют в себе не только интеллектуальный, но и духовно-нравственный потенциал исторического развития человечества.

Содержательная специфика диалектико-материалистического метода теснейшим образом связана с тем, что он исторически возник и творчески развивается как метод не только познания мира, но и изменения его, как руководство не только к познанию, но и к революционному действию передового класса. Именно эту радикальную особенность диалектико-материалистической философии, отличающую ее от всей домарксистской философии, К. Маркс с полной определенностью подчеркнул в знаменитом одиннадцатом тезисе о Л. Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»³⁹. Рассмотрение диалектики одновременно и как *мировоздействия*, т. е. философии, реализующей себя в революционном изменении действительности, в высшей степени актуально особенно в настоящее время, когда проблема развития выступает проблемой не только истинной теории, но и «истинной практики» (К. Маркс).

Важно подчеркнуть, что диалектико-материалистический метод содержит в себе мировоззренческие установки в их *философски осмысленной* и обобщенной форме, благодаря чему он и предстает как *философский* метод, который обладает известной предметной самостоятельностью и безусловно не сводим к любой сумме специально-научных и формальных методов.

В ходе развития научного познания все более раскрывается не только качественное разнообразие фрагментов объективной действительности, что, как уже отмечено выше, составляет предметную основу дифференциации научных дисциплин, но вместе с тем и их все более глубокое единство, всеобщая взаимосвязь и взаимосцепление мировых явлений как звеньев в цепи развития материи, что составляет предметную основу интегративных процес-

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 4.

сов, идущих в русле обобщений философско-мировоззренческого плана. Никакой прогресс науки не может выбить почву из-под философии диалектического материализма как учения о мире в его всеобщих определениях, не может лишить философское знание его объективной основы по той простой причине, что он не отрицает и не упраздняет ни материального единства мира, ни диалектических законов его развития, но, напротив, все более глубоко их познает и подтверждает.

Вместе с научным прогрессом ширится и его философское основание. Не только философия должна не отставать от конкретных наук и развиваться во взаимодействии с ними, но и последние должны — если они не хотят оказаться позади своих собственных задач и возможностей — не отставать от научной философии, активно усваивать и сознательно применять результаты философского постижения мира, выражаемые в наиболее полной и развитой форме диалектико-материалистической философией.

Обогащение специально-научного познания философским и осуществляет материалистическая диалектика в ее методологической функции. Она потому и выступает творческим инициатором научного поиска, что включает в ход конкретных исследований определенные философские представления о мире и его познании, соотносит единичное и особенное со всеобщими принципами, аккумулирующими в себе исторический познавательно-практический опыт человечества. Именно в роли философского метода она «вводит в действие» этот опыт, превращая его в источник научно-философских догадок и предвосхищений, перспективных аналогий и экстраполяций, без которых невозможно научное искание, движение исследовательской мысли на ее передовых рубежах, «прорыв» ее в новые предметные области, в неизвестное. Действуя в качестве философского метода, материалистическая диалектика одновременно обогащает свое объективно-истинное содержание, а следовательно, и эвристическую силу. Через методологическую функцию материалистической диалектики главным образом осуществляется содержательное взаимообогащение философского и специально-(частно) научного познания.

Вопрос о содержательности философского познания неотделим от вопроса о его источниках и способах получения. Каким же образом вырабатывается и развива-

ется содержание, выражающее специфику философского уровня рассмотрения?

В современной буржуазной философии эта проблема решается либо на пути отрицания объективно-познавательной стороны философской деятельности, сводимой к анализу и прояснению смысла языковых выражений (аналитическая и лингвистическая философия); либо на пути абсолютизации своеобразия философского постижения мира, которое при этом трактуется по аналогии с теми или иными формами непосредственного познания (интеллектуальная или эстетическая интуиция, допредикативное «схватывание» реальности на уровне непосредственной чувственности, экзистенциальное озарение (Erhellung Ясперса) и т. п.), и соответственно разработки феноменологическо-герменевтических методов как характерных якобы для философского видения мира.

Решение поставленного вопроса в диалектико-материалистической философии определяется тем, что она выступает формой научного познания: ее специфически философское содержание формируется в русле научного подхода к миру, в соответствии с общими критериями научности (объективной истинности, логической доказательности, систематичности и т. п.). Соответственно способом получения и обогащения философского знания выступает обобщение конкретного содержания человеческой познавательной деятельности как звена совокупного исторического процесса освоения и преобразования человеком объективного мира. Творческая разработка материалистической диалектики как всеобщего метода познания необходимо предполагает опору на научное исследование конкретных форм объективной диалектики природной и социальной реальности, являющихся источником его (метода) реальной содержательности (что не исключает необходимого взаимодействия философского познания с другими формами духовного и духовно-практического освоения мира).

Формы бытия, формы внешнего мира «мышление никогда не может черпать и выводить из самого себя, а только из внешнего мира» и философские «принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»⁴⁰. Развитие общей теории материалистической диалектики не может отрываться от осмысления диалектических процессов в природе и обществе, анализ

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 34.

специфики которых является необходимым условием проникновения в их глубинное единство.

Разумеется, философия диалектического материализма не может развиваться без глубокой и разносторонней связи с естественнонаучным и общественно-научным познанием. Последнее есть существенный и неотъемлемый компонент в том мыслительном синтезе, который осуществляется философским сознанием.

Однако отношение философии к специальным наукам опосредствуется, помимо прочего, кругом ее собственных проблем (в их конкретно-исторической форме)⁴¹. Философия обращается к конкретным наукам, исходя из содержания, выработанного в русле философского познания и представляющего собой его специфическое достояние. «Отбор» того, что философия заимствует у специальных наук, зависит не только от них, но в значительной мере и от нее самой. Живое взаимодействие марксистской философской науки с другими науками достигается тогда, когда философия не повторяет то, что делают частные науки (не сводится к регистрации и пересказу их достижений), а говорит на своем языке, в котором закреплён опыт диалектико-материалистического осмысления мира и познания.

Мера действительного единства философии с остальными науками определяется внутренними возможностями самой философии, основательностью и степенью зрелости ее принципов. От того, каковы эти принципы, зависит характер и результат связи философии с другими науками, способность ее ассимилировать научные достижения, превращая их в средство развития своего собственного содержания. Дело обстоит не так, что философия тем больше заимствует у отдельных наук, чем она сама беднее и неразвитее. Напротив, философия тем более способна обогащаться от частных (специальных) наук (пере-

⁴¹ Нельзя не учитывать также, что соотношение философии и определенных подразделений науки опосредствуется их практической основой и социальным контекстом. Невозможно, например, правильно раскрыть связь философии с конкретными науками в буржуазном обществе, абстрагируясь от роли науки в капиталистическом производстве и от идеологических функций философии внутри буржуазного общества, точно так же как неправильно было бы исследовать их взаимодействие и взаимосвязь в социалистическом обществе, отвлекаясь от принципиально иного статуса науки в нем и от качественно иного характера марксистско-ленинской философии.

осмысливая и «впитывая» в себя не только их готовые, наличные результаты, но и заключенные в них зародыши новых подходов, тенденции новых исследовательских направлений), чем более она способна обогащать их, т. е. чем более она сама богата и развита.

Иначе говоря, диалектика взаимодействия философии и специальных наук такова, что философия тем больше может брать у науки, чем больше она может давать ей как философия.

Именно определенностью и глубиной философского знания, которым располагает диалектико-материалистический метод, питается его реальная творческо-эвристическая сила. Было бы неверно пытаться рассматривать вопрос о развитии философского знания только в контексте его непосредственной взаимосвязи с естествознанием как таковым. Такая взаимосвязь должна быть понята в более широкой перспективе. А это также и анализ конкретного способа «подключения» той или иной науки к познанию объективного мира, без учета чего невозможно «взглянуть на результаты изучения природы диалектически, то есть с точки зрения их собственной связи»⁴².

Такой способ существенным образом опосредствован сложной системой социально-исторических связей, сложившихся в ходе развития человеческой практики по освоению и преобразованию окружающей его природной и социальной действительности. Не может быть признана обоснованной попытка установить зависимость развития философии только от естественных наук, так как в таком случае материалистическая диалектика изолируется от своей социально-исторической почвы и ставится в преимущественную или даже исключительную связь с естественными науками.

Связь с естественнонаучным познанием (при всем ее бесспорном значении) не является единственным фактором, определяющим существенные особенности диалектико-материалистического метода. Исследование категориального аппарата материалистической диалектики под углом зрения его содержательной взаимосвязи с развитием естественных наук представляет собой весьма существенный аспект теоретической разработки диалектики. Но этот аспект, при всей его относительной самостоятельности, включен в систему принципов, которые не вырабаты-

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 305.

ваются естественными науками самими по себе, но являются результатом более широкого мыслительного синтеза, опирающегося в конечном счете на всю совокупность духовных и практических отношений людей к миру.

Односторонняя ориентация на естественные науки может привести к обеднению философской специфики материалистической диалектики, так как обрывает ее связи с разнообразием других важных источников ее содержательного развития⁴³.

Прежде всего, не существует такого «чисто» научного опыта, на который философия может ориентироваться, беря его за образец научности, как таковой. Научное познание, как только оно вступает на путь теоретических обобщений, активно насыщается — и чем дальше, тем больше — элементами философского знания самого различного характера и происхождения. Философия не становится научной только благодаря тому, что она обращается к специальным наукам и опирается на них, ибо, как уже отмечалось, от ее собственных исходных принципов зависит, что и как она при этом усвоит. И если ее принципы исключают возможность конструктивной ассимиляции научного содержания, то результатом такого обращения к наукам окажется лишь внешняя наукообразность, обманчивая видимость научности (примером чему могут служить многочисленные попытки современных религиозно-философских течений ассоциироваться с науками и «возродиться» с их помощью)⁴⁴.

Следует ли философии непосредственно заимствовать критерии научности от той или иной науки? Ведь определение самой науки и ее критериев вырабатывается при непосредственном участии философского познания, которое выявляет специфический характер гносеологического отношения научного познания к действительности, раскрывает его реальную общественно-практическую основу и соотносит социально обусловленные «образы»

⁴³ Существует точка зрения, смысл которой можно понять так: отдельные естественные науки своими силами давно уже выработали диалектический способ организации и изложения своего материала (чуть ли не совпадающий с Марксовым методом в «Капитале»), и материалистической диалектике в наши дни будто бы следует просто позаимствовать этот опыт, взять у соответствующих наук урок логичности и диалектичности. Трудно согласиться с такой точкой зрения, хотя и нельзя отрицать, что ученые в ряде областей знания действительно говорят на языке диалектики.

⁴⁴ См. об этом подробнее в разделе IV настоящей книги.

науки с ее существенной ролью и истинной исторической перспективой. В этом смысле философия может — и обязана — выполнять *критическую* функцию по отношению к науке, в чем выражается одна из сторон методологической активности материалистической диалектики.

Еще раз необходимо подчеркнуть: союз философии диалектического материализма (материалистической диалектики) с другими науками — естественными, общественными и техническими — не является для нее чем-то необязательным и формальным: он необходимо диктуется самой природой ее как последовательно рациональной, исторически высшей формы диалектического и материалистического мышления.

Материалистическая диалектика как подлинно научная философия, разумеется, не может быть изолированной от происходящих сегодня глубоких преобразований научных знаний, в которых она не только находит свое подтверждение, но и черпает стимулы своего собственного развития. Процесс преобразований глубоко затрагивает взаимосвязи материалистической диалектики со всей системой современного научного знания в ее динамической целостности, которые становятся более сложными, более конкретными и многоплановыми. Отсюда не следует, однако, что материалистическая диалектика должна раствориться в таких связях, утратив свои специфические философские функции научного мировоззрения и теоретико-методологической основы современной науки⁴⁵. Напротив, взятые в их внутреннем органическом единстве, опирающемся на *принцип развития*, эти функции приобретают все более важное значение для современной науки, которая дает все больше конкретных доказательств того, что область действия диалектической категории развития не ограничивается только живой природой, обществом, человеческой мыслью и практикой, но включает в себя также и неорганическую природу.

В противоположность абсолютистским претензиям натурфилософии и позитивистскому редукционизму материа-

⁴⁵ «Органическое соединение философии и естествознания не означает растворения философии в естествознании, равным образом и превращения естествознания в натурфилософию. Это органическое соединение означает все более тесную внутреннюю связь современной материалистической теории и логики научного познания с прогрессом самого естествознания» (Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978, с. 531).

листическая диалектика рассматривает свою взаимосвязь со специально-научным знанием в перспективе исторического развития всей человеческой культуры, всей системы человеческой практики. В такой системе материалистическая диалектика выступает как активный центр синтеза нового, подлинно научного и гуманистического мировоззрения, в котором органически соединяются все ее специфические теоретико-познавательные и методологические функции как философского знания. Конечно, реализация синтетической функции марксистской философии не происходит автоматически, а предполагает творчески активное ее взаимодействие со специально-научным знанием, рассматриваемым не в статическом плане как завершённый продукт, а в динамике его исторического развития.

Именно такая позиция и была всегда характерна для основоположников марксизма, которые не просто констатировали текущее положение дел в специальных (частных) науках, но и выдвигали научно и философски обоснованные прогнозы в отношении характера их будущего развития.

Выражением и неопровержимым подтверждением неуклонного углубления и упрочения союза философии других наук является та активнейшая роль, которую выполняет в современном научном развитии диалектико-материалистический метод, опирающийся на всеобщий принцип развития. Можно сказать, что *ленинская идея о неразрывной взаимосвязи всеобщего принципа развития со всеобщим принципом единства мира выступает фундаментальной методологической установкой, помогающей находить главные стратегические направления современного научного прогресса.*

В современной науке накоплен колоссальный фактический материал, характеризующий процессы развития в природе и обществе, интенсивно разрабатываются специальные теории развития (в эволюционной биологии, в космогонии, в объяснении социальных явлений, в психологии, в исследовании экологических циклов и т. п.). В такой ситуации принципиально важную роль играет диалектико-материалистический подход, поскольку правильное понимание и решение философских вопросов развития может активно воздействовать на характер гипотез и программ исследований в науках, изучающих эволюционно-исторические процессы. Раскрытие единых оснований для объяснения различных видов изменений в процессах раз-

вития должно дать теоретический фундамент, на который можно опираться в разработке и согласовании специальных теорий развития. Ключевыми в данном случае являются вопросы понимания источников, механизмов и способов детерминации развития, генетической связи и взаимодействия форм движения материи и ее структурных уровней, единства различных типов эволюционных процессов.

Вот почему жизненно необходим и закономерен плодотворный союз между учеными, разрабатывающими частнонаучные и общенаучные теории развития, и философами, исследующими развитие под углом зрения его всеобщих характеристик и законов.

Известно, что усиление процессов интеграции и дифференциации в науке не проходит гладко и сталкивается со многими трудностями как объективного, так и субъективного плана. Надо указать, в частности, на проблемы взаимопонимания представителей разных научных дисциплин и вопросы, порождаемые неадекватностью языка и методов науки, недостаточно приспособленных еще к исследованию сложно организованных развивающихся систем, что, в свою очередь, нередко ведет к пекритическому заимствованию и безосновательному переносу специальных методов исследования из одних областей знания в другие. Материалистическая диалектика в качестве философского метода помогает разрабатывать общую концептуальную базу для органического перехода от одних областей знания к другим с учетом их специфики.

Творческо-познавательные возможности диалектико-материалистического метода развертываются в двух основных направлениях: в синтезе, обобщении уже добытого знания, и рождении, становлении нового знания (в формировании гипотез, нащупывании путей в неизвестное).

Другими словами, они реализуются не только в способности его *усваивать* научные результаты и обобщать их, но и в способности его в известной мере предвосхищать, *опережать* их. Собственно, выдвижение философией таких идей и догадок, которые по объективно заключенному в них смыслу опережали (иногда на столетия) ход конкретно-научного познания,— не редкий в истории факт, возможность которого коренится как в широкой базе, так и в специфическом характере философского постижения реальности, результаты которого выражаются в форме всеобщих допущений и принципов, причем опережающая сила философских идей зависит, как правило, от

степени диалектичности их содержания. Первое и второе неотделимы друг от друга и предполагают друг друга: глубокое обобщение осуществляется благодаря научно обоснованному предвосхищению и опережению, а опережение и предвосхищение — благодаря сущностному обобщению. Единство обобщения и опережения (разумеется, неизбежно противоречивое, включающее в себя возможность их расхождения, «отлета фантазии от жизни») определяет эвристико-прогностическую силу диалектико-материалистического метода, его конструктивную роль в постановке новых проблем ⁴⁶.

Сталкиваясь на переднем крае своих исследований с неизвестными еще объектами, та или иная наука прокладывает пути к ним, нащупывает их свойства с помощью догадок, гипотез и аналогий, неизбежно опирающихся на *общемировоззренческие* ориентиры. Там, где невозможна пока опора на твердо установленные факты, где действительные связи еще не открыты, вступает в действие и воображение. Хорошо известны слова В. И. Ленина о необходимости фантазии и в самой строгой науке. И здесь, в наведении мостов от известного к неизвестному, особенно выявляется эвристическая функция таких экстраполяций и аргументов, которые опираются на философские представления о реальности.

История науки знает немало ситуаций, когда с помощью философской гипотезы пролагались пути научному поиску, намечались его предварительные вехи, облегчавшие в конечном счете овладение неизвестным. Такую роль, например, сыграли атомистическая гипотеза, идеи о движении, как атрибуте материи, о неразрывной связи пространства и времени с материей и т. д.

Таким образом, характерной чертой — одновременно и результатом и условием — современного прогресса знаний о мире и человеке является усиление взаимодействия философии с другими науками, которое осуществляется прежде всего по линии *развертывания методологической активности материалистической диалектики как философ-*

⁴⁶ «Философия... обобщая опыт познания мира, создает категории, которые не просто задним числом фиксируют достигнутые естествознанием и гуманитарными науками результаты, а выражают потребность, устремления и тенденции их дальнейшего развития» (Копнин П. В., Дышлевый П. С. Идеи В. И. Ленина о всесторонней гибкости понятий и современное физическое познание. — В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969, с. 53).

ской теории развития. Отсюда необходимость разработки философско-методологического аспекта диалектики, раскрытия роли ее принципов и категорий, которые фиксируют и обосновывают всеобщность развития как процесса, протекающего под действием объективно присущих ему внутренних противоречий.

Признание объективности противоречий и их наличия в самой сущности вещей есть основополагающая черта диалектико-материалистического метода. Противопоставляя плоско-эволюционистским концепциям диалектическую концепцию развития как единства и «борьбы» противоположностей, В. И. Ленин писал: «Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового»⁴⁷.

В настоящее время не только бурно прогрессирующие науки бросают «вызов» материалистической диалектике, «пробуя» и испытывая ее силы в сложнейших и совершенно необычных познавательных ситуациях, но и материалистическая диалектика, со своей стороны, бросает «вызов» наукам, которые все чаще оказываются в ситуации сурового экзамена на диалектизацию, на искусство оперировать понятиями, на философскую культуру мышления, для овладения которой ученый «должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом»⁴⁸.

Острота идеологических битв, отражающая реальное противоборство прогрессивных и реакционных сил, обязывает философов-марксистов бороться за диалектику К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, отстаивать принципиальные основы научной диалектики, что является непременным условием ее творческого развития как способа реализации ее жизненности и истинности.

Материалистическая диалектика есть теория развития, и потому ее собственное развитие, т. е. *развитие теории развития*, составляет первостепенную задачу философов-марксистов.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317. Это важнейшее ленинское положение подробно анализируется в соответствующих главах настоящей монографии.

⁴⁸ Там же, т. 45, с. 30.

3. ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Подходы к разработке проблемы в советской философии. В философском наследии В. И. Ленина по проблемам материалистической диалектики важнейшее место занимает идея единства (совпадения, тождества) диалектики, логики и теории познания. Исходя из ленинской программы разноаспектной разработки теории материалистической диалектики, философы-марксисты, как советские, так и зарубежные, уже многое сделали для реализации этой идеи в трудах по диалектике, логике и теории познания.

Вместе с тем в теоретической интерпретации ленинского положения о тождестве логики, диалектики и теории познания обнаружились и определенные расхождения.

Они касаются прежде всего понимания предмета «большой Логике». Часть советских и зарубежных философов-марксистов подразумевает под ней всю теорию материалистической диалектики и в конечном итоге всю теоретическую систему диалектического материализма (соответствующим образом теоретически построенную)¹. Тем не менее в понимании единства диалектики, логики и теории познания среди философов-марксистов доминирует точка зрения, согласно которой каждая из них выражает одно из направлений развития теории материалистической диалектики (как ее составная «часть», «аспект», «сторона» и т. д.)². При интерпретации диалектической логики как одного из направлений развития (разработки) теории материалистической диалектики со всей остротой встает проблема ее соотношения с другими направлениями («частями»), «асpekтами», («сторонами»): с диалектикой как общей теорией развития, с диалектико-материалистиче-

¹ Тенденция к такому пониманию предмета диалектики выражена в работах С. П. Ситковского, П. В. Кошнина, Э. В. Ильенкова, Ж. М. Абдильдина и др.

² Такой подход так или иначе отражен в трудах М. М. Розенталя, Б. М. Кедрова, Д. П. Горского, И. С. Нарского, А. П. Шептулина и др.

ской гносеологией, а также с диалектикой различных сфер объективной действительности.

В 50-х годах некоторые советские философы³ выдвинули концепцию совпадения диалектики, логики и теории познания, в которой диалектика рассматривалась как единая философская наука, включающая в качестве своей составной части теорию познания. Последняя в свою очередь включала как свою составную часть диалектическую логику. Данная концепция была подвергнута критике в работах П. В. Копнина, Б. М. Кедрова за чисто внешнее соположение разных «частей» с «частью целого»⁴. Во многих отношениях эта критика имела определенные основания. Однако следует отметить, что сама по себе мысль об отношении диалектики, логики и теории познания как об отношении соподчинения *разных частей единого целого* имеет под собой определенные основания и не может быть отброшена как нечто не заслуживающее внимания. У В. И. Ленина наряду с суждениями отождествления («диалектика и есть теория познания») встречаются и суждения различения («области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»⁵), наряду с определениями соотношения как непосредственного тождества («не надо 3-х слов: это одно и то же») имеются и определения этого соотношения как отношения «включения»: «...диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией...»⁶

Ясно, что суждения «диалектика и есть теория познания», «диалектика включает в себя теорию познания», «области знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика», «логика, диалектика и теория познания — разные наименования одного и того же» выражают разные плоскости отношения и несводимы друг к другу.

В качестве «альтернативы» интерпретации единства диалектики, логики и теории познания как простого совпадения различных частей единого целого (отношение

³ См.: Рожин В. П. Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Л., 1957; Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1959.

⁴ См.: Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961; Кедров Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 314.

⁶ Там же, т. 26, с. 54—55.

«включения») получила распространение тенденция к их внешнему отождествлению (разные наименования одного и того же). Крайности этой тенденции наиболее отчетливо проявились в книге В. И. Черкесова «Материалистическая диалектика как логика и теория познания»⁷. Сведение проблемы единства диалектики, логики и теории познания к чисто терминологическому вопросу о разном наименовании одного и того же, естественно, исключало возможность установления действительного единства и действительного различия между теорией познания диалектического материализма и диалектикой как теорией познания, между диалектикой как теорией развития и диалектической логикой. Конечно, гораздо проще решать проблему в том плане, что диалектический материализм — это и есть марксистская теория познания и марксистская диалектическая логика.

Но как тогда быть с ленинскими положениями о том, что Плеханов, отстаивая в борьбе с философским ревизионизмом исходные принципы теории познания диалектического материализма, не понял самой диалектики как теории познания?

Сведение предмета диалектического материализма к предмету логики (диалектической логики) объективно ведет к интерпретации положения о том, что Плеханов не написал по Логике «с большой буквы» ничего, в духе полного отрицания его философского наследия.

Достижения и ограниченность гегелевской постановки проблемы. Тенденция к сведению предмета диалектики как теории развития к предмету диалектической логики генетически связана отчасти с гегелевским пониманием науки логики и ее предмета. В системе философии Гегеля, в его «Энциклопедии философских наук» наукой о диалектике выступает «Наука логики». Отсюда происходит представление, что гегелевское решение проблемы единства диалектики, логики и теории познания дано системой его «Науки логики», которая есть и теория диалектики и логики, и теория познания.

Однако это представление не учитывает того обстоятельства, что к проблеме единства диалектики, логики и теории познания в системе философии Гегеля имеет отношение не только его «Наука логики», но и «Феномено-

⁷ См.: Черкесов В. И. Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962.

логия духа». Последняя — это тоже теория познания, методом которой является идеалистическая диалектика. Как отмечал К. С. Бакрадзе, «Феноменология духа» представляет собой определенную теорию познания. Теория познания, согласно Гегелю, — «это история познания, освобожденная от случайностей, изложенная в ее логической необходимости»⁸.

Открытия гегелевской «Науки логики» непосредственно связаны с его открытиями в «Феноменологии духа». Исторической заслугой Гегеля является первый опыт построения логики как теории диалектики, совпадающей с теорией познания (т. е. являющейся теорией познания). Но он смог осуществить этот опыт лишь благодаря качественному изменению предмета теории познания, нашедшему выражение в «Феноменологии духа». Существо этого изменения состояло, во-первых, в рассмотрении индивидуального процесса познания как воспроизведения основных ступеней исторического развития познания (выведение теории познания из истории познания) и, во-вторых, в выработке взгляда на теорию познания как на учение о познавательных отношениях субъекта и объекта, в которых сам объект выступает и постигается в разных своих формах. Реализация такого понимания предмета теории познания позволила Гегелю вскрыть познавательную роль категорий как общих определений объекта и вместе с тем как ступеней его познания. На основе этого и наметилось совпадение теории познания с логикой и логики — с теорией познания.

Однако совпадение теории познания, какой она выступает в «Феноменологии духа», с логикой «Науки логики» не является простым тождеством (не есть одно и то же). Между ними имеются и существенные различия. Эти различия состоят в том, что логика снимает познавательные отношения субъекта и объекта и рассматривает только отношения между понятиями как уже наличными истинными знаниями. Далее, «Феноменология духа», будучи теорией познания, отнюдь не выступает теорией диалектического метода⁹. Хотя открываемые в ней закономерности процесса познания и носят диалектический характер, они, однако, не являются закономерностями самой диалектики. Для логики же диалектика не только ее ме-

⁸ Бакрадзе К. С. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958, с. 65.

⁹ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1956, т. III, с. 25.

тод, но и ее собственный предмет; логика, в ее гегелевском понимании, является теорией диалектического метода.

Таким образом, хотя логика и совпадает с теорией познания (воспроизводит ее в логическом аспекте), она не есть то, из чего она выводится. Как теория диалектического метода, логика есть некоторого рода особая теория познания, особая не в смысле частной, а в смысле отличной от собственно теории познания, т. е. от гносеологии.

Проблема тождества диалектики, логики и теории познания возникла в философии Гегеля как результат исторически первого опыта построения системы логики, в которой формы мышления рассматриваются как ступени познания истины, а логическими принципами (законами) мышления, обеспечивающими постижение истины, служат принципы диалектики (принцип тождества противоположностей, отрицание отрицания и др.). По определению самого Гегеля, его логика — это наука о диалектическом методе познания¹⁰, и как наука о всеобщем (диалектическом) методе познания она является наукой об общих путях и законах постижения истины, т. е. — теорией познания.

Поэтому в философии Гегеля совпадение *логики* и *диалектики* — это не проблема соотношения диалектической логики и диалектики как теории познания, а проблема соотношения *диалектической логики* и *диалектики* как *теории развития* (т. е. диалектики как науки о всеобщих законах развития природы, общества и мышления). В логике Гегеля эта проблема решалась в духе интерпретации законов мышления, изучаемых диалектической логикой, как непосредственно законов бытия, а последних — как непосредственно законов мышления. В результате логические принципы познания идеалистически онтологизировались (законы развития системы знания переносились на развитие материальных систем), а законы развития материальных систем логизировались, подводились под категории мыслительного, логического процесса. Идеалистически отождествляя мышление с бытием, логику с онтологией (логика=онтология), Гегель диалектическую логику разрабатывал как науку, устанавливающую законы развития «всех материальных, природных и духовных вещей». Предмет диалектической логики у Гегеля смешан и идеа-

¹⁰ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959, т. IV, с. 25.

листически отождествлен с предметом диалектики как науки о законах развития природы, общества и мышления.

Для того чтобы установить, что в логике Гегеля относится к *особым* формам обнаружения законов диалектики в процессе познания (принципы построения системы научно-теоретического знания), а что — ко всеобщим формам их обнаружения в развитии всех систем, что является действительно всеобщим, а что — идеалистической интерпретацией особого как всеобщего и всеобщего как особого,— для всего этого необходимо было выйти за сферу самого мышления и заняться изучением постигаемой в мышлении действительности: природы и общественной жизни. Гегель оказал влияние на К. Маркса и Ф. Энгельса прежде всего в плане усвоения ими диалектического способа мышления, диалектического подхода к изучению и объяснению действительности, но марксистская диалектика как наука о законах развития природы, общества и мышления вышла не из лона гегелевской диалектики, она явилась результатом применения диалектического способа мышления к изучению общественной жизни и обобщению достижений естествознания.

Чтобы создать диалектику как науку, нужно было научно открыть диалектику вещей (лишь угаданную Гегелем) и затем уже на этой основе (на основе знания объективных диалектических законов развития природы, общества и человеческого мышления) произвести материалистическую переработку идеалистической диалектики Гегеля в *систему* материалистической диалектики как теории развития и как теории познания.

Материалистическое переосмысление проблемы К. Марксом и Ф. Энгельсом. Необходимой предпосылкой создания системы логики, совпадающей с диалектикой как теорией развития, было преодоление гегелевского идеалистического отождествления диалектической логики с онтологией, расчленение предмета диалектики как теории развития и диалектической логики (диалектики как теории познания), создание диалектики как науки о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Материалистическое «переворачивание» диалектики Гегеля «с головы на ноги», т. е. материалистическое переосмысление ее как диалектики понятий, отображающей диалектику вещей, было первым историческим шагом к созданию действительно научной теории диалектики.

Открытие «диалектики вещей», в особенности диалектики общественно-исторического процесса через научное познание его объективных законов, было не только решительным преодолением идеализма диалектики Гегеля, но и принципиальным изменением ее содержания. В отличие от гегелевской марксистская диалектика с самого начала ориентирована на объективную действительность, на «логику дела», на адекватное отражение последней в «логике понятий». Блестящим образцом именно такого подхода к разработке диалектики является, в частности, «Нищета философии», в которой К. Маркс, подвергая решительной критике метафизическую вульгаризацию диалектики Гегеля Пруденом, вместе с тем осуществляет коренную переработку метода Гегеля, *выводит* принципы диалектического метода из теоретического обобщения диалектики общественно-исторических процессов (объективных противоречий буржуазного общества, законов классовой борьбы, социальных революций и т. д.). Такую же направленность имеют и работы Ф. Энгельса, посвященные философскому обобщению достижений естествознания середины XIX в. («Диалектика природы», «Анти-Дюринг» и др.). В этих работах Ф. Энгельс формулирует законы диалектики, осуществляя синтез диалектического содержания открытий современного ему естествознания и совершенных совместно с К. Марксом открытий в области познания истории, в результате чего эти законы выступают как универсальные связи бытия и познания, как всеобщие законы развития природы, общества и мышления.

Таким образом, в марксистской философии материалистическая диалектика разрабатывается прежде всего как *теория развития*, как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления и на этой основе — как универсальный метод познания и революционного преобразования мира.

Исследование закономерностей применения этого метода к познанию, разработку диалектики как системы логических принципов построения научной теории, отражающей объект в его противоречивом развитии, К. Маркс осуществил в процессе создания «Капитала». Логика «Капитала» имеет своей исторической предпосылкой материалистическую переработку принципов «Логики» Гегеля, но сама эта переработка базировалась на создании диалектики как теории развития, *открытии диалектики объективного мира*. Вместе с тем в «Капитале» материалистиче-

ская диалектика представлена в синтетическом единстве всех ее сторон — и как теория развития, и как теория познания, и как логика. Здесь проблема единства диалектики, логики и теории познания впервые поставлена на научную основу, и здесь она впервые получила свое практическое решение. Именно исследуя диалектику «Капитала» и соотнося ее с «Логикой» Гегеля, В. И. Ленин сформулировал в качестве крупнейшего философского достижения этой гениальной работы К. Маркса принцип совпадения в ее методе диалектики, логики и теории познания. И с позиций этой цельности марксистской диалектики, конкретного единства ее различных аспектов он критиковал односторонности ее разработки в трудах современных ему марксистов, в частности Г. В. Плеханова.

Одним из недостатков освещения материалистической диалектики в работах Плеханова В. И. Ленин считал тенденцию сведения ее к сумме примеров, что было связано с недооценкой разработки диалектики как логики и теории познания. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. ...Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* [„например, зерно“; „например, первобытный коммунизм“. Тоже у Энгельса. Но это „для популярности“...], а не как *закон познания* (и закон объективного мира)»¹¹. То, что у Энгельса было «для популярности» (иллюстрации законов диалектики примерами из различных областей действительности), у Плеханова приобрело самодовлеющее значение. Диалектика как теория развития без рассмотрения ее принципов как законов познания, без разработки ее как логики и теории познания, конечно, не может претендовать на целостную науку.

Историческая заслуга В. И. Ленина в области развития марксистской диалектики и состоит в разработке теории диалектики как теории развития, логики и теории познания в их внутреннем единстве. Но нельзя отрицать и относительно самостоятельного значения разработки диалектики как теории объективных процессов, где и «зерно» и

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

«первобытный коммунизм» выступают не просто в качестве примеров, а в качестве процессов, подлежащих диалектическому обобщению. Это тот «аспект», «сторона» или «часть» диалектики, исследование которых существенно необходимо.

Сведение предмета диалектического материализма к предмету диалектической логики чревато опасной тенденцией к недооценке роли и значения для развития теории материалистической диалектики исследования диалектических процессов различных сфер действительности. Логика мысли, чтобы быть логикой познания истины, должна «корректироваться» логикой предмета, которая не дана мышлению априори в заранее сформированном виде. Категориальные формы мышления охватывают в новом объекте познания только то общее, что освоено уже в познании объекта. В этом их важнейшая методологическая роль, но в этом и их ограниченность, требующая выхода из сферы общего в сферу особенного, постижения его специфических закономерностей, его «логики» для превращения ее в «логику мысли», в средство постижения общего в объектах дальнейшего познания и т. д. Без такого постоянного обращения к практике общественной жизни и научного познания, к «логике» развивающейся действительности диалектике грозит превращение в безжизненную схему.

Но суть не только в этом. Исследование диалектики объективного мира, его природных, общественно-исторических и духовных процессов имеет важнейшее мировоззренческое значение. Марксистско-ленинская философия, будучи призванной дать научные ответы на кардинальные мировоззренческие проблемы человеческого бытия, не может выполнить этой своей функции без обращения к изучению диалектических закономерностей развития объективного мира.

В объяснении мира марксистская философия исходит из принципов материального единства мира (материалистический монизм) и его развития (общие законы развития мира).

Домарксовская материалистическая философия, отстаивая идею материальной субстанциальности природы и природного происхождения человека, не смогла решить вопроса об источнике саморазвития природы и способе возникновения из нее человека, его «мыслящего духа». Марксистская философия решила этот вопрос путем:

1) создания диалектической концепции развития (объяснения саморазвития природы действием объективных диалектических закономерностей, обуславливающих переход от низшей стадии развития к высшей) и 2) открытия законов «самопорождения» человека через усвоение преобразующих природу форм жизнедеятельности, а также созидание человеческого мира как мира «очеловеченной природы».

Исходная идея марксистской философии основывается на осознании того факта, что в основе всех формообразований предметного и духовного мира человечества лежит предметная деятельность человека, направленная на преобразование природы, материальная общественно-историческая практика. Не дух, не мышление создает человеческий предметный мир, его создает сам человек — материальное существо, преобразуя природу в средства и формы своего собственного существования.

Преодолевая ограниченность старого материализма, марксистская философия установила, что базисом формирования человеческого мышления является не просто отображение природы, а ближайшим образом — отражение форм человеческой деятельности и продуцированного ею предметного мира очеловеченной природы. Познавание самой природы в ее независимых от человеческой деятельности формах (естествознание) стало возможным только благодаря развитию общественно-исторической практики, т. е. практическому освоению природы. Поэтому отношение мышления к бытию необходимо включает в себя отношение к предметной деятельности и ее материальным творениям, в которых реализуется практическое, познавательное, эстетическое и другие отношения человека к действительности. И все это — во внутренних связях и в развитии.

Сущностное единство диалектики, логики и теории познания в диалектическом материализме основывается на идее развития, которая является узловым моментом диалектико-материалистического миропонимания. В категориальном строе человеческого мышления эта идея генетически связана с категорией времени, с его обращенностью в прошлое и будущее.

В истории человеческой культуры первой формой временного восприятия мира, базировавшегося еще на мифологическом сознании, было временное видение в плоскости «прошлое — настоящее». В этой временной плоскости

идея развития обращена в прошлое и выступает как идея становления: из чего и как все произошло. Категориями, которые вычленились для постижения этого процесса, выступают бытие и небытие. Блестящий образец умозрительной разработки диалектики становления в античной философии дал Гераклит. Однако эта диалектика еще не знала перехода к высшему через отрицание наличного состояния некоторым качественно новым его состоянием в прогнозируемом будущем.

Прорыв в будущее как полное непризнание наличного состояния мира впервые был осуществлен в сознании угнетенных трудящихся масс в период кризиса рабовладельческого строя и возникновения освободительных движений рабов. Однако он сразу принял религиозную эсхатологическую форму (небесное царство на земле, воскрешение из мертвых и т. п.). Модифицируясь в зависимости от социальных условий, это представление сохранялось и господствовало вплоть до Нового времени.

В период назревания и осуществления буржуазных революций в странах Западной Европы в идеологии буржуазного просвещения формируются представления о будущем как о «царстве разума на земле». В научном познании идея закономерного становления наличного состояния мира сменяется идеей восходящего прогресса во временной плоскости «настоящее — будущее», где «настоящим» выступает полное отрицание феодальных порядков как «царства невежества», а будущим — бесконечный прогресс порядков, основанных на «прогрессе разума» (т. е. буржуазного общества). В связи с этим в буржуазном мировоззрении идея развития принимает форму представления о плоском эволюционном процессе, количественном росте.

Однако в этот же период в буржуазной культуре, в том числе в буржуазной философии, намечается иная тенденция, выразившаяся в попытках научно осмыслить прошлое, связать идею прогресса с идеей закономерного становления наличного состояния мира и тем самым обосновать закономерность смены феодальных порядков буржуазными. Эту тенденцию наиболее плодотворно воплотила философия Гегеля. Исторической заслугой Гегеля, как известно, является разработка идеи развития как противоречивого диалектического движения от низшего к высшему, через переход количественных изменений в качественные, через отрицание и отрицание отрицания.

Но все это было осуществлено Гегелем в форме системы идеалистического миропонимания, буржуазное содержание которого выразилось в доведении диалектического развития до становления буржуазного общества, после чего временная плоскость «настоящее — будущее» изображается в духе плоского эволюционизма (вечности буржуазных порядков).

Действительное научное содержание идея развития обрела только на базе открытия всеобщих законов развития природы, общества и мышления, создания диалектического материализма. В диалектико-материалистическом миропонимании наличное состояние мира предстает как закономерный результат его исторического развития и вместе с тем как исторически преходящая форма действительности. Ее будущее видится как диалектическое развитие из самой действительности нового, высшего состояния мира. Мировоззренческое видение мира как постоянно развивающегося определяет мировоззренческую функцию всех категорий и законов диалектики, которые выступают и средством познания всего происходящего в мире, и средством его практического преобразования. Поэтому в марксистско-ленинской философии идея развития «обращена» не только в прошлое, но и в будущее.

Она опирается на открытие объективных законов общественного развития, создание материалистического понимания истории и теории научного коммунизма. Именно в них материалистическая диалектика обретает свое конкретное мировоззренческое содержание как *теория развития* и эффективно реализует свои функции логики и теории познания.

Материалистическое понимание истории образует теоретический базис марксистской теории познания; в свою очередь, марксистская теория познания, изучая всю сферу познавательной деятельности человека, взятую в ее историческом развитии, является гносеологической основой марксистской диалектической логики. Со своей стороны, диалектическая логика как теория диалектического способа мышления является логико-методологической основой исторического материализма и марксистской гносеологии.

Как и исторический материализм, диалектико-материалистическая теория познания изучает всю историю материальной и духовной деятельности человечества, но в плоскости познавательных отношений человека к дейст-

вительности. Узловыми категориями марксистской теории познания являются субъект и объект. Иными словами, теория познания исследует отношение мышления к бытию сквозь призму субъект-объектных отношений. Человека и человеческое общество она изучает преимущественно в одном качестве — как субъект познания, а предметную действительность, на которую направлена человеческая деятельность, как его объект. Благодаря этому все различные формы предметной и духовной деятельности человека и человечества в теории познания рассматриваются сквозь призму становления и реализации в них разных форм познавательной деятельности.

Развитие В. И. Лениным идеи единства диалектики, логики и теории познания. Предметом марксистской теории познания является система познавательных отношений субъекта к объекту, в которой исторически и логически реализуется процесс познания объективной действительности. По своему методу марксистская теория познания является диалектической теорией. Она раскрывает диалектику познавательных отношений человека к действительности, диалектику процесса познания. Тем не менее — это не общая, а, так сказать, «специальная» теория диалектики, ее законы касаются преимущественно сферы познавательных отношений и познавательной деятельности человека. В этом плане В. И. Ленин писал: «Диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию»¹².

В чем же отличие предмета диалектической логики от предмета диалектической теории познания?

Как уже отмечалось, теория познания изучает познавательную деятельность человека в аспекте познавательных отношений субъекта и объекта. В отличие от этого диалектическая логика изучает познавательную деятельность в аспекте отношения между логическими формами мышления и объективным содержанием мышления. Ее предмет — логический (категориальный) строй мышления, который обеспечивает познание объективной истины. Объективным содержанием логических категорий явля-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 54—55.

ются всеобщие формы бытия. Исследуя его, диалектическая логика дает систему философских понятий об этих всеобщих формах бытия. С другой стороны, в категориальном строе человеческого мышления отражается объективный строй (закономерные связи) самого бытия. Поэтому познание логического строя мышления выступает вместе с тем познанием объективных закономерностей самого бытия, закономерных связей между его всеобщими формами. А эти связи и есть то, что получило название законов диалектики. «Логика,— писал В. И. Ленин,— есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории познания мира*»¹³.

Категориальный строй человеческого мышления исторически сформировался в процессе практической и познавательной деятельности человека. В связи с этим учение о категориальном строе человеческого мышления предстает учением о логических закономерностях познания и, таким образом,— теорией познания, в которой в логическом плане суммируется вся история познания. «Логика,— писал В. И. Ленин,— есть учение о познании. Есть теория познания»¹⁴.

Постигая категориальный строй мышления, раскрывая диалектику форм мышления и форм бытия, диалектическая логика формирует диалектическое мышление. Фактически она и есть его теория. Марксистский диалектический метод — это марксистская диалектическая логика в ее практическом использовании. Поэтому В. И. Ленин называл диалектическую логику (Логика с большой буквы) «собственно диалектикой как философской наукой». После К. Маркса и Ф. Энгельса он впервые подверг систематическому исследованию ее принципы и законы, сформулировал ряд гениальных мыслей, которые имеют фундаментальное значение для ее дальнейшего развития.

Диалектика как философская наука представляет собой сложную теоретическую систему категорий, законов и принципов, имеющих онтологическое, гносеологическое и логическое содержание. В этой разноаспектности своего содержания она выступает как строго субординированное

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

¹⁴ Там же, с. 163.

единство диалектики как теории развития (учение о всеобщих законах развития природы, общества и мышления), диалектико-материалистической теории познания (учение о познавательных отношениях субъекта и объекта как ступенях постижения истины) и диалектической логики (учение о логических формах и способах постижения противоречиво развивающейся действительности). Правильное понимание соотношения, взаимосвязи и субординации этих теоретических структур в системе единой диалектико-материалистической науки имеет принципиальное методологическое и мировоззренческое значение.

Их совпадение заключается в том, что объективное содержание всех трех теорий сводится в конечном счете к исследованию одних и тех же универсальных законов развития всего сущего. Диалектика как теория развития в широком значении является наукой о законах развития всех сфер действительности, в том числе и познания, и следовательно, включает в себя и гносеологию и логику. В более узком значении она — теория универсальных, единых для всех сфер действительности законов развития. В отличие от последней диалектика как теория познания (гносеология) исследует определенную сферу действительности, а именно познавательные отношения субъекта к объекту в их историческом и индивидуальном развитии как ступени постижения истины. Диалектическая же логика исследует эти ступени как логические формы (категории мышления) и законы (принципы) отражения объективной диалектики в постигающем мышлении (понятиях, теориях и т. п.). Их различие — в различном аспекте изучения одного и того же, в различном способе действия этого одного и того же (универсальных законов) в разных сферах действительности. Ленинская формула о «триединстве» диалектики («не надо 3-х слов») относится не к диалектике как теории развития в широком значении этого понятия, а к диалектической логике.

В. И. Ленин первым после К. Маркса и Ф. Энгельса обратил особое внимание на разработку диалектики как теории познания. В тот период в трудах философов-марксистов, в частности Г. В. Плеханова, вопросы теории познания относились к проблематике философского материализма (материалистическое решение «второй стороны основного вопроса философии»). В связи с этим теория познания диалектического материализма рассматривалась

как применение диалектики и идеи об общественно-исторической практике как основе познания и критерии истины к решению традиционных проблем гносеологии, поставленных борьбой материализма с идеализмом (в частности, с неокантианством, махизмом и т. п.). В. И. Ленин не считал такое понимание предмета теории познания диалектического материализма не правомерным. Более того, в своей гениальной работе «Материализм и эмпириокритицизм» он разработал теорию познания диалектического материализма именно в этом аспекте, в плане защиты и обоснования материалистической теории в гносеологии. Здесь он критикует Г. В. Плеханова не за ограниченность понимания им предмета диалектики и теории познания, а за непоследовательное проведение принципов материалистической теории отражения в борьбе против философского ревизионизма (махизма, эмпириокритицизма и т. п.). Совершенно иной характер носит критика В. И. Лениным философских трудов Г. В. Плеханова, когда он переходит к вопросам понимания предмета диалектики как философской науки. Плеханову, написавшему немало работ по теории познания диалектического материализма, Ленин бросает упрек в непонимании того факта, что *сама диалектика является теорией познания марксизма*. «Диалектика,— пишет он,— *и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах*»¹⁵.

Ленинскую критику ограниченности плехановского понимания предмета диалектики можно истолковывать так: либо все, что писал Плеханов по теории познания диалектического материализма, не относится к предмету диалектики как теории познания, либо здесь речь идет просто о непонимании Плехановым того, что написанное им — это и есть диалектика как теория познания. Однако вопрос снимается следующим указанием В. И. Ленина: «Плеханов,— подчеркивал он, — написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов+против Богданова+против кантланцев+основные вопросы etc. etc.). Из них *о большой Логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука) nil!!*»¹⁶

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

¹⁶ Там же, с. 248.

Следовательно, с точки зрения В. И. Лепина, Плеханов не только односторонне понимал предмет диалектики, но и разрабатывал ее односторонне. Правда, в приведенном критическом замечании В. И. Ленина терминологически речь идет не о диалектике как теории познания, а о «большой Логике». Но суть дела в том, что в контексте ленинских высказываний «большая Логика» (Логика «с большой буквы») — это и есть диалектика как теория познания. Об этом, в частности, свидетельствует знаменитый афоризм В. И. Ленина о логике «Капитала» К. Маркса. «Если Магх,— писал он,— не оставил „*Логики*“ (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“... В „Капитале“ применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего свое ценное вперед»¹⁷. Об этой Логике «с большой буквы», тождественной диалектике и теории познания («не надо 3-х слов»), и идет речь у В. И. Ленина, когда он упрекает Плеханова в непонимании диалектики как теории познания. Значит, непосредственное тождество («не надо 3-х слов») относится не к разработке диалектики вообще, а к разработке диалектической логики. Диалектическая логика (Логика «Капитала») — это диалектика и логика и теория познания — в их «себестождестве», разные наименования одного и того же. Но диалектика как теория развития (в широком значении этого понятия) не сводится к диалектической логике, она органически соединяет в себе философское знание о мире с логикой и теорией познания.

Суть ленинской идеи о единстве диалектики, логики и теории познания выражается в том, что каждый из этих аспектов философского знания нельзя разрабатывать и излагать *вне соотнесения с другим*, рядоположно. Принципы диалектики являются одновременно и законами развития мира, и принципами познания, и логическими формами мышления.

Преодолевая метафизическую ограниченность теории познания старого материализма, марксистская философия выявила социально-историческую обусловленность как субъекта, так и объекта познания.

Субъект познания рассматривается в его историческом становлении через развитие различных форм предметной

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

деятельности, направленной на преобразование природы. Познавательные способности человека, его «органы» познания — продукт общественно-исторический. «Образование пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории»¹⁸. То же можно сказать о человеческом мышлении, его категориальных формах и законах. Они не даны человеку от природы, но формируются и углубляются в ходе общественного развития.

Объект человеческого познания также имеет общественно-исторический характер. Природа только тогда приобретает значение объекта, когда она «очеловечивается» — практически и теоретически осваивается человеком. А поскольку формы практического и теоретического освоения природы складывались исторически и менялись на протяжении истории, то и формы определенности объекта познания также менялись, восходя от низшего к высшему, от простого к сложному.

Таким образом, закономерности процесса познания можно раскрыть только на базе исследования закономерностей исторического развития субъекта и объекта познания. Теория познания должна выводиться из истории познания.

Само познавательное отношение человека к действительности имеет практическую природу, опосредствовано целями общественной практики. Марксистская философия рассматривает его как момент в жизненных целях субъекта, а не как самоцель. Субъект есть деятельное существо человека, который утверждает себя через активное вмешательство в предметную действительность через преобразование ее форм в предметы удовлетворения своих потребностей. Познавательная деятельность служит средством этого утверждения. Поэтому предметом марксистской теории познания являются познавательные отношения субъекта и объекта в их опосредствованности практическими отношениями и целями. Это и отражено в соответствующем положении о том, что основа познания есть практика,

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 122.

II. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИКО- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О РАЗВИТИИ

1. ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА МИРА
2. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ
3. РОЛЬ ПРИНЦИПА ОТРАЖЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗВИТИЯ
4. ПРОГРЕСС И РЕГРЕСС В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ
5. РАЗВИТИЕ И ВРЕМЯ

1. ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА МИРА

Для понимания принципа материального единства мира первостепенное значение имеет раскрытие его связи с диалектическим принципом развития. Это вытекает уже из присущей диалектике методологической установки: брать принципы в их взаимосвязи. Вместе с тем сочетание принципов развития и материального единства мира актуально в свете особенностей современного общественного и научного развития. Анализ этих особенностей подтверждает глубину ленинской мысли о том, что «всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»¹.

Понятие «единство мира» характеризуется многообразием аспектов. В свете представлений об объективно существующем можно выделить по меньшей мере четыре основных аспекта и соответственно четыре значения принципа единства.

Субстанциальный аспект. Признание единства мира характеризует известное направление философской мысли — монизм. Монизм утверждает бытие одной субстанции, определяющей все проявления бытия. Для материалистического монизма такой субстанцией является материя. «Действительное единство мира,— писал Ф. Энгельс,— состоит в его материальности»². Иными словами, поскольку вещи, явления, события существуют как проявления одного материального начала, они едины. Решение проблемы единства мира связано, таким образом, с решением основного вопроса философии и определяется им.

Монизм как признание единства мира есть в то же время и признание его *единственности*. Единство мира, определяемое через его материальность, может рассматриваться как единственность мира, в смысле отсутствия

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 43.

иного — «потустороннего» мира, как отрицание многих (рядоположных) субстанций.

Материалистический монизм не является, конечно, чисто логической конструкцией. Основания для убеждения в иллюзорности представлений о какой-то духовной, самостоятельно существующей субстанции («мире идей») поставляются всем спектром наук — от космологии и космогонии до психологии и социологии.

Разумеется, материалистический монизм распространяется не только на природу, но и на общество с его духовной жизнью. Мышление, как и духовное вообще, включено в единство мира на материалистической основе — как высший продукт развития и функция материи. Единство материального и идеального составляет важный и неотъемлемый компонент единства мира. Идеальное как порождение и отражение материи вписывается в материалистическую монистическую картину Вселенной, не теряя своей специфики, отличающей его как субъективную реальность от реальности объективной. Это относится и к той высшей форме идеального, которая выступает как человеческое сознание.

Материальная обусловленность идеального характеризуется двумя взаимосвязанными между собой рядами зависимостей. Один ряд связан с материальным субстратом идеального — мозгом, нервной системой; исследование этого ряда зависимостей, традиционно составляющего содержание психофизической проблемы, достигает в настоящее время уровня раскрытия весьма тонких механизмов, где роль играет не только физиология, но и химизм нейронов. Другой ряд связан с социальной обусловленностью идеального (сознания), с продуцирующими его формами общественного бытия, практически-преобразующей материальной деятельностью.

Итак, монизм, являющийся учением о единой субстанции, лежащей в основе всего сущего, совпадает в марксистско-ленинской философии с положением о материальности мира. Разумеется, это совпадение не буквальное. Материальность характеризует мир с точки зрения его независимого по отношению к сознанию (объективного) существования. Монизм же указывает на субстанциальное единство мира. Существенны здесь роль материи в ее диалектическом понимании как единственной и неисчерпаемой субстанции (сущности, начала) и распространение самого понятия субстанции на характеристику раз-

личных уровней и «срезов» материальной действительности. Принцип монизма выступает именно как принцип «субстанциального исследования явлений», что определяет его методологическую функцию³.

Единство в рамках учения о единой субстанции оказывается не просто общностью, сходством, тождеством в различном, но одним, единым в смысле: не множество⁴. Хотя эти два момента, скорее два уровня единства, диалектически связаны между собой, однако они дают два типа целостности. Первый из названных уровней приводит к представлению о целостности на основе познания черт тождества (через общность, сходство) в различном; второй же уровень имеет целостность как исходное неделимое, порождающее все богатство многообразия, и именно этот уровень понимания единства отвечает монистической концепции субстанции. Он стоит в тесной связи с самой центральной идеей понятия целостного, согласно которой целое не сводится к простой сумме своих частей, а содержит в себе некий «нерастворимый остаток», подразумеваемый в утверждении об эффекте целостности.

Последнее имеет прямое отношение к методологической результативности принципа субстанциального единства, как может быть назван принцип монизма, делая проблему «целое и части», как и вообще область исследования целостности, полем применения этого принципа. И это весьма широкое поле: оно охватывает и многие узловые проблемы физики элементарных частиц, квантовой механики, и актуальные вопросы изучения живого, и психолого-социологического изыскания.

Диалектико-материалистический монизм органически включает в себя идею изменения и развития не только

³ Следует учитывать, что категория субстанции в известном смысле совпадает с категорией сущности и обладает многообразием значений, которые были достаточно полно отмечены еще Аристотелем. В рамках учения о монизме субстанция, или сущность, берется, говоря словами Аристотеля, «в смысле последнего субстрата» (*Аристотель*. Соч. М., 1975, т. 1, с. 157). Другое из основных значений субстанции, или сущности, выделенное древнегреческим мыслителем и выражающее то, что придает вещи определенность, целостность, оказывается наиболее близким к значению понятия структуры. О структуре будет идти речь при рассмотрении следующего аспекта принципа единства, но уже сейчас мы можем в связи со сказанным отметить единство этих аспектов.

⁴ См.: *Цезмистро И. З.* Диалектика множественного и единого: Квантовые свойства мира как неделимого целого. М., 1972.

в сфере явлений, но и в сфере сущности. Уже Гераклитов «огонь», несомненно, выступает в смысле динамичной субстанции, в качестве символа устойчивости прехождения. Именно «живой огонь», воплощающий единство субстанциальности и изменения, развития, оказывается более сильным образом объективной диалектики, чем, например, образ текущей воды, хотя оба эти образа, понятно, не противоречат один другому, а дополняют друг друга. Напротив, «единое» элеатов, противопоставленное сфере изменчивых развивающихся явлений как некой видимости, является наиболее ранним теоретическим выражением метафизического (антидиалектического) монизма.

Материалистический монизм, включающий в себя идею развития, исходит из признания самой материи многообразной, полной различий и изменений и при этом содержащей в самой себе источник этого многообразия. Принцип развития, таким образом, существенно входит в содержание диалектико-материалистического учения о единстве мира. Но составляя важный и, несомненно, исходный пункт в содержании указанного учения, монизм не исчерпывает этого содержания, образуя лишь первый аспект принципа единства мира. Вторым его аспектом является идея всеобщей связи.

И здесь опять-таки весьма существенна взаимообусловленность принципов единства и развития.

Структурность материи, взаимосвязь вещей. Всеобщая связь вещей, явлений, событий образует ту черту картины мира, которая выступает как яркое и, пожалуй, наиболее зримое выражение его единства. Представление о всеобщей связи родственно монизму, базируется на нем, однако имеет относительно самостоятельное мировоззренческое и гносеологическое значение и расширяет представление о материальном единстве мира.

Единство мира, обусловленное его материальностью, единственность мира (в смысле отсутствия «потустороннего» мира) не исключают множественности вещей и событий и даже множественности «материальных миров». Но в рамках признания этой множественности имеет место важный аспект принципа единства мира, выражающийся в наличии взаимосвязи вещей и событий, которая неотделима от движения, изменения, развития. В. И. Ленин пишет, что для диалектики характерна «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые сто-

роны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения»⁵.

Связь есть такой вид отношений, при котором изменение одного приводит к изменению другого⁶. В то же время отношение, вообще говоря, не предполагает само по себе такой зависимости. Подобное довольно распространенное в литературе различие связи и отношения (хотя оно и не исчерпывает всех черт этого различия⁷) свидетельствует о том, что принцип единства совмещен здесь с идеей изменения, с рассмотрением вещей с «процессуальной» точки зрения, в динамике. Речь идет, говоря словами В. И. Ленина, о «живой связи всего со всем»⁸. Уже здесь коренится возможность диалектики стабильности и изменчивости в процессах развития, которая тесно связана с единством и взаимосвязью вещей и явлений. В самом определении связей как вида отношений мы приходим к монизму, взятому в соединении с рассмотрением вещей в динамике, в развитии. Дифференциация, увеличение многообразия — важный результат и показатель развития, приводящий к богатству связей⁹.

Определение связи включает в себя представление о некотором «механизме», лежащем в ее основе. Им оказывается взаимодействие, взаимоизменение вещей, выступающее проявлением движения как всеобщей формы бытия материи. Сама связь, таким образом, есть всегда взаимная связь.

Конкретизацией идеи единства мира на уровне взаимосвязей является системный подход к действительности, который рассматривается в советской философской литературе «как одна из граней диалектико-материалистического мировоззрения, марксистско-ленинской теории и методологии»¹⁰, как выражение диалектического учения о всеобщей взаимосвязи. При диалектическом понимании

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

⁶ См.: Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 570.

⁷ См.: Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978, с. 7—57.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 131.

⁹ Понятие многообразия (разнообразия) широко применяется, как известно, при философской характеристике информации. См.: Кремянский В. И. Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977; Тюттин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; Урсул А. Д. Информация: Методологические аспекты. М., 1971.

¹⁰ Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 246.

системного подхода последний необходимо основывается на принципе развития, поскольку исходит из динамики вещей: система является результатом взаимодействия. Именно благодаря взаимодействию вещи оказываются в такой связи, что существуют в качестве элементов определенных систем, подчиняясь их закономерностям. Система выступает как динамическое единство, организованное процессом взаимодействия, а этот процесс выражает активность материи, ее движение, развитие.

Системы находятся в постоянном развитии и изменении, в ходе которого развиваются и их элементы и связи между ними. При этом, проходя последовательные этапы своего изменения и развития, система до поры до времени сохраняет идентичность самой себе. В диалектическом соотношении изменчивости и стабильности как характеристик системы выявляются функции и сущность структуры¹¹.

Системы и их структуры характеризуются целостностью, а целостность, как уже отмечалось, составляет одну из характеристик принципа материального единства мира. Выражая стабильную, «базовую» сторону вещей как некоторых систем, понятие структуры оказывается близким к одному из значений категории сущности, а именно значению, связанному с представлением о том, что сообщает вещи ее определенность, целостность¹². Анализ структуры вещей и процессов позволяет выявить в относительно «чистом» виде то, что является общим для вещей и процессов на глубинном уровне. Изоморфизм структур выступает основанием для установления сходства исследуемых объектов. В общности типов структур выражается еще один аспект единства мира¹³.

Устойчивость систем и их структур не следует абсолютизировать. Подход с точки зрения развития к тому

¹¹ Понятие структуры, широко используемое в химии, биологии, нейрофизиологии, физике и других науках о природе, в психологии, социологии, этнографии, лингвистике, теории социального управления и других гуманитарных науках, имеет значение именно в качестве одной из существенных характеристик системы: структура, раскрывая строение, архитектонику системы, ее элементы и внутренние связи, представляет относительно стабильную сторону системы.

¹² Мы имеем в виду различные основные значения понятия сущности, выделенные, как выше отмечалось, Аристотелем.

¹³ См.: *Кедров Б. М. Ленин и диалектика естествознания XX века: Материя и движение. М., 1971, с. 221.*

аспекту принципа единства, который отражен идеей всеобщей взаимосвязи, находящей одно из своих воплощений в системно-структурном подходе, включает в рассмотрение не только пространственные (синхронные), но и временные (диахронные) системы. В последних элементами выступают этапы, стадии процессов. Единство оказывается генетическим единством, что явно связывает системно-структурный подход с каузальным рассмотрением мира. При этом выявляется связь и взаимозависимость временных и пространственных сторон единства мира.

Выяснение связи систем и их структур с развитием предстает одним из важнейших и существенных аспектов философского исследования системно-структурного аспекта единства мира. И хотя в историческом процессе познания генетический и структурный подходы нередко разделяются и даже противопоставляются друг другу (например, противопоставление «философии истории» и социологии), всякая наличная структура как нечто ставшее имеет свою историю, свой генезис.

Генетико-исторический подход к системам и их структурам, идея единства структуры и генезиса, стремление раскрывать генезис структур, их становление, развитие все отчетливее выступают характерной чертой научного мышления при изучении живой и неживой материи. Современная физика, например, подходит к решению этой задачи уже на уровне квантовомеханических явлений. Так, анализ структуры элементарных частиц исходит из идеи обусловленности ее процессами виртуальной «диссоциации» и осуществляется с учетом динамической природы такой структуры. Геологическая наука — и на этом особенно настаивал В. И. Вернадский — раскрывает структуру геологических образований с точки зрения их генезиса, отражения нынешним состоянием земной коры хода процессов, результатом которых она является. Фундаментальный факт динамики различных структур, характеризующих человека как организм, как индивид, как личность, лежит в основе возрастной физиологии, детской психологии, педиатрии, геронтологии и других наук о человеке. Значительный интерес в этом плане представляет, в частности, генетическая психология швейцарского ученого Ж. Пиаже. В изучении структур детского мышления Пиаже раскрывает особенности различных структур мышления, свойственных разным возрастным уровням.

Такой подход является важной составной частью исследования генетического единства мира — той стороны материального единства, которая ярко раскрывает ограниченность связи принципа единства мира и идеи развития. Единство материального мира, выступающее как целостность, реализовано в связях между вещами и событиями. Так как мир находится в вечном развитии, материалистическая диалектика, рассматривающая мир как процесс, имеет в виду также связи более ранних и более поздних событий, состояний материи. Генетическое единство мира выражается в иерархической динамической структуре многообразных уровней материи, соотнесенных с формами движения материи, со специфическими способами изменений. Выявление родства биологического уровня строения материи с физико-химическими его основами, исследование антропосоциогенеза, факторов и условий происхождения общества и человека как носителей качественно своеобразной социальной формы движения материи и другие проблемы конкретно раскрывают генетическое единство мира, общую линию происхождения качественно различных уровней, форм движения и материальных систем. Существенное методологическое значение такого подхода проявляется, в частности, в «перекрестном вооружении» наук (например, в широком использовании генетикой физико-химических методов исследования живого).

При этом важно учитывать конкретно-диалектический характер всеобщности взаимосвязей материального мира. Признание некой единственной структуры мира неизбежно оказывается связанным с абсолютизацией наличного уровня знаний об ограниченном участке Вселенной и фактически с рассуждением в духе некритического, прямолинейного применения метода индукции. В природе действительно есть восходящая иерархия систем и их структур, о чем, в частности, говорит астрономическая наука, рассматривающая сегодня не только звездные системы (галактики), но и системы этих систем, одной из которых является Местная система галактик, в которой обитает человек. Ставится вопрос и о существовании систем, образованных из систем галактик (сверхсистем).

Однако подобная иерархия совсем не обязательно должна повторяться и продолжаться на каждом структурном уровне.

Структурность Вселенной тесно связана с ее развитием, что подтверждает общую связь принципов единства мира и развития в материалистической диалектике. Развитие же необходимо включает в себя, помимо прочего, такой признак, как изменение структуры объекта. Развивающаяся система характеризуется изменениями в структуре. Причем определенному структурному уровню материи соответствуют свои особенности процессов развития. Связь между изменениями структуры и развитием дает возможность, например, в астрономии определять относительный возраст галактики по различию галактических структур. Различия в структурных чертах разных галактик служат основой для предположений о наличии эволюционных рядов галактик.

Вселенная существует как бесконечное множество систем и их структур, образуя собой бесконечную совокупность процессов развития. Мы можем говорить о системно-структурном характере всей материи, имея при этом в виду, что указанное положение не следует понимать так, будто бесконечная Вселенная — это система, обладающая одной (единственной) структурой. Если атрибутивность структурности означает ее абсолютность, то отсутствие единой структуры Вселенной говорит об относительности этого аспекта принципа единства мира.

Всеобщая взаимосвязь мировых явлений выражается в том, что всякий материальный объект, взятый в реальном процессе его существования, находится в определенной системе, но этих систем в природе великое множество. Идея множественности систем и их структур в бесконечной, вечно развивающейся Вселенной находит свое выражение в современной космологии, при разработке космологических моделей Вселенной. Мир выступает в виде бесконечного множества разнообразных как по величине, так и по своей природе систем связей, и в этом выражается один из аспектов его единства.

Детерминизм и развитие. Связь и обусловленность — близкие, но не тождественные понятия. Рассмотрение взаимообусловленности выявляет еще один аспект принципа материального единства мира. Существенным проявлением взаимообусловленности является детерминация¹⁴.

Специальное рассмотрение принципа детерминизма — задача соответствующей главы (см. раздел II, гл. 2 настоящего тома), однако в плане нашего обсуждения, выявляя различные моменты

Весьма показательно, что Б. Спиноза, который в учении о единой субстанции выразил основную мысль монизма, сформулировал и монистическую идею «самопорождения» в известном положении о том, что природа есть «причина самой себя»¹⁵. В нем глубоко раскрывается суть материалистического монизма и ясно показывается, в каком смысле (материалистический) монизм связан с детерминизмом — совпадает с идеей самодетерминации природы. Указанный тезис выражает две кардинальные мысли, характерные для материалистического монизма и детерминизма.

Во-первых, здесь выражена мысль о субстанциальности природы, о несотворимости ее какой-то внешней ей, «потусторонней» силой, о вечности ее существования. «Мы знаем из опыта и теории,— пишет Ф. Энгельс,— что материя и ее способ существования — движение — несотворимы и, следовательно, являются своими собственными конечными причинами»¹⁶. Сказать, что мир существует сам по себе, или сказать, что мир самодетерминирован, самообусловлен, содержит в себе свои собственные основания,— в равной мере выразить суть материалистического монизма. Мир в целом не может иметь никаких причин, если понятие причины предполагает происхождение из чего-либо другого, предшествующего тому, причиной чего это другое является.

Во-вторых, указанный тезис говорит о том, что причины всех отдельных явлений, вещей, событий находятся внутри природы, внутри материальной действительности и состоят во взаимодействиях между этими явлениями, вещами, событиями¹⁷. Применительно к миру в целом нельзя говорить о причинах его существования, но можно и нужно говорить о его детерминированности в том смысле, что существование мира определено его собственными законами.

Таким образом, материалистический монизм органически связан с детерминизмом. Детерминизм выражает активную, продуктивную сторону взаимосвязи вещей и событий. Представление о взаимосвязи вещей и событий

связи принципов единства мира и развития, мы все же остановимся на некоторых вопросах характеристики детерминизма.

¹⁵ См.: *Спиноза Б.* Избр. произведения: В 2-х т. М., 1957, т. 1, с. 361.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 569.

¹⁷ См.: Там же, с. 546.

образует основание представления об их детерминации: для последней специфично, что в системе взаимосвязанных элементов обнаруживаются действующие в определенном направлении факторы. Детерминизм, таким образом, оказывается характеристикой связи направленного взаимодействия. Он углубляет понимание взаимодействия, выделяя составляющие взаимодействие направленные воздействия. Не ограничиваясь констатацией взаимосвязи вещей, детерминизм раскрывает ее функциональную роль, указывает на ее основы.

В свете результатов современной науки категория детерминизма получает существенное обогащение. Современное научное познание все более широко выявляет различные виды детерминации в развитии, не ограничиваясь одной причинностью (которая при этом сохраняет, понятно, все свое значение). Детерминизм не сводится к признанию какого-либо одного вида обуславливающих связей или способа их реализации, а является философским учением о всеобщей обусловленности вещей, событий, процессов, состояний, о зависимости их от тех факторов, которыми они определены в своем существовании, изменении, развитии.

Построение типологии видов детерминации может быть осуществлено на разных основаниях. Одним из возможных вариантов является классификация, исходящая из временных отношений: детерминация прошлым, детерминация настоящим, детерминация будущим (целевыми программами)¹⁸. Такой подход имеет свои преимущества вследствие того, что явно ставит теорию детерминизма в связь с диалектической концепцией развития. Выявление различия видов детерминации в зависимости от их временной направленности служит существенным показателем их отношения к процессу развития. Время есть форма бытия движущейся материи, и его характер раскрывается в связи с развитием. Именно развитие материального мира может объяснить течение времени как вектор-процесс, как выражение становления. Специфические временные категории прошлого, настоящего, будущего получают свое рациональное понимание в связи с диалектикой возможности и действительности, выражая соответственно реализованные возможности, сам акт их

¹⁸ Поскольку единство мира как его взаимосвязанность и взаимообусловленность имеет место и в пространственном, и во временном аспектах.

реализаций и возможностей еще не реализовавшиеся (потенциальное бытие)¹⁹.

В органической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего находит выражение генетическое единство мира. Дифференциация различных типов детерминации не исключает, а, напротив, предполагает их взаимную зависимость. Детерминация посредством целевых программ опирается на причинную детерминацию. Системно-структурная детерминация связана с каждым из трех временных модусов и соответственно с каждым из трех типов детерминации, которые выделены выше. Если пространственно-структурная детерминация выражает детерминацию настоящим, то во временном аспекте структурной детерминации выражается обусловленность развития последовательностью его стадий, этапов, состояний.

В известной мере понятия детерминизма и развития выступают как противоположные. Детерминизм предполагает, что все, что происходит, обусловлено, и раз обусловлено — значит, оно имеет общее с тем, что уже было. Представление же о развитии включает мысль о появлении нового, отличного от того, что было. Вопрос, однако, заключается в том, является ли указанное противоречие детерминации и появления нового основанием для утверждения несовместимости детерминизма и развития либо оно может быть разрешено в рамках объединения этих понятий.

Заслугой Гегеля было то, что он выявил указанное противоречие и попытался показать, что для его разрешения необходимо выйти за ограниченные рамки механистического детерминизма²⁰. Именно механицизм абсолютизировал указанное противоречие, создавая такую теоретическую модель мира, из которой оказывалось исключенным развитие в подлинном смысле (лапласовский детерминизм). С другой стороны, различные индетерминистические концепции стремились обосновать свое право на существование в силу того, что претендовали на подчеркивание роли нового (например, «творческая эволюция» А. Бергсона).

Материалистическая диалектика признает обусловленность всех этапов развития, но вместе с тем отстаивает творческий характер этого процесса, выступая против фа-

¹⁹ О других аспектах связи категорий развития и времени см. раздел II, гл. 5 настоящей книги.

²⁰ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1937, т. V, с. 680.

тализма и «преформизма». Наличие творческого содержания в процессе становления, при переходе от прошлого к будущему, находит свое выражение в неоднозначной детерминированности воздействия событий в цепи «прошлое — настоящее — будущее», в частности, в статистической причинности, в отсутствии абсолютной тождественности следствий и их причин²¹.

Категориальный анализ механизма детерминации развития осуществляется с учетом диалектики необходимости и случайности, возможности и действительности, количества и качества. Детерминизм сосредоточивает в себе, как в фокусе, диалектическое единство преемственности и появления нового, стабильности и изменчивости, тождества и различия, характерное для процесса развития.

Детерминация развития находится в органической связи со структурностью вещей и процессов. Всякая вещь изменяется и, стало быть, ее существование носит процессуальный характер, а всякий процесс носит вещный характер, ибо движение, развитие, изменение всегда имеют определенного реального носителя. Структурность вещей детерминирует структурность процесса их развития, структурность же процессов приводит к структурности вещей как продукта развития. Проблема исследования детерминации развития — это не только выяснение факторов, ответственных за изменения, это и выяснение факторов, обеспечивающих стабильность процесса развития, его упорядоченность. В биологии (в частности, советским ученым И. И. Шмальгаузенom) было выдвинуто понятие стабилизирующего отбора в эволюции. На молекулярном уровне открыты факторы, обеспечивающие стабильность, упорядоченность в передаче генетической информации, постоянство органических форм, сохраняемость в общем процессе биологического развития. Стабилизирующая детерминация процесса развития имеет место на всех уровнях материи, во всех формах ее движения. Процесс развития включает в себя устойчивость и преемственность, являющиеся факторами единства этого процесса.

Представляет интерес обсуждение не только детерминации развития, но и развития детерминации. Вопрос этот ставится в связи с проблемой развития объективных за-

²¹ См.: *Украинцев Б. С.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972, с. 24.

конов²². Видимо, он может быть решен в связи с общим пониманием эволюции материи, с учетом диалектики стабильности и изменчивости.

Детерминация есть выражение движения материи, ее имманентной активности. Это один из аспектов принципа материального единства мира. В. И. Ленин писал: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции»²³.

Единство мира и развитие знания. Идеино-содержательное, концептуальное, методологическое единство знания является в конечном счете отражением объективного единства мира. Можно говорить как об историческом, так и о структурном аспекте единства знания — наук о природе и обществе. Первый из этих аспектов отражает последовательное становление наук, соответствующее, в общем и целом, сложности тех областей действительности, законы которых науки раскрывали. Синхронный срез научного знания обнаруживает ту его черту, которую можно назвать структурным, или, точнее, системно-структурным единством знаний о природе и обществе. Здесь, в частности, представляется возможным выделить единство объектов естественных и общественных наук, единство их методов (развитие общенаучных методов), их концептуальное единство (формирование общенаучных понятий).

Материалистическая диалектика, выражая единство знания на уровне наиболее общих законов развития природы, общества и мышления, выступает как философское основание единства знания на уровне частных наук.

Существенной методологической процедурой, в которой раскрывается единство знания, служит экстраполяция научных законов, установленных на материале определенного круга объектов, на более широкий круг объектов. Вместе с тем это и проявление принципа материального единства мира в методологической сфере познавательной

²² См.: Новик И. Б. Детерминизм и диалектико-материалистический монизм. — В кн.: Современный детерминизм: Законы природы. М., 1973, с. 116—119.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 142—143.

дейтельности: единство мира выступает здесь в смысле единообразия законов, действующих во Вселенной.

Говоря о «единообразии законов», мы имеем в виду именно то содержание этого понятия, которое обнаруживается в процедуре их экстраполяции. Такое понимание единообразия лежит, в частности, в основе постановки и обсуждения вопросов существования внеземных цивилизаций и способов связи с ними; оно же делает правомерным распространение законов «земной» физики и отчасти биологии на космические объекты. Само существование космологии как физической науки о Вселенной оказывается оправданным лишь при условии единства мира в плане единообразия законов. Достаточно сказать, что основная масса сведений о космических объектах, которыми располагает современная наука, является результатом применения метода спектрального анализа к данным, полученным от этих объектов. При этом исходят из того, что те характеристики спектров, которые установлены в земных условиях, действительны для всей известной нам Вселенной. К числу физических законов, которые наиболее часто проецируются на космос, в последние десятилетия добавились законы ядерной физики. Целый ряд процессов, наблюдаемых в мире звезд (в частности, явления нестационарности, связанные с появлением новых, вспыхивающих звезд), получает объяснение как результат термоядерных процессов. В современной астрономии усиленно развивается идея о связи микро- и мегамира. Это касается не только астрономических методов, основанных на использовании элементарных частиц, проникающих из космоса, в качестве источника информации о Вселенной. Речь идет о том, что понять особенности звезд можно лишь с учетом свойств различных элементарных частиц, в связи с чем, в частности, создаются модели нейтронных звезд, гиперонных звезд и т. д.

В основе подобных изысканий лежит в качестве их философского фундамента представление о единообразии законов Вселенной. Методологическая функция этого представления, составляющего один из аспектов принципа единства мира, совершенно очевидна. Именно в связи с признанием подобного единообразия оценивается в качестве реальной возможность установления контактов с мыслящими существами в космосе путем передачи в космос сигналов (например, величины ряда чисел, связанных геометрической прогрессией, или атомного веса урана).

Единство материального мира предполагает наличие объективно общего между различными вещами, явлениями, существами. И если в земных условиях есть, скажем, нечто общее между определенными существами, объединяющее их в класс млекопитающих, то наличие подобного единства естественно предположить и в отношении других возможных обитателей Вселенной. В сущности, мы имеем здесь дело с проблемой, которая возникает в каждом случае неполной индукции.

Положение о единообразии законов распространяется на Вселенную не только в пространственном отношении, но и во временном. На основании законов, которые известны сегодня, делаются умозаключения о тех процессах, которые происходили ранее, и о тех, которые будут происходить в будущем.

Разумеется, не следует абсолютизировать эту сторону принципа единства мира. Ее нужно брать в соединении с принципом развития. Единство мира в смысле единообразия его законов является относительным. Относительность эта обнаруживается как в ограниченности законов определенной предметной областью, так и в ограниченности самих предметных областей, известных на сегодняшний день человечеству. Эта двойная относительность отчетливо проявляется в ходе развития познания и в связи с развитием самой объективной действительности. Так, в физике на рубеже XIX—XX вв. обнаружилась неприменимость законов и представлений классической механики к области внутриатомных частиц. В наши дни отдельные астрономы не исключают возможность того, что закон всемирного тяготения является не столь уж всемирным, «отказывая» на достаточно больших расстояниях, как он «отказал» на малых.

Однако с учетом указанной относительности можно, видимо, в рамках всеобщего принципа единства мира сформулировать принцип «презумпции экстраполируемости» как методологическое выражение идеи единства мира: до тех пор, пока конкретно не доказана ограниченность определенного закона, не может существовать запрета на его экстраполяцию²⁴.

Конечно, из относительности единообразия законов во Вселенной не следует вывод, что во Вселенной вообще не

²⁴ См.: Аскин Я. Ф. Бесконечность Вселенной во времени.— В кн.: Бесконечность и Вселенная. М., 1969, с. 166.

может действовать никаких общих законов, которые были бы приложимы ко всем космическим объектам. Такой вывод не вытекает из состояния науки, и он к тому же был бы абсолютизацией самой отмеченной относительности. Поскольку предполагаются всеобщими основные формы движения материи в их качественном своеобразии, постольку должны полагаться всеобщими и те их свойства, те их законы, которые «делают» эти формы движения материи тем, чем они являются («делают», скажем, физическую форму движения материи физической, биологическую — биологической и т. д.).

Положение о единообразии законов как характерная черта научного мышления выдвинуто давно. Однако интерпретация этого положения различна в разных направлениях разработки методологии. Например, для «первого позитивизма» (О. Конт, Дж. С. Милль, И. Тэн) эта интерпретация сводилась к абсолютизации единообразия законов и к постановке псевдозадачи: уменьшение количества основных законов науки вплоть до сведения их к одному закону.

Материалистическая диалектика рассматривает вопрос о единообразии законов как принципиально важный для научного познания, но при этом учитывает относительность единообразия законов, специфичность законов в рамках определенных форм движения материи, уровней ее строения, последовательно связывая принцип единства с принципом развития. Иными словами, признается возможность того, что тот или иной закон окажется «неработающим» при переходе границ допустимой экстраполяции, как это в свое время имело место с законами классической механики. Реальным также является вопрос о развитии самих объективных законов, а не только знания о них. Такое развитие имеет место на высших уровнях строения материи, в частности в социальной форме движения, но в принципе не может быть исключено и на более глубоких «этажах» материального мира.

Рассмотрение основных аспектов принципа единства показывает, какое существенное значение для раскрытия его содержания имеет принцип развития. Это составляет одну сторону взаимосвязи данных принципов. В свою очередь, принцип единства играет существенную и, в известном смысле, даже решающую роль при раскрытии содержания понятия развития. Здесь перед нами вторая

сторона связи принципов единства и развития: значение принципа единства для понимания принципа развития.

Диалектико-материалистическое понимание развития соотносит его не только с областью явлений, с феноменальной сферой, но прежде всего с областью сущностей, с субстанциальной сферой. Развитие, реализуясь в рамках субстанциального единства мира, обеспечивает генетическое единство мира, лежащее, в свою очередь, в основе преемственности различных качественно специфических, сменяющих друг друга состояний материи.

Определение развития как высшего типа изменений предполагает выделение целого ряда признаков, которые отличают развитие от изменения вообще. При выделении таких признаков важно учитывать единство последовательности изменений в рамках того или иного определенного процесса. Интегральный характер изменений, преемственность между этапами, целостность, относительная завершенность (результативность), структурность — характерные черты развития как единства изменений, связанные с такими фундаментальными его характеристиками, как имманентность изменений, их направленность и необратимость, качественный характер.

Именно подход с точки зрения принципа единства позволяет понять развитие как целостную характеристику определенным образом организованного ряда (системы) изменений. Это определение имеет важное значение для раскрытия содержания принципа развития.

Выше речь шла о том, что взаимосвязь принципов единства и развития проявляется в генетико-эволюционном подходе к системам и структурам. Указанная взаимосвязь обнаруживается также в рассмотрении системности самого развития, в раскрытии структуры процесса развития, что существенно для анализа конкретных процессов развития, для выявления его общих типов. Само развитие, сам исторический процесс представляет собой с точки зрения его структуры определенную динамическую систему. Можно говорить не только о происхождении, развитии структур, но и о структуре самого процесса развития. Исследование структуры процесса развития важно для раскрытия объективной логики развития, выяснения сущности развития и его детерминации.

Понятие развития приложимо не к отдельному изменению, а к некоторому упорядоченному ряду изменений, взятому в своем единстве как некоторая система. Эта

система изменений, образующих развитие, имеет свою структуру. Изучение конкретных структур бесчисленных процессов развития— дело частных наук. Теорию материалистической диалектики интересуют общие характерные черты структуры процесса развития. Выявление этих черт охватывает широкий круг особенностей развития, в частности, характеристику порождения вещи или состояния (генетические структуры), закономерности соотношения восходящей и нисходящей ветвей развития, многофазность развития и в связи с нею соотношение между исходными, промежуточными и конечными состояниями развивающегося объекта, и т. д. Детерминация процесса развития, совокупность тех факторов, которые обуславливают направленные, упорядоченные в своей последовательности изменения вещи, обеспечивают при этом единство развивающейся вещи, ее динамичную стабильность в рамках изменчивости.

Сочетание принципов единства мира и развития позволяет обосновать существенную взаимосвязь материалистического монизма и диалектической концепции развития. Подход, органично совмещающий принципы материального единства мира и развития,— характерная черта диалектико-материалистической методологии, опирающейся на мировоззренческие представления о целостном развивающемся мире.

2. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Объяснение внутренних механизмов закономерностей детерминации процессов развития остается и сегодня одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем методологии науки и теории диалектики¹.

Как показывает история философской мысли, совместить без неустранимых коллизий принцип материального единства мира, принцип детерминизма и принцип развития отнюдь не просто: сделать это так и не удалось никому из представителей домарксовской философии. Утверждение строгой детерминированности хода событий часто вело к представлениям о некоей заранее заданной предопределенности конечного результата, к телеологии, что не совмещалось ни с материализмом, ни с материалистически понимаемым механизмом детерминации процессов через посредство причинных связей.

Выдвижение на первый план концепции взаимодействия в качестве всеобщей материальной основы причинных связей позволяло утвердить в правах материальное единство мира, но при этом становилось неясным, как из множества взаимодействий могло рождаться последовательное поступательное движение от низших уровней к высшим, какой общей закономерностью это движение могло направляться на фоне хаотического переплетения разнонаправленных взаимодействий.

В самом деле, можно ли считать, что в строении и движении того конгломерата атомов, из которого позже родилась Солнечная система, уже было как-то запрограммировано возникновение жизни на Земле и ее последующая эволюция вплоть до появления человека и даже развития общественно-экономических формаций? Ответ на подобные вопросы, будет ли он положительным или отрицательным, требует тщательного анализа смысла и

¹ См., в частности, статью: *Миклин А. М.* Категория развития: трудности объяснения.— *Вопросы философии*, 1978, № 3, с. 80—89.

содержания понятия детерминации в применении к процессам развития.

Проблема детерминации развития в истории философии. Уже на заре развития философии наметились два различных подхода к решению проблемы. При одном из них провозглашалась некая общая глобальная закономерность мира, предопределявшая последовательность этапов развития — логос, закон дао и т. п. Поскольку внутренний механизм возникновения такой глобальной закономерности оставался чаще всего неясным, создавалась предпосылка для фетишизации закона развития, понимания его в качестве некоей самостоятельной сущности, отдельной от тех материальных тел и процессов, направленные изменения которых этот закон должен был определять.

При другом подходе в центре внимания был определенный механизм взаимодействия, но из него, как правило, не удавалось вывести общую интегральную закономерность развития. Так, например, у Эмпедокла мы находим представление о *стохастической детерминации* развития: природа, действуя как бы методом проб и ошибок, создает самые различные случайные комбинации и варианты, из которых сохраняются затем лишь жизнеспособные. Однако в рамках концепции случайного блуждания трудно говорить о закономерной детерминации последовательных этапов развития как целостного направленного процесса — она остается здесь необъясненной, более того, может вообще отрицаться².

Драматическую борьбу взглядов по проблеме детерминизма мы находим и в философии Нового времени. Правда, из поля зрения многих мыслителей этой эпохи вообще исчезает процесс развития. Однако о последователь-

² Вот характерная точка зрения: «...Обязательность многих из важных этапов развития жизни на Земле в настоящее время еще не является доказанной. Наоборот, случайность в определении тех или иных направлений эволюционного процесса может иметь большее значение, чем это часто думают» (*Нейфак А. А.* Предисловие. — В кн.: Гробстайн К. Стратегия жизни. М., 1968, с. 6). По-видимому, на почве концепции стохастической детерминации эволюции автор ставит под сомнение существование общей системной закономерности, определяющей последовательность ее этапов. выступает против представления об «определенной предначертанности процесса эволюции в целом» (Там же). И действительно, провозглашать предначертанность этапов эволюции, не указав механизма взаимодействий, вызывающих их строгую последовательность, было бы данью телеологии, было бы отступлением от научной методологии.

ности событий во времени они говорят, и эту упрощенную модель эволюции поучительно проанализировать. Для материалистов того периода характерна, во-первых, абсолютизация причинных связей в качестве универсальной формы детерминации. Во-вторых, различные причинные связи, в которых может участвовать каждый объект, рассматриваются как однопорядковые, как равнозначные по своему влиянию на ход событий. При этих предпосылках логическим следствием почти неизбежно выступает своеобразный материалистический вариант фатализма: ход событий во времени однозначно предопределен сцеплением причин и следствий, все, что может произойти в будущем, полностью предопределено прошлым. Эта концепция была четко сформулирована П. Лапласом, будучи на самом деле весьма общим мировоззренческим убеждением этой эпохи.

Обратим, однако, внимание на один весьма существенный пункт концепции детерминизма материалистов Нового времени. Признав причинную связь единственной формой детерминации, все свое внимание они сосредоточили на законах, характеризующих причинно-следственные отношения отдельных взаимодействующих тел (как это, в общем-то, и имеет место в механике). Когда Лаплас пишет в целом о природе, он четко провозглашает наличие всеобщей закономерной связи: «Все явления,— пишет он,— даже те, которые по своей незначительности как будто не зависят от великих законов природы, суть следствия столь же неизбежные этих законов, как обращение солнца. Не зная уз, соединяющих их с системой мира в ее целом, их приписывают конечным причинам или случаю, в зависимости от того, происходили ли и следовали ли они одно за другим с известною правильностью, или же без видимого порядка...»³. Наличие интегральной закономерности формулируется Лапласом в его известном положении: «Мы должны рассматривать настоящее состояние вселенной как следствие ее предыдущего состояния и как причину последующего»⁴.

Однако, когда Лаплас переходит к характеристике конкретного механизма детерминации, все выглядит иначе. «Великие законы природы» на поверку оказываются лишь общими законами локальных причинных взаимо-

³ Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908, с. 8.

⁴ Там же, с. 9.

действий одних тел с другими, а связь состояний Вселенной — лишь результатом арифметического сложения связи состояний отдельных взаимодействующих тел: «Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей,— пишет он непосредственно за предшествующим тезисом,— если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел вселенной наравне с движениями легчайших атомов...»⁵. Необходимая связь состояний, которая определяет ход событий во Вселенной, оказывается лишь продуктом стечения обстоятельств (положения тел и действующих сил в данный момент), которое в общем-то могло бы быть и другим (в механике следующее состояние системы *закономерно* определяется на основе *фактически* заданных начальных условий; если возникновение данных начальных условий и можно вывести на основе такого же закона связи состояний, то опять-таки исходя из других фактически заданных начальных условий).

Вот почему для предсказания состояния Вселенной на основании ее «великих законов» необходимо, по Лапласу, знать положение каждого отдельного тела во Вселенной, т. е. сумму фактически заданных начальных условий, а итог получается в результате арифметического суммирования изменений состояний отдельных тел. Но в таком случае при тех же самых великих законах природы ход событий может быть весьма различным в зависимости от частных различий в фактическом значении начальных условий, т. е. положения отдельных тел. И, следовательно, ход событий во Вселенной обладает лишь неизбежностью фактического стечения обстоятельств (которые в принципе могли бы быть и другими), а не необходимостью некоторой подлинно интегральной, системной закономерности, которая прокладывала бы себе путь независимо от случайностей в положении и движении отдельно взятых тел.

Не удивительно, что некоторые мыслители, например П. Гольбах, будучи в принципе сторонниками детерминизма вплоть до провозглашения фатализма, должны были признавать, что фатальный ход событий мог бы

⁵ Там же.

быть и другим — всего лишь из-за иного фактического стечения частных обстоятельств. «Если бы этим,— пишет П. Гольбах о причинах, с неизбежностью породивших определенные события,— столь слабым вначале, причинам противопоставили в момент их возникновения малейшее препятствие, то эти чудесные, так поражающие нас явления не произошли бы... Достаточно было бы иногда надлежащей диеты, стакана воды, кровопускания, чтобы спасти от гибели царства»⁶.

Выдвинув в качестве одного из центральных положений своей философской системы принцип развития, Гегель с особой силой подчеркивает закономерный детерминированный характер развития. Он не отрицает частных локальных причинных связей, взаимодействий, которые могут сочетаться между собой самыми различными способами и в целом дают хаотичную картину. Но на фоне этих хаотичных процессов и через их посредство прокладывает себе путь необходимость более высокого порядка, общая глобальная закономерность развития, накладывающая свой отпечаток на частные локальные взаимодействия и причинные связи, предопределяя их системную связь и направленность к определенному результату⁷.

Эта общая закономерность развития отнюдь не возникает, по Гегелю, в самих этих процессах, не обусловлена ими, она задана заранее как логическая необходимость абсолютного духа. Таким образом, Гегель смог указать на строгую закономерную обусловленность процесса развития, лишь подменив материальную детерминацию идеалистическим телеологизмом, предполагая конечную цель уже заранее заданной и предопределяющей все последовательные этапы движения к этой цели⁸.

Можно ли считать, что указанная проблема, столь драматично обсуждавшаяся в истории философской мысли, сегодня уже решена самим ходом развития современной науки, в частности естествознания, потеряла свою актуальность?

⁶ Гольбах П. Система природы. М., 1940, с. 148.

⁷ См.: Гегель. Соч. М.; Л., 1935, т. VIII, с. 25, 27.

⁸ Философия Гегеля и в этом пункте противоречива. «Этот „внутренний дух“... — отмечает В. И. Ленин, — есть идеалистическое, мистическое, но очень глубокое указание на исторические причины событий. Гегель подводит вполне историю под каузальность и в 1000 раз глубже и богаче понимает каузальность, чем тьма „ученых“ ныне» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 144).

В современную эпоху грандиозных исторических преобразований, гигантски возросшего динамизма социальных процессов, научно-технической революции проблемы познания законов развития сложных динамичных систем приобрели первостепенное практическое и теоретическое значение. В числе этих проблем особо выделяется как своим принципиальным значением, так и своей трудностью проблема исследования внутренних «механизмов» детерминации изменения и развития социальных систем.

Вспомним, как еще на рубеже XIX и XX вв. русские марксисты полемизировали с народниками о путях исторического развития России, а вместе с тем и о целях деятельности каждого сознательного, передового человека: должна ли была Россия пойти по капиталистическому пути развития, должны ли были в таком случае марксисты содействовать развитию капитализма, чтобы ускорить приход социализма? Подобного рода вопросы весьма актуальны сегодня для прогрессивных деятелей стран Азии, Африки, Латинской Америки: каковы те формы социально-экономической организации, через которые должны пройти развивающиеся страны, какие формы и при каких условиях можно или даже нужно миновать, какие новые, еще неизвестные формы могут возникнуть и стать необходимыми и к каким последствиям это может привести? Далеко не безразличны для судеб всего человечества вопросы, сколь значительными могут быть зигзаги в политике отдельных государственных деятелей и стран, насколько эти зигзаги могут изменить ход истории. Проблемы теоретического исследования общих законов детерминации развития сложных динамичных систем особо важны для социалистического общества, поставившего своей целью сознательное и планомерное социальное развитие.

Каким должен быть метод решения столь сложной проблемы? Может быть, надо начать с тех данных, которыми располагает естествознание о детерминации развития относительно простых систем, а затем распространить полученные выводы на общество и таким путем получить общие принципы детерминации развития? Оказывается, что при всех знаменательных успехах естествознания, испытавшего в XX в. целую серию революций, проблема детерминированности развития отнюдь не относится к числу ясно и четко решенных на конкретном материале.

Величайшим революционным переверотом в естествознании, оказавшим влияние на общее философское мировоззрение и на методологию науки, явилось введение Ч. Дарвиным принципа развития в биологическую науку. Однако, несмотря на то, что концепция эволюции является сегодня краеугольным камнем современной биологии, проблема детерминации эволюционного процесса все еще остается и сегодня одной из наиболее сложных и дискуссионных.

Существование эволюции химических элементов или космологической эволюции установлено лишь во второй половине нашего века — через сто лет после открытия Ч. Дарвина. А предположения об эволюции свойств элементарных частиц (масс покоя, зарядов и т. п.) или об изменении во времени фундаментальных физических констант (скорости света, постоянной тяготения, постоянной Планка и т. п.) выдвинуты пока лишь в виде умозрительных гипотез, не имеющих сколько-нибудь определенного фактического подтверждения.

Методологический вывод, который необходимо из этого сделать, состоит в том, что фундаментальные закономерности такого сложного процесса, как развитие, труднее открывать на низших формах, ибо они здесь в меньшей степени и, главное, гораздо медленнее выявляются. Их легче открыть на материале высших форм движения материи, где они выявляются более определенно, ибо эти высшие формы и представляют собой результат развития, осуществившегося за относительно более короткий промежуток времени. Этим вновь подтверждается гениальность методологического подхода К. Маркса, подчеркивающего, что сущность явления раскрывается лучше и полнее при исследовании наиболее развитых и потому позднее появляющихся его форм, хотя они и сложнее менее развитых: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»⁹.

Руководствуясь этим принципом, мы должны, встретившись с методологическими трудностями в трактовке механизмов детерминации, обратиться не к более простым, а к более сложной форме движения материи — социальной. Почти в одно время с разработкой Ч. Дарвиным его эволюционной концепции К. Марксом и Ф. Энгельсом была создана теория развития обществен-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 42.

но-экономических формаций и — что для нас особенно важно — раскрыты механизмы закономерной детерминации социального развития. В этой теории наряду со специфическими закономерностями социальных процессов сформулированы положения и принципы, имеющие всеобщее методологическое и мировоззренческое значение для понимания механизмов детерминации развития в любой сфере явлений.

Марксизм отнюдь не отрицает роли и значения стохастических процессов, в том числе — и в сфере общественной жизни (в особенности в тех формациях, которые возникли и развивались в рамках стихийной деятельности людей). Однако стохастические процессы имеют своим фундаментом объективные закономерности, определяющие целостную направленность эволюции систем, закономерное возникновение в них качественно новых форм и состояний. Как писал Ф. Энгельс, «столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны... Таким образом, получается, что в общем и целом случайность господствует также и в области исторических явлений. Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»¹⁰.

Анализ марксистского учения о законах социального развития показывает, что мы имеем здесь дело с качественно новой концепцией — концепцией *диалектического детерминизма*. Она принципиально несводима к тем или иным модификациям, говоря словами В. И. Ленина, «обычно понимаемой причинности», т. е. к представлениям о неких сложных переплетениях внутренне не связанных между собой локальных причинно-следственных связей, лишь по случайному совпадению дающих определенный конечный результат. Естественно, эта концепция не могла исходить и из представлений о некоем заранее заданном «стремлении» к предопределенной цели. Решение антиномии принципиально не могло быть получено в

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 306.

рамках антиномических концепций за счет какого-либо их «совершенствования», оно могло быть получено лишь путем выхода за их рамки и создания новой системы представлений о детерминации сложных процессов.

Марксистская концепция детерминации развития. Разработать концепцию диалектико-материалистического детерминизма, органически совмещающегося с принципом развития, оказалось возможным, во-первых, на основе более глубокого понимания процесса развития, в корне отличного от представлений плоского эволюционизма; во-вторых, на основе диалектического понимания принципа материального единства мира; в-третьих, на базе существенного развития представлений о детерминизме, в частности, преодоления упрощенного сведения детерминизма к «обычно понимаемой» причинности. Рассмотрим последовательно эти моменты.

Прежде всего, марксистское понимание развития в корне противоположно плоскому эволюционизму, оно основано на четком разграничении двух концепций развития — подлинно диалектической и метафизической, различающихся между собой в первую очередь отношением к основным законам диалектики — закону противоречия (единства и борьбы противоположностей), перехода количественных изменений в качественные и обратно, отрицания отрицания¹¹. Эти основные законы диалектики имеют непосредственное и прямое отношение к марксистскому решению проблемы детерминации процесса развития.

Есть, однако, один очень важный момент, характеризующий различие не между диалектическим и метафизическим пониманием развития, а между диалектикой материалистической и идеалистической. Гегель, как известно, мистифицировал гениально угаданные им законы развития, оторвав их от движения материи и противопоставив их реальному материальному миру как логические по своей природе законы саморазвития абсолютной идеи. В рамках идеалистической трактовки законы развития не требуют какого-либо обоснования анализом самих материальных процессов, они выступают как первичные по отношению к ним, стоящие над ними. Именно при таком подходе проявляется стремление «подгонять» реальную действительность под заранее заданные абстракт-

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316—322.

ные схемы, «доказывать триадами» необходимость тех или иных ступеней развития. (Впрочем, как отмечал Г. В. Плеханов, и сам Г. Гегель чувствовал, что «его объяснения, собственно говоря, ровно ничего не объясняют. Поэтому, отдав должную дань *«идее»*, он торопился спуститься на конкретную историческую почву, ища реальных причин общественных явлений уже не в свойствах идей, а в них самих, в тех самых явлениях, исследованиями которых он занимался в данное время. При этом он высказывал часто самые гениальные догадки...»¹².

Конкретный анализ конкретной ситуации — вот основной методологический принцип диалектики материалистической.

Важнейшим исходным принципом материалистической диалектики в познании законов развития является выделение целостной материальной системы, в рамках которой осуществляется процесс развития и в рамках которой он детерминируется. Диалектическая конкретность такого анализа предполагает не общие абстрактные ссылки на материю вообще, а разработку более глубокого, диалектического понимания принципа материального единства мира. Идейные предпосылки этого уже содержались имплицитно в диалектике Гегеля, и, конспектируя его «Науку логики», В. И. Ленин как бы вновь воспроизводит тот ход мысли, который ранее привел К. Маркса и Ф. Энгельса к диалектико-материалистической концепции детерминизма: «Надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений»¹³. Вместо того чтобы ограничиваться рассмотрением внешних влияний одних тел на другие (взаимодействий, так сказать, по горизонтали), которые по самой своей сути как раз и не могут объяснить развития («только „взаимодействие“ = пустота», — отмечал В. И. Ленин¹⁴), надо было в центре внимания поставить процессы, разыгрывающиеся, так сказать, по вертикали, — диалектику основания и обоснованного.

Связь событий, которую мыслители домарксовской эпохи пытались построить из случайных совпадений либо привнести извне как задаваемую заранее каким-то мисти-

¹² Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1956, т. I, с. 456—457.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 142.

¹⁴ Там же, с. 146.

ческим способом, надо было найти внутри этих событий. Но для этого необходимо было указать реальный процесс, соединяющий их в одно целое, в единую систему, подчиненную некоторому основному процессу-отношению. Это можно было сделать, лишь заменив метафизическую картину мира, рассматриваемого в виде арифметической суммы лишь внешне взаимодействующих между собой отдельных вещей, явлений, диалектико-материалистической картиной мира целостных систем, состоящих из необходимо взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Все попытки домарксовских философов понять ход общественно-исторических процессов, рассматривая их как хаотические столкновения многих отдельных индивидов, наделенных от века некими постоянными «естественными свойствами», оказались безрезультатными. На этом пути не только не удалось натолкнуться хотя бы на одну действительную закономерность социального развития, но и — более того — приходилось признавать, что в обществе в любой момент все возможно (по воле законодателя или под влиянием «шального атома», что выступало явлениями одного порядка).

Поставив в центре внимания общество как целостный организм, указав тот основной материальный процесс, который цементирует общество в целостную систему, раскрыв активную, творческую сущность человека как продукта системы общественных отношений, тем самым выявив принцип взаимосвязи общества и индивида, марксизм не только осуществил революционный переворот в социологии, но и дал блестящий образец применения диалектической методологии к познанию законов движения и развития сложных динамичных систем, составляющих целостное единство многих элементов и процессов.

Подход К. Маркса и Ф. Энгельса к определению основного общественного отношения, объединяющего связи между индивидами в целостный социальный организм, поучителен не только для научной социологии. Таким системообразующим отношением, детерминирующим в конечном счете все остальные социальные связи и отношения и потому развитие общества в целом, выступает воспроизводство обществом самого себя — индивидов и условий их существования, общественных связей и отношений, или, как пишет К. Маркс, воспроизводство пе-

посредственной материальной жизни¹⁵. Важную роль при этом играют создаваемые деятельностью людей социальные условия, в которых осуществляются последующие акты воспроизводства непосредственной материальной жизни. «Но чего г-н Прудон не понял,— писал К. Маркс в письме П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 года,— так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также общественные отношения, при которых они производят сукно и холст»¹⁶.

Выяснение роли создаваемых самой системой внутренних условий своего существования для последующей эволюции системы и явилось ключевой идеей в понимании способа детерминации развития в сложных динамичных системах. Этот принцип — развитие через самодетерминацию — и открыл путь к пониманию основных закономерностей исторического хода развития общества. Каждая ступень истории,— читаем мы в «Немецкой идеологии»,— «застает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застает передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере... творят людей, в какой люди творят обстоятельства»¹⁷.

Изложенный здесь важнейший принцип диалектического анализа сложных систем и присущей им формы детерминации может быть назван принципом самосопряжения системы и условий ее существования.

Диалектико-материалистическая концепция детерминации развития социальных систем, последовательно проведенная уже в «Немецкой идеологии», получает свое дальнейшее развитие и конкретное применение в последующих работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд., т. 27, с. 408.

¹⁷ Маркс К. Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966, с. 52.

Среди них в первую очередь следует назвать «Капитал» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельса, «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина. Особое значение имеют работы В. И. Ленина по проблемам теории социалистической революции и построения социалистического общества, в которых решаются вопросы о соотношении объективных условий и сознательной деятельности людей в детерминации исторических свершений.

Марксистской концепции детерминизма чуждо метафизическое противопоставление объективных закономерностей и сознательной деятельности: формируемое объективными условиями общественного бытия сознание людей, направляя их поведение, включается в число факторов, детерминирующих последующие события общественной жизни. Но именно потому, что этим подтверждается общий принцип внутренней детерминации развития системы, марксистская концепция в своих исходных основах может быть применена и за пределами социальной сферы, к системам, в которых феномен сознания отсутствует. Важно только, чтобы эти системы относились к числу самодетерминирующихся.

В свете сказанного возникает вопрос: насколько широко распространены в мире самодетерминирующиеся системы, в которых внутренними процессами создаются условия, предопределяющие как их устойчивое существование (воспроизведение), так и закономерное изменение и развитие на собственной основе?

От ответа на этот вопрос зависит не только трактовка общих закономерностей детерминации развития, но и понимание сущности самого развития, его всеобщности. Диалектический принцип всеобщей взаимосвязи и взаимобусловленности как раз и выражает ту предельно общую закономерность окружающего материального мира, что любой материальный объект возникает и существует в рамках такой достаточно большой системы объектов, в которой связи между объектами уже не выступают на уровне эпизодических и случайных взаимодействий, а становятся существенными условиями возникновения и последующего существования каждого из них и системы как целого. Важно только уметь за отдельными деревьями увидеть лес. Иллюзия, будто развитие есть редкий

частный случай всеобщего движения, имеющий место лишь для небольшой части материальных объектов, буд-то развитие в связи с этим не обладает признаком всеобщности, возникает исключительно из-за вольного или невольного использования неадекватной картины мира, представляемой в виде множества отдельных, лишь внешним образом взаимодействующих вещей. При этом из поля зрения исследователя неизбежно исчезают не только детерминанты развития, которое тем самым становится необъяснимым, но в большинстве случаев и само развитие, его сущность.

И, наоборот, при условии выделения самодетерминирующихся, а потому и саморазвивающихся систем, состоящих из многих взаимосвязанных элементов, всеобщность процессов развития становится очевидной и бесспорной. Любой объект в мире, рассматриваемый как элемент одной из таких систем, выступает уже как продукт предшествующего развития системы и как действующий агент детерминирующих связей, предопределяющих последующее развитие системы, а вместе с ней — и ее элементов. В таких системах (а они всеобщны) основной системообразующий процесс-отношение составляет важнейшее внутреннее условие существования, создаваемое и постоянно вновь воспроизводимое функционированием систем (вспомним, что кислородная атмосфера Земли или плодородная почва созданы и постоянно воспроизводятся самой жизнью, функционированием биосферы).

При этом внутренние условия существования, будучи продуктом функционирования системы, выступают в единстве с воссоздающими их процессами важнейшим детерминантом последующей эволюции системы, предопределяя как направленность, так и темп эволюции. Здесь, в этой системе взаимосвязей и отношений возникают, развиваются и разрешаются противоречия, количественные изменения приводят к коренным качественным, через ряд диалектических отрицаний осуществляется поступательное развитие, возникают более сложные уровни организации. Попытка использовать законы диалектики в отрыве от анализа этих субстанциальных связей и отношений не может привести ни к чему иному, как к выхолащиванию их реального содержания, к подмене диалектики софистикой и эклектикой¹⁸.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 286—296.

Принцип самосопряжения системы и внутренних условий ее существования дополняется у К. Маркса своей диалектической противоположностью: в процессе своего функционирования (воспроизведения самой себя и условий своего существования) система порождает в условиях своего существования постоянно накапливающиеся изменения, приводящие в конце концов к существенной перестройке всей системы, изменению способа ее существования, возникновению принципиально новых внутренних условий, сопряженных с новым способом существования и его обеспечивающих. «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹⁹.

Внутренние условия существования системы отнюдь не являются чем-то второстепенным и мало существенным или даже более простым, как это кажется с первого взгляда. На самом деле они представляют собой сложную сеть функциональных связей и элементов, потенциально несущих в себе зародыш более высокого уровня организации, чем существующий.

Так, возникновение и развитие труда создало новые условия существования наших далеких предков. Основным ядром этих новых условий стала сложная система функциональных связей между людьми в процессе изготовления и применения орудий труда. Система производственных отношений, будучи условием нового способа существования, явилась одновременно тем качественно новым, что пришло на смену животному образу жизни,— социальной жизнью, обществом как системой общественных отношений. Раз возникнув, система социальных отношений стала новой самостоятельной реальностью, формирующей свои условия существования, материальной системой качественно нового типа, ранее не существовав-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7. Эту диалектическую закономерность Н. Г. Чернышевский выразил в следующих словах: «...вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания...» (курсив наш.— Авт.). (Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1950, т. II, с. 492).

шей в природе, имеющей собственные специфические законы существования и развития. Этот диалектический переход — переворачивание отношения между основанием и обоснованным на прямо противоположное, отрицание старого основания — неоднократно анализируется в трудах классиков марксизма.

Исследуя процесс возникновения капиталистического способа производства, К. Маркс не раз обращается к этому важному моменту развития. «Мануфактура производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях, которыми она прежде всего овладевала. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в самой этой основе, которую оно сперва нашло готовой, а затем развивало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства»²⁰.

Рождение нового через процесс переворачивания отношений, отрицания старой основы необходимо предполагает наличие *промежуточного звена, переходного этапа*, в котором новая система связей уже возникает, но еще не становится для-себя-бытием, еще подчинена старому системообразующему отношению, будучи его продуктом и условием существования. Но раз возникнув, эта система отношений начинает преобразовывать старое системообразующее отношение, подчиняя его себе, превращая его в *свое условие*, становясь самостоятельным для-себя-бытием. После этого начинается формирование собственных, адекватных новому качеству условий существования, которые, однако, таят в себе возможность необходимого, закономерного превращения в новое системообразующее отношение, подчиняющее себе в качестве своих условий создавшую его систему отношений.

Диалектический принцип всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности явлений необходимо порождает новое — системное — видение мира²¹, и только через

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 393—394.

²¹ См.: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; Миклин А. М. Системность развития в свете законов диалектики. — Вопросы философии, 1975, № 8, с. 92—99.

призму этого принципа могут быть материалистически объяснены диалектические законы развития и преодолены различные парадоксы, возникающие лишь в силу использования неадекватной картины мира.

Так, возникновение высшего уровня структуры материи из низшего с необходимостью детерминировано уже тем, что само существование объектов низшего уровня предполагает постоянные (а не эпизодические) взаимные связи между ними, а наличие этих связей системного характера создает организацию более высокого структурного уровня. Динамичный характер существования такой системы создает предпосылки для изменения структуры (а следовательно, и для изменения качественной определенности) такой системы, для изменения входящих в нее элементов в силу изменения системных условий их существования, т. е. опять-таки необходимо предполагает закономерное поэтапное развитие. В свою очередь, системы нового уровня с необходимостью вступают во взаимосвязи, создающие организацию еще более высокого уровня, формирующую, а затем и изменяющую условия существования своих подсистем.

Существенное значение именно системного «механизма» процесса развития, возникновения объектов более высокого уровня организации, более высокого уровня общности свойств и отношений на основе, созданной объектами нижележащих уровней, обнаруживается как раз в том факте, что развитие во времени представлено своими следами в пространстве. Так, в существенной связи с более высокоразвитыми организмами в единых экологических системах продолжает существовать последовательный ряд более простых вплоть до простейших. Гегель, четко отметивший эту закономерность, сделал из нее тот принципиально ошибочный вывод, будто в природе нет развития во времени, а последовательные логические ступени развития идеи лишь развернуты в пространстве. На самом же деле именно потому, что развитие есть системный процесс, новые уровни организации, возникающие во времени, нуждаются в своей основе, из которой они возникли и без которой не могут существовать, как без своих условий — в последовательно более простых системах, сосуществующих с ними в пространстве и связанных с ними системными связями.

Непосредственным следствием сказанного и явным подтверждением системного «механизма» развития вы-

ступает иерархичность структуры материи. Иерархия структурных уровней материи и форм ее движения точно так же есть следствие ступенчатости развития как системного процесса.

Системная сущность процесса развития, специфика его детерминации имеют своим следствием еще одну закономерность, подмеченную учеными на материале биологической эволюции, — неповторимость ранее пройденных этапов и стадий развития²². Понимание развития как специфического самодвижения систем дает возможность объяснить происхождение этой закономерности и границы ее действия. Развитие, безусловно, закономерно повторяемо (и в этом состоит его детерминированность) в том смысле, что наличные простые виды структуры материи в определенных условиях с необходимостью создают последовательно усложняющийся ряд материальных систем. С позиций современной науки не подлежит сомнению, что всюду, где на фоне определенных простых материальных структур возникают соответствующие условия, становится возможным и реализуется последовательно усложняющийся ряд материальных систем. Так, становится возможной и реализуется последовательно необходимыми этапами химическая эволюция, приводящая в конце концов, опять-таки при наличии соответствующих условий, к возникновению жизни. Жизнь, в том числе разумная, с необходимостью возникает в развитии материальных систем — и в этом состоит закономерная детерминированность процессов развития, их повторяемость.

Однако в каждом конкретном случае осуществления процесса развития его этапы и стадии, раз пройденные, уже не повторяются. Эта закономерность обусловлена как раз спецификой детерминации процесса развития через условия, создаваемые самой системой, и изменяемые, отрицаемые последующими стадиями развития данной системы. Жизнь на Земле возникала в условиях, сов-

²² Этот принцип надежно установлен в современной биологии на колоссальном фактическом материале (см., в частности, обсуждение этого принципа в кн.: *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966, гл. VIII, с. 227—231). Заметим, однако, что речь идет о невозможности полного возврата к пройденному этапу, т. е. движения по кругу, а не о повторении некоторых черт пройденных этапов в соответствии с содержанием закона отрицания отрицания.

сём не похожих на современные, и эти условия изменены развитием самой жизни!

С позиций диалектического видения мира исчезают и «парадокс развития», и коллизия между материалистическим детерминизмом и принципом развития. И, наоборот, все эти парадоксы немедленно возрождаются, если развивающиеся объекты пытаются рассматривать как отдельные вещи, связанные между собой лишь эпизодическими взаимодействиями внешнего характера. Концепция ничего не объясняющего хаотического блуждания либо мистика необъяснимого «стремления» к еще не существующему состоянию являются расплатой за неадекватную картину мира.

Категориальный аппарат учения о детерминации развития. В этой связи необходимо хотя бы вкратце остановиться на принципиально важном вопросе о системе категорий, отражающих принципы диалектической концепции детерминизма.

Мы уже видели, что сведение сложной системы детерминирующих отношений к однозначной причинной обусловленности, характерное для домарксовского материализма, не дает возможности выявить действительные детерминанты развития. Оно ведет к фатализму, противоречиво сочетающемуся с утверждениями о том, что все возможно. В конечном же счете перед лицом фактов направленности развития эта концепция оказывается беззащитной перед мистикой телеологизма. Отметим, что эти трудности возникают не в результате недостаточной изобретательности в понимании сложного переплетения причинно-следственных связей, а в силу узости, обедненности категориального аппарата такого учения о детерминизме, при котором детерминизм сводится к причинно-следственным отношениям в локальных эпизодических взаимодействиях и ими исчерпывается.

Именно в этом пункте вновь и вновь проявляется глубочайший мировоззренческий и методологический смысл положения В. И. Ленина о всесторонности и всеобъемлющем характере «мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью»²³. «Когда читаешь Гегеля о каузальности,— замечает В. И. Ленин,— то кажется на первый взгляд странным, почему он так сравнительно мало остановился на этой

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 143.

излюбленной каптиапцами теме. Почему? Да потому, что для него каузальность есть лишь *одно* из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и все-стороннее охватил уже раньше, во *всем* своем изложении, *всегда* и с самого начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы etc. etc. Очень бы поучительно сопоставить „*нотуги*“ новозмпиризма (respective „физического идеализма“) с решениями, вернее, с диалектическим методом Гегеля»²⁴.

В системе материалистической диалектики, преодолевшей телеологизм Гегеля, категории причины и следствия, причинно-следственных отношений могут составлять и составляют лишь малую часть той системы категорий, которая необходима для отражения в научном знании детерминированности процесса развития, малую не в смысле количественном, а прежде всего — в смысле качественном. На первый план, как наиболее существенные, более полно отражающие сущность детерминации развития, выдвигаются другие категории. Вопрос о системе этих категорий остается актуальной темой специальных исследований, и здесь мы можем высказать лишь некоторые положения в порядке обсуждения.

Как можно видеть из сказанного выше, особую роль в понимании детерминированности развития играет диалектика *основания и обоснованного, условия и обусловленного, диалектика опосредствования*. Детерминация развития отражается категориями *целостной системы, формирующей внутренние условия* своего существования. Когда эти условия сформированы внутренними системными процессами, они становятся *материальной предпосылкой и основанием* нового этапа существования системы, в котором эти условия начинают играть свою относительно самостоятельную роль и приводят к изменению того основания, на котором они возникли (отношение *опосредствования, оборачивание отношений*).

При этом основания-предпосылки выступают в качестве *реальной возможности* возникновения нового, предопределяя ведущую тенденцию, которая как *необходимость* прокладывает себе путь через хаос *случайностей*. И только через призму этих категорий становятся понятными место и роль категорий причины и следствия, раскры-

²⁴ Там же, с. 146. Следует отметить отход Гегеля от диалектики в трактовке отношения причины и следствия: он был явно не прав, утверждая полное тождество следствия со своей причиной.

вающих внутренний механизм взаимодействия элементов целостной системы.

Однако в рамках достаточно сложных систем (таких, как живой организм, экологическая система, общество) причинно-следственные отношения выражают опять-таки лишь одну сторону, и притом не самую основную, в механизме взаимодействия элементов. Здесь существенно *функциональное отношение* между элементами по типу условия и обусловленного, состоящее в том, что функционирование в рамках целостной системы одних элементов оказывается необходимым условием существования и функционирования других элементов и системы в целом (органы в организме, популяции в экосистеме). Совокупность таких функциональных связей и выступает в качестве системообразующего процесса-отношения, обеспечивающего целостность и устойчивость системы, формирование системой собственных внутренних условий существования, а следовательно, и предпосылок нового. Добавим к этому, что в еще более сложно организованных системах возникают и становятся существенными *информационные связи*, опять-таки не тождественные «обычно понимаемой причинности»²⁵.

Процесс формирования системой условий существования и через них — предпосылок нового осуществляется через раздвоение единого на противоположные стороны (В. И. Ленин), единство и борьбу противоположностей, переход количественных изменений в качественные и обратно, через диалектические отрицания-оборачивания, означающие переход к противоположному, и через отрицания отрицаний, имеющих своим результатом формирование новых уровней организации материи, возникновение качественно новых систем с качественно новыми закономерностями и свойствами.

В системе категорий, отражающих принципы диалектической детерминации развития, должны быть представлены и категории, обозначающие основные этапы становления нового. Ведь в диалектике основания и обоснованного, условия и обусловленного каждый этап — не просто результат процесса, но основание, выражающее материальную предпосылку, а через нее — и реальную возмож-

²⁵ Ряд авторов в связи с этим обсуждает понятие «информационной причинности». См.: *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; *Украинцев Б. С.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

пость или реально обусловленную необходимость возникновения следующего этапа из предшествующего.

Исходная система с присущим ей системообразующим отношением и внутренними условиями существования выступает *общей предпосылкой* возникновения нового. Та специфическая система внутренних условий в исходной системе, которая в последующем подчинит себе остальные связи и отношения и станет самостоятельным отношением нового порядка, первоначально выступает как *непосредственная предпосылка* нового, как его *исходный пункт*. Так «... развитие продукта в товар, товарное обращение (...) являются *предпосылкой, исходным пунктом* образования капитала и капиталистического производства»²⁶.

В последующем непосредственная предпосылка, или исходный пункт нового, подчиняет себе условия своего существования, становясь *началом* нового. Условия существования и дальнейшего развития начала выступают его *основой* (первоначально — несобственной). Формируя *собственную основу* своего существования и дальнейшего развития, новое переходит на стадию *развитой формы*.

Эта система понятий широко используется К. Марксом в его работах, прежде всего — в «Капитале», для отражения закономерностей развития²⁷.

В свете сказанного основные этапы процесса развития можно представить следующим образом:

1-й этап — формирование в системе исходных (общих) предпосылок возникновения нового;

2-й этап — формирование в недрах старого непосредственных предпосылок нового в форме изменения внутренних условий существования старого под влиянием собственного системообразующего отношения-процесса, возникновение новых связей, новых элементов в системе (еще подчиненных, однако, старому системообразующему отношению);

3-й этап — возникновение в системе нового отношения, подчиняющего себе прежнюю основу в качестве своего условия; новая система отношений из условий существования старого превращается в самостоятельное системообразующее отношение, для-себя-бытие; старое системообразующее отношение существенно трансформи-

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 112.

²⁷ См. подробнее: Гурьев Д. В. Становление общественного производства. М., 1973, с. 9—16.

руется, превращаясь в условие существования нового (в несобственную основу нового);

4-й этап — формирование собственной основы нового системообразующего отношения как системы специфических внутренних условий его существования и дальнейшего развития; достижение зрелого развитого состояния новой системы;

5-й этап — формирование общих (см. 1) или непосредственных (см. 2) предпосылок возникновения качественно нового состояния.

По сути дела, эти этапы поступательного развития представляют собой проявление диалектического закона отрицания отрицания, имеющего своей основой единство и борьбу противоположностей, переход количественных изменений в качественные²⁸.

Марксистская концепция детерминации развития и современное естествознание. Сформулированные марксизмом закономерности детерминации социального развития в своих исходных основах имеют значение в познании всех известных современной науке фундаментальных процессов развития в природе — биологической эволюции, химической эволюции, эволюции Вселенной. Их роль только не всегда еще столь полно выявлена и столь четко очерчена, как это сделано марксизмом в области теории социального развития. То специфическое, что отличает социальное развитие от биологической, химической или космологической эволюции, касается не существа этих основных принципов, а лишь, так сказать, конкретного их «наполнения» — того, что именно выделяется в качестве целостной системы, что представляет собой системообразующее отношение, в чем состоят условия существования системы, какими процессами они воспроизводятся и видоизменяются и т. п. На материале высшей формы движения концепция марксизма раскрывает наиболее глубоко природу всеобщих закономерностей детерминации развития и вместе с тем всеобщую сущность самого развития.

В современной астрофизике основной исходный принцип теоретических представлений об эволюции Вселенной заключается в том, что в достаточно большой системе («Вселенной в целом») распределение масс определяет

²⁸ См. блестящий очерк исторических тенденций капиталистического накопления, данный К. Марксом. — См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 770—773.

свойства пространства-времени (хроногеометрию), а особенности хроногеометрии определяют в свою очередь особенности общего движения этих масс в больших масштабах и, следовательно, последующие состояния Вселенной, возникновение новых материальных структур, их усложнение. В силу определенного системообразующего отношения (взаимосвязи движения материи и хроногеометрии) достаточно большая система сама создает условия своего существования и сама же их меняет, создавая новые состояния, ранее невозможные.

При таком подходе, если его принципы последовательно продолжить, можно получить методологический ориентир в решении весьма спорного вопроса, что считать «Вселенной в целом». Наиболее часто встречающееся определение сводится к тому, что «Вселенная в целом» — это вся совокупность небесных тел, доступных наблюдению современными средствами. Чисто эмпирический характер такого определения несомненен. Между тем понимание того обстоятельства, что развитие есть свойство систем, обладающих способностью к самодвижению и самодетерминации, самосопряжению системы и условий ее существования, позволяет дать не эмпирический, а теоретически осмысленный ответ на этот вопрос: «Вселенная в целом» — это такая достаточно большая система небесных тел, в которой процессы ее эволюции существенно определяются условиями, создаваемыми и изменяемыми самой этой системой.

Примерно таков же методологический подход в моделях эволюции отдельных звезд: термоядерные реакции в недрах звезды создают такое противодействие гравитационному сжатию (единство и борьба противоположностей), что в течение определенного времени поддерживаются относительно стабильные условия ее устойчивого состояния. Однако изменения в ходе термоядерной реакции (например, истощение запасов водорода) меняют внутренние условия и приводят к качественно новому этапу в эволюции звезды.

Современная химия обращает внимание на то обстоятельство, что в достаточно большой системе (например, в условиях планеты Земля) совершающиеся химические превращения приводят к появлению более сложных соединений, которые, в свою очередь, делают возможными новые химические реакции. В отсутствие таких соединений эти реакции были бы невозможны. При таком под-

ходе можно говорить об эволюции катализаторов и в целом о химической эволюции как направленном процессе возникновения все более сложных химических соединений — вплоть до создания непосредственных предпосылок возникновения жизни²⁹.

Как видим, принцип самосопрежения системы и условий ее существования оказывается весьма плодотворным и в понимании химической эволюции. Каждая ступень в развитии таких кинетических систем создает непосредственные предпосылки возникновения следующей, более сложной системы. Представляется логичным предположение, что системы органических катализаторов и соединений, при их посредстве возникающих и в свою очередь воспроизводящих органические катализаторы, явились также исходным пунктом, непосредственной предпосылкой возникновения жизни. Ведь не случайно катализаторы играют столь важную роль в жизнедеятельности организмов, дополняясь здесь принципиально новым типом — информационных катализаторов, осуществляющих редупликацию сложных белковых соединений. Представляется весьма возможным, что именно с этих позиций удастся более убедительно ответить на вопрос, каковы же были переходные формы от неживого к живому, через какие промежуточные этапы и какие именно оборачивания прошли каталитические химические системы, дав начало новому уровню организации материи и новой форме ее движения — жизни.

В настоящее время хорошо известно существование различных геологических (скорее — экологических) эпох, которым соответствуют важные этапы как в биологической эволюции, так и в эволюции климата Земли. Установление факта движения материков под влиянием внутренних процессов в земной коре подтверждает принцип, что система сама создает и сама же меняет условия своего существования. В современной климатологии в противовес концепциям, пытавшимся (довольно не убедительно!) объяснить изменение климатических условий на Земле одними только чисто внешними факторами (прохождение Солнечной системы через пылевые облака и т. п.), все большее внимание привлекает подход, при котором более внимательно и глубоко исследуется взаимосвязь земных

²⁹ См.: Кузнецов В. И. Диалектика развития химии. М., 1973, с. 173—232; см. также: Руденко А. П. Теория саморазвития открытых каталитических систем. М., 1969.

факторов. Оказывается, что земные факторы в их системе могут объяснить гораздо больше, чем могли думать раньше, в том числе, например, даже наступление и отступление ледников при одной и той же освещенности Земли Солнцем. Важным положением подобных концепций закономерной эволюции климатических условий под влиянием внутренних детерминаций выступает принцип, гласящий, что сложившаяся система климатических факторов при определенных обстоятельствах сама себя поддерживает и даже усиливает, соответствующим образом формируя условия. Но продолжение того же процесса приводит в последующем к изменению этих условий и самоотрицанию предшествующего состояния. Так, ледники содействуют изменению климата в сторону похолодания и дальнейшего распространения ледников. Однако распространение ледников, когда оно достигает определенной меры, вызывает уменьшение влажности и количества осадков, в силу чего процесс испарения и таяния ледников становится преобладающей тенденцией — ледники отступают, соответственно наступает потепление климата³⁰. Детерминистский подход к эволюции, основанный на исследовании роли условий, создаваемых самой системой, для последующего изменения этой системы, демонстрирует и здесь свою мощь и плодотворность.

Естественно, что речь идет не о случайно выхваченных примерах, а о методологических и мировоззренческих *принципах* современного естествознания, демонстрирующих свою всеобщность и значимость в процессе развития современного научного знания.

Немаловажное значение имеют изложенные методологические принципы и в решении сложных принципиальных вопросов биологической науки. Принцип самосопряжения системы и условий ее существования выступает одним из методологических критериев выделения целостной системы как «единого организма». Неадекватное выделение исходной системы лишает исследователя возможности обнаружить системообразующее отношение-процесс и, следовательно, найти детерминанты процесса. Известно, что в объяснении движущих сил биологической эволюции

³⁰ Нельзя не отметить здесь методологическое значение работ Е. С. Гернета, в которых, по сути, впервые был сформулирован и реализован подобный подход. См.: *Гернет Е. С. Ледяные лишаи: (Новая ледниковая теория, общедоступно изложенная)*. Токио, 1930; *Чижов О. П. Оледенение Северной полярной области*. М., 1976.

возникли непреодолимые методологические трудности, пока основным объектом эволюции считался отдельный организм, а не популяция. Однако и в рамках популяционного подхода встают серьезные проблемы в определении детерминантов эволюционного процесса. Есть основания сделать вывод, что исходная система не выделена в полном своем объеме и потому некоторые детерминирующие связи и отношения выпадают из поля зрения.

Характерно, что в свое время К. М. Завадский сформулировал весьма важное дополнение к своему тезису о роли статистических процессов как единственных известных науке детерминантов эволюции, выдвинув идею сопряжения взаимосвязанных видов в ходе эволюции. «Надо учесть, — писал он, — что вообще любой вид, как основная единица эволюционного процесса, существует не изолированно, а всегда находится в связи со многими другими видами, вступающими с ним в более или менее тесное взаимодействие (хищник — жертва, паразит — хозяин, инфекция — ее носитель, конкурентные отношения, симбиотические отношения, средообразующие отношения и т. п.). Приспособление ко все усложняющимся межвидовым отношениям вызывает глубокие изменения как внутренней организации вида, так и организации индивида»³¹.

Несколько аморфное понятие «среда» раскрывается, таким образом, как «экологическая система, в которой существует данная популяция». Теперь уже достаточно ясно, что связи в экологической системе столь существенны для каждого из ее членов, что далеко не всякие генетические «дрейфы» здесь возможны. «Говоря об условиях, — пишет С. Сковрон, — следует принимать во внимание не только физические условия жизни, но также и все другие организмы, которые являются биотическим условием для других. Изменение одного звена всей живой системы форм должно в свою очередь приводить к изменениям в других звеньях. Изменение одних видов вызывает изменение других или их вымирание»³².

Несомненно, это уже детерминанты, существенно регулирующие хаос случайностей. По-видимому, в современных условиях назрела необходимость более тесного объе-

³¹ Завадский К. М. К пониманию прогресса в органической природе. — В кн.: Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л., 1958, с. 103—104.

³² Сковрон С. Развитие теории эволюции. Варшава, 1965, с. 257.

динения теорий экологических систем и теории эволюции. Вспомним, что по методологии К. Маркса и Ф. Энгельса рассматривается общество в целом как самовоспроизводящаяся система, и этим как раз задается основное системообразующее отношение. Но ведь популяция не является системой, полной в отношении самовоспроизведения,— полной в отношении самовоспроизведения может быть только целостная экосистема. Поэтому фундаментальной единицей эволюции скорее надо считать экологическую систему как совокупность взаимосвязанных популяций и климатических условий их жизни. Эта система действительно формирует условия своего существования и существования каждой популяции, может их изменять в ту или иную сторону, создавая новые условия, которых ранее не было. Не исключено, что именно через призму эволюции экологических систем может быть выявлена система детерминантов, направляющих эволюцию отдельных популяций. Известным подтверждением такого подхода может служить факт (установленный еще Ч. Дарвином), что популяции, оказавшиеся в изоляции, довольно быстро отклоняются в своих признаках от других популяций того же вида (например, многие виды птиц на островах отличаются от сходных видов на материке). В самом деле, изоляция означает здесь не что иное, как включение в другую экологическую систему, отличную от обычной. Вероятно, только через призму эволюции экосистем может быть понято формирование условий для возникновения более высоких форм биологической организации, т. е. направленность эволюции.

Приведенные соображения, по необходимости краткие, показывают все же достаточно определенно всеобщее значение и актуальность для современной науки тех основных методологических принципов познания законов детерминации развития, которые были открыты марксизмом и столь блестяще применены к познанию законов развития наиболее сложной из известных систем — человеческого общества.

Глубокая разработка в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина диалектической концепции детерминации развития открыла принципиально новую главу в истории философских учений о детерминизме, которая освещает внутренний механизм самого процесса развития, его природу и сущность.

3. РОЛЬ ПРИНЦИПА ОТРАЖЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗВИТИЯ

Вопрос о месте и роли принципа отражения в теории развития имеет самое прямое отношение к специфике материалистической диалектики как философской основы последовательно научного миропонимания. Именно материалистическая диалектика специально исследует и решает этот вопрос, который выражает важную сторону ее содержания и в значительной мере концентрирует в себе ее идеологическую определенность.

В этой связи весьма показательно то, что для буржуазной философии характерны разъединение и противопоставление диалектики и принципа отражения, попытки доказать их несовместимость. Факт этот ни в коей мере не является неким малозначащим и второстепенным моментом: напротив, он красноречиво свидетельствует о границе теоретических возможностей буржуазного философского сознания, обнаруживает его, так сказать, историко-мировоззренческий предел. Суть в том, что отношение диалектики к принципу отражения есть отношение ее к материализму, а синтез диалектики и материализма неосуществим в рамках буржуазной идеологии. Поэтому противоположные оценки принципа отражения со стороны марксистов и буржуазных философов — не частное разногласие в трактовке диалектики и развития: за ними стоит и в них выражается коренное философско-мировоззренческое расхождение. Столь свойственное буржуазным концепциям диалектики «отталкивание» от принципа отражения есть, с одной стороны, показатель их неспособности ассимилировать содержание этого принципа; с другой же стороны, в современной исторической ситуации, оно служит формой идеологической борьбы, нацеленной на отрыв диалектики от материализма, на размывание принципиальных основ марксизма.

Задача данной главы — рассмотреть место принципа отражения в диалектико-материалистической теории развития, показать, что он входит неотъемлемым компонентом в содержание этой теории и не только не противоре-

чит адекватному познанию объективной диалектики развития, но составляет необходимое условие такого познания. Решение этой задачи предполагает раскрытие действительной роли свойства отражения в процессе развития, в развертывании и разрешении его специфических противоречий.

Отражение как «рычаг» эволюции. В марксистской философской литературе обстоятельно исследовано значение принципа отражения для материалистического решения основного вопроса философии, для научного понимания сознания и познания. Плодотворно разрабатывается также трактовка отражения как стороны и результата взаимодействия, как фактора, участвующего в конституировании объективной закономерности мира. «Свойство отражения, которым обладает все существующее, выражается в том, что на каждой вещи сказываются те внешние воздействия, которым она подвергается; внешние воздействия обуславливают и самую внутреннюю природу явлений и как бы откладываются, сохраняются в ней... В этом выражается фундаментальное свойство бытия. На этом основывается диалектико-материалистическое понимание детерминированности явлений как их взаимодействия и взаимозависимости»¹.

Такой подход дает общую основу для постановки вопроса о роли свойства отражения в формировании всеобщих механизмов развития как закономерного процесса и соответственно о принципе отражения как средстве раскрытия не только «горизонтальной» (структурной, функциональной) связи явлений, но и их «вертикальной» (эволюционной, исторической) связи. Анализ методолого-эвристических возможностей принципа отражения под этим углом зрения диктуется ныне реальными особенностями и потребностями современного научного познания, которое на самых горячих своих фронтах (в социальных, биологических, космологических исследованиях) с чрезвычайной остротой выдвигает вопросы о факторах, под действием которых складываются такие существенные черты развития, как поступательность и преемственность, спонтанность и детерминированность, специфическая диалектика внешнего и внутреннего, старого и нового, необходимого и случайного, непосредственного и

¹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957, с. 11.

опосредствованного и т. д. Несомненна важность выявления «резервов» принципа отражения в решении этих вопросов — осмысления его как такого принципа, владение которым способствует действенной реализации преимуществ диалектико-материалистической методологии в исследовании эволюционно-исторических процессов.

Однако уровень философской разработки проблемы связи развития с отражением (и отражения с развитием) пока еще явно недостаточен. Развитие и отражение рассматриваются большей частью рядоположно, почти безотносительно друг к другу; в философских определениях развития, как правило, не упоминается его связи с отражением, точно так же как в философских определениях отражения редко учитывается его существенное отношение к развитию.

Обычно тем ближайшим и основным феноменом, с которым соотносится и через которое определяется отражение, служит взаимодействие. Без сомнения, отражения нет вне и помимо взаимодействия; однако последнее, взятое само по себе, еще не вводит отражение в тот контекст, в котором в полной мере обнаруживаются его существенные функции. Сказать об отражении, что оно есть воспроизведение структурной упорядоченности оригинала в соответствующих изменениях структуры отражающего, так же правильно, но и так же недостаточно, как, к примеру, правильно и недостаточно сказать о труде только то, что он есть целесообразная деятельность. Труд, конечно, есть целесообразная деятельность, и только будучи ею, он может быть также и чем-то большим; однако специфическая сущность его заключается как раз в этом «большем» — в том, что он, преобразуя предмет, вместе с тем конституирует человеческий способ бытия, развертывающийся во времени как общественная история, и в этом смысле выступает основой «самопорождения» (К. Маркс) человека. Эта сущность труда невыводима из анализа его «простых моментов», характеризующих абстрактно выделенный акт труда; чтобы постичь ее, необходимо обратиться к принципиально иной плоскости исследования — ввести труд в совокупный процесс общественного развития, в котором складывается и обнаруживается его историко-созидательная функция.

Аналогично обстоит дело и с определением отражения. Отражение, конечно, есть воспроизведение структуры одного предмета в соответствующих изменениях другого. Но

Этим самым по себе еще не исчерпываются его смысл и значение, его «участие» в самобытии материи. Этим схватывается самая общая определенность феномена отражения, но еще не глубинная сущность его как всеобщего свойства материи. Чтобы понять отражение в его истинной всеобщности, надо выйти к иной плоскости анализа, а именно включить отражение в тот процесс, внутри которого формируются и разворачиваются его объективные специфические функции, т. е. действительно реализуются его атрибутивные возможности и его особая роль. Таким процессом является развитие. Используя известные ленинские слова, можно сказать, что сущность отражения лежит в той связи, которая ведет к развитию: она раскрывается в его обращенности к фундаментальным противоречиям развития, условием разрешения и одновременно воспроизведения которых отражение и является.

Исследование отражения как всеобщего свойства материи подменяется порой построением дефиниции «отражение вообще». Однако на этом пути не решается вопрос о всеобщности отражения. Содержание философской категории отражения не сводимо к тому формально общему, что можно вычлениить путем сравнения различных его уровней. Такое общее является как раз абстракцией от развития, т. е. абстракцией от того, благодаря чему только и реализуется всеобщность свойства отражения, существующая не иначе, как в многообразии и *генетической связи* его особенных форм.

Разумеется, отражение может исследоваться в разных аспектах и с разных точек зрения. В границах некоторых частных познавательных задач отвлечение от связи отражения с развитием является допустимым. Однако в контексте диалектики как теории развития такое отвлечение не может иметь места: здесь именно развитие задает, говоря словами К. Маркса, то «общее освещение, которое модифицирует попавшие в сферу его действия цвета», и отражение не может не быть «пронизанным» этим общим освещением. Это значит, что в данном контексте методологически правильный подход к отражению состоит не в том, чтобы сначала определить его независимо от развития, а потом посмотреть, как оно соотносится наряду с прочим также и с развитием, — а в том, чтобы отношение к развитию взять в качестве отправного пункта философского анализа отражения. Всеобщность отражения выражается не просто в общности ряда его призна-

ков на разных уровнях материальной организации,— а как раз в возможности и необходимости перехода от одних уровней к другим, т. е. в реальном участии его в развертывании эволюционно-исторического процесса.

Развитие, взятое в его универсальности, как охватывающее «всю материю», включает в себя различные линии (направления) и, как таковое, не сводится ни к одной из них. Однако можно среди них выделить такую, в которой специфика развития (с точки зрения его основных противоречий и механизмов, включая и связь с отражением), выражена более полно и развернуто. Это — восходящая линия, реализуемая эволюцией материи, и особенно органической материи. «Эволюция органического мира в целом имеет прогрессивный характер — она неуклонно ведет к усложнению организации, к созданию все более высоких форм жизни. Это показывает вся сумма наших знаний»². Современная наука дает обширный и убедительный материал, раскрывающий фундаментальную «движущую» роль отражения в этом процессе.

Центральным понятием современной научной теории эволюции, отражающим «главную стратегию прогрессивного развития живого»³, служит понятие адаптиациогенеза как последовательного совершенствования и накопления приспособительных механизмов и приспособительной активности: «Процесс эволюции идет непрерывно под знаком приспособления организмов к окружающим его условиям»⁴. Но приспособление, в качестве основной формы связи организма со средой, невозможно вне и помимо отражения: «Приспособление организмов... всегда, разумеется, является... отражением ими свойств среды»⁵. Вместе с тем «приспособиться и выжить» — хотя и не-

² Шмальгаузен И. И. Проблемы дарвинизма. Л., 1969, с. 442. Обращение в данной главе к биологическому и социальному материалу продиктовано исключительно тем, что здесь взаимосвязь развития с отражением выступает особенно отчетливо и «прозрачно». О всеобщности свойства отражения и его связи с развитием на уровнях не только живой, но и неживой материи см.: Тимофеева Н. В. Сущность и основные черты отражения в неорганической природе. — В кн.: Проблемы отражения. М., 1969; Ляхова Л. Н. Отражение и активность материи. Саратов, 1979; Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе. М., 1969; Смирнов С. Н. Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974 и др.

³ Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции: Историко-критические очерки проблемы. Л., 1977, с. 19.

⁴ Шмальгаузен И. И. Указ. соч., с. 405.

⁵ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972, с. 49.

обходимое, но недостаточное условие биологического прогресса. Организмы могут устойчиво приспосабливаться и выживать — и оказываться вне русла прогрессивной эволюции, застревая на ее боковых и тупиковых «тропинках». Поэтому важно раскрыть роль отражения не просто в приспособлении, а в таком именно приспособлении, которое есть одновременно «подъем на высший уровень организации и установление новых путей для дальнейшей эволюции»⁶.

Разумеется, чтобы иметь возможность подниматься на высший уровень, организмы должны существовать, т. е. так или иначе «вписаться» во внешний мир, утвердиться в нем. В исследованиях, проведенных под руководством П. К. Анохина, убедительно показывается, что своеобразное отражение организмами законов неорганического мира, прежде всего его пространственно-временной структуры, позволило организмам не только «вписаться» в мир, но и открыло перед ними пути прогрессивной эволюции.

Организм запечатлевает действие законов, и это запечатление — в прогрессивно-эволюционной перспективе — сопровождается активной «встречной» (реализуемой через механизмы естественного отбора, через сложнейшие взаимосвязи индивидуальной наследственности и популяционного генофонда) перестройкой организма, соответствующей действию законов. Такая перестройка и позволяет организму, сохраняя подчиненность законам, в то же время «ускользнуть» от их разрушающего действия. Происходит своеобразное «познание» организмом внешней среды («познание», так сказать, «плотью и кровью» — откладывающееся в морфофизиологических структурах организма и сливающееся с его жизнедеятельностью), которое становится условием противостояния ей, преодоления слепой зависимости от нее. Тем самым организм одновременно и подчиняется внешним силам, и преодолевает их, превращая саму подчиненность в орудие самосохранения и саморазвития. «Живой объект, не нарушая законов, действующих во всей природе, как бы вступает в антагонизм с ними. Можно сказать, что вместо того, чтобы пассивно подчиняться закону природы, жизнь обеспечивает возможность активно противодействовать этому закону, подобно тому, как, поднимая тяжелый предмет,

⁶ Шмальгаузен И. И. Указ. соч., с. 411.

мы не нарушаем закона тяготения, но противодействуем ему»⁷.

Это и есть то преодоление через подчинение и подчинение через преодоление, которое делает возможным не только совершенствование приспособительной активности — на ступени биологической эволюции, но и развертывание творческой активности — на ступени социальной эволюции, поскольку «законы внешнего мира, природы... суть основы *целесообразной* деятельности человека»⁸, и, лишь отражая эти законы в способах своей деятельности, человек способен превращать природный материал «в органы человеческой воли, властвующей над природой»⁹.

Принципиальным моментом для понимания эволюционной роли отражения выступает то, что оно реализуется как противодействие — как «преодоление факторов „сопротивления среды“... за счет развития защитных и парирующих адаптаций»¹⁰. Это значит, что отражение организмами среды вовсе не сводится к моменту подчиненности, «страдательности», хотя необходимо включает его. Отражение — если давать его существенное в контексте эволюционного процесса определение — меньше всего можно трактовать как просто «след», пассивный продукт идущих извне сил: оно есть такая ассимиляция этих сил, которая позволяет организму как бы выходить из-под их действия, нейтрализовать их и самоутверждаться за их счет. Формируясь и перестраиваясь под действием факторов внешней среды¹¹, организм «совмещает» себя с ними и их с собой — совмещает так, что могут сохраняться (разумеется, в форме тенденции, пробивающей себе путь в борьбе с противодействующими ей, ослабляющими и заслоняющими ее факторами) и действие внешних сил и сам организм, и не просто сохраняться, но образовывать единство, в котором именно организм выступает активной стороной, использующей отраженные законы

⁷ *Энгельсгардт В. А.* Проблема жизни в современном естествознании. — В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969, с. 265.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 169.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 215.

¹⁰ *Завадский К. М., Колчинский Э. И.* Указ. соч., с. 19.

¹¹ «Не существует никакой организации, даже и самой глубокой, которая не была бы приспособительной уже в своей основе. Вне приспособления никакой организации не существует». (*Шмальгаузен И. И.* Указ. соч., с. 122).

для накопления возможностей выживания и «экспансии».

В рамках этой тенденции повышение — благодаря развитию отражательных механизмов — способности противостоять внешним факторам (не только обходить их разрушительное действие, но и «использовать» их для «наступления» на них) есть необходимое условие расширения границ жизненной активности, нарастания энергии самодвижения (что находит свое высшее выражение в историческом процессе человеческого преобразования природы). Поэтому вектор прогрессивной эволюции совпадает с вектором роста отражательной активности: в ходе ее отбирались организмы, обретавшие большие отражательные возможности. При этом важно подчеркнуть, что субъектами эволюции организмы выступают не просто как обладающие той или иной анатомо-физиологической организацией, а как носители определенного типа поведения, типа «деятельности», которым и обуславливается уровень отражения. Последний соотносим прежде всего с типом поведения, стороной которого он является и в контексте которого формируются — соответствующие его особенностям и возможностям — специализированные отражательные органы. «Каково объективное строение деятельности животного, такова и форма отражения им действительности»¹².

Самым общим принципом градации (в восходящем направлении) типов активности можно признать единство устойчивости и открытости. Такой принцип отвечает логике центрального направления биологического прогресса — ароморфозу, или ароморфозу. «Ароморфоз — расширение жизненных условий, связанное с усложнением организации и повышением жизнедеятельности, т. е. с приобретением приспособлений более общего значения, позволяющих установить связи с новыми сторонами внешней среды»¹³. Устойчивости соответствует «постоянное накопление приспособительных признаков широкого значения», «нарастание известного универсализма организации»¹⁴. Открытости соответствует складывание и совершенствование форм активной индивидуальной приспособляемости. Каждый шаг эволюции характеризуется своей

¹² Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики, с. 253.

¹³ Шмальгаузен И. И. Указ. соч., с. 409.

¹⁴ Там же, с. 443.

мерой единства устойчивости и открытости — мерой, объективно обусловленной преемственным характером процесса, причем диалектика этих моментов разворачивается — на восходящей линии — не в направлении ослабления, затухания одного за счет другого, а, напротив, в направлении их взаимного усиления: чем больше устойчивость (универсализм организации), тем больше открытость (диапазон возможностей, эволюционный потенциал).

И все же в диалектической взаимосвязи устойчивости и открытости, представляющей собой бесконечно разрешаемое противоречие, ведущим моментом выступает открытость как рост возможностей выхода к новому.

Иными словами, критерием биологического прогресса служит не сама по себе приспособленность к наличным (и периодически повторяющимся) воздействиям среды, но именно расширение горизонта приспособительной активности, снимающее узкую приноровленность к фиксированному кругу внешних условий. Эволюция осуществляется не просто потому, что организмы все более приспосабливаются к данным условиям обитания, — а потому, что они, говоря языком диалектики, одновременно и приспособляются и не приспособляются к ним, приспособляются и к ним и не к ним — за счет формирования все более широких адаптаций, «значение которых не исчерпывается той средой, в которой развивается данный организм»¹⁵. Возможность прогрессивной эволюции предполагает некоторое дистанцирование организма и среды, достаточную неопределенность приспособлений, в силу чего последние не теряют своего значения при переменах (в известном диапазоне) в условиях существования, открывая и подготавливая новые пути эволюции. Можно сказать, что последняя прокладывает себе путь через формирование таких типов активности, способов существования, которые опосредствуются все более многосторонними и глубокими связями с внешним миром, втягивают в свою орбиту все более обширные сферы предметной реальности, вооружаются все более совершенными механизмами филогенетической и онтогенетической памяти, что связано с ослаблением наследственной запрограммированности поведения, снятием жесткой зависимости от фиксированных элементов среды.

¹⁵ Шмальгаузен И. И. Указ. соч., с. 411.

Рассмотренная градация способов существования позволяет выявить сквозную линию прогрессивной эволюции, выводящую — на ее социальном витке — к человеку «как к существу *универсальному* и потому *свободному*»,¹⁶ — позволяет раскрыть глубинное единство эволюционно-исторического процесса, не снимая качественного различия его этапов. Вместе с тем она выводит к соответствующей её объективной логике эволюции отражения. Устойчивость (приспособленность к меняющимся условиям среды) и открытость («расположенность» и «готовность» к изменениям в направлении вектора эволюции) необходимо обусловлены объемом активных контактов организма с внешней средой, степенью его ориентированности в ней, — т. е. именно интенсивностью отражательной деятельности, причем последняя получает все большее *внешнее* обнаружение и выражение.

Эволюция отражения осуществляется не только по линии тенденции «к аккумуляции и передаче потомкам всей доказавшей свою эффективность информации»¹⁷, но и по линии тенденции к использованию накопленной информации в процессах активного прижизненного освоения внешних условий. Другими словами: не только по линии расширения отражательного опыта — превращения внешнего во внутреннее, но и по линии объективации этого опыта в действиях, так или иначе изменяющих наличную среду, — превращения внутреннего во внешнее. «Примечательно к эволюции организмов мы можем сказать, что отражение действительности всегда было активным процессом деятельности самого организма и на более высоких уровнях эволюции вылилось в непосредственное воздействие на внешний мир с целью его преобразования»¹⁸.

Короче: эволюция отражения резюмируется в способности не только отражать мир, но и отражаться на мире. При этом одно обуславливает другое: чем выше способность отражать, тем выше способность отражаться; чем объемнее и точнее отражательный «экран», тем обширнее радиус активных внешних действий. Глубокая диалектическая сущность отражения выражается в том, что оно реализует связь субъекта отражения с миром как от-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 92.

¹⁷ Завадский К. М., Колчинский Э. И. Указ. соч., с. 21.

¹⁸ Анохин П. К. Избр. труды: Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978, с. 27.

ношение представленности одного в другом: чем более мир представлен в носителе отражения, тем более последний представлен в мире. На уровне человеческого способа существования это отношение достигает наибольшего развития: специфически присущая человеку способность воспроизводить (отражать) в способах своей деятельности все богатство объективных связей мира означает безграничность возможностей его (мира) творческого преобразования.

Выход к историческим параметрам развития: системы информации. С точки зрения диалектики особое значение имеет вопрос о соотношении категорий *развития* и *истории*. Интерес к нему в научном мире обусловлен существенными сдвигами в теоретическом осмыслении развития — в переходе от понимания развития как индивидуального процесса, осуществляемого отдельным объектом в системе «объект—среда», к пониманию развития как такого процесса, в котором отношение объекта к среде опосредствуется его включенностью в некоторую устойчивую систему связей, в результате чего он становится носителем процесса лишь постольку, поскольку в той или иной мере «несет» в себе и «представляет» эту ближайшую к нему более обширную систему (или последовательный ряд таких систем)¹⁹. Взятое в этом аспекте понятие развития «ломает узкие временные рамки индивидуального существования, выводит объект на арену истории, будь то история вида или жизни в целом»²⁰.

Первое понимание можно назвать натуралистической моделью развития, второе — исторической. Существенным моментом исторической модели является то, что в ней сама историчность понимается как нечто становящееся,

¹⁹ Отмечая изменение стиля мышления в связи с введением популяционного подхода, Н. П. Дубинин пишет: «До этого теория эволюции в центр своих построений ставила изменения организма. Это создало, вольно или невольно, организменноцентрический стиль мышления. Явления эволюции рассматривались в первую очередь как проблема физиологии и анатомии организмов... Популяции предстали как системы со своим собственным строем законов, показавшим, что наследственность особей включена в целостный генотип и при этом не теряет своей индивидуальности. Эволюция — это изменение генетического строения группы особей — популяции» (Дубинин Н. П. Интегрирующая роль генетики для современной биологии. — В кн.: Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977, с. 375).

²⁰ Карпинская Р. С. О развитии. — В кн.: Некоторые проблемы диалектики. Вып. VII. М., 1973, с. 102.

проходящее различные качественные этапы, так что можно говорить о «мере историчности» процессов развития, или о накоплении в них элементов историчности как восхождении к более высоким и сложным способам существования. Это накопление элементов историчности, или развитие развития, реализуется через формирование специфических отражательных механизмов, благодаря которым осуществляется расширение (обогащение и «уплотнение») общей основы развития, развертывающегося в силу этого как диалектическое взаимопроникновение единичного и общего, непосредственного и опосредствованного. Здесь и «выходит на сцену» информационный аспект отражения, раскрывающий возможность более конкретного познания объективной диалектики развития.

Обычно информация исследуется в соотношении с процессами управления и самоуправления. Однако рассмотрение ее в этой весьма важной плоскости не затрагивает в полной мере тех ее характеристик, на которые неизбежно выводит исследование отражения в диалектике. А таковыми являются характеристики, обнаруживающие существенную роль информации в развитии. Именно связь с развитием, включенность в него является тем фундаментальным отношением, внутри которого складываются и реализуются в полной мере специфические функции информации и развертывается ее собственная эволюция от состояния «связанности» («в себе») до максимальной «свободы» и самоотнесенности на уровне высших форм отражения.

Следует подчеркнуть, что необходимым условием раскрытия роли информации в развитии является понимание ее как стороны отражения. Какой бы значимости и «свободы» ни достигала информация, вся сила ее обусловлена тем, что она реализует отражательное отношение, существующее, в свою очередь, лишь в рамках реального взаимодействия отражающего и отражаемого. При всей своей относительной самостоятельности информация лишь фокусирует и интенсифицирует в себе содержательную сторону отражения и не существует вне и помимо его.

Исследование информации под углом зрения роли отражения в развитии позволяет выявить специфическую ситуацию, которую можно назвать «клеточкой» эволюционно-исторического процесса. Выделение такой «клеточки» имеет принципиальное методологическое значение. Не-

достаточно констатировать саму по себе связь прогресса материальных систем с прогрессом отражательных органов (констатация ее может не выходить за пределы параллелизма). Важно показать необходимую «сцепленность» одного с другим не только в плоскости соотнесения готовых уровней, а прежде всего в живом процессе движения от одних уровней к другим. А это и требует вычленения особого отношения, которое содержит в себе или выражает реальную возможность восходящего движения.

Таковым не может быть абстрактно выделенное (изолированно взятое) отношение непосредственного взаимодействия объектов. Это отношение само по себе, без учета особых опосредствующих факторов, еще не включает в себе возможности развития — «выхода» к развитию. Уловить в прямом («натуралистическом») соотнесении взаимодействующих объектов нить, ведущую к развитию, так же невозможно, как невозможно усмотреть глубинные импульсы общественной истории в абстрактно взятом отношении отдельного человеческого индивидуума к природе. Путь к развитию закрывается здесь отвлечением от той общей основы, в которой «откладываются» функциональные связи объекта с более широкой системой и которая существенно опосредствует его индивидуальный процесс.

Принципиальная особенность искомой «клеточки» и состоит как раз в том, что здесь отношение объекта к среде опосредствуется особым фактором — накоплением отражательного опыта, выходящим за границы возможностей единичных объектов и образующим их преемственно воспроизводимый общий (видовой, родовой) потенциал. А это накопление обеспечивается формированием (и последующим разрастанием) «узлов», или систем, информации, концентрирующих «отображения и выражения опыта прошлой истории данных преемственно воспроизводимых объектов, а также создаваемые тем или иным путем... программы операций и фрагментарные прообразы будущих результатов процесса развития»²¹, и представляющих структуры метасистем, в которые функционально включается объект. Благодаря этому объект обретает как бы двойное существование — непосредственное и опосредствованное: он представляет уже

²¹ *Крестьянский В. И.* Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977, с. 218.

не только самого себя, но и ту систему, структура которой встроена в него, выражает не только свои индивидуальные возможности, но и возможности этой охватывающей его метасистемы, становится обладателем содержания, невыводимого из его единичного опыта, т. е. представляет «чем-то бóльшим, чем он сам».

Наглядным примером этого может служить выделение видового уровня существования на ступени биологической эволюции. Биологическая особь существует, так сказать, на двух уровнях: непосредственном, индивидуальном, и опосредствованном, видовом, образующих подвижное противоречивое единство. С выделением видового уровня отражение получает как бы новый, относительно самостоятельный «экран», способный запечатлеть то, что выходит за рамки возможностей отдельной особи и принципиально не может быть достигнуто в этих рамках, — «время» вида как его совокупный эволюционный опыт. Возникает и новый субъект отражения — не только единичная особь с ее весьма ограниченным пространственно-временным полем деятельности, но и вид с его гораздо более широкими пространственно-временными возможностями и более емкими «резервуарами» памяти. Исследуя этот существенный аспект отражения, П. К. Анохин вводит понятие «системогенеза» как такой особой формы отражения, которая включает в себя и реализует в поведении отдельной особи «исторический» опыт вида: «Системогенез является подлинным инструментом эволюции, который является как бы посредником в передаче исторического накопления отражательной деятельности предков их потомкам в точном соответствии с их специфическими экологическими факторами. Здесь мы встречаемся с одним из сильнейших аргументов теории отражения: с отражением объективной действительности в структуре и функции бесчисленного количества поколений животных, т. е. с *историческим накоплением отражательного опыта*»²².

Такая возможность для объекта быть чем-то бóльшим, чем он сам, возникающая благодаря опосредствованности его существования «историческим накоплением отражательного опыта», т. е. «расщепление» его существования на единичное и обретающее все бóльшую самостоятельность и содержательность «общее», в силу чего и стано-

²² Анохин П. К. Избр. труды, с. 364.

вится принципиально возможным возникновение более сложных, покоящихся на более широкой и богатой основе способов существования,— это именно и есть существенный признак «клеточки» эволюционного процесса. Она оказывается не двучленной, а трехчленной, включающей в себя соотношенность объекта с некоторым превосходящим его целым, которое он так или иначе представляет и возможности которого он реализует в своих взаимодействиях с внешней средой.

Выразителями этой соотношенности и предстают системы информации, являющиеся как бы живыми узлами пересечения, взаимопереходов единичного и общего, непосредственного и опосредствованного. Специфическая роль систем информации, делающая их в известном смысле носителями эволюционного «заряда», в том и состоит, что они открывают выход к тому расширению основы и содержательному обогащению способов существования, которыми характеризуется развитие как процесс, обретающий статус истории. «Именно развитие систем информации в живой природе и обществе создает самые содержательные основы преемственности и „развития развития“, самые полные выражения „историчности“ сложно организованных систем»²³.

Таким образом, важнейший фактор, «ткущий» поступательность эволюционно-исторического процесса (и позволяющий теоретически реконструировать его логику),— формирование особых отражательных механизмов, работающих на открытость систем, т. е. способных накапливать, концентрировать и объективировать опыт прошлых взаимодействий в качестве основы, расширяющей возможности последующего развития. Это — определяющая конституента прогрессивной эволюции, благодаря которой последняя разворачивается как самодвижущаяся, самостимулируемая и самоорганизуемая. Выход к развитию обеспечивается здесь растущей опосредствованностью индивидуального бытия объекта временем его метасистемы как потенциалом накопленных возможностей, в силу чего объект выступает как «превосходящий» себя, «прорывающий» границы своей непосредственной системности, представляющий связи, не им созданные, но через него сохраняемые, воспроизводимые и обогащаемые. По мере

²³ *Кремянский В. И.* Методологические проблемы системного подхода к информации, с. 23.

развития систем информации все более разрастается этот второй — «общий» — план бытия объекта, существенно раздвигающий границы его индивидуального времени, делающий его реально сопричастным прошлому и будущему более широкой системы.

Нитью, ведущей к развитию, и является как раз эта восходящая опосредствованность единичного (индивидуального) — общим (всеобщим), вбирающим в себя прошлое в качестве «трамплина» для будущего. Поэтому эволюция не просто разворачивается во времени как некоей безразличной длительности: эволюция и есть сгущение, уплотнение времени, когда настоящее стягивает к себе и фокусирует в себе все более отдаленное прошлое и будущее.

Взаимосвязь развития и отражения — условие и подтверждение их универсальности. Итак, специфическая ситуация, являющаяся исходной и всеобщей для эволюционно-исторического процесса, есть вместе с тем ситуация, представляющая собой в общей форме связь развития с отражением. Рождение первых элементов историчности — опосредствованности единичного общим и общего единичным, благодаря чему и вытягивается нить развития как наращивающий свою основу процесс, — рождение этих зачатков историчности предполагает в качестве своей неотъемлемой стороны возникновение систем информации — преемственно накапливаемых «сгустков» отражательного опыта. Принципиальное значение имеет то, что роль отражательных процессов возрастает в разворачивании эволюции и особенно в формировании таких ее параметров, которые специфичны для истории, так что мера отражательных возможностей соотносима с мерой историчности существования. Поэтому дело обстоит не так, что в ходе развития материи к более высоким ступеням свойство отражения остается все более позади как «низшая» и «бедная» характеристика, которую высшие способы существования преодолевают и из которой они не могут быть поняты. Дело обстоит как раз наоборот: совершенствование отражательных органов и систем оказывается необходимой составляющей в становлении исторической формы развития, наиболее полно реализуемой в общественной истории.

И самые сильные аргументы в пользу принципа отражения дает как раз человеческая история. Отражение (в его социальной форме) не только не противоречит

специфике человеческого исторического процесса, не «выпадает» из него, напротив: именно в нем функция отражения как фактора прогресса достигает наивысшего развития. Можно сказать, что здесь, на ступени социальной эволюции материи, отражение достигает апогея, празднует свой триумф, разворачивает в полной мере свои возможности.

Прежде всего, на уровне человека неизмеримо возрастает объем отражаемого содержания. Труд как материально-преобразующая деятельность, приводя в интенсивное взаимодействие все большие массы природных тел (явлений, процессов), делает объективно возможным и необходимым универсальное освоение природы. Втягиваемая в производственные и промышленные процессы, в русло развивающихся общественных связей, природа раскрывается человеку в своей неисчерпаемой многогранности и многокачественности. Если животное отражает лишь те свойства среды, которые имеют для него, непосредственно или опосредствованно, биологический смысл, т. е. так или иначе связаны с наследственно заданным кругом потребностей, то человеческое отражение опирается на историческое формирование новых и новых потребностей, требующих раскрытия новых и новых полезных (в широком социальном плане) свойств вещей.

Это богатство отраженного содержания закрепляется в радикально новой форме накопления и передачи филогенетического опыта — прежде всего в орудиях и средствах труда, в «предметном теле для деятельности» (К. Маркс), вообще в человеческом предметном мире, благодаря чему общественно-исторический («родовой») опыт, во-первых, получает возможность в принципе безграничного разрастания, а во-вторых, предстает перед индивидами как то, чем они должны активно овладевать как своей собственной природой, чтобы разворачивать в своем непосредственном жизненном процессе заключенные в ней (общественно развитые) возможности. Становление человека человеком (в процессе онтогенеза) имеет своим необходимым условием «процесс воспроизведения в свойствах индивида исторически сложившихся свойств и способностей человеческого рода (вида)»²⁴. Это усвоение, или присвоение, исторически накопленных достижений общечеловеческого развития (выступающее как про-

²⁴ Леонтьев А. Н. Указ. соч., с. 411.

цесс обучения и воспитания в широком смысле) есть также *специфически человеческая форма отражения*, которая составляет *differentia specifica* собственно человеческого существования и роль которой возрастает в ходе общественного развития.

Человек есть как раз наиболее отражающее существо, и это обусловлено сущностью его жизнедеятельности, коренной особенностью которой является ее универсальность, т. е. в принципе безграничная опосредствованность объективными связями внешнего мира. С этой особенностью человеческой деятельности связано развитие высшей формы отражения — сознательного отражения, которое впервые «расщепило» первоначальную слитность отражаемого содержания с непосредственными состояниями организма, вычленило первое в его относительной самостоятельности («представленности») и тем самым вывело человека на путь познания мира в его самобытии — в его объективности. Познание вещей таковыми, каковы они в их существенных особенностях и связях, вовсе не является чем-то таким, что можно подвести под рубрику «пассивного отражения». Как раз наоборот: возможность и необходимость такого познания возникает только в русле активно-преобразующей предметной деятельности, причем мера объективности познания прямо пропорциональна мере исторической активности субъекта.

На ступени человеческой истории отражение выделяется в разнообразные, относительно самостоятельные виды деятельности, благодаря которым в ход развития в качестве его «двигательной силы» вливается не только прошлое как исторически накопленный потенциал человеческих деятельных сил, но и будущее, поскольку оно — в форме целей, идеалов, планов, программ (отражающих объективные тенденции общественного развития) — включается реальным фактором в развертывание возможностей настоящего. И если существенными особенностями исторической диалектики выступает снятие необходимости свободой — самостоятельной формой социальной активности и возрастающая определяемость настоящего будущим как горизонтом возможностей нового, то эти особенности имеют место благодаря все более широкому и глубокому опосредствованию хода истории сознательным отражением, с помощью которого объективные законы природных и социальных процессов превращаются в условия безграничного саморазвития человека.

Выдвигаемая буржуазными и ревизионистскими критиками материалистической диалектики точка зрения, согласно которой принцип отражения натуралистичен, антиисторичен и не приложим к анализу человеческого исторического бытия, не имеет под собой никаких научных оснований. Преодоление натуралистических представлений о развитии требует обращения к факторам, конституирующим внутреннее единство, преемственную основу развития, а значит — к отражательным процессам, necessarily участвующим в формировании этой основы. При этом весьма показателен тот факт, что наиболее активное и воинствующее отрицание принципа отражения составляет характерную черту откровенно волюнтаристских и иррационалистических концепций развития, претендующих на постижение «аутентичного» творческого смысла человеческого бытия. Однако, постулируя заведомую чуждость отражательного отношения «подлинной истории», они исключают существенный фактор, благодаря которому может быть действительно достигнуто «творческое измерение» исторического процесса. Выводя отражение за пределы специфики человеческого бытия, они обрывают нить, связывающую человека не только с природой, но и с историей, а значит и с самой человеческой сущностью, поскольку последняя реализуется в деятельном освоении и изменении природной и социальной действительности.

В способе существования человека достигает высшего развития диалектическое взаимопроникновение внутреннего и внешнего, нового и старого, спонтанного и обусловленного, единичного и общего, индивидуального и «родового», непосредственного и опосредствованного. Минуя принцип отражения, невозможно научно исследовать механизмы этих взаимопроникновений, ткущих подлинную диалектику общественно-исторического процесса.

Место и значение принципа отражения в диалектико-материалистической теории развития определяется тем, что он является научно-философским осмыслением действительной роли свойства отражения в эволюционно-историческом процессе. Ориентируя на исследование реальных механизмов взаимоопосредствования противоположностей, через «борьбу» которых осуществляется развитие, он указывает путь к адекватному воспроизведению его объективной диалектики.

Развитие предстает как живое противоречие, единство противоположных моментов: внешней определяемости — и самоопределяемости, сращенности со старым — и обращенности к новому. Оно неотделимо от внешней обусловленности — и одновременно есть саморазвитие. Оно неотрывно от наличных, определяющих его возможности предпосылок — и одновременно есть возникновение существенно нового. Поскольку процессы развития совершаются, указанные противоречия разрешаются. Происходит это благодаря тому, что существует способ такого преодоления внешнего и старого, которое есть в то же время подчинение им, или — что то же — такого подчинения внешнему и старому, которое становится вместе с тем преодолением их. Этот способ реализуется на основе и посредством *отражения*: именно оно осуществляет взаимопосредствование упомянутых противоположностей, составляющих в своем сцеплении всеобщий механизм процесса развития.

Рассмотрение процессов развития как протекающих в рамках материального единства мира выявляет, так сказать, объективную «проблемную ситуацию», которая обнаруживает включенность отражения в механизм развития, т. е. позволяет выйти к отражению как к неотъемлемому внутреннему моменту развития, необходимому условию его осуществления. Эта «проблемная ситуация», в силу своей неразрешимости помимо отражения, и раскрывает неотделимость развития от отражения.

Отражение осуществляет зависимость от внешнего (другого) и старого (предшествующего), однако это не только не исключает его связи с развитием, но как раз и делает ее необходимой: противоречие разрешается тем, что то самое свойство, которое реализует обусловленность внешним и старым, становится средством самодетерминации и прогресса, так что мера отражательной способности объекта оказывается выражением меры его самоактивности. Отражение предстает таким своеобразным феноменом, благодаря которому зависимость от внешнего и старого — не исчезая — превращается в условие спонтанности и обновления.

Тем самым объективно совмещаются моменты, которые в механистических и субъективистских концепциях представляются несовместимыми: внешняя зависимость реализуется — но в такой форме, в какой она выступает уже основой и средством наращивания самоактивности и

поступательности. Опираясь на отражение, развитие осуществляется через непрерывное вбирание внешнего и старого и перевод их в потенциал внутренней активности и возможностей нового. Противоречия остаются — без них нет развития, но благодаря опосредствованности отражением они находят диалектически гибкую и открытую форму своего движения и относительного разрешения.

Таким образом, принцип отражения позволяет, не выводя развитие за рамки объективных законов материального мира, рассматривать эти рамки как подвижные, допускающие различную степень и форму внешней детерминации, так сказать, градацию активности — вплоть до человеческой творческой деятельности. Это значит, что названный принцип включает в себе признание не только этих рамок (к чему иногда сводится его смысл), но и возможности их диалектического преодоления через превращение самих объективных законов в орудия самоактивности, — включает «признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу»²⁵. Иначе говоря, он фиксирует роль свойства отражения не только как условия закономерной взаимозависимости объектов, но и как условия их самобытия, самоопределяемости и в конечном счете (на человеческом уровне) — свободы.

И только благодаря этому он выступает принципом диалектико-материалистического миропонимания, представляющего единственную альтернативу крайностям механистического фатализма и субъективистского волюнтаризма.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 53.

4. ПРОГРЕСС И РЕГРЕСС В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ

В наиболее общей форме прогресс может быть охарактеризован как процесс функционального обогащения развивающихся систем, т. е. увеличения степеней свободы их внутренних и внешних связей. Соответственно объективным общедиалектическим критерием прогрессивного развития выступает степень разнообразия свойств и отношений, обнаруживаемых системой при ее функционировании.

Функциональная трактовка критерия прогресса имеет многовековую историю. Уже Леонардо да Винчи исходил из того, что «тот, кто обладает наибольшим количеством и наибольшим разнообразием свойств, тот и является наиболее совершенным из всех созданий»¹. Однако утверждению функционального критерия прогресса в научном мышлении мешала широкая распространенность в естествознании и философии более наглядного критерия структурной сложности, тем более что до середины XX в. господствовала убежденность в их принципиальной совпадаемости. Становление функционального критерия прогресса в современной науке явилось следствием растущего осознания ограниченности структурной трактовки критерия прогресса и ее нетождественности функциональному подходу.

Сделанный нами выше вывод, естественно, предполагает признание принципиальной возможности выявления единого для всей многообразной действительности объективного критерия прогресса. Последний вопрос служит предметом оживленной дискуссии.

Одни авторы полагают, что «можно и должно вычленивать подобный критерий»²; другие возражают: «Если взять даже сравнительно узкую область генетически связанных между собой явлений — область биологиче-

¹ Цит. по кн.: *Лункевич В. В.* От Гераклита до Дарвина. М., 1960, т. 1, с. 243.

² *Голосов В. Ф.* Рациональное и мистическое в гегелевской теории являющегося духа. Красноярск, 1969, с. 117.

ских процессов и социальной жизни,— то оказывается невозможным сформулировать общее им содержание категорий прогресса и регресса»³.

Нередко высказывается мнение, что последняя точка зрения вытекает из существа марксистской критики абстрактных «формул прогресса».

Действительно, К. Маркс, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов неоднократно высказывались против анализа понятия прогресса «в обычной абстракции»⁴. Общеизвестна и резкая критика В. И. Лениным народнических «формул прогресса». Однако за что критиковались В. И. Лениным эти «формулы»? За то, что определения «прогресса вообще» их авторы пытались сформулировать с чисто субъективистских позиций, игнорируя при этом специфику проявлений прогресса в разных условиях и забывая о хорошо известной в методологии истине, что понятия — не начало, а итог познания. «Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — значит начинать с конца,— писал В. И. Ленин.— Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности»⁵. В. И. Ленин видел огромный шаг вперед в развитии теории прогресса в том, что К. Маркс вместо отвлеченных рассуждений об обществе и прогрессе вообще «дал *научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического*»⁶.

Очень показательна в рассматриваемом отношении эволюция взглядов Г. В. Плеханова. Критикуя субъективизм излюбленных народниками абстрактных «формул прогресса», их оторванность от реальных фактов мировой истории и методологическую бесплодность, выдающийся русский марксист в ряде работ 90-х годов обосновывает возможность объективного критерия прогресса и, в меру научных знаний и практических потребностей эпохи, видит ее именно в конкретности критериев прогресса. «Так как экономическое движение каждого общества имеет „самобытный“ вид вследствие „самобытности“ условий, среди которых оно совершается, то не может быть никакой „формулы прогресса“, охватывающей прошедшее и пред-

³ Шляхтенко С. Г. Категории качества и количества. Л., 1968, с. 92.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 736.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 141.

⁶ Там же, с. 143.

сказывающей будущее экономическое движение *всех обществ*»⁷. И вполне последовательно Плеханов добавляет: поиск «формулы прогресса» — это поиск излюбленной метафизиками отвлеченной истины; но отвлеченных истин нет, истина всегда конкретна. Несколькими годами позже Г. В. Плеханов уточняет и развивает свои взгляды: «Прогресс есть действительно нечто совершенно *относительное*; но из этого следует только, что нет *абсолютного* мерила прогресса; возможность же найти *объективное* мерило прогресса этим вовсе не исключается»⁸. Плеханов указывает на степень приспособления животных и растений к окружающей их естественной среде и на уровень производительных сил, достигнутый человечеством, как на такие именно «объективные мерила прогресса», которые применимы в пределах всей биологической или социальной действительности.

И, наконец, в работе «Критика наших критиков» Г. В. Плеханов связывает «объективную формулу прогресса» с диалектикой формы и содержания: «Великий *закон отвержения формы, порожденной известным содержанием вследствие дальнейшего роста того же содержания*, есть в самом деле *повсеместный закон*, потому что ему подчинено развитие не только *общественной*, но также и *органической жизни*»⁹. Это и дает основание предположить, что эволюция взглядов Плеханова шла от исходного признания объективности только частных критериев прогресса конкретных систем к признанию объективности общесистемных критериев прогресса и, наконец, к заключительной идее объективной формулы межуровневого диалектического критерия прогресса.

На наш взгляд, ссылки на классиков марксизма в подтверждение их отрицательного отношения к возможности единого диалектического (общего) критерия прогресса нельзя считать достаточно обоснованными.

Типы прогрессивного развития. Построение общей типологии прогрессивных изменений — задача будущего. Однако уже сейчас можно выделить некоторые вполне объективные принципы их классификации, в частности, в зависимости от масштаба совершаемых преобразований, в соответствии с которым все прогрессивные изменения

⁷ Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1956, т. I, с. 709.

⁸ Там же, т. II, с. 750.

⁹ Там же, с. 543—544.

могут быть рассмотрены в двух взаимосвязанных, но различных аспектах: как развитие, обуславливающее возникновение принципиально новых уровней материальной организованности, и как развитие, обуславливающее подъем организованности в рамках данных уровней материальной организации. В первом случае прогресс имеет генеральный, межуровневый характер, во втором — формационный, внутриуровневый. Содержание первого складывается из последовательного развертывания частных форм второго — прогресса на элементарном, ядерном, атомном, химическом, планетарном, геологическом, биологическом и социальном уровнях организации материи.

Как же реализуется исторический процесс становления новых и все более высоких уровней организации?

В последние годы внимание научной общественности вновь привлечено к так называемому парадоксу развития. Он состоит в том, что, с одной стороны, все содержание высшего должно порождаться низшим, с другой — высшее сложнее, богаче низшего, ибо содержит нечто такое, что не присуще низшему¹⁰.

Марксистский анализ этого вопроса устраняет «парадоксальный» характер прогрессивного преобразования.

Высший уровень организации отличается от низшего появлением новых типов связей между элементами низшего. Действительно, ядро есть определенная совокупность нуклонов, атом — единство ядра и электронов, молекула или кристалл — взаимодействующая совокупность атомов или ионов. Даже высшая форма организации природы —

¹⁰ Вопрос этот не нов. В XIII в. Фома Аквинский использовал его для обоснования бытия бога. Степень совершенства природных вещей, рассуждал основоположник томизма, весьма разнообразна. Но более совершенные из них не могут порождаться менее совершенными, ибо никакое следствие не может превосходить свою причину. В таком случае всякое совершенство вещи есть следствие чего-то еще более совершенного... «То, что в предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина всех проявлений этого качества... Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем богом» (Фома Аквинский. Сумма теологии. — В кн.: Антология мировой философии. М., 1969, т. I, ч. 2, с. 830—831).

Современные неотомисты, рассуждая аналогичным образом, также видят в этом вопросе нечто неразрешимое с позиций материализма. См.: *Falk H.* Die ideologischen Grundlagen des Kommunismus (München, 1961, S. 125), а также раздел IV гл. 2 настоящей книги,

жизнь — возникает, согласно распространенной точке зрения, путем агрегирования макромолекул. При этом становится возможным не в силу изменения содержания исходных элементов, а в силу изменения условий их существования, делающих возможными новые формы связи и целостности. Таким образом, в основе межуровневых переходов и генерального прогресса лежит механизм усложнения состава, обнаруживающий большое разнообразие конкретных путей новообразования. Так, атомы и химические формы возникают в зависимости от степени организованности образующих их элементов: атомы образуются на основе ядер разной степени сложности, химическая связь также зависит от степени организованности атомов. Однако биологическая и социальная организации возникают лишь на базе наиболее развитой ступени предшествующего уровня организации, соответственно макромолекулярной и антропоидной. Ядерная же организованность возникает на основе не максимальной и не произвольной, а строго определенной степени организованности компонентов.

Следовательно, в общем случае прогрессивный переход к новому уровню материальной организации не связан строго с определенной степенью организованности базового уровня. Он может происходить на основе максимальной и произвольной степени организованности, лишь в отдельных случаях показывая строгую зависимость от определенного — «оптимального» — промежуточного уровня организованности предшественника.

Необходимо рассмотреть в этой связи принципиальные различия в значении понятий «высоты» и «степени» организации. Отражая одну и ту же сторону действительности — функциональное богатство системы — и характеризуясь поэтому одним и тем же критерием, понятия «высоты» и «степени» организации тем не менее раскрывают материальное совершенство системы в двух разных аспектах: с позиции принадлежности системы к определенному уровню организации материи и с позиции места системы среди родственных (по уровню организации) систем. Отчасти совпадая, эти понятия отнюдь не тождественны друг другу. Дело в том, что развитие низшего уровня организации не прекращается с появлением на его основе более высокого уровня организации. Так, наиболее сложные ядра, например урановой группы, появляются на несколько миллиардов лет позже возникновения не только про-

стейших атомов, но и молекулярно-кристаллической организованности. Это приводит к наличию многочисленных фактов большей сложности высших форм низшего уровня организации сравнительно с низшими формами более высокого в целом уровня организации. Молекула водорода с ее двумя протонами и двумя электронами структурно много проще атома урана, содержащего 238 ядерных частиц и 92 электрона, хотя, вообще говоря, молекулярная организация возникает из атомной. Высшие одноклеточные организованы сложнее, в том числе и экологически, низших многоклеточных, а высшие беспозвоночные обладают исключительным функциональным разнообразием относительно низших хордовых.

Однако, уступая в степени организации, низшие представители более высокой группы превосходят высших представителей менее совершенной группы по общей высоте своей организованности.

Сопоставляя, например, высших беспозвоночных и низших хордовых по степени их морфофизиологической и экологической организованности, нельзя не отметить большего совершенства первых. Но расширив масштабы сравнения и приняв во внимание дальнейшие эволюционные возможности, заложенные в каждой из этих групп организмов, мы несомненно увидим, например, в невысокоорганизованном ланцетнике представителя более высокого типа организации, нежели любой беспозвоночный. Диалектически,— подчеркивал Ф. Энгельс,— это возможно, ибо в спинной струне ланцетника заключается в зародыше позвоночный столб и таким образом «в себе» заключен весь ряд более высоко развитых организмов¹¹.

Необходимо иметь в виду, что понятие «уровень организации» может употребляться и в широком значении любого качественно-своеобразного структурного подразделения системы. В этом смысле говорят об уровнях химической, биологической, социальной организации, развития психики, нервной системы и т. д. Если выделяемые в таком широком понимании уровни организованности обладают историческим аспектом, то указанная диалектика «высоты» и «степени» организации полностью сохраняется. Ее следствием является важный классификационный принцип: при сравнительном исследовании систем разных

¹¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 20, с. 617.

уровней (высоты) организованности сопоставимы лишь системы аналогичных степеней организованности.

Важная особенность генерального прогресса — его аккумулятивный характер. Последовательно надстраиваясь друг над другом, более высокоорганизованные уровни обычно не ведут к «отмиранию» низших типов организованности. Объясняется это как тем, что высшие типы организации, как правило, не могут существовать в условиях, типичных для менее организованных систем, так и тем, что низшие типы организации, по крайней мере в течение известного времени, оказываются необходимыми составными элементами более высоких уровней организации. Поэтому возникновение и характерные особенности нового типа организации существенно зависят от особенностей и высоты организации старого типа.

Если масштабы генерального прогресса ограничены рамками космологической эволюции нашего «мирового острова» — Метагалактики, то аналогичные (пространственные и временные) границы формационных видов прогресса предопределяются как спецификой их строения, так и внешними условиями существования. Действительно, с ростом числа протонов в ядре электрические силы отталкивания начинают превышать ядерные силы притяжения, что ведет к неустойчивости и — в крайних формах — быстрому распаду ядра. Тем самым не исключается существование вполне объективного предела возможному усложнению на ядерном и атомном уровнях организации материи. Аналогичный предел наблюдается и в рамках химизма: с возникновением его высшей формы — макромолекул — все более определяющее значение в их строении начинают приобретать физические, а не химические связи. В последние годы в научной литературе многократно высказывалась мысль, что с появлением развитого общества возникает естественный предел и стихийной эволюции организмов. Активно обсуждается современной наукой и проблема возможных границ социального прогресса ¹².

Последовательно сменяя друг друга на все более высокой основе, формационные виды прогресса испытывали определенное внутреннее развитие. Для низших видов

¹² См.: Казаков А. П. Бесконечен ли общественный прогресс? — В кн.: Проблемы исторического материализма. Л., 1971, вып. I, с. 124—131; Урсул А. Д. Человечество, земля, вселенная. М., 1977.

прогресса на элементарном и ядерно-атомном уровнях организации материи характерной является внутренняя нерасчлененность, недифференцированность, определенная линейность прогрессивных изменений. С возникновением простейших химических соединений дальнейшая эволюция сопровождается фундаментальной дифференциацией путей развития химизма: возникают кристаллическая и молекулярная ветви химической организованности. Если первая обусловила формирование почти всей массы земной коры, то историческое значение второй определяется, прежде всего, тем, что именно в рамках молекулярной организации сложилась многообразная химия высокоорганизованных органических веществ, подготовившая и обусловившая переход к биологической организации материи. С возникновением последней структура прогрессивного развития испытала дальнейшее усложнение, ибо прогрессивное развитие живого связано уже с четырьмя основными стволами эволюции, в свою очередь представленными многообразными ветвями прогресса.

Как известно, В. И. Вернадскому¹³ принадлежит развитая впоследствии¹⁴ идея о существовании четырех фундаментальных типов организации живого: организменного, популяционно-видового, биоценотического и биосферного. Иными словами, возникновение на Земле первичных особей шло одновременно с образованием первичных видов, первичных биоценозов и первичной биосферы. В связи с этим эволюцию живой природы уже нельзя рассматривать в традиционном духе лишь как «происхождение видов», т. е. как процесс появления новых морфофизиологических форм организмов. Она реально представлена четырьмя своеобразными и относительно самостоятельными, с собственным содержанием и специфическими закономерностями «стволами» развития: эволюцией организации биологических индивидов, филогенетической эволюцией видов, историческим развитием биоценозов и биосферы. Соответственно и биологический прогресс не сводится к одному лишь филогенетическому прогрессу видов, а оказывается диалектическим единством четырех фундаментальных форм прогрессивного развития живого: прогрес-

¹³ См.: *Вернадский В. И.* Биогеохимические очерки. М.; Л., 1940.

¹⁴ См.: *Завадский К. М.* Основные формы организации живого и их подразделения.— В кн.: *Философские проблемы современной биологии.* М.; Л., 1966, с. 29—47.

сом биологической индивидуальности, морфофункциональным филогенетическим прогрессом видов («арогенез»), прогрессивной эволюцией биоценотической организации и «живого покрова» (биосферы) в целом. При внутреннем единстве, эти качественно-своеобразные формы биологического прогресса отражают факт существования не одного, а четырех фундаментальных типов организации живого.

Кроме этих форм, образующих естественную основу биологического прогресса, в структуре последнего необходимо выделить еще два относительно самостоятельных вида прогрессивной эволюции живого — биогенетический и биотехнический прогресс. В понятии биогенетического прогресса находит свое выражение прогрессивное развитие наиболее общих, атрибутивных функций живого — питания, дыхания, отражения, размножения и т. п., взятых в единстве с обеспечивающими их отправлением специфическими структурами. В понятии биотехнического прогресса отражается прогрессивное развитие общей структурной организованности живого — клеток, тканей и органов.

Усложнение структуры высших природных форм прогресса не могло не отразиться и на структуре генерального прогресса в целом. Если до возникновения химической организованности иерархические уровни материальной организации появлялись в линейной последовательности, то послехимическая эволюция наблюдаемой материи демонстрирует явную дивергенцию: «От химии начинается *раздвоение* форм развития материи, с одной стороны, на те формы, которые образуют основу живой природы, с другой — на те формы, которые образуют основу неживой природы»¹⁵.

Диалектика общего и особенного в явлениях прогресса. Рассматривая прогресс как процесс функционального усложнения, мы не должны забывать предостережения К. Маркса о недостаточности анализа прогресса «в обычной абстракции»¹⁶. С этой точки зрения особый интерес приобретает исследование конкретных воплощений прогресса на разных уровнях материальной организованности, иными словами, объективная диалектика общего и особенного в явлениях прогресса и ее понятийное выражение в диалектической теории прогресса.

¹⁵ Кедров Б. М. Классификация наук. М., 1961, т. I, с. 353.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 736.

На физико-химическом уровне организации материи функциональное усложнение достигается в общем случае усложнением структурного строения системы: «В неживых целостных системах прогресс, усложнение организации выступает как движение, переход материи от лишенных внутреннего богатства, слабо дифференцированных форм к формам более дифференцированным, более содержательным, более конкретным и определенным»¹⁷. Прогрессивное совершенствование усложняющихся неорганических систем обеспечивается, во-первых, тем, что с усложнением структуры организации растет многообразие и дифференцированность материальных свойств, присущих системе. Отсутствующие, например, у отдельной микрочастицы свойства давления, вязкости, теплоты и т. д. обретают реальность с агрегированием частиц в макротело. Полимерные молекулы (в отличие от простых) приобретают свойства эластичности, вязкости, набухаемости. Во-вторых, с усложнением структуры материальной организации складываются предпосылки для появления специальных — «охранных» — механизмов повышения устойчивости системы относительно возможных факторов распада (кинетического, информационного и т. д.), что также свидетельствует о росте высоты организованности системы.

Согласно обычному взгляду степень сложности системы («структурная сложность») определяется числом и характером ее элементов и возможных связей между ними. Объективной основой такого взгляда служит реальное существование составной сложности, т. е. конкретного типа сложности, возникающего в результате агрегирования или многократного повторения каких-то структурных элементов. Однако составная сложность не исчерпывает многообразия сложного, и распространение суммативной трактовки структурной сложности за пределы этого частного вида сложного приводит к серьезным познавательным трудностям и ошибкам. Р. Б. Добротин¹⁸ рассматривает в этой связи следующий пример: в зависимости от энергии взаимодействия столкнувшиеся ядра углерода и кислорода могут образовать или ядро нового элемента, или молекулу окиси углерода СО. По составу элементарных частиц и массе эти новообразования вполне идентич-

¹⁷ Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964, с. 125.

¹⁸ См.: Проблема уровней и систем в научном познании. Минск, 1970, с. 85—86.

ны, однако характер сложности (типов связей) в обоих случаях различен: в первом возникает объект, не отличающийся по типу организации от исходных ядерных частиц, во втором — объект принципиально иной, более высокой организованности.

Итак, увеличение качественного разнообразия структурных элементов и связей — такова определяющая черта второго, гетерогенного типа структурного усложнения. Сопоставляя эти два типа сложности друг с другом, нельзя не заметить более развитого характера гетерогенной сложности. Включая в себя агрегирование, оно в то же время предполагает и качественное преобразование, т. е. переход однородного в неоднородное, дифференцирование элементов системы. Последним обусловлены и другие важные для гетерогенного усложнения явления — рост определенности (расчлененности, обособленности) структурных образований при возрастании общей целостности, интегрированности развивающейся системы.

Гетерогенное усложнение как форма эволюции материальных систем проявляется на сравнительно поздних и высокоорганизованных ступенях развития. Оно не играет сколько-нибудь видной роли в явлениях микромира, на низших стадиях химической организованности — этих «вотчинах» составной сложности — и начинает существенно проявлять себя лишь в условиях развитого химизма. В полной же мере значение этого механизма эволюции неживой материи раскрывается на самых высоких ступенях ее развития — планетарном и геологическом. Исключительное разнообразие материальных структур этих уровней организации обусловлено в основном именно процессами внутренней дифференцировки.

Однако, уступая гетерогенной сложности по общему уровню своей организованности, составная сложность обладает и несомненными «достоинствами»: во-первых, гетерогенная сложность возникает в конечном счете на базе составной сложности. А это значит, что составная сложность первична относительно гетерогенной. Во-вторых, механизмы гетерогенного усложнения обуславливают многообразие природных явлений в рамках данного уровня материальной организации, выход же за пределы этого уровня, формирование принципиально нового типа материальной организации — ядерного, атомного, химического, геологического, биологического — требует, как мы уже видели, именно составного усложнения. Поэтому составная

сложность, несмотря на свою относительную простоту, имеет фундаментальное значение в осуществлении прогрессивного развития материи.

Выделение двух типов структурного усложнения позволяет глубже понять различие их роли в определении направленности процессов развития. Усложнение на базе роста внутривидовой дифференцированности и качественного многообразия, всегда связанное с соответствующим ростом функционального богатства, на макроскопическом (планетарно-геологическом) уровне организации неорганической природы может служить объективным мерилom высоты и степени достигнутого ею совершенства. Что же касается усложнения составного типа, то оно может служить столь же объективным показателем прогресса системы на микроскопическом уровне организации природы, но лишь в том случае, если рост числа элементов обусловил возникновение качественно новых функций.

Таким образом, совпадение роста функциональной и структурной сложности хотя и типично для явлений неорганической природы, но, как мы видим, абсолютного значения не имеет. Поэтому предложенный выше тезис о структурном усложнении как специфическом критерии прогресса в неживой природе может быть принят лишь с учетом указанного ограничения.

С возникновением биологического уровня организованности материи структурные усложнения — как составное, так и гетерогенное — теряют значение объективного показателя направленности эволюционных процессов. Например, морфофункциональный филогенетический прогресс видов («арогенез») выражается в историческом накоплении таких морфофизиологических механизмов, которые способствуют возрастанию относительной независимости организмов от отдельных условий существования, расширяют среду их обитания и повышают уровень эволюционной пластичности (приспособляемости). Другими словами, спецификой видового прогресса является усложнение экологии развивающихся групп организмов, возрастание многообразия их связей со средой. Примером подобного прогрессивного развития видов может служить процесс овладения сушей позвоночными животными, связанный прежде всего с глубокой перестройкой системы дыхания, органов движения, размножения и отражения, появлением механизмов термо- и нервно-гуморальной регуляции, что и обеспечило в конечном итоге приспособление высших по-

звоночных к самым разнообразным условиям существования.

Что же касается структурной организованности прогрессировавших видов, то, как показывают факты, может иметь место как ее усложнение, так и упрощение. В частности, прогрессивное развитие таких групп организмов, как птицы, мохообразные или цветковые растения, шло в направлении «соматической редукции», т. е. их предковые формы обладали значительно более сложной морфологической организацией. Подобные факты не раз вводили в заблуждение исследователей, рассматривавших упрощенность знаков или, например, птиц как показатель их регрессивности или примитивности. В этой связи «современный систематик стремится строго разграничить примитивность от вторичной упрощенности, сознавая, что простота может быть гораздо более совершенной, чем архаическая сложность»¹⁹.

Указанную выше специфику обнаруживают и другие формы и виды биологического прогресса. Биотехнический прогресс, выражающийся в росте «рабочей производительности»²⁰ соответствующих биотехнических — клеточных, тканевых и органных — систем, т. е. в росте их надежности, экономичности и эффективности, также, например, достигается как путем структурного усложнения (повышающего надежность и мощность функционирования системы), так и путем рационального упрощения системы (повышающего интегрированность и экономичность ее функционирования).

С возникновением социальной формы движения материи появился принципиально новый тип освоения среды. В отличие от живых организмов, приспособляющихся к внешней среде путем изменения собственной биологической организации, человечество осваивает окружающую его природу, целенаправленно преобразуя ее и создавая искусственную среду — «вторую природу». Но, как показал К. Маркс, человечество, преобразуя природу, само преобразуется и социально совершенствуется, подчиняя своему контролю не только слепые силы природы, но и основные факторы общественного развития. Поэтому объективным выражением общественного прогресса, конечно

¹⁹ Тахтаджян А. Л. Система и филогения цветковых растений. М.; Л., 1966, с. 44.

²⁰ Заварзин А. А. Избр. труды: В 4-х т. М.; Л., 1953, т. IV, с. 75.

с известными на этот счет оговорками, может служить степень подчинения обществу окружающей его природы и общественной среды.

Важно еще раз подчеркнуть, что все эти частные «мерила» высоты и степени организованности являются особыми выражениями общего функционального критерия прогресса. За их своеобразием не должна теряться отмеченная В. И. Лениным «связь (всех частей) бесконечного прогресса»²¹. Эта связь состоит, во-первых, в том, что все явления прогресса обладают общей основой — функциональным усложнением, выступающим наиболее общим мериллом, диалектическим критерием прогресса. Во-вторых, указанная связь проявляется в том, что прогрессивное развитие материальных систем подчиняется общим законам единства прогрессивных и регрессивных изменений, ускорения и неравномерности темпов развития и т. д. И, в-третьих, высшие формы прогрессивно развивающихся систем, возникая на базе низших, оказывают на них впоследствии преобразующее влияние (преобразование живыми организмами геологической оболочки Земли).

Области действия прогресса. Современная научная литература содержит многообразные и убедительные доказательства наличия прогрессивной направленности в истории развития общества. Относительно же явлений природы подобной ясности нет, и некоторые исследователи с сомнением относятся к признанию прогрессивного развития в природе, особенно неорганической.

В буржуазной философской литературе распространена точка зрения, согласно которой понятие прогресса имеет смысл лишь в соотношении с субъективными человеческими целями и ценностями. Эту точку зрения активно отстаивал в свое время Г. Риккерт, утверждавший, что «прогресс и регресс суть понятия ценности», а поскольку «нам, людям, ценно все человеческое и человекоподобное», то и производимая нами оценка органических форм как «высших» и «низших» имеет чисто субъективный и антропоцентрический характер²².

«С чисто естественнонаучной точки зрения развитие... — утверждал Риккерт, — не представляет собой ни прогресса ни регресса, но просто индифферентный по

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 103.

²² Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1904, с. 517.

отношению к ценности ряд изменений»²³. «Всякая жизнь уже одним простым фактом своего существования доказала свою жизнеспособность, и потому с этой точки зрения всякое отличие в ценности отпадает»²⁴. «Объясняющая теория имеет вообще дело с одним изменением, она знает только различие между более ранним и более поздним», — поддерживал Риккерта Виндельбанд²⁵.

Таким образом, из процесса развития «самого по себе» решительно изгонялась направленность, тенденция. Отождествив критерий прогрессивного развития живой природы с человеческой оценкой, Риккерт и Виндельбанд пришли к идее субъективности прогресса: «Оценивающая история возможна лишь для целеполагающего сознания»²⁶.

Подобная система выводов рассыпается, как карточный домик, если учесть, что ее исходная посылка — равноценность приспособительных (эволюционных) изменений — ложна, что ценностная характеристика биологических (как и любых других) процессов может иметь и глубоко объективную основу.

В предпринятом в последние годы марксистами исследовании проблемы ценности и ценностных отношений установлено, что в понятии ценности находит свое выражение один из важнейших моментов универсальной связи материальных явлений — именно момент значимости одного явления для бытия другого²⁷. Применительно к явлениям органической эволюции это означает, что любое наследственное изменение в рамках данной популяции организмов может быть или полезным для них, или вредным, или, наконец, индифферентным. Не трудно заметить, что понятие «полезности» в этом смысле выступает синонимом понятий «приспособительности», «выживаемости». Что же касается объективной ценности приспособительных (полезных) изменений, то вопреки субъективистским воззрениям она всегда различна и существенно зависит от тех экологических и перспективно-эволюционных последствий,

²³ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 151.

²⁴ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908, с. 97.

²⁵ Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904, с. 242.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Василенко В. А. Ценность и ценностные отношения. — В кн.: Проблема ценности в философии. М.; Л., 1966, с. 41—49.

к которым приводят эти изменения. Именно эта качественная разнородность последствий приспособительных изменений (расширение, сокращение или стабильность среды обитания, разная степень зависимости от условий среды и эволюционной пластичности и т. д.) и выступает объективным фундаментом существования разных тенденций органической эволюции.

Для биологических наук наивысшая острота дискуссии об объективности тенденций эволюции, ее «пик», приходится на конец XIX — начало XX вв., т. е. на период утверждения эволюционных идей в биологии, проникновения их во все ее подразделения. Большинство ученых наличие объективной направленности органической эволюции воспринимается сегодня как надежно обоснованный факт.

По-иному складывалась обстановка в науках о неорганической природе, где само проникновение идеи развития в эти науки приходится на несколько последних десятилетий и где историческому методу познания во многом еще только предстоит «завоевать» физико-химические области знания. Однако уже сегодня для ряда наук — космологии, сравнительной планетологии, тектоники, космоп геохимии рассмотрение их специальных проблем в эволюционном плане становится общим правилом. Даже физика, всегда трактовавшаяся как наука о данных состояниях вещества, ныне, по авторитетному свидетельству В. Вайскопфа, обретает историческую перспективу²⁸. Что же касается такого ее подразделения, как астрофизика, то она, по столь же авторитетной оценке В. А. Амбарцумяна, «за последние двадцать лет превратилась в науку, насквозь пропитанную эволюционным духом»²⁹.

Однако, соглашаясь с фактом развития в неорганической природе, некоторые ученые по-прежнему отрицательно относятся к идее направленности этого развития. «В неорганической природе есть развитие, но нет прогресса», — считает С. Б. Морочник³⁰. По мнению С. Г. Борщова, «обозначение одних образований низшими, а других — высшими этапами в эволюции вещества будет лишь отражать стремление к паложению на природу челове-

²⁸ См.: Вайскопф В. Физика в XX веке.— Успехи физических наук, 1970, т. 101, вып. 4, с. 737.

²⁹ Амбарцумян В. А. Основная проблема космогонии.— В кн.: Будущее науки. М., 1966, с. 93.

³⁰ Морочник С. Б. Развитие и прогресс.— Вопросы философии, 1966, № 6, с. 47.

ских оценок и эталонов»³¹, а само истолкование «высшего» и «низшего» за пределами процессов, ведущих к возникновению жизни, будет «в значительной степени результатом доброго согласия ученых»³².

В обоснование этой точки зрения выдвигаются аргументы, в которых хорошо просматриваются, во-первых, отождествление содержания общенаучных категорий прогресса и регресса с их частными, специфически социальными характеристиками, а во-вторых, подмена проблемы объективной направленности природных процессов вопросом о терминологической адекватности их выражения.

Так, по мнению ряда ученых, сопоставления по степени материального совершенства качественно разнородных неорганических систем бессмысленны, ибо «для ответа на этот вопрос нет объективных критериев»³³. Что прогрессивнее, спрашивает С. Б. Морочник, химическая реакция между серной кислотой и железом или превращения элементарных частиц? Будет ли прогрессом, спрашивает чешский астроном Л. Ригер, образование звезд из диффузной космической туманности и можно ли считать регрессом их распад? «В самом деле,— пишет геолог А. И. Равикович,— какой критерий совершенствования можно предложить для земной коры или физико-географических условий?... Даже сама постановка вопроса вызывает у геолога недоверие, так как в неорганической природе нам неизвестен критерий совершенствования»³⁴.

Однако при всей их непривычности, постановка таких вопросов перестает быть экстравагантной, если мы сформулируем их на языке современной теории организации: есть ли принципиальные различия между данными геологическими структурами, процессами и эпохами в качественном разнообразии составляющих элементов, их подсистем и совокупностей? Одинаковы или различны пространственно-временная упорядоченность этих элементов, их энергетические характеристики, степень их устойчивости перед факторами распада?

³¹ Борцов С. Г. Категория «развития» в естествознании и общественном развитии.— В кн.: Принцип развития. Саратов, 1972, с. 101.

³² Борцов С. Г. Противоречия, развитие, практика. Саратов, 1966, с. 74.

³³ Морочник С. Б. Развитие и прогресс, с. 49.

³⁴ Равикович А. И. Развитие основных теоретических направлений в геологии XIX в. М., 1969, вып. 189, с. 23.

На эти вопросы мы получаем в современной литературе достаточно отчетливый и практически однозначный ответ: да, геологические структуры, процессы, эпохи в истории Земли характеризуются в указанных отношениях четким различием³⁵. А это значит, что высота и степень организованности геологических явлений не могут оставаться постоянными, ибо они находятся в прямой зависимости от указанных переменных факторов.

Наконец, высказывается мысль, что понятие прогресса в неорганической природе неприемлемо из общемировоззренческих соображений, так как идея прогресса, примененная к космическим объектам, может привести нас к выводу о наличии одного преимущественного направления в развитии «всей» космической материи, т. е. к теориям сотворения и гибели мира.

Однако признание прогресса в неорганической природе отнюдь не связано с метафизической абсолютизацией значения прогресса в мировом движении. Исключая какую бы то ни было одностороннюю направленность мирового процесса, современная наука вместе с тем не отрицает того, что отдельные материальные системы при определенных условиях получают возможность для направленного прогрессивного (или регрессивного) изменения.

Основоположники марксизма еще в сороковых годах прошлого века обратили внимание на реальную разнонаправленность процессов развития и предупредили о недопустимости какой-либо абсолютизации роли прогресса. Критикуя преувеличение этой роли младогегельянцами, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Вопреки претензиям „прогресса“, постоянно наблюдаются случаи *регресса* и *кругового движения*»³⁶. Позднее в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс отмечал, что точное представление о развитии может быть получено лишь с учетом диалектического взаимодействия прогрессивных и регрессивных изменений³⁷. Конкретизируя свою мысль на примере живой природы, Ф. Энгельс прямо указывал на двойственный характер приспособления организмов к среде: «Приспособление может быть в целом как прогрессом, так и регрессом (например, приспособление к паразитической жизни *всегда* ре-

³⁵ См.: Сеницын В. М. Спаль: Историко-генетические аспекты. Л., 1972; Херасков Н. П. Тектоника и формации: Избр. труды. М., 1967.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 91.

³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 22.

гресс)»³⁸. К. Маркс, анализируя в «Капитале» объективные последствия взаимодействия общества и природы, также обращал внимание на наличие противоположных тенденций движения в этих сферах: «прогресс в одних, регресс в других»³⁹.

Таким образом, отрицая в полном согласии с наукой какую-либо однозначную направленность мирового процесса в целом, марксистская методология признает, что конкретные материальные системы при определенных условиях получают возможность для того или иного направленного развития.

Диалектика основных тенденций развития. Охарактеризовав прогресс как процесс усложнения функциональных возможностей систем, мы тем самым предопределили характеристику регресса как процесса сужения (ограничения) этих возможностей. Здесь важно подчеркнуть, что регресс нельзя отождествлять с явлениями деградации материальных систем, т. е. с их распадом, так как распад связан, как правило, с обратимостью материальных состояний и поэтому диалектически противостоит не прогрессу, а развитию в целом как процессу необратимому. К явлениям общего регресса относятся лишь такие процессы упрощения, которые связаны с закономерным и необратимым при данных условиях качественным новообразованием. Отсюда очевидна неправомочность, вообще говоря, характеристики регресса как «возврата к старому», т. е. регресс не может интерпретироваться как простое повторение в обратном порядке ранее пройденных стадий и форм. Как и все остальные тенденции или стадии развития, регресс представляет собой процесс качественного обновления систем, но с той специфической особенностью, что уровень организации новообразований менее высок, чем у исходных форм. В этой связи правомерен вывод об асимметричной направленности прогрессивных и регрессивных процессов.

Если применительно к процессам неорганической природы регресс может быть охарактеризован как необратимое структурное упрощение материальных систем (явления альфа-радиоактивного распада и деления ядер, стадийного выветривания минералов, «океанизации» континентальной коры и т. д.), то регрессивные процессы в

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 624.

³⁹ Там же, т. 25, ч. I, с. 285.

другой большой области материальной действительности — филогенетической эволюции видов — выражаются в существенном экологическом упрощении регрессирующих организмов, т. е. в накоплении ими таких морфофизиологических механизмов, которые способствуют сужению среды обитания, возрастанию зависимости от частных элементов среды и падению эволюционной пластичности. Подобные процессы имеют место при освоении организмами более простой по своему содержанию среды, при смене свободноподвижного образа жизни пассивно-сидячим, при замене активных органов защиты пассивными и т. д.

Специфичность филогенетического регресса как явления прежде всего экологического не позволяет свести его к простому структурному упрощению. Закономерному упрощению здесь подвергаются не просто структуры, а функции, т. е. экологические связи со средой, которые, как мы видели, приобретают все более специализированный, узкий характер. Морфологическая же структура может при этом как упрощаться, так и усложняться.

Являясь одной из тенденций развития живого, регрессивное изменение видов имеет явно выраженный приспособительный характер и поэтому не может рассматриваться как вымирание или вырождение. «Мы можем считать достоверно установленным, — указывает в этой связи А. Н. Северцов, — что многие дегенерировавшие формы принадлежат к числу наиболее цветущих групп животного мира»⁴⁰. Однако регрессивное приспособление, естественно, ограничивает историческое существование организмов временем существования той среды, к которой они узко приспособлены. В этом — филогенетическая ограниченность регрессивной тенденции эволюции.

Что же касается истории человеческого общества, то она в целом движется по восходящей линии: «Все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей»⁴¹.

В этом выражается коренное отличие общественного развития от развития материальных объектов живой и неживой природы, для которых прогресс есть лишь одно из объективно существующих направлений развития. Однако

⁴⁰ Северцов А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1949, т. V, с. 239.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 275.

из того бесспорного факта, что история общества идет в целом по восходящей линии, было бы неверно делать вывод об отсутствии регресса и попятных движений в истории отдельных народов, цивилизаций и социальных явлений. «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» ⁴².

Объективным показателем социально-экономического регресса является прежде всего понижение уровня общественных производительных сил и связанных с ними социальных отношений, что находит свое конкретное выражение в сужении масштабов материального воспроизводства и своеобразном возрождении относительно архаичных форм общественной организации. С подобными явлениями человечество столкнулось уже в период становления классового общества, когда обострение внутренних противоречий в результате усиления эксплуатации рядовых общинников, а также частые внешние вторжения народов более примитивной общественной организации неоднократно приводили к возврату раннеклассовых обществ на путь доклассовой организации. Крушение, например, Микенской рабовладельческой культуры в конце II тысячелетия до н. э. обусловило на несколько веков восстановление на Пелопоннесе родовых — с некоторой унаследованной от классового общества спецификой — форм общественной жизни. И лишь примерно в VIII в. до н. э. развитие общественных отношений в древней Элладе вновь привело к радикальной классовой дифференциации общества, но уже в существенно иной форме рабовладельческого государства — в форме полиса.

На четко выраженный регрессивный характер другого этапа в развитии рабовладельческого общества — кризис позднего римского общества — обращали внимание К. Маркс и Ф. Энгельс: «Последние века приходящей в упадок Римской империи и самое завоевание её варварами разрушили массу производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, из-за отсутствия сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население убыло» ⁴³.

Методологически важно подчеркнуть, что все известные науке факты общего социально-экономического ре-

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 22.

гресса не имели внутренне закономерного характера, хотя и были необходимым результатом данных конкретных исторических условий. Одна из специфических особенностей социального регресса, в корне отличающая его от регрессивных явлений в природе, состоит в том, что подобные явления в обществе всегда носят характер временных зигзагов. В частности, даже избыточные примерами регресса переходы к рабовладению и феодализму далеко не всегда были связаны с общим социально-экономическим регрессом. Его не было, например, при формировании древнеримского рабовладельческого общества, при становлении феодальной формации на территории Восточной Римской империи и стран Передней Азии. Скольконибудь выраженный общий исторический регресс отсутствовал и при переходе большинства стран, включая Россию, от феодализма к капитализму. Несоответствующее фактам преувеличение роли социального регресса всегда служило одним из теоретических оснований ложной идеи исторического круговорота.

Специфическим моментом исторического регресса, также отличающим его от регрессивных процессов природы, является временный характер явлений социального регресса. В силу отмеченной выше общей прогрессивной направленности общественного развития явления социально-экономического регресса с необходимостью сменяются восходящим движением. Уверенные шаги по пути социального прогресса народов новой Африки, Азии и Латинской Америки — очевидное тому свидетельство.

В. И. Ленин пророчески предвидел, что «только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»⁴⁴. При социализме трудящиеся строят свою деятельность по управлению обществом на основе познанных марксистско-ленинской теорией общественных законов. Социализм содержит объективную возможность свести к минимуму характерные для прошлого явления регресса.

Рассмотренные процессы общего регресса систем необходимо отличать от регрессивных явлений несравненно меньшего масштаба и значения — явлений частного или, иначе, относительного регресса, диалектически сопутству-

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100.

ющих прогрессивному в целом развитию. Так, приобретение насекомыми высокосовершенного трахейного дыхательного аппарата в то же время ограничило возможные размеры их тела и тем самым предопределило уход с «генеральной магистрали» прогрессивного развития жизни. Отделение города от деревни имело следствием «идиотизм деревенской жизни» (Ф. Энгельс), переход к классовому обществу сопровождался деградацией морали, а буржуазные революции — многочисленными реставрациями абсолютной монархии. «Всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс», — констатировал Ф. Энгельс и, прослеживая эту зависимость как в природе, так и в обществе, добавлял: «Но это *основной закон*»⁴⁵.

Таким образом, диалектика прогресса и регресса выступает в двух своеобразных аспектах: как противоречивая взаимосвязь прогрессивной и регрессивной тенденций в процессе развития и как противоборство прогрессивного и регрессивного в рамках каждой из этих тенденций. В обоих случаях диалектика прогресса и регресса выступает как одна из конкретных модификаций диалектико-материалистического закона единства и борьбы противоположностей.

Современный уровень научных знаний позволяет сделать вывод о существовании еще одной объективной тенденции развития — в пределах одного уровня организации материи. Ее специфика — в наличии такой необратимой смены состояний, которая идет без существенного повышения или понижения уровня организованности систем. Именно такой характер превращений имеют, например, преемственные цепочки бета-распадающихся элементов. Для них характерно превращение избыточных нейтронов в протоны, в силу чего при увеличении заряда ядра (определяемого числом протонов) общая сложность ядра — ее «массовое число» — остается неизменной.

В живой природе четко выраженный одноуровневый характер имеет большинство видообразовательных процессов в пределах низших таксонов — родов, семейств, отрядов. Только с установлением этой формы приспособительных изменений, отмечал А. Н. Северцов, мы смогли понять, почему очень многие группы весьма примитивных организмов смогли благополучно дожить до наших дней⁴⁶.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 68; т. 20, с. 621.

⁴⁶ См.: Северцов А. Н. Собр. соч., т. V, с. 242.

В истории общества также можно наблюдать сохранение в течение определенного периода производительных сил, социальных учреждений и духовной культуры примерно на одном и том же уровне при наличии существенных изменений в их конкретном содержании. На существование такого характера общественного развития указывал еще Ф. Энгельс, характеризуя историческую эпоху между падением Западной Римской империи и формированием раннефеодальных отношений в Западной Европе. Поскольку, писал Ф. Энгельс, достигнутый к V в. Римской империей уровень производства в течение последующих четырехсот лет существенно не понизился и не повысился, постольку к концу этого периода — к IX в. в возникших на развалинах Римской империи варварских раннефеодальных государствах с необходимостью сложилось «такое же распределение собственности и те же самые классы населения» (крупные землевладельцы и зависимые от них мелкие крестьяне), что и в начале рассматриваемого периода. Но, добавляет Ф. Энгельс, «если и в конце периода мы встречаем почти те же основные классы, что и в начале, то люди, составляющие эти классы, все же стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»⁴⁷.

Развитие в пределах одного уровня организации, как и всякое развитие, всегда характеризуется какими-то необратимыми изменениями, которые только и дают возможность говорить об имевшихся в данной системе процессах развития, отличая его от состояния застоя, с которым его иногда отождествляют. По этой же причине неправомерно его смешение с круговым движением, сменой агрегатных состояний вещества, взаимопревращениями элементарных частиц, сезонной изменчивостью и т. д., как явлениями, в целом обратимыми.

Выступая относительно самостоятельными тенденциями, или стадиями развития, регресс и одноуровневое изменение обнаруживают самую непосредственную связь с прогрессивным развитием. Она состоит, прежде всего, в том, что всякий регрессивный или одноуровневый процесс в конечном итоге вторичен по отношению к прогрессивному развитию. В частности, только в ходе прогрессив-

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 153—154.

ного развития достигаются те существенные перестройки в морфофизиологическом аппарате организма, которые позволяют ему освоить новые условия существования и тем самым выйти за пределы традиционной сферы обитания, давая начало новой крупной систематической группе — классу или типу организмов. В ходе же дальнейшего приспособления прогрессивно изменившихся организмов к новым условиям и возникают те многочисленные филогенетические линии регрессивных или одноуровневых изменений, которые, собственно, и обуславливают столь характерное для живой природы многообразие видов. В этом смысле прогрессивная эволюция исторически предшествует другим направлениям эволюции и поэтому не может рассматриваться лишь как одно из частных проявлений процесса развития. Она объективно служит базисом, реальным фундаментом всяких иных тенденций и стадий развития, обуславливая в конечном счете само существование развития как некоторого системного явления.

В определенном диалектическом единстве находятся и специфические закономерности прогрессивных и регрессивных изменений. В обоих случаях развитие нередко идет по спирали: в первом случае — по восходящей, во втором — по нисходящей. Закону ускорения темпов развития в рамках прогресса объективно противостоит закон замедления темпов в случае регресса, находящий свое конкретное воплощение, например, в удлинении сроков радиогенной эволюции химических элементов по сравнению с космогенной эволюцией, а также в биологическом явлении ретардации — замедлении темпов эволюции паразитирующих организмов по сравнению с темпами эволюции их хозяев. Точно так же возрастающей «универсальности» прогрессивных приспособлений в мире живого противостоит возрастающая специализированность регрессирующих групп.

Сто лет назад, подытоживая научные знания второй трети XIX в., Ф. Энгельс пророчески указывал, что «точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества... может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными»⁴⁸. Современное состояние научного знания целиком подтверждает этот важный методологический прогноз.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 22.

5. РАЗВИТИЕ И ВРЕМЯ

Конструктивная разработка теории развития невозможна без исследования форм, характеристик и закономерностей временных последовательностей событий (состояний систем) и их совокупностей, составляющих Вселенную¹. При этом важную роль играет вопрос о таких существенных свойствах временных последовательностей, как их односторонность, необратимость, появление нового как в количественном, так и в качественном отношении.

В наши дни является анахронизмом рассмотрение проблемы развития и проблемы времени в отрыве и независимо друг от друга, точно так же как попытки свести одну из них к другой. Специфика содержания названных проблем предполагает их теснейшую связь. Как невозможно целостное учение о развитии без учета фундаментальных аспектов проблемы времени, так и решение последней невозможно вне теории развития.

Однако это положение, которое сейчас кажется вполне очевидным, было таким далеко не всегда, что обусловлено исторической ограниченностью определенных взглядов на Вселенную и время и эволюцией соотношений между принципом развития и различными концепциями времени.

Комплексный характер проблемы времени. Проблема времени является комплексной в двух аспектах, каждый из которых складывается из вопросов различной роли и значимости.

Прежде всего, проблема времени по-разному ставится и требует различных решений в зависимости от *уровня строения материи*, в рамках которого она рассматривается. Это выражается в различном подходе к постановке и решению вопросов, связанных с временными отношениями, в различных научных дисциплинах: математике, физике, астрофизике и космологии, химии, геологии, комплексе биологических дисциплин, психологии, антропологии, со-

¹ См.: Аскин Я. Ф. Проблема времени: Ее философское истолкование. М., 1966.

циологии, истории общества, истории и теории культуры и т. д.² Данная глава посвящена философскому анализу современных естественнонаучных концепций времени. Мы остановимся на вопросах, связанных с установлением временных отношений в мире физических и космологических закономерностей, являющихся элементарными (и в этом смысле фундаментальными) как в структурном, так и в генетическом плане. Временные свойства и отношения развивались в направлении от физики и космоса к человеческому обществу и сознанию, хотя в процессе познания понимание временных отношений и развития может двигаться в обратном направлении.

Согласно современным представлениям, с момента «Большого Взрыва», положившего начало Метагалактике, в которой мы живем, с ее известными и неизвестными (пока) нам формами структур материальных систем и закономерностей, развитие временных отношений можно оценить следующим образом. Первичными по происхождению являются физические структуры и формы движения: вакуум, элементарные частицы, атомы, молекулы, межзвездный газ, звездные образования, развитие которых приводит к появлению химических, а затем планетарных структур, где уже в дальнейшем могут возникать и развиваться биологические и социальные структуры и связанные с ними, характерные только для них временные свойства и отношения, равно как и специфические черты процессов развития на этих уровнях.

Однако до самого последнего времени, несмотря на признание временного, исторического характера звездных

² В 1966 г. было создано «Международное общество по изучению времени», которое провело уже по этой проблематике четыре международных конференции и опубликовало их труды. См.: The Study of Time: Proceedings of the First Conference of the International Society for the Study of Time: Oberwolfach (Black Forest) — West Germany. Berlin — Heidelberg — New York, 1972; The Study of Time II: Proceedings of the Second Conference of the International Society for the Study of Time: Lake — Jamanaca — Japan. Berlin — Heidelberg — New York, 1975; The Study of Time III: Proceedings of the Third Conference of the International Society for the Study of Time: Alpbach — Austria. New York — Heidelberg — Berlin, 1978.

В декабре 1979 г. Академия наук СССР и Академия медицинских наук СССР провели в Ленинграде в Институте экспериментальной медицины АМН СССР Всесоюзный симпозиум по теме «Фактор времени в функциональной деятельности живых систем», который также носил характер комплексного обсуждения проблемы времени.

и планетарных систем, структура Метагалактики в целом рассматривалась как неизменная. И только релятивистская космология внесла идею времени и идею развития в учение о фундаментальных физических закономерностях. Теперь все чаще высказывается мысль о том, что форма известных нам физических законов и величины «мировых постоянных» не являются раз и навсегда данными, но также испытывают изменение с течением времени. «В современной физике идея развития природы и ее познания, развития в самом его глубоком и полном, т. е. диалектическом, смысле, проникает во все ее части и разделы, включая и основания теоретического здания науки»³.

Второй аспект комплексного характера проблемы времени касается ряда вопросов о природе времени, наиболее важным из которых в философском плане является вопрос об *объективности* времени. Он был предметом дискуссий в течение столетий. Существовали ли время и временные отношения до появления человека и человечества, и существуют ли они вне и независимо от человека и его сознания, или же это только одна из сторон человеческого восприятия мира и вне и независимо от человека и его сознания время и временные отношения никакого смысла не имеют? На первый взгляд кажется, что ответ не представляет труда. В рамках обыденного опыта человек убеждается в том, что время (в его календарно-хронологическом течении) от него не зависит. Однако многие философы, начиная с античных времен, не удовлетворялись таким простым подходом.

Другой важный вопрос — о соотношении времени и составляющих Вселенную материальных систем: является ли время некоторой самостоятельной сущностью, равноправной по уровню своего бытия с бытием этих материальных систем и взаимодействий, или же оно есть нечто вторичное, производное от них?

Существенный интерес представляет также трактовка «течения времени», или «становления», поскольку можно признавать объективно-реальный характер временных отношений вообще, но не признавать объективности таких свойств временных последовательностей материальных систем, как «становление», и тем самым отвергать «течение времени».

³ Омельяновский М. Э. Эйнштейн, основания современной физики и материалистическая диалектика. — В кн.: Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. М., 1979, с. 48.

Далее, нельзя пройти мимо трудностей, связанных с пониманием «направления»⁴ и необратимости времени и их объективных оснований, размерности (обладает ли время одним измерением или же это многомерная сущность), его универсальности и всеобщности (едино ли время для всех уровней структуры материального мира: микро-, макро- и мегамира, живой и неживой природы, или же каждый из них характеризуется своим независимым специфическим типом временных отношений, или же есть уровни, скажем, уровень микро- или субмикромира, где временные отношения (в их привычном понимании) лишаются объективного содержания)⁵. В этот комплекс входит также вопрос о прерывности и непрерывности времени, о соотношении временных свойств и характеристик с принципами причинности и детерминизма и т. д.

Все эти вопросы неравноправны по своему значению для решения проблемы времени и, конечно, по-разному связаны с принципом развития. Так, вопрос об объективном характере времени, имеющий важнейшее мировоззренческое значение, связан с принципом развития самым тесным образом: если время не есть объективное свойство реального мира, а лишь феномен, порождаемый сознанием человека, то и развитие в природе и обществе лишается объективного характера.

Только в рамках философии диалектического материализма вопрос об объективности времени получил единственно правильное и последовательное решение в известной формуле: пространство и время суть формы существования материи⁶. Эти положения классиков марксизма получили дальнейшее обоснование и развитие в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленина, идеи которого о неразрывной связи учения о пространстве и времени с решением основного вопроса философии имеют основополагающее значение для развития современного учения о пространстве и времени: «Суть ли наши относительные представления о пространстве и времени *приближения* к объективно-реальным формам бытия? Или это только продукты развивающейся, организующейся,

⁴ См.: Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962.

⁵ См.: Мостепаненко А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969; *Он же*. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 51, 550.

гармонизирующей и т. п. человеческой мысли? В этом и только в этом состоит основной гносеологический вопрос, разделяющий действительно коренные философские направления»⁷.

Последовательно защищая понимание пространства и времени как объективной реальности, В. И. Ленин в то же время настаивал, исходя из диалектического учения об относительной и абсолютной истине, на необходимости и закономерности изменения конкретных научных представлений об их сущности. Поэтому, критикуя В. Базарова, он указывал на то, что «Базаров, как и все махисты, сбился на том, что смешал изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер с неизменностью того факта, что человек и природа существуют во времени и пространстве». При этом он подчеркивал, что «философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства... нелепа, внутренне гнила и фальшива»^{7а}.

Субстанциальная и реляционная концепции времени. Эти две концепции по-разному решают вопрос о соотношении времени, материальных систем и взаимодействий между ними⁸. Согласно *субстанциальной* концепции, время представляет собой некую *абсолютно самостоятельную сущность*, не связанную ни с какими материальными телами или системами и взаимодействиями между ними и совершенно независимую от них. Наиболее четко она была сформулирована и выражена И. Ньютоном: «Абсолютное, истинное математическое время, *само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему*, протекает равномерно, и иначе называется длительностью»⁹ (курсив наш.— Авт.).

Конечно, при таком понимании времени (когда даже не постулируется его необратимость) вопрос о развитии в природе и обществе остается открытым. В этом независимом и равномерно протекающем времени могут существовать и совершенно неразвивающиеся миры, где беско-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 182.

^{7а} Там же, с. 193. Интересно отметить, что если в начале нашего века В. И. Ленин был едва ли не единственным из философов, отстаивающих объективный характер времени, то сегодня это положение широко распространено в мировой литературе.

⁸ См.: Философия естествознания. М., 1966, вып. 1, с. 137—139.

⁹ Ньютон И. Математические начала натуральной философии.— В кн.: Крылов А. Н. Собр. трудов. М.; Л., 1936, т. VII, с. 30.

вечно повторяются одни и те же события, и миры «циклические» — либо точно повторяющие друг друга, либо повторяющие с не принципиальными видоизменениями. Таковы «миры Демокрита», переходящие в другие миры, которые состоят из тех же атомов, «одинаковы по своему характеру, хотя каждый в отдельности и не тождествен с тем, который ему предшествовал»¹⁰. В этом же времени могут функционировать пульсирующие миры, развитие которых происходит попеременно в противоположных направлениях с полным или с частичным совпадением порядка и структуры их состояний.

Таким образом, в мире, которому соответствует субстанциальная концепция времени, принцип развития, связанный со структурой материальных процессов во времени, по существу не связан ни с самим временем, ни с порядковой его структурой. Они независимы друг от друга.

Что же касается *реляционной* концепции, которая отвергает первичный, независимый и изначальный характер времени и рассматривает его как *вторичную сущность*, производную от чего-то более фундаментального, то здесь появляется возможность понимания тесной связи структуры времени со структурой материальных процессов. Правда, в естественнонаучной области эта возможность не сразу перешла в действительность, поскольку в учении о времени в течение многих веков, вплоть до начала XX в., господствовали идеалистические варианты реляционной концепции, выводившие временные отношения из деятельности либо божества, либо человеческого сознания¹¹. Лишь с середины XIX в. появились естественнонаучные теории, в которых свойства пространства и времени так или иначе связывались со свойствами материальных процессов (неевклидовы геометрии, статистическая физика), а с начала XX в., с появлением теории относительности, всецело уже на естественнонаучной основе стала утверждаться *материалистическая реляционная концепция времени*, связавшая самым тесным образом временные отношения со свойствами физических взаимодействий между материальными системами. «Чтобы придать понятию времени физический смысл, нужны какие-то процессы, которые дали бы возможность установить связь между различ-

¹⁰ Лурье С. Я. Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970, с. 219.

¹¹ См.: Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977.

ными точками пространства... пространственные и временные данные имеют не фиктивное, а физически реальное значение»¹².

В ходе дискуссий вокруг физического содержания и философского значения теории относительности была сформулирована и современная диалектико-материалистическая реляционная концепция времени, суть которой достаточно ясно была выражена А. Д. Александровым: «В движении материи обнаруживаются две системы фундаментальных, универсальных отношений: причинная связь, воздействие одних явлений на другие, с одной стороны, и пространственно-временные отношения, с другой стороны. Оказывается, что между этими двумя сторонами имеется не только тесная связь — что само по себе достаточно очевидно, — но что между ними есть полное единство: общая структура пространственно-временных отношений, т. е. структура пространства-времени полностью определяется системой материальных воздействий одних явлений на другие»¹³.

При таком подходе проблема развития самым тесным образом связывается с проблемой времени, и наоборот. Весьма важные, можно сказать фундаментальные, свойства времени оказываются обусловленными структурой последовательности состояний материальных систем, выражающей в конечном счете ход развития.

Направление времени и развитие. Согласно субстанциальной концепции, направление времени должно выражаться его внутренними свойствами, которые каким-то образом определяют различие между прошлым, настоящим и будущим и устанавливают определенное соотношение между ними. Но вопрос «каким образом?» в этом случае не имеет ответа. Согласно же реляционной концепции времени его направление и необратимость обусловлены направленностью и необратимостью последовательностей состояний материальных систем, образующих Вселенную, их изменением и развитием.

Мы живем в мире необратимых процессов и явлений, направление которых определяется необратимостью протекания трех фундаментальных групп материальных про-

¹² Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. М., 1966, т. II, с. 24.

¹³ Александров А. Д. Теория относительности как теория абсолютного пространства-времени. — В кн.: Философские вопросы современной физики. М., 1959, с. 272—273.

цессов: космологическим расширением Метагалактики; статистическим характером макропроцессов, идущих в направлении повышения энтропии, возрастания хаоса и деградации энергии; и, наконец, расхождением и затуханием в пространстве всех волновых процессов, что характерно для процессов как макро-, так и микромира.

Проблема обоснования направления времени в мега-, макро- и микромире состоит в поиске таких фундаментальных законов, которые бы не только объясняли (разрешали) известную нам направленность процессов (все известные нам физические законы как раз ее разрешают), но налагали бы строгий запрет на протекание их в обратном направлении и в обратной последовательности.

В нашем непосредственном окружении направление времени, поскольку речь идет о его физических основах, определяется необратимым характером протекания физических процессов к состояниям, характеризующимся более высоким уровнем энтропии, большей дезорганизацией, переходом энергии от форм с высокой лабильностью и способностью превращаться в другие формы в направлении к тепловой форме движения материи, а также расхождением и затуханием в мировом пространстве волновых процессов. Таким образом, по крайней мере на эмпирическом уровне мы имеем три эмпирических, или, как говорят, фактуальных обоснования необратимости времени, связанных с так называемыми стрелами времени.

Первая «стрела» — *статистическая* — определяется явлениями термодинамики и статистики, явлениями перемешивания, т. е. тенденцией к хаосу и деградацией энергии от более высоких ее структурных уровней к более низким (скажем, от внутриядерного через электромагнитный к тепловому, выражающему совокупные свойства механического перемещения и взаимодействия молекул и атомов).

Вторая «стрела» — *электродинамическая*. Она обусловлена рассеиванием в космосе электромагнитного излучения. Любая электромагнитная волна удаляется от места своего зарождения с понижением интенсивности колебаний и энергии.

Третья — *космологическая* «стрела» — связана с расширением Метагалактики, с удалением космических объектов друг от друга со скоростями, пропорциональными разделяющим их расстояниям.

Все эти три фактуальные «стрелы» времени почти не имеют исключений. Пока неизвестны такие космические объекты, вернее сказать — галактики (поскольку галактика — относительно стабильное образование), которые не удалялись бы друг от друга, а сближались. Неизвестны также такие виды электромагнитных и иных излучений, интенсивность которых усиливалась бы по мере их удаления от источника. А имеющая место противоположная тенденция, проявляющаяся в так называемых антиэнтропийных процессах — в возникновении звезд и галактик из рассеянной материи, в возникновении живых, социальных и искусственных технических систем, — не противоречит второму началу термодинамики, поскольку уменьшение энтропии в таких процессах покрывается ростом энтропии окружающей их среды.

Таким образом, структура и последовательность состояний наиболее фундаментальных и массовидных физических процессов является необратимой, что определяет, с одной стороны, необратимость и направление времени в целом, а с другой — требует введения необратимости как одной из наиболее существенных характеристик в принцип развития. Правда, современные физические теории, начиная от механики и кончая астрофизикой и космологией, допускают с полным равноправием (кроме статистической физики, где признается большая вероятность процессов с возрастанием энтропии) протекание процессов и в обратном направлении, что естественно приводит к проблеме теоретического, или номологического, обоснования направления и необратимости времени как существенных характеристик принципа развития.

В современной литературе, посвященной номологическому обоснованию направления времени, высказываются предположения, что это направление определяется либо всеми тремя «стрелами» (статистической, электродинамической и космологической) сразу, при наличии между ними какой-то субординации или полного равноправия, либо же оно (направление времени) есть следствие какого-то пока еще неизвестного более общего закона, охватывающего все три «стрелы» времени.

Можно предположить, однако, что направление времени не имеет номологического обоснования, т. е. ему не соответствует какой-то строго определенный закон динамического типа, что направление времени есть эмпирическое следствие случайных взаимодействий и пересе-

чений процессов, подчиняющихся статистической, электродинамической (волновой) и космологической «стрелам» времени,— следствие, определяемое как бы всем «фоном», который создают эти процессы.

В самом деле, мы знаем много примеров того, что самые разнообразные явления и процессы могут протекать в направлении, противоположном тому, которое предписывается тремя «стрелами» времени. Так, все живые и часть неживых сложных материальных систем могут какие-то отрезки своей истории развиваться в направлении к состояниям, характеризующимся более низким уровнем энтропии за счет повышения энтропии окружающей среды. В волновых процессах также встречаются явления усиления энергии волновых колебаний (резонанс), а космологическому расширению противостоят факты относительной устойчивости звездных и планетарных систем.

Факты «обратного» протекания процессов, естественных и искусственных, довольно многочисленны. Однако ни об одном из них нельзя сказать, что данный процесс протекает в обратном направлении времени или свидетельствует о нем. Почему? Да просто потому, что в мире не существует абсолютно сепаратных, изолированных процессов и явлений, и каждое из них связано с множеством других и взаимодействует с ними. Поэтому для обращения времени недостаточно какого-то одного процесса, который протекает в необычном направлении; нужно, чтобы все связанные с ним процессы (а фактически все процессы, в силу их взаимосвязи друг с другом) изменили свое течение на обратное. Вообще говоря, для существования направления времени достаточно наличия в природе либо какого-то глобального процесса (вроде космологического расширения), либо достаточно распространенной группы (статистические, электромагнитные, волновые) необратимых процессов, связь которых с обратимыми придает последним необратимый характер, а всеобщее их переплетение и взаимодействие и определяет тот «фон», который ведет к появлению «направления времени».

Если последовательно придерживаться реляционной концепции времени, которая связывает свойства и характеристики времени с реальными свойствами физических взаимодействий, то надо признать, что эмпирического (фактуального) обоснования необратимости физических процессов, а тем самым и времени вполне достаточно. Что же касается обязательного теоретического (номологи-

ческого) обоснования направления и необратимости времени, то не мешало бы подумать прежде всего над тем, какие требования предъявляются к подобному обоснованию. При ближайшем рассмотрении оказывается, что известные номологические обоснования — это выведенные умозрительным путем принципы запрета на противоположное протекание процессов, справедливость которых может быть либо постулирована априори, либо обоснована опять же только с помощью ссылок на опыт.

Следовательно, необратимость как одна из существенных сторон принципа развития имеет, если придерживаться реляционной концепции времени, вполне достоверные и достаточные основания (как и необратимость времени) в реальных свойствах природы. Возможно, что будущая наука все же даст ответ и на вопрос об их теоретическом обосновании, т. е. объяснит, «почему свойства природы именно таковы».

Статическая и динамическая концепции времени и принцип развития. Важным вопросом, относительно которого высказывались с древнейших времен противоположные мнения, является вопрос об объективно-реальном характере «становления» или «течения» времени. Конечно, он самым тесным образом связан с вопросом об объективно-реальном характере времени вообще, но не исчерпывается им. В самом деле, если время нереально, то нереально и его «течение», нереально и «становление» вещей и событий. Но если нереально «течение» времени или «становление», то отсюда еще не следует, что теряют физический смысл все другие временные свойства и отношения.

История дискуссий по этим вопросам, а также анализ современной полемики в мировой литературе показывают, что сегодня различие между названными концепциями может быть сведено к следующему.

Динамическая концепция признает объективную реальность и временных отношений вообще, и «течения» времени или «становления», в частности. Объективная реальность течения времени рассматривается как наличие реальных физических различий в статусе бытия между событиями прошлого, настоящего и будущего.

Подлинным бытием обладают только события настоящего. Прошлые события обладали когда-то статусом подлинного бытия, сейчас же от них остались лишь воспоминания, следы или «протоколы». События будущего не существовали, не существуют и, неизвестно еще, будут ли

существовать, но весь поток событий, так сказать, «движется», побуждаемый причинами, через настоящее в будущее. В мгновение настоящего времени будущие события приходят в реальное бытие и уходят в прошлое, оставляя в настоящем лишь свои следы.

Согласно *статической* концепции времени, не отрицается вообще наличие каких-либо объективных временных отношений, отрицается только объективное течение времени и объективное разделение событий на прошлые, настоящие и будущие. Однако временное отношение «раньше-позже» остается и является полностью объективным. Это хорошо иллюстрируется высказыванием одного из сторонников статической концепции времени, Б. Рассела: «Прошлое, настоящее и будущее вытекают из временных отношений субъекта и объекта, тогда как отношения раньше или позже вытекают из отношений объекта и объекта»¹⁴. Такая интерпретация не отрицает наличия временных отношений в мире, но делает их статичными, застывшими, раз и навсегда закрепленными в топологической и метрической структуре единого пространственно-временного многообразия. Недаром в зарубежной литературе эту концепцию времени и Вселенной часто именуют концепцией «застывшей (замерзшей) Вселенной» (Block-Universe).

«Течение» времени или «становление», с точки зрения современных сторонников статической концепции,— это иллюзия нашего сознания, возникающая при переходе от одних особенностей пространственно-временной структуры мира к другим в процессе движения вдоль той мировой линии, которая составляет его биографию.

Как отмечает другой сторонник этой концепции — известный американский космолог и астрофизик Т. Голд, «реальный мир полностью может быть описан с помощью схемы, состоящей из линий, протянутых в четырех измерениях, где каждая частичка материи представлена некоторой линией. В силу крупномасштабной архитектуры Вселенной эта схема по преимуществу несимметрична по отношению к двум направлениям вдоль одной из своих координат. Эта асимметрия проявляется в любой области, содержащей достаточно большое число линий, однако при рассмотрении все меньшего и меньшего масштаба эта

¹⁴ Russel B. On Experience of Time.— Monist, 1915, vol. 25, p. 212.

асимметрия исчезает. Мы, являясь частями этой схемы, имеем такое отношение к ней, что порожаем фикцию «времени», которое всегда движется вперед и несет нас с собой»¹⁵.

Современная статическая концепция времени в общем согласуется с материалистическим миропониманием, поскольку признает существование объективных временных отношений (правда, в своеобразной форме). Она согласуется также и с теорией относительности, с ее представлением о едином пространственно-временном континууме. Тем не менее кажется, что статическая концепция находится в явном противоречии с принципом развития. Так же как «течение времени» и «становление», развитие, с точки зрения этой концепции должно быть не более чем иллюзией человеческого разума. Впрочем, размышления над соотношением между принципом развития и проблемой «течения» времени приводят к более осторожным выводам на этот счет. Конечно, признание объективного содержания и обоснованности принципа развития оказывает серьезную поддержку динамической концепции времени, что, однако, не снимает необходимости в обосновании самого принципа развития. Это — во-первых, а во-вторых, и в рамках статической концепции все же остается возможность своеобразного истолкования принципа развития как выражения неоднородности и анизотропии в структуре раз и навсегда данных мировых линий.

С другой стороны, сочетание динамической концепции времени с субстанциальной допускает и такую модель мира, в которой время течет, а новое не возникает — все вещи и отношения в принципе неизменны. Правда, в таком неизменном мире невозможно установить и факт течения времени, однако в квази-неизменных мирах, где существует хотя бы какой-то один, связанный с временем и изменением процесс, можно зафиксировать «течение времени». Скажем, пространственное движение Луны вокруг Земли и вместе с ней вокруг Солнца позволяет установить для Луны и факт течения времени при относительной (по сравнению с Землей) неизменности лунной поверхности.

¹⁵ Gold T. Cosmic Processes and the Nature of Time.— In: *Mind and Cosmos: Essays in Contemporary Science and Philosophy*. Pittsburgh, 1966, p. 329.

Таким образом, принцип развития наилучшим образом согласуется с теоретическим подходом, объединяющим динамическую и реляционную концепции времени, связывающим становление с реальной структурой динамики материальных процессов, хотя этот вопрос нельзя, конечно, сегодня рассматривать как окончательно решенный.

Соотношение между прошлым, настоящим и будущим. Этот вопрос является одним из наиболее важных и наименее исследованных. Можно сказать, что, если мы найдем решение всех вопросов, составляющих проблему времени, но не сможем ответить на вопрос, чем *физически* бытие событий настоящего отличается от бытия событий прошлого, которые были столь же реальны когда-то, как и события настоящего, но нереальны сейчас, проблема времени так и останется нерешенной.

Впервые на своеобразии отношения прошлого, настоящего и будущего указал Аристотель, подчеркнувший диалектический характер этого отношения: «Для всякой делимой вещи, если она только существует, необходимо, чтобы, пока она существует, существовали бы и ее части, или все, или некоторые, а у времени, которое делимо, одни части уже прошли, другие только будут, и ничто не существует»¹⁶. Но этим дело не ограничивается. Поставив вопрос, чем отличается бытие событий настоящего от бытия событий прошлого и будущего, мы приходим к довольно неожиданным результатам.

Согласно статической концепции времени в ее современной формулировке, момент настоящего времени, или «теперь», отделяющий события прошлого от событий будущего,— субъективен. Он зависит от нашего сознания, вернее самосознания, и означает соотнесение внешних событий с теми мгновениями нашего внутреннего времени, которые мы осознаем. С другой стороны, с позиций динамической концепции объективно существуют только события настоящего. События прошлого *уже* не существуют, события будущего *еще* не существуют. Однако при более глубоком анализе оказывается, что обе точки зрения не совсем верны.

Во-первых, не правы сторонники динамической концепции, говоря, что реально существуют только события и вещи настоящего, если, конечно, они принимают при этом и реляционную концепцию времени. Из релятивистского со-

¹⁶ Аристотель. Физика. М., 1937, с. 92.

держания понятия времени непосредственно следует, что «реально настоящими» по отношению друг к другу (абсолютно одновременными) могут быть только события, происходящие в одном и том же месте в одно и то же мгновение времени. А таких двух событий фактически быть не может. Все разноместные события, т. е. события, происходящие в различных точках пространства, в разной степени удаленных друг от друга, могут быть лишь относительно одновременны и, следовательно, в любой иной системе отсчета могут находиться между собой в отношении предшествования и следования.

Во-вторых, не правы и сторонники статической концепции, когда утверждают, что единственно наше сознание определяет момент настоящего, или «теперь». Оно определяет этот момент только для самого себя; по отношению же ко всем внешним событиям оно фиксирует события прошлого, и соотнесение этих событий с переживаемым нашим сознанием «теперь» представляет собой идеализацию, огрубляющую в известной степени реальное состояние дел.

Подлинно настоящие, т. е. одновременные с данным моментом моего сознания, события для меня фактически не существуют, поскольку они не могут в силу конечной величины скорости распространения материальных взаимодействий быть восприняты мною в тот же самый момент времени.

Рассел неточен, когда говорит, что отношения «раньше» и «позже» (предшествования и следования) есть отношения «объекта и объекта», поскольку они столь же закономерны и справедливы для «субъекта и объекта». Все дело в том, что различные типы временных отношений — предшествования и следования, с одной стороны, прошлого, настоящего и будущего — с другой — вовсе не исключают, а скорее взаимно дополняют друг друга: предшествование и следование выражают временные отношения между различными материальными системами, тогда как прошлое, настоящее и будущее выражают временные отношения, внутренне присущие любой материальной системе, а не только субъекту. Конечно, реально мы переживаем только момент настоящего, которое определяется воздействием на наше сознание прошлых событий. Пережитое нами прошлое находится в нашей памяти, будущее — в воображении. Однако суть проблемы, как и дискуссии между сторонниками статической и дина-

ческой концепций времени, состоит в возможности различных ответов на вопрос о наличии или отсутствии в самой природе вещей процессов становления и исчезновения, которые и выражаются отношением между прошлым, настоящим и будущим.

На самом деле это отношение присуще не только явлениям нашего сознания, но и всем предметам окружающего нас мира. Все они, начиная от элементарных частиц и атомов и кончая Метагалактикой, по современным представлениям, когда-то возникли из других форм материи и когда-нибудь исчезнут — перейдут в другие формы: «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения...»¹⁷ Любой предмет, явление, система когда-то возникли естественным или искусственным образом и когда-нибудь исчезнут. Этот их процесс становления необходимо выражается соотношением между прошлым, настоящим и будущим, которые следует рассматривать не только по отношению к определенному моменту, переживаемому нашим сознанием, но и по отношению к собственному бытию материального предмета, явления, системы, как таковых.

И в этом случае соотношение между прошлым, настоящим и будущим является сложным и многоплановым в силу неопределенности и относительности «временного настоящего», которое является различным для разных материальных систем¹⁸. Поэтому вопрос о разнице между бытием событий настоящего и событий прошлого следует поставить в несколько иной плоскости, а именно: чем бытие более прошлых событий отличается от бытия менее прошлых.

Ответ на этот вопрос представляет серьезные затруднения. Здесь не годится ответ типа, что вчера произошли одни события, а позавчера другие, поскольку это ответ лишь на вопрос, чем одна совокупность событий отличается от другой. Представляется, что решение может быть найдено на путях анализа соотношения времени, развития и детерминизма.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 276.

¹⁸ См.: Аскин Я. Ф. Проблема времени, с. 85.

Время, развитие и детерминизм. Можно сказать, что при любом толковании принципа развития признается возникновение в природе нового, чего-то такого, что раньше вообще не существовало. Формулировка принципа развития, не признающая возникновения нового, была бы внутренне противоречивой. Но если мир действительно устроен таким образом, что в любой момент настоящего времени любое данное состояние Вселенной аккумулирует все прошлые ее состояния и содержит в себе все будущее, то имеем ли мы право утверждать, что в мире с течением времени возникает нечто *новое*?

Конечно, «новое» не возникает из ничего, а есть закономерный результат эволюции предшествующих состояний материальных систем и их материального субстрата. Субстрат этот, как известно, в принципе отвечает закону несотворимости и неуничтожимости материи. Меняются связи, взаимодействия и отношения между элементами материальных систем разной степени общности и между самими этими системами, которые подчиняются определенным (динамическим или статистическим) закономерностям. Сами эти закономерности в первом приближении также можно рассматривать как неизменные, хотя, как уже отмечалось, в современной науке все более пробивает себе дорогу мысль, что эти закономерности, как и «мировые постоянные», меняются в крупномасштабных отрезках времени. Однако в рамках переживаемой нами истории эти изменения вряд ли могут оказать сколько-нибудь существенное влияние на эволюцию окружающего нас мира.

Таким образом, условия для появления нового порождаются в непрерывно меняющемся калейдоскопе взаимодействий и отношений, которые в конечном счете можно свести к изменениям пространственных и временных характеристик (материальных систем), выражающих начальные и граничные условия протекания материальных процессов.

Согласно строгому детерминизму, неизменными являются материальный субстрат, объективные законы и «мировые постоянные», а начальные и граничные условия, или пространственно-временные характеристики, хотя и меняются, но строго необходимым, однозначным образом, причем так, как будто бы любая материальная система «знает» о пространственно-временных характеристиках всех остальных материальных систем во Вселенной и об

их энергетических и вещественных ресурсах. В этих условиях подлинно «новое» возникнуть не может, возникают лишь новые комбинации одного и того же. И хотя, конечно, можно возразить, что заданная «от начала до конца» определенность структуры как совокупность мировых линий материальных систем, составляющих Вселенную, так и любой мировой линии в отдельности, может предусматривать повышение сложности и появление «нового» с течением времени, однако это будет скорее софистической отговоркой, чем убедительным возражением, ибо комбинации начальных условий в данный момент времени определяют все будущие комбинации, а значит, и содержат их в себе в скрытом виде.

Граничащие с фатализмом односторонние наивные представления о предопределенности всего существующего имели, как известно, поддержку в науке Нового времени. Лаплас, который ответил Наполеону, что его модель возникновения солнечной системы не нуждается в гипотезе о божестве, в отношении принципа детерминизма не выходил фактически, как подчеркивал Ф. Энгельс¹⁹, за пределы теологических представлений. Правда, в рамках классической физики строгая формулировка принципа детерминизма имела определенные основания. Она была обусловлена, во-первых, строгим детерминизмом математического аппарата, применяющегося в ней, и, во-вторых — взглядом на характер физических взаимодействий. Представления о мгновенном дальнем действии, которые нашли свое выражение в формулировках ньютоновского закона всемирного тяготения, а также во втором и третьем законах его механики, давали физическую основу для принципа строгого детерминизма²⁰. Отказ от принципа мгновенного дальнего действия, постулирование принципа близкого действия, т. е. передачи материальных взаимодействий с помощью промежуточной среды с конечными скоростями, который вошел в науку с развитием классической электродинамики, лишили принцип строгого детерминизма его физической основы. Но не окончательно.

¹⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 533.

²⁰ Согласно закону всемирного тяготения сила тяготения зависит только от величины тяготеющих масс и расстояния и не зависит от времени, т. е. передается мгновенно. Второй закон Ньютоновской механики предполагает возможность бесконечно больших скоростей, а третий — мгновенное противодействие.

Хотя в наше время тривиально утверждение о том, что закономерности и явления как микро-, так и макромира имеют статистическую природу, все же мы можем сказать, что строгий детерминизм существует и характерен для весьма обширной сферы реальности. Речь в данном случае идет о замечательной асимметрии между событиями прошлого и будущего.

Рассмотрим элементарный пример: допустим, что мы производим серию бросаний монеты и результаты испытаний каким-то образом фиксируем. Результат любого бросания причинно обусловлен начальными условиями, закономерностями движения монеты, ее взаимодействиями с окружающей средой во время полета и падения на землю. Однако мы не можем безошибочно предсказать каждый результат и не только по причине сложности такого предсказания (если полет монеты продолжается одну секунду, то, строго говоря, для предсказания необходимо учитывать состояния электромагнитных полей в радиусе 300 000 км), но по причине того, что мы в момент предсказания в принципе не можем учесть будущие взаимодействия монеты со средой.

Итак, хотя каждый результат обусловлен материальными причинами, мы в принципе не можем его предсказать. Более того, хотя каждый последующий результат также обусловлен своими материальными причинами, он никак не обусловлен результатами предшествующих испытаний. Попытки предсказания формы последовательности будущих испытаний на основании исходов прошлых еще в большей степени обречены на неудачу. Однако результат каждого испытания вполне определен и однозначен, так же как вполне определена и однозначна последовательность причинно не связанных между собой испытаний, которые уже совершились.

Известный афоризм, выражающий фаталистическое миропонимание, гласит: «что будет, то будет!» И если он является, вообще говоря, неверным по отношению к будущему, то по отношению к прошлому он выражает непреложную истину. В самом деле, «что было, то было», и причем было так, как это произошло, и никак иначе, т. е. вполне определенным и однозначным образом. Неоднозначность и неопределенность событий прошлого выражает только степень нашего знания об этих событиях.

Существуют, например, различные версии относительно судьбы Наполеона. Согласно одной из них, он умер

на острове Святой Елены 5 мая 1821 г., согласно двум другим — там умер его двойник, а Наполеону удалось бежать, и в одном варианте он дожил до преклонных лет в Италии в качестве владельца антикварного магазина, а в другом — был застрелен часовым при попытке проникнуть в Шёнбруннский дворец, где содержался его сын.

У нас нет абсолютной уверенности в том, как фактически все произошло. Хотя первая версия получила формальное и настолько всеобщее признание, что Ф. Энгельс приводил ее в качестве примера тривиальной абсолютной (вечной) истины, все же и две другие имеют своих сторонников. Однако мы убеждены, что дело могло произойти и произошло *только* каким-то *единственным, уникальным образом*. Тот факт, скажем, что читатель воспринимает эти строки в такой-то час, такого-то года, в определенном месте, в определенном порядке той совокупности событий, которые составляют его биографию, уникален и однозначен. Читатель вообще мог не родиться, а книга могла быть не написана. Но коль скоро эти события произошли, и мировые линии читателя и книги пересеклись в определенном месте и в определенное время — этот факт отныне и во веки веков останется *неизменным*.

Таким образом, в отличие от строгой формулировки принципа детерминизма, постулирующего полную симметрию событий прошлого и будущего, реальная действительность замечательным образом асимметрична во времени как в отношении бытия событий, так и их описания.

События будущего объективно неопределенны в силу такого фундаментального фактора реального мира, как отсутствие в нем мгновенного дальнего действия, которое связывало бы мгновенно все события Вселенной между собой. По этой причине возникает возможность и воздействия на мировую линию какой-либо материальной системы совершенно новых и неожиданных факторов, которые ранее для нее просто не существовали, и свобода взаимного пересечения мировых линий материальных систем, которое не может подчиняться строго определенному закону в силу отсутствия материальной основы его действия, а именно в силу отсутствия мгновенного дальнего действия, которое сразу и навсегда связывало бы между собой «жизненные пути» всех материальных систем, составляющих Вселенную.

Естественно, что предопределенность событий будущего невозможна просто потому, что однозначность

их протекания отсутствует в самой объективной реальности.

Что же касается событий прошлого, то как они сами, так и их комбинации остаются неизменными только потому, что прекращают взаимодействия между собой, переходят в небытие, оставляя после себя в моменте настоящего времени лишь следы или «протоколы», свидетельствующие об их бытии в прошлом.

В отношении описаний событий прошлого и будущего также имеется определенная, хотя и менее жесткая асимметрия. На основании известных нам общих законов мы можем говорить о возможном протекании и исходе будущих событий; на основании же «протоколов» мы можем судить о наличии вполне определенных событий в прошлом. Однако, как это ни странно, угадать события будущего порой бывает проще, чем дать точное описание событий прошлого, поскольку в будущем мы должны угадать *одну из нескольких реальных возможностей*, в прошлом же зафиксировать *один-единственный* свершившийся вариант осуществления реальных событий.

Отсутствие в объективной реальности мгновенного дальнего действия и вытекающая из этого неопределенность всех событий будущего позволяют более полно обосновать аргументы в пользу диалектического учения о развитии как возникновении подлинно нового, ранее неожиданного в строении и структуре материальных систем, составляющих Вселенную, с течением времени.

В последнее время ряд авторов поднимает вопрос о значении категорий определенности и неопределенности для решения различных научных проблем²¹. В отношении проблемы времени эти категории используются также и для оценки свойств пространственно-временных интервалов²².

Рассмотренные в данной главе различные аспекты проблемы времени (как составной части диалектического учения о движении материи) и, в частности, вопросы, ка-

²¹ См.: Готт В. С., Урсул А. Д. О категориях определенности и неопределенности.— Вопросы философии, 1971, № 6, с. 55—65; Они же. Определенность и неопределенность как категории научного познания. М., 1971.

²² См.: Жаров А. М. Проблема времени в свете диалектики определенности и неопределенности.— В кн.: Философские аспекты проблемы времени: Сб. науч. трудов. Л., 1978, с. 3—89.

сающиеся объективности времени, взаимоотношений между субстанциальной и реляционной, статической и динамической концепциями, однонаправленности и необратимости времени, соотношения между прошлым, настоящим и будущим, определенности (детерминированности) и неопределенности событий, их совокупностей и взаимосвязей, раскрывают существенную связь теории развития с пониманием времени как всеобщей формы бытия материи.

Диалектическая теория развития является необходимым теоретическим фундаментом для исследования временных отношений, концептуальной основой интерпретации проблемы времени в ее разнообразных аспектах и важнейшим методологическим и мировоззренческим критерием оценки предлагаемых решений и концепций.

III. ВСЕОБЩИЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ

1. ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
2. ЗАКОН ПЕРЕХОДА
КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В КАЧЕСТВЕННЫЕ И ОБРАТНО
3. ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ
4. ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ

1. ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин придавали закону единства и борьбы противоположностей первостепенное значение, поскольку противоречие, т. е. борьба взаимообуславливающих и взаимоотрицающих друг друга противоположностей, есть сущность и источник развития. Резюмируя элементы диалектики, В. И. Ленин писал: «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития»¹. По словам В. И. Ленина, «условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей»². Исследование проблемы развития предполагает раскрытие взаимной связи, взаимопроникновения законов диалектики при определяющей роли ее «ядра» — закона единства и борьбы противоположностей³. Анализ процессов движения и развития объектов природы и общества становится более конструктивным при рассмотрении их как сложно- и высокоорганизованных систем с иерархической динамикой противоречий. Произведение К. Маркса «Капитал» является образцом такого системного диалектического анализа.

Диалектические противоположности и противоречия. Рассмотрим основные характеристики объективных диалектических противоположностей и противоречий.

Диалектические противоположности как стороны диалектического противоречия суть такие части, моменты, силы, свойства, тенденции изменения объекта, которые зависят друг от друга, взаимно обуславливают существо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

² Там же, с. 317.

³ Обзор исследований по закону единства и борьбы противоположностей см.: Дудель С. П. Закон единства и борьбы противоположностей. — Философские науки, 1974, № 4, с. 137—145.

вание друг друга, но при этом имеют обратную по отношению друг к другу направленность, более того — взаимотрищают друг друга, находятся в отношении борьбы. Гегель в свое время рассматривал противоположности (Gegensätze) как недостаточную степень развития противоречия (Widerspruch). В работах советских философов 30—40-х годов утвердилась точка зрения, согласно которой противоположности выражают наивысшую степень развития противоречий, уже как бы «разрывающихся» на противостоящие друг другу «стороны». Наиболее рациональным следует признать подход В. И. Ленина: он обозначал «противоположности» как взаимообусловленные и взаимодействующие стороны диалектического противоречия независимо от степени его зрелости и развитости.

Конкретизируем данное выше определение диалектических противоположностей в направлении отличия собственно диалектических противоположностей от квазидиалектических, в которых диалектические моменты представлены лишь частично (например, противоположные стороны не обуславливают необходимым образом существования друг друга).

Прежде всего отметим, что из всего многообразия сторон, частей, свойств, сил, тенденций изменения объекта (в тех или иных условиях) лишь некоторые из них попарно друг с другом актуально взаимодействуют, отрицая друг друга, т. е. являются в данных условиях собственно диалектическими противоположностями.

Диалектические противоположности сосуществуют одновременно либо в одном и том же объекте, либо в рамках единой системы объектов, взаимообуславливая друг друга и образуя системы, подчас очень сложные и иерархически организованные. В познавательном и практическом отношениях следует всегда иметь в виду наличие множества пар противоположностей, находящихся в отношениях подчинения и соподчинения.

Диалектические противоположности противостоят друг другу в рамках единого взаимоотношения, как бы «взаимопроникая» друг друга: наличие одной из них «указывает» на существование другой, на их взаимодействие и на возможность воздействовать на одну из них через другую. Они находятся в состоянии взаимозависимости настолько, что, по выражению Гегеля, имеют «против себя» не просто иное, но «свое иное». Противоположности, которые в данных условиях не образуют единого

взаимоотношения, не составляют непосредственно диалектических противоположностей. Например, объект, тождественный с другим объектом в одних свойствах и отношениях, может отличаться от него в других свойствах и отношениях, однако не находясь с ним в отношении диалектической противоположности. Ведь по своей категориальной сущности само диалектическое тождество находится *во внутреннем взаимопроникновении* со своим антиподом — различием; и без этого органического взаимопроникновения тождества и активного различия объекты не образуют диалектической системы.

Наконец, диалектические противоположности способны только при определенных условиях вступать в активное взаимодействие такого уровня, что они актуализуются в противоречии, которое и становится источником и движущей силой развития.

Только в единстве всех отмеченных выше характеристик выявляется категорпальное содержание диалектической противоположности.

Какими чертами характеризуются диалектические противоречия?

Прежде всего, в диалектических противоречиях противоположности находятся не только в отношении взаимообусловленности и антинправленности друг к другу, но также и в реальном *активном противодействии*, «противоборстве» друг с другом. В этом процессе они стремятся к взаимоотрицанию, взаимоисключению, «взаимоотвержению» друг друга. При этом реальное противодействие имеет место только тогда, когда противоположности находятся в то же время в неразрывном «единстве». Под «единством» сторон противоречия имеется в виду состояние их реальной взаимосвязи и — до определенных моментов — взаимозависимости, взаимообусловленности. Но в рамках этого единства, когда противодействующие друг другу диалектические противоположности принадлежат либо тому же самому объекту, либо системе взаимодействующих объектов, каждая из этих противоположностей отрицает другую по-своему.

Кроме того, противоположности диалектических противоречий имеют разные темпы «созревания»; и это сказывается на общей судьбе данного противоречия, на характере его разрешения. В ходе становления противоречия возрастает относительная независимость (самостоятельность) каждой из противоположностей, что сущест-

венно для процесса развития объекта, которому данное противоречие присуще.

Исходя из опыта познания, можно разделить единство противоположностей на два типа — в зависимости от характера, интенсивности этого единства и его роли в процессах развития.

В *первом типе* единство противоположностей имеет глубоко внутренний характер, в наибольшей степени представляя собой «взаимотождественность», «взаимопроикновение» противоположностей в их неразделимости в составе целого. К таким фундаментальным имманентным противоречиям относятся: притяжение и отталкивание, отличающиеся по своей природе на разных уровнях организации неорганической материи, противоречия биологических процессов (ассимиляции и диссимиляции, наследственности и изменчивости), противоречия между обществом и природой и ряд других. Единство и взаимопроикновение таких противоположностей, присущее объектам на протяжении всего времени их существования, порождает многообразные производные, сменяющие друг друга противоречия. Так, например, противоречие между обществом и природой в результате развития общества породило противоречия между техникой и потребностями людей, между потребностями и формами их удовлетворения и т. д.

Второй тип единства противоположностей присущ противоречиям, производным от первого типа противоречий и непосредственно осуществляющим процессы развития во всех областях действительности. Полюса таких противоречий, т. е. противоположности, обладают заметной *относительной самостоятельностью* (пространственной или иной разделимостью, качественной «неравнозначностью», а то и количественным доминированием одной из противоположностей, о чем речь пойдет ниже). Такое единство противоположностей в зависимости от сочетания внутренних и внешних условий порождает многообразие способов разрешения противоречий, скачков и диалектических отрицаний, выступая источником развития. Обычно термином «источник развития» обозначают сущностный уровень противоречия, а противоречие, взятое в аспекте его ведущей стороны, именуется термином «движущая сила». Так, согласно материалистическому пониманию истории классовая борьба передовых, прогрессивных классов с реакционными есть движущая сила разви-

тия антагонистических обществ. При этом в учении исторического материализма вскрыты социально-экономические основы возникновения и борьбы классов, закономерности классовой борьбы и ее специфические условия в каждой общественно-экономической формации. Рассмотрим подробнее роль диалектических противоречий как источника развития.

Противоречия — источник развития. Любая форма движения материи включает в себя как количественные, так и качественные, как обратимые или повторяющиеся, так и необратимые изменения, в том числе изменения, ведущие к развитию. Для развития наиболее характерны процессы обновления, связанные с необратимыми количественными и качественными изменениями.

Появление новых материальных образований и процессов (в данной системе) — необходимая, но еще недостаточная характеристика развития. Специфическим признаком развития является *общая направленность изменений всей системы взаимодействующих объектов в целом*, что существенно отличается от направленности движения отдельных ее объектов. Качественно различным видам движения присущи свои особые характеристики («параметры») его направленности и диапазоны возможных их изменений. Но все виды движения имеют то общее, что присущая отдельным вещам и процессам направленность изменений обладает локальным в пространстве и дифференциальным по времени характером, и соответственно существуют локализованные в пространстве и времени противоречия, являющиеся источником этой направленности. Последовательные цепи необратимых количественных и качественных изменений за более длительные, чем отдельные акты движения, промежутки времени синтезируются, формируя некоторую общую тенденцию, или направленность изменений (по ряду характеристик — свойствам, отношениям, функциям и т. д.) всей системы взаимодействующих объектов в целом. При этом возможна разнонаправленность изменения ее частей по одним признакам и общая направленность изменения целого по другим и более существенным признакам. Например, различные виды организмов совершенствуются в аспекте разных, не одинаковых для них функций, т. е. имеют разную конкретную направленность своих изменений, и притом нацеленную на вполне определенный характер среды; но общая для всех организмов направленность разви-

тия — это совершенствование их приспособленности к изменчивой среде. Индивидуальная адаптация, обеспечивающая функцию самосохранения отдельной особи, определяет специальную направленность ее поведения, ее жизненный путь, ее «индивидуальную траекторию». А для популяции ведущей становится функция ее самосохранения и процветания, которая реализуется в направленности, не совпадающей с индивидуальной и в ряде случаев ей противоречащей.

Итак, процесс развития и его специфическая характеристика — направленность — вырастают из взаимосвязи отдельных актов движения, основанных на общей закономерности действия движущих противоречий, посредством необратимых количественных и качественных изменений за промежутки времени, соизмеримые со временем существования развивающегося объекта (системы). Поэтому столь важен вопрос о конкретном соотношении противоречий движения и развития.

Движение любой вещи есть неразрывное единство изменения и сохранения, есть реальное противоречие между факторами, способствующими ее изменению и сохранению. Но в формировании направленного движения и развития важнейшая роль принадлежит факту «неравноценности», «неравнозначности», т. е. различной роли сторон противоречий.

Во-первых, каждая из противоположностей по-разному отрицает другую, т. е. посредством различных по своей природе причин (сил), средств и способов отрицания (ср., например, притяжение и отталкивание на разных уровнях организации, охлаждение и разогрев земной коры, изменчивость и наследственность, ассимиляция и диссимиляция веществ и т. д.).

Во-вторых, *качественная* неравнозначность сторон противоречия состоит в том, что в ряде случаев действие одной противоположности способствует сохранению системы, тогда как действие другой направлено на ее изменение и путем разрешения противоречия на развитие через превращение ее в другую систему. Иначе говоря, действие одной противоположности в этих случаях имеет консервативную функцию, тогда как действие другой — функцию разрушительную и революционно-созидательную, способствующую обновлению и преобразованию, так что в этом смысле другая противоположность является в развитии данной объективной системы *ведущей*. Именно эта

сторона противоречия принимает на себя роль движущей силы развития, тогда как его источником является противоречие в целом, поскольку в нем происходит «раздвоение единого» (В. И. Ленин). Применительно к капиталистической социальной системе К. Маркс выразил эту идею следующим образом. «Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого... Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»⁴.

Различная роль противоположностей внутри противоречия имеет и *количественную* характеристику — степень количественного «перевеса» одной из противоположностей над другой. Учет этой разности сил полюсов целого, характера стабильных условий существования и особенно преобладания темпов роста ведущей противоположности очень важен для выявления динамики функционирования и направленности развития. Обратим внимание, например, на доминирование противоположных сил эволюции космических систем разных по масштабу порядков. Устойчивость планет обусловлена подавляющим преимуществом сил тяготения над тепловыми и иными силами отталкивания. В звездах имеет место динамичное равновесие этих сил. Среди звездных скоплений внутри галактик встречаются как сравнительно устойчивые системы, в которых преобладают центростремительные силы тяготения, так и неустойчивые, где имеет место преобладание центробежных сил. А факт расширения Метагалактики, включающей в себя множество галактических систем, свидетельствует об общем преобладании в известной нам части Вселенной в настоящее время отталкивания над притяжением.

Аналогичный «перевес» одного из полюсов (противоположностей) имеет место и в других явлениях неживой

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 38—39.

и живой природы: разность между силами, действующими внутри атома, а также внутри ядра, соотношение процессов ассоциации и диссоциации в тех или иных химических реакциях, перевес индивидуальной изменчивости над консервативностью наследственности в развитии организмов — во всех подобных случаях на всех уровнях развития неживой и живой природы *количественное и качественное преобладание ведущей противоположности задает направление движения (функционирования) и развития системы взаимодействующих объектов*. Но это преобладание вначале бывает скрытым, потенциальным, и его сила — *в тенденции к будущему актуальному преобладанию*. Так, в случае противоречий общественной жизни в процессе борьбы носителей основного противоречия, т. е. борьбы между основными классами исторически конкретного общества, формируется *направление разрешения этого противоречия*. Благодаря субъективному фактору эта направленность развития определяется не только наличием перевесом сил одного из борющихся классов, но и потенциями и тенденцией *роста* революционной активности и сил именно прогрессивных социальных классов. Общее для систем природы и общества состоит здесь в том, что при определенном сочетании и соотношении внутренних и внешних условий характеристики полюсов противоречия достигают в своих изменениях «равенства», а состояние целостной системы — неустойчивого динамического равновесия, т. е. границы меры. Для физических тел — это временное равенство сил, способствующих сохранению и разрушению системы; в общественной жизни — это революционные ситуации⁵. В таких ситуациях достаточно лишь некоторого перевеса сил ведущей противоположности над силами противоположности консервативной для начала процесса разрешения противоречия, для отрицания старой системы и синтеза новой в ходе революционного скачка.

Тенденция к росту темпов и сил ведущих противоположностей в системе противоречий зависит от фундаментального (основного) противоречия системы, которое задает общую направленность ее развития в целом сначала в виде возможности, а затем в виде реализации таковой через серию подчиненных скачков на разных этапах и фазах созревания основного противоречия, которые под-

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218—219.

готовавливают основной скачок-разрешение. Иначе говоря, направленность развития той или иной системы объектов определяется тенденцией развития *ведущей противоположности в основном противоречии системы*. А поскольку развитие системы совершается как закономерный естественно-исторический процесс, то направленность развития системы зависит от судеб *главных противоречий*, представляющих собой модификации основного противоречия на различных этапах его изменения.

Кроме учета единства качественных и количественных характеристик отдельных противоположностей, существенно принимать во внимание указанные характеристики взаимодействия противоположностей, т. е. противоречий. К количественным характеристикам противоречий относятся: степень их интенсивности, остроты и зрелости, степень близости противоречия к моменту своего разрешения. Величина количественного перевеса или разность в темпах развития противоборствующих тенденций, для того чтобы противоборство могло «повести» противоречие к разрешению, должны находиться в границах определенной меры, ибо при очень малом или, наоборот, при очень большом неравенстве сил и темпов изменений процесс борьбы на данном отрезке времени значительно ослабляется, а реализация тенденции временно заглушена (слабый «полюс» взаимодействия временно подавляется). Сказанное справедливо в отношении как природных, так и общественных процессов.

Классики марксизма дали немало блестящих образцов тщательного качественно-количественного анализа важнейших событий современной им эпохи, придавая большое значение качественному различию и количественному перевесу противоположностей, темпам роста ведущей противоположности (расстановке классовых сил, зрелости, массовости и оптимальной организации борьбы передового класса) ⁶.

Качественно-количественный анализ сторон противоречия и его структуры — одно из ярких проявлений взаимосвязи и взаимного проникновения важнейших законов диалектики — закона единства и борьбы протпво-

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 419—436; т. 20, с. 62—64, 68—71, 393—396, 401, 481—485, 561—562; т. 23, с. 772—773; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 57—123, 159, 194; т. 2, с. 20¹ 208; т. 27, с. 321, 372—373.

положностей и закона взаимосвязи количественных и качественных изменений⁷.

Кроме количественных и качественных характеристик отдельных противоположностей, в том числе и в сопоставлении их друг с другом, важны характеристики самого их взаимодействия: степень интенсивности, остроты и зрелости противоречия, как такового, степень его близости к моменту своего разрешения. Эта характеристика относительно самостоятельна, при этом она зависит не только от внутренних, но и от внешних условий, в том числе от таких внешних противоречий, которые либо способствуют, либо препятствуют разрешению противоречий внутренних.

В сложном материальном объекте или системе объектов зачастую имеется, как мы уже отметили, целая иерархическая система противоречий. Ведущие стороны каждого из противоречий этой системы под определяющим влиянием главного и основного противоречия материальной системы участвуют в формировании направленности ее развития. Взаимодействуя с основным противоречием, они сами, в свою очередь, влияют на него. Направленность развития зависит также от сохраняемости, преемственности, накопления того или иного свойства или отношения (в смысле уменьшения или увеличения их интенсивности) в цепях последовательных скачкообразно происходящих отрицаний.

Какова зависимость вида процессов развития в трех различных областях действительности — природе, обществе и познании — от характера присущих им противоречий?

Развитие в тех или иных областях действительности может сочетать в себе вследствие этой зависимости процессы трех видов.

Первый вид — это процессы изменений, *нейтральных* по отношению к критериям высшего и низшего, в частности — к критериям прогресса (регресса) — в обществе и частично в живой природе. Этот вид направленности процессов развития превалирует и чаще встречается в

⁷ Советские философы уделяют специальное внимание вопросу о единстве качественных и количественных характеристик борющихся противоположностей. См.: *Бородкин В. В.* Об источнике изменения и классах противоположностей. — В кн.: Проблемы диалектики. Л., 1973, вып. II. Вопросы диалектико-материалистической теории противоречия, с. 62—68; *Сагатовский В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973, с. 374—375.

неорганической природе, нежели в живой природе и обществе.

Второй вид охватывает процессы *восходящего*, собственно поступательного развития, высшим выражением которого является социальный прогресс. Восходящее развитие имеет специфические для разных предметных областей, для разных типов материальных систем критерии.

Третий вид — процессы, имеющие место, например, в тупиковых ветвях органической эволюции, среди такой разновидности гетеротрофных организмов, как паразиты, на отдельных фазах общего (глобального) социального прогресса. При экстремальной форме процессы третьего вида вырождаются в деструктивные процессы в виде деградации, разрушения и распада систем.

В зависимости от внутренних и внешних взаимодействий, от типа внутренних и внешних противоречий, и, в первую очередь, от характера основного и главного противоречия, а также от особенностей ведущих противоположностей внутри этих противоречий складывается тот или иной специфический процесс развития. Особое значение и важность для человечества имеют процессы восходящего поступательного развития и более всего прогресс в самом обществе. Между прогрессивными и регрессивными изменениями развиваются глубокие противоречия.

Восходящее направление или этап развития в живой природе и обществе есть такой процесс, в котором направленность изменений, следуя критериям отличия высшего от низшего и в конечном счете критерию роста активности материи и степеней свободы, выражается в усилении элементов высшего. А процессы нисходящих изменений, сосуществуя с общим процессом восхождения, находятся с ним в противоречии. Однако они играют при этом *подчиненную роль*: процесс восходящей направленности им противодействует и в конечном счете берет над ними верх. На отдельных фазах и в отдельных областях развития процессы нисходящих изменений могут преобладать (это приводит, например, к периодам реакции в жизни общества, к появлению упомянутых выше тупиковых ветвей эволюции), но это только на отдельных фазах. Восходящее развитие в живой природе или собственно прогрессивное — в обществе есть такой процесс, в котором направленность изменений, соответствующая определенному критерию прогресса (повышение уровня

организованности, появление новых возможностей, преобладание внутренних факторов над внешними и другие специфические критерии), господствует над регрессивными тенденциями и изменениями, противоборствует с ними и побеждает их, что приводит к революционным скачкам в развитии и существенному ускорению его темпов. В рамках общего прогрессивного развития системы не бывает особых нисходящих, регрессивных локальных процессов, которые носили бы самостоятельный, а тем более главенствующий характер⁸. В силу гетерогенности и иерархичности материальных систем различные фазы и уровни развития сосуществуют как в масштабах космоса, так и Земли, как в живой природе, так и в обществе. Это вызывает ряд новых противоречий, «накладывающихся» на те, что существовали и действовали прежде.

Основные виды противоречий в процессе развития. Систематическое исследование составляющих «противоречия», выделение разновидностей противоречий и их классификация, характеристика динамики и способов разрешения противоречий — все это представляет собой важнейшую ступень анализа процессов развития. Однако нынешнее состояние такого рода исследований далеко от своей зрелости. Так, пока еще не создано достаточно полной и строгой классификации противоречий и способов их разрешения. Поэтому ниже мы остановимся лишь на тех рубриках имеющейся классификации противоречий, которые наиболее существенны для анализа процессов прогрессивного развития и, в частности, для этапов разрешения противоречий, свойственных этим процессам.

Прежде всего следует отличать *объективные* диалектические противоречия, присущие сфере материального бытия, от диалектических противоречий познания.

В специальных науках о природе и обществе задача исследования процессов движения и развития вначале ограничивается их описанием на микро- и макроуровнях; но при этом в раскрытии реальных противоречий этих процессов непосредственной необходимости не возникает. Однако когда встают вопросы об объективных внутренних причинах изменений, то изучение *объективных противоречий «в самой сущности предметов»*⁹ и их динамических структур становится уже важнейшей задачей.

⁸ См.: Рузавин Г. И. О соотношении категорий «движение», «развитие» и «прогресс». — *Философские науки*, 1980, № 1, с. 50—58.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

Необходимость различения объективных и познавательных противоречий вытекает из того обстоятельства, что первые первичны в отношении противоречий процесса познания; а вторичный характер последних отнюдь не означает того, что они «копируют» собой первые. Относительная самостоятельность мыслительной, познавательной деятельности, ее активность и несводимость структур мыслительных процессов к структурам связей вещей — все это является фактом. В содержании и форме понятий имеются элементы, зависимые как от объекта, так и от субъекта. И поскольку принадлежность тех или иных противоречий к сфере бытия либо сознания (познания) не всегда в языковой форме выражена в явном виде, то определить действительный характер данного противоречия иногда удается не сразу. К тому же форма некоторых противоречий познания выглядит как якобы тождественная форме объективных противоречий, ибо, «заостряясь» до *формально-логической внешней видимости*, они делаются похожими на непосредственно объективные «столкновения» противоположных друг другу моментов.

Не всегда абстрактно выделенные противоположности объектов моделируют объективное диалектическое противоречие, поскольку объективно присущие предметам противоположности могут связываться в мысли и не потому, что именно они образуют искомое объективное и тем более основное движущее объект противоречие.

Принадлежность того или иного противоречия к сфере бытия или познания определяется в результате содержательного анализа вопроса: является ли противоречие источником движения и развития объекта или источником его познания.

Поясним сказанное на примере. При кинематическом описании движения тел в механике понятия непрерывности и прерывности берутся в неразрывном единстве, благодаря чему адекватно отображается процесс механического движения. Когда же (при описании движения) применяется только дискретный подход, это описание становится крайне «огрубленным» отражением движения. Упрощением вопроса является и рассмотрение движения как якобы лишь абсолютно непрерывного процесса. Ясно, однако, что единство непрерывности и дискретности как кинематических характеристик движения тел в геометрическом пространстве не является таким объективным

противоречием, которое представляет собой источник, причину, движущую силу этого движения. Однако понятия дискретного и непрерывного могут отображать субстратно-динамический аспект движения. Так, в случае движений в микромире такая ситуация, например, имеет место при взаимодействии дискретных частиц и соответствующих им непрерывных полей: взаимодействие этих противоположностей является объективным противоречием и представляет собой источник движения и развития в микромире.

Смешение объективных диалектических противоречий с противоречиями познания характерно для сторонников тождества бытия и мышления в духе объективного идеализма Гегеля, либо для тех, кто тщетно пытается этот принцип тождества возродить на почве материалистической философии.

Вообще говоря, процессы познания субъектом внешнего мира имеют собственные специфические источники развития — особенные диалектические противоречия процесса отражения, противоречия между человеком и окружающей средой, его потребностями, интересами и действиями, с одной стороны, и природой — с другой, а также противоречия собственно социального характера.

Диалектические противоречия можно дихотомически разделить на *существенные* и *несущественные*. Здесь есть некоторая трудность. Движущей силой, внутренней причиной, источником развития являются «предметные», материальные противоречия, взаимодействия противоположностей в которых обладают, так сказать, «субстанциальным», сущностным характером. Эти противоречия часто отражаются в познании как единство сущности и ее проявления, получая, таким образом, эмпирическую интерпретацию. Сущностные противоречия, которые в теории зачастую выражаются посредством внутренних отношений между абстрактными объектами, иногда и в самой объективной действительности выглядят как якобы взаимодействие абстракций. Например, диалектическая природа товара, согласно К. Марксу, выражается в противоречивом единстве стоимости и потребительной стоимости, а более глубокая сущность товара состоит, как известно, в противоречии между абстрактным и конкретным трудом. Ясно, что сами по себе абстракции вне реальной действительности, вне человеческой головы не существуют, а взаимодействие абстракций друг с другом не может

быть источником реального развития, как не могут быть таким источником вообще лишь противоречия познания.

Маркс подчеркивал наличие при капитализме объективного прообраза не только абстрактного труда, но даже «капитала вообще»¹⁰. Напомним, что в целом противоречивые отношения людей к природе и друг к другу в процессе общественного производства непременно связаны с деятельностью их сознания, но объективные законы их деятельности, ее результаты и общие (в этом смысле «абстрактные») связи и отношения от их сознания и произвола не зависят, и они представляют собой тот *сущностно-субстанциальный* уровень, исходя из которого только и можно понять реальную детерминацию противоречивого развития товарных отношений.

Следующий шаг на пути классификации противоречий как детерминант развития связан с выяснением различной роли *внутренних* и *внешних* факторов в судьбах объекта, а значит, с различением внутренних и внешних противоречий, хотя это различие и относительно. Так, например, противоречия между атомами водорода и кислорода в молекулах воды внешние в отношении противоречия между этими молекулами и молекулой, скажем, соляной кислоты. Главное здесь в том, что для любого процесса развития необходимо сочетание внутренних и внешних противоречий при определяющей роли внутренних, в особенности существенных противоречий.

Диалектика внутренних и внешних противоречий состоит не только в соотносительности понятий «внутреннее» и «внешнее», т. е. не только в том, что противоречие, внешнее для данной системы, является внутренним для более широкой системы. Диалектико-материалистический подход в полной мере утверждается тогда, когда раскрывается, что ведущими внутренними противоречиями являются противоречия существенные. Это те противоречия, которые в рамках данной открытой системы в данных условиях *обладают наибольшей относительной самостоятельностью, устойчивостью, единством, активностью, воздействием на другие стороны противоречия объекта и способностью к расширенному воспроизводству*. В то же время внешние противоречия воздействуют на внутренние противоречия, способствуя «сдвигу» системы в ту или иную сторону. Если внутреннее противоречие является

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 41, 437.

внутрисистемным, то и внешнее противоречие оказывается далеко не чужеродным для структуры противоречий данной системы и ее перестройки. При рассмотрении соотношения ролей внутренних и внешних противоречий в большом временном интервале развития систем обнаруживается, что на разных уровнях организации материи это соотношение существенно различно. Здесь выявляется та закономерность, что роль внутренних противоречий и вообще внутренних факторов по сравнению с внешними резко возрастает при переходе от неживой природы к живой, а затем от живой природы к обществу. Эти два перехода-скачка в смысле усиления роли внутренних факторов, противоречий и их качественного преобразования связаны с появлением все более органически целостных и способных к гомеостазу систем. Возникновение и развитие активных самоорганизующихся систем означает формирование восходящего развития и в итоге — прогрессивной направленности изменений.

С позиции диалектико-материалистического и, следовательно, системного понимания соотношения внутренних и внешних противоречий становится более ясным, например, актуальный для биологии общий вопрос о соотношении организма и среды. При всей своей самостоятельности организм представляет собой неразрывное единство с необходимыми для него внешними условиями существования. Процессы метаболизма, т. е. обмена веществ и энергии, суть внутренние для живой самоорганизующейся системы, тогда как остальные условия являются внешними для организма, составляющего вместе с усвоенными и ставшими внутренними необходимыми условиями его существования единую, более широкую систему. Различная распределенность необходимых условий существования в природной среде, содержащей также нейтрально-внешние для организма и вредные для него агенты, создает большой и сложный комплекс противоречий — внутренних и внешних — организма и среды. Активная борьба за существование, индивидуальная изменчивость и адаптация основываются на метаболизме, сигнальных связях со средой и других дополнительных средствах приспособления, а в целом на пластичности и лабильности, генерирующих большое многообразие внутренних состояний и реакций на внешние изменения. Но эта пластичность (изменчивость) организмов только в диалектически противоречивом взаимодействии с устойчивостью (наследственностью)

способствует сохранению и процветанию органических видов. Взаимодействие наследственности и изменчивости поставляет материал для естественного отбора, который есть не какой-то чисто внешний механизм, наподобие решета или фильтра, он действует как аппарат борьбы между внутренними и внешними факторами, между внутренними и внешними противоречиями, а затем их совместно-го, совокупного разрешения через изменение, с одной стороны, соматических, а с другой — наследственных структур. Такое диалектическое понимание процессов приспособления существенно отличается от метафизических концепций — как от неоламаркистских, так и от номогенетической концепции Л. С. Берга.

Аналогично обстоит дело с проблемой отношения между обществом и природой. Та часть природы, которая уже освоена в процессе производства, входит во внутренние условия функционирования и развития общества как органическая часть производительных сил, тогда как другая часть условий, которая продолжает обществу противостоять, составляет внешние условия его существования. Но впоследствии внешние условия «втягиваются» внутрь общества, а уже «отработанные» и потерявшие положительное значение для жизни общества факторы «отторгаются» и переходят в разряд внешне чуждых состояний, а иногда и «возвращаются» в состав общества в качестве состояний отчужденных.

Таким образом, как для живой природы, так и для общества характерны переходы внешних факторов и связанных с ними противоречий во внутренние, и наоборот — переходы внутренних факторов во внешние. Эти переходы — результаты постоянного диалектического взаимодействия внутреннего и внешнего.

Вопрос о развитии как процессе, имеющем стадии становления, роста, обострения и разрешения противоречий, тесно связан с уже отмеченным выше вопросом о системе противоречий внутри органически целого, об их субординации и координации внутри него. Было бы большим упрощением рассматривать системы противоречий как всегда якобы симметричные (в обычном смысле слова). Уже то обстоятельство, что роль и функции сторон противоречия не равнозначны, говорит против постулирования такой «симметричности». Против такой «симметричности» говорит и тот факт, что при разрешении противоречия содержание его сторон входит в синтез в

«снятом виде» не в равной мере. И здесь на первое место в исследовании выдвигается задача выделения и определения *основного* противоречия и противоречий *неосновных, производных* от него. К рассмотрению этой задачи теперь и перейдем.

Реализация задачи анализа и классификации противоречий означает прежде всего своего рода синхронный разрез системы; он характеризует локальную в пространстве и дифференциальную во времени тенденцию ее движения. От этого разреза отличается диахронный (генетический) разрез основного противоречия системы в его истории, охватывающей период всего времени существования системы от ее возникновения до уничтожения или преобразования в новую систему. На качественно различных этапах развития *основного* противоречия на первый план могут выдвигаться *разные главные* противоречия, зависящие от основного противоречия. Это означает, что основное противоречие является общей действующей причиной, источником как функционирования системы (синхронный аспект), так и ее развития (диахронный аспект) при всей относительности такого деления. Это значит также, что либо основное противоречие приобретает разные модификации, либо же более частные противоречия, выдвигаясь в разное время на первый план развивающегося объекта в качестве главных, порядком смены своей роли обозначают внутреннюю «логику» истории воздействия основного противоречия на содержание объекта, которому оно присуще. Так, общее основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частнокапиталистической формой собственности и присвоения остается определяющим на всех стадиях развития капитализма, но преобразуется в главные противоречия разных конкретных периодов исторической эволюции капитализма, которые в разное время выступают на первый план и которым подчинены при этом неосновные, производные противоречия — как внутренние, так и внешние.

В процессе разрешения неосновных, а затем и основных противоречий и рождения новых систем или их качественно новых состояний рождаются и новые характеристики последних («параметры») со свойственными им новыми противоречиями. Вместе с формированием общего интегрального направления развития объекта формируются и новые синтетические характеристики разных этапов его развития из характеристик частных движений.

Например, факт расширения Метагалактики и остывания солнечной системы создал условия для образования и развития на Земле высокомолекулярных соединений, а тем самым привел к соответствующей тенденции сначала медленного, а затем все более ускоряющегося усложнения состава и строения систем, что явилось одной из предпосылок возникновения живых существ и тенденций повышения уровня их организованности, несущей с собой свои новые противоречия.

Знание перечисленных видов противоречий и их характеристик служит важным методологическим средством анализа становления, нарастания и развертывания противоречий до границ меры как начала их разрешения. А для предсказания способов или методов разрешения противоречий важно знать, какие именно противоречия «допустимы», т. е. обусловлены данным *типом организации* систем, а какие им обусловлены быть не могут.

Применительно к общественным системам группа реально возможных и существующих противоречий разделяется по своей характеристике на два вида — на *антагонистические* и *неантагонистические противоречия*. Антагонизм — это специфический вид социального противоречия, характерный для обществ, разделенных на враждебные друг другу классы. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс следующим образом характеризуют социальные антагонизмы. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»¹¹.

Не будем здесь подробно разбирать особенные, специальные черты противоречий разных антагонистических обществ и разных этапов их развития¹². Для общей диалектической теории развития важно наметить всеобщую типологию такого рода противоречий.

Обратим в связи с этим внимание на то, что попытки непосредственно перенести черты антагонистических и не-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424.

¹² Рассмотрение собственно антагонистических и неантагонистических противоречий — это задача специальных глав четвертого тома настоящего издания, где исследуется диалектика социального развития.

антагонистических противоречий с общества на область живой природы не могут привести к содержательным результатам. Разобраться в данной проблеме помогает учет того, что типология противоречивых систем основана не на субстратном, а на организационном принципе. Исследование структур способов разрешения противоречий, т. е. разного вида скачков, приводит к общему выводу о том, что скачки «взрывного», «разового» типа характерны для систем со сравнительно жесткой организацией или структурой, а постепенные скачки свойственны системам с «пластической», гибкой организацией, причем эти два основных (в данном аспекте рассмотрения) типа организации систем имеют свои разновидности. Однако скачки, разрешающие антагонистические противоречия, составляют только определенную разновидность скачков взрывного типа.

Два типа противоречий и проблема их разрешения. Резкие скачки «взрывного» типа происходят не только в обществе, состоящем из антагонистических классов, но и вне социальной действительности — вообще в системах с жесткой организацией¹³.

Процессы разрешения противоречий, т. е. скачки в новое состояние, в системах с жесткой организацией означают перестройку всей системы в целом (в случае социальных антагонистических противоречий — это социальные революции). В системах же с пластической организацией разрешение противоречий совершается в виде последовательной перестройки отдельных подсистем либо последовательных частичных и постепенных перестроек системы (в обществе — это реформы различного классового содержания, характера и назначения).

При определенных условиях и в системах с жесткой организацией могут совершаться скачки постепенного типа; при этом «жесткость» организации в этих условиях как бы «смягчается». С другой стороны, в одних и тех же системах с гибкой организацией при определенных особых условиях могут осуществляться скачки взрывного типа. Примеры такого рода можно привести, скажем, из области физики и химии, где целый ряд реакций протекает либо постепенным образом, либо посредством взрыва, причем последствия не вполне одинаковы. В случае социальных антагонизмов, как показали классики

¹³ Подробнее см. главу 2 настоящего раздела.

марксизма-ленинизма, также при определенных условиях и при соответствующем соотношении сил борющихся классов возможен переход власти к прогрессивному классу «мирным путем», без кровопролитной схватки¹⁴. Такая ситуация сложилась, например, в период «двоевластия» от февраля до июля 1917 г. в России (хотя в силу ряда причин она и не была использована).

В каждой системе мы находим сочетание «жесткости» и «пластичности» с преобладанием того или другого.

Исследования систем с пластической и (или) жесткой организацией чрезвычайно важны для анализа восходящего развития в живой природе и прогрессивного развития с элементами регресса — в обществе. В ряде исследований по диалектике отмечается, что в неантагонистических общественных системах противоположности имеют не взаимоисключающий, конфликтный, а *дополнительный* (здесь в смысле: дополняющий друг друга) *характер*, чем обеспечивается «сочетание» противоположностей и затем их *конструктивный синтез* в новое целостное образование. Эта «дополнительность» в данном смысле термина служит важнейшим условием *гармонического разрешения противоречий*¹⁵, т. е. разрешения своевременного, методами научно обоснованного управления¹⁶. К этому следует добавить, что пластическая организация не сводится лишь к указанной характеристике противоположностей, но выражается и в других свойствах организации систем. Гармоническое разрешение неантагонистических противоречий при социализме осуществляется с помощью продуманного партийного руководства, научно обоснованных социальных преобразований, централизованного планирования и гибкого управления. При социализме социальные реформы являются средством общего прогресса, тогда как при капитализме с помощью реформ антагонистические противоречия неразрешимы, в этих условиях реформы чаще всего имеют цель «подлатать» уже негодный по существу строй и затормозить революционное его устранение.

Сближение, «сочетание», а затем «слияние» противоположных сторон противоречий при социализме осуществ-

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 215.

¹⁵ См.: Мещеряков В. Т. Гармония и гармоническое развитие. Л., 1976.

¹⁶ См.: Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977, с. 62.

вляется путем такого диалектического синтеза противоположностей, при котором *положительные* моменты каждой стороны в новом единстве их достигают своего максимума, наибольшего расцвета. Таковы процессы разрешения противоречий между городом и деревней, умственным и физическим трудом.

Но несвоевременное разрешение неантагонистических противоречий может при определенных условиях привести к рассогласованию, нарушению пропорциональности, сбалансированности тех или иных звеньев нормально функционирующей системы. Это может оказать тормозящее влияние на прогрессивное развитие и даже привести к дезинтегрирующим, деструктивным результатам. Такие время от времени возникающие негативные противоречия были названы в литературе диспротиворечиями, т. е. противоречиями, вносящими диссонанс. Поэтому «управлять обществом научно — значит обеспечивать сохранение и развитие структурного и функционального единства системы, ее способности ассимилировать или нейтрализовать негативные воздействия как внутри себя, так и извне»¹⁷. Эта реальная способность к самовосстановлению временно нарушенного по тем или иным причинам равновесия в отдельных сферах общественной жизни есть одно из самых важных преимуществ социализма. В противоположность социализму, «при капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике»¹⁸.

Гармоническое развитие социалистического общества, основанное на научном предвидении и управлении, предполагает своевременное обнаружение противоречий, выявление тенденций их последующего развития и выбор соответствующих форм и методов их своевременного разрешения, дабы не дать неантагонистическим противоречиям возможности перерасти в противоречия, подобные антагонистическим. Все это предполагает общее принципиально правильное отношение к социальным противоречиям: марксисты-ленинцы не фетишизируют их, т. е. не

Афанасьев В. Г. Актуальные проблемы научного управления обществом. М., 1975, с. 17.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 353.

консервируют в неразрешенном виде, не замазывают, но и не «разжигают» их, как это делают авантюристы от политики. Противоречия необходимо исследовать и активно способствовать их разрешению наиболее благоприятным для социального прогресса способом. Для осуществления этого марксист-ленинец всегда становится на сторону прогрессивной силы в противоречии, способствуя ее победе. Успешное разрешение противоречий развития требует систематического исследования типологии противоречий и соответствующих им способов разрешения. Эта актуальная задача во многом еще ждет своего решения.

В заключение выскажем некоторые соображения по вопросу о различных видах и типах разрешения противоречий. Число этих видов очень велико: ведь имеет место многообразие переходов явлений в свою противоположность, а противоречий — в свое разрешение как *свою* противоположность. Но основная разграничительная линия здесь проходит между способами разрешения противоречий внутри жестких и внутри пластических систем («разовые» и «постепенные» скачки). Если же речь идет об обществе, то указанное разграничение означает различие между способами разрешения социальных антагонистических и неантагонистических противоречий, что означает, в свою очередь, различие между революцией и прогрессивной реформой.

Различия между противоречиями внутренними и внешними, существенными и несущественными, основными и привходящими сказываются на степени радикальности разрешения противоречий посредством скачков «взрывного» и «невзрывного» типа.

Эти два типа разрешения противоречий, т. е. скачков, различающихся по основному механизму и характеру процессов образования новой системы, могут классифицироваться и по другим основаниям, отражающим состав и структуру противоречий и тех систем, к которым эти противоречия принадлежат. Способы и методы разрешения противоречий зависят: от характера как консервативной, или сохраняющей систему противоположности, так и разрушительной, революционной стороны; от качества носителя сторон противоречия (т. е. от того, представляет ли оно собой противоречие между элементами и системой в целом, между однородными или неоднородными элементами, между элементами и подсистемами, подсисте-

мами и системой и т. п.); от характера единства противоположностей (от степени их опосредствованности, взаимообусловленности и т. д.); от характера «борьбы» или противодействия противоположностей. Разрешения противоречий различаются также по их темпам и длительности, по методам управления процессом перестройки системы и т. п.

Следует отметить особенность разрешения таких противоречий, которые в принципе никогда окончательно не разрешаются, т. е. не переходят в совершенно новые противоречия. В процессах развития эти фундаментальные противоречия играют весьма существенную роль. Таковы, например, противоречия между природой и обществом, между материей и сознанием, в частности, между неисчерпаемым познаваемым объектом и никогда не завершаемой серией последовательных «приближений» к нему и т. п. Противоречия этого вида в своем разрешении воспроизводятся вновь и вновь; но при этом совершается накопление изменений в том или ином направлении, т. е. развитие системы происходит и в этом случае.

Различие между всеми разновидностями разрешения противоречий, коль скоро это действительное разрешение, не абсолютно. Абсолютно лишь различие между разрешением противоречия и псевдоразрешением. В принципе всякое подлинное разрешение диалектического противоречия имеет значение, аналогичное их роли в развитии производства, о чем К. Маркс писал: «...развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»¹⁹. Иначе говоря, разрешение противоречия означает, как правило, образование нового противоречия, т. е. противоречия нового, более высокого уровня. В этом же смысле высказался Ф. Энгельс: «...постоянное возникновение и одновременное разрешение... противоречия — и есть именно движение»²⁰, без которого не может быть и развития. В. И. Ленин подчеркивал, что «борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»²¹. Это означает не только то, что «борьба» между сторонами противоречия является безусловной (абсолютной) движущей

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 499.

²⁰ Там же, т. 20, с. 123.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

силой всего процесса развития системы, но и то, что таким образом детерминируемый процесс развития бесконечен.

Итак, развитие представляет собой разветвленную цепь, взаимопереплетение и иерархическую систему противоречий. Всякое противоречие в той или иной мере системно и всякая развивающаяся система так или иначе противоречива. Развитие противоречий требует их разрешения, и только разрешение их поднимает всю систему через ее перестройку на качественно новый уровень. Поэтому противоречия представляют собой, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, источник, сущность и движущую силу самодвижения и саморазвития мира, его познания и преобразования субъектом.

2. ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ И ОБРАТНО

Все законы диалектики взаимопроникают и дополняют друг друга. В частности, закон перехода количественных изменений в качественные не только конкретизирует закон единства и борьбы противоположностей, но и раскрывает новые стороны процессов развития.

Каково же содержание, значение и место закона взаимной связи количественных и качественных изменений в разработке диалектико-материалистической теории развития?

Категории «качество», «количество», «мера» и «структура». В этих категориях отражается способность природы и общества порождать многообразие относительно устойчивых дискретных и целостных образований, их состояний, свойств, связей, отношений и т. п.

Качественная определенность не тождественна отдельному свойству объекта; она отображает специфику объекта в целом либо какую-то его сторону в виде синтеза его отдельных характеристик или свойств. Познание качественной определенности вещей имеет свои уровни и этапы.

На эмпирическом уровне познания качественная определенность выступает в виде простой совокупности чувственно воспринимаемых свойств и их устойчивых комбинаций. На этом уровне имеется возможность измерения интенсивности определенных свойств и установления границ их меры. Из множества свойств (количественно измеримых и неизмеримых) выявляются внутренние и внешние. Затем исходя из эмпирических свойств совершается переход к существенным свойствам. Здесь содержание категории качества пересекается с содержанием категорий явления и сущности, случайности и необходимости, с отражением свойств, которые не могут быть выявлены только с помощью органов чувств или приборов (например, энтропия, стоимость и др.). Выражение качественной определенности через совокупность существенных свойств (инвариантов) — значительный шаг в постижении

качеств вещей, их специфики. Наконец, устойчивые зависимости существенных свойств отражаются в виде соответствующих структур и законов — эмпирических или теоретических, характеризующих динамическую организацию целостных материальных или идеальных объектов как систем.

Объективным основанием выделения количественной определенности объектов, принадлежащих любым областям действительности, служит качественная однородность, соизмеримость сравниваемых объектов — вещей, их свойств, связей, состояний и пр. Количественно сравниваться могут качественно однородные вещи по общим признакам — свойствам или отношениям (например, сахар и железо — по их весу и т. д.). «Что предполагает чисто *количественное* различие вещей? Одинаковость их *качества*»¹.

Категории количества соответствуют математические понятия числа, величины, множества. Понятия числа и величины в плане их генезиса и познавательной функции отражают две фундаментальные операции — счет и измерение. Это отметил еще Аристотель². Понятия числа и величины взаимосвязаны и соотносительны в том смысле, что величины выражаются с помощью чисел, а действительные числа рассматриваются в математике как «частные случаи величин»³.

Материальные и идеальные объекты обнаруживают органическое единство качественной и количественной определенности. Эти два полюса единой определенности «тяготеют» друг к другу. В математике количественная определенность абстрагирована от качественной определенности и от предметного, «материального» содержания вещей и процессов, т. е. она представляет собой «чистые» количественные отношения абстрактных объектов. Числа, как и величины, имеют свои качественные разновидности, о чем свидетельствует теория чисел и история ее формирования. Понятие числа, отмечал Ф. Энгельс, «полно качественных различий»⁴.

Многообразные отношения чисел и величин, как количественных характеристик отношений материальных

¹ Архив Маркса и Энгельса. М., 1935, т. 4, с. 119.

² См.: Аристотель. Соч.: В 4-х т. М., 1975, т. 1, с. 164.

³ Колмогоров А. Н. Величина. — В кн.: БСЭ. 3-е изд. М., 1971, т. 4, с. 457.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 573.

объектов, позволяют полнее отображать качественное многообразие мира. Единство и соответствие качества и количества реализуется в категории «мера», которая, согласно Гегелю, есть «качественно определенное количество»⁵, т. е. тот диапазон количественных изменений любой вещи, в пределах которого сохраняется ее качественная определенность. Кроме того, мера есть соответствие количественных отношений и структур объекта его качественной специфике. Более глубокое содержание понятий качества и меры раскрывается через категории структуры и организации. Рассмотрим это детальнее.

В основе понятия структуры лежит понятие упорядоченности или композиции элементов. В математике, изучающей абстрактные структуры и количественные отношения, под структурой понимается множество элементов произвольной природы, которые упорядочены по заданным отношениям, и вид упорядоченности или композиции элементов обладает свойствами, задаваемыми аксиомами данной структуры⁶.

Относительная самостоятельность понятия абстрактной структуры и ее отличие от количественной определенности состоит, во-первых, в том, что при том же числе элементов множества, при том же его составе, оно может быть по-разному упорядочено, т. е. образовывать различные структуры. С аналогичной трактовкой структуры мы встречаемся и в разных вариантах общей (абстрактной) теории систем.

К настоящему времени понятие структуры — не только математическое, но и общенаучное понятие, поскольку оно применяется во всех областях научного знания в связи с рассмотрением изучаемых объектов как систем. С точки зрения кибернетического и системного подходов структура и организация суть существенные характеристики любого объекта как системы. Структуры, элементы которых имеют измеримый характер, можно назвать метрическими. Метрические структуры могут иметь размерность. Таковы, например, уравнения математической физики, где элементами структур выступают величины тех или иных физических процессов и явлений. А структуры, у которых элементы не имеют характера величин,

⁵ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 257.

⁶ См.: Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М., 1963, с. 248—253.

обычно называют неметрическими (качественными). Таковы, например, логические структуры.

Неметрические, качественные структуры в отдельных случаях могут быть описаны на языке количественных отношений. Например, пространственные, геометрические структуры описываются аналитически на языке алгебры или дифференциальных уравнений. Логические формулы могут быть закодированы в численном виде и их логические отношения сведены к арифметическим отношениям. Но все это не означает «сведения» понятия структуры к понятию количества. Даже понятие фигуры в геометрии не сводится целиком к количественным отношениям. Недаром предмет классической математики определяется Ф. Энгельсом как «пространственные формы и количественные отношения действительного мира»⁷.

Каково же соотношение структуры системного объекта с его качеством? Анализ этого вопроса позволяет перейти к конструктивному рассмотрению категорий меры, закона и скачка в связи с проблемой развития.

Любой объект можно представить как систему, которая, в свою очередь, входит в класс или в систему объектов того же рода. Начиная от элементарных частиц, ядер, атомов, молекул, зерен кристаллов до макротел, планет, звезд и галактик, начиная от простейших явлений жизни до сложноорганизованных существ, включая человека и человеческое общество,— все это определенным образом организованные целостные материальные системы, обладающие единством устойчивости и изменчивости. Целостность системного объекта выражается, с одной стороны, в интегральных свойствах и (или) функциях системы (в отличие от свойств и функций ее компонентов и подсистем); с другой — в виде относительной автономности существования и поведения системы в окружающей ее среде.

Существенными характеристиками системного объекта являются его организация и структура. Организация, т. е. вид упорядоченности или композиции элементов системы, включает в себя изменяющуюся во времени часть и, кроме того, сохраняющуюся сторону — структуру системы⁸, устойчивую (инвариантную) относительно оп-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 37.

⁸ См.: Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство.— В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 292.

ределенных изменений (преобразований) объекта в том или ином диапазоне изменений. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что понятие структуры объекта связано с категорией меры.

Общенаучное значение категории структуры выражается, во-первых, в том, что все стороны, раскрывающие содержание материального или идеального объекта, имеют соответствующие им структуры. Таковы, например, пространственные, кинематические, динамические, функциональные, генетические, логические, гносеологические и т. п. структуры. Структуры характеризуют индивидуальные объекты или тот или иной класс объектов, существующих в определенных условиях, что выражается, в частности, в указании границ применимости уравнений и других математических форм — законов, отражающих закономерные связи и отношения объектов, их сущность⁹.

Во-вторых, специфическое выражение общенаучности и универсальности понятия структуры состоит в его органической связи с категориями «содержание» и «качество». Внутренние, или собственные, свойства объекта представляют собой эффекты внутренних взаимодействий его компонентов, т. е. зависят от свойств компонентов (и подсистем) и от структур их связей и взаимодействий. Но вследствие иерархичности строения и относительности понятий «система» и «элемент» последний можно представить как систему более глубинного уровня организации и выразить свойства этого элемента на структурном языке. Поэтому все заданные свойства, стороны, или качества изучаемого объекта как системы в принципе можно выразить посредством анализа структур определенного уровня организации системы в виде функций соответствующих структур. Этот принцип структурного подхода и анализа представляет собой одно из условий математизации научного знания. Наибольшей предсказательной и расчетной силой обладают количественные структуры; их элементы и (или) отношения допускают измерение и численное выражение. Любой объект многокачествен и соответственно — полисистемен (например, человек как предмет исследования в разных науках вы-

⁹ То, что структуры могут характеризовать не только классы объектов, но и индивидуальные объекты, важно подчеркнуть, так как в спорах по оценке системно-структурного подхода часто имеют в виду лишь структуры класса, а не индивидуальных объектов.

ступает как анатомо-физиологическая, психическая, педагогическая, социокультурная и другие системы).

Роль структурного подхода и метода в познании свойств и качеств вещей отчетливо проявляется в естествознании. Так, современная физика твердого тела объясняет все свойства металлов, полупроводников, кристаллов специфичностью их структур. На основе структурной модели вещества¹⁰ объясняются физико-химические свойства переходных металлов (никеля, хрома, титана, вольфрама, молибдена и др.), а также сплавов и соединений на основе этих металлов. Если до создания физики твердого тела свойства сверхпроводимости и пластичности описывались в основном эмпирически, то сегодня на основе уравнений сверхпроводимости и пластичности дают точный расчет и предсказание этих свойств в разных условиях. Квантовая механика и квантовая химия показали, что химические свойства элементов зависят от строения (динамической структуры) электронной оболочки атомов. А химические свойства сложных соединений, как отмечал А. М. Бутлеров, обуславливаются природой «элементарных составных частей, количеством их и химическим строением»¹¹.

Не в меньшей мере свойства и функции живых организмов, систем в области общественной жизни могут быть объяснены и предсказаны на основе знания их статических, динамических, параметрических, функциональных и генетических структур. Особая роль в развитии биологических и социальных систем принадлежит информационному фактору и соответственно — структурам информационных процессов на разных уровнях социальных систем.

С помощью понятия структуры можно более конкретно, более точно и глубоко выразить характеристику качественной определенности объектов. Идеи о корреляции, органической связи качества и структуры, о возможности и целесообразности выражения качественной определенности через соответствующие структуры, о структурном анализе качественных различий и изменений высказывались и обосновывались многими авторами, несмотря на

¹⁰ См.: Самсонов Г. В., Прядко И. Ф., Прядко Л. Ф. Конфигурационная модель вещества. Киев, 1971.

¹¹ Бутлеров А. М. Избранные работы по органической химии. М., 1951, с. 72.

частные различия в характере их трактовки и доказательства¹².

Однако высказывались и противоположные критические суждения на этот счет. В наиболее систематической и типичной форме они выражены в работе И. С. Тимофеева, который, справедливо предупреждая против полного отождествления качества и структуры, против подмены качественно-количественного метода системно-структурным, все же допускает недооценку категории структуры и структурного метода в анализе и описании качественной определенности вещей¹³.

Структурная интерпретация качества отнюдь не означает отождествления качества и структуры или сведения первого ко второму. Дело в том, что на теоретическом уровне познания постижение качественной определенности вещей обогащается и углубляется за счет раскрытия структур разной глубины, относящихся к разным сторонам вещи — к ее статическому строению, динамике функционирования, поведения и развития, к свойствам, состояниям и связям. Это множество структур объединяется в некоторую интегральную структуру объекта. В современной физике «квантовомеханическое описание конфигураций атомов объясняет все свойства и константы веществ, найденные классической физикой»¹⁴.

Константы и точки перехода относятся к условиям устойчивости конфигураций, или структур, физических, химических, биологических и социальных системных объектов. Недаром когда та или иная динамическая структура математически описывается с помощью формул, уравнений связи или движения, то всегда указываются условия, в пределах которых справедливо данное уравне-

¹² Эти идеи находят свое освещение в следующих работах: *Овчинников Н. Ф.* Качество и свойство.— *Вопросы философии*, 1960, № 6, с. 127—139; *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962; *Тюхтин В. С.* Закон перехода количества в качество в свете данных современной науки.— В кн.: *Проблемы научного метода*. М., 1964, с. 301—326; *Агудов В. В.* Количество, качество, структура.— *Вопросы философии*, 1967, № 1, с. 59—68; *Ильин В. В.* Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. М., 1972.

¹³ См.: *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972, с. 90—91, 96.

¹⁴ *Вайскопф В.* Физика XX века.— В кн.: *Будущее науки*. М., 1971, вып. 4, с. 39.

ние: в виде неравенств формулируются минимальные и максимальные значения ее переменных, т. е. границы меры, отображенной в уравнении структуры. Процесс перехода от старого качества к новому, а тем самым и преобразования одной структуры в другую представляет существенную сторону процессов развития.

Возможность структурной интерпретации качества и качественных изменений естественно приводит к постановке общенаучной проблемы — разработки общей теории развивающихся (генетических) систем. Очевидно, что ее общеметодологической основой явится категориальный аппарат диалектико-материалистической теории развития и прежде всего принципы, основные законы, категории диалектики. Структурный и количественный характер теории генетических систем послужит важнейшим звеном связи между философской теорией развития и специально-научными теориями.

В целом возможность системно-структурного объяснения категорий качества, меры и скачка имеет далеко идущее методологическое и познавательное значение. Во-первых, оно позволяет связать проблему отображения качественных различий с проблемой математизации знаний. Во-вторых, оно дает возможность более органично и конкретно связать качественную и количественную стороны математического описания объектов; мера выступает как математическая формулировка условий и границ применимости уравнений, формул и т. д. В-третьих, системно-структурная интерпретация категории качества облегчает применение требований закона взаимного перехода количества в качество в специально-научном познании. В-четвертых, структурная интерпретация качества и скачка открывает, как увидим ниже, конструктивный подход к условиям и механизмам развития, к оценкам и критериям высоты уровня организованности и степени прогрессивности тех или иных изменений процесса развития.

Основные виды скачков и способы синтеза нового в процессе развития. Закон перехода количественных изменений в качественные совместно с законами противоречия и отрицания отрицания раскрывает механизмы переходов от старого качества к новому, т. е. всеобщие черты механизма развития. Процесс накопления количественных изменений, приводящий к критическим точкам — «границам меры», — есть в то же время процесс становления и усиления основного противоречия от его

зачаточных форм до более развитых, скачок же есть форма разрешения этого противоречия.

Наиболее ярко связь количественных и качественных изменений выступает в скачках первого рода, которые протекают в форме разового перехода, или «взрыва», и имеют две стадии с резко и четко выраженными границами между ними. В этих случаях на *первой стадии* количественных изменений увеличение или уменьшение *числа элементов и интенсивности свойств и связей объекта до границы меры не изменяет качества объекта*. Но границы меры, или точки перехода, отображают такие состояния системных объектов, когда основное противоречие дорастает до необходимости его разрешения, т. е. когда «силы», обеспечивающие устойчивость системы в целом, и «силы» (внутренние и внешние), направленные на разрушение ее, достигают *неустойчивого равновесия*; так что при дальнейшем нарастании и перевесе разрушающих сил начинается отрицание системы и, если оно не имеет характера деструкции, — конструктивный синтез новой организации и новой структуры.

В неорганической природе точками перехода служат относящиеся к фазовым превращениям веществ точки плавления (отвердевания), кипения (сжижения), точки сублимации, перекристаллизации, а также точки аллотропических переходов (например, графит и алмаз — разные аллотропические состояния углерода). Такими «границами меры» являются так называемые точки Кюри для магнитных и диэлектрических веществ, критическая температура в явлении сверхпроводимости, критическая масса при ядерных реакциях и т. д.

На *второй стадии* качественных изменений идет перестройка старой системы и ее превращение в новую, образование нового качества. Этот переходный процесс включает в себя два переплетающихся или сменяющих друг друга процесса: *отрицание*, т. е. разрушение или трансформацию старой системы, и *созидание* новой *разными способами конструктивного синтеза*.

Особенностью «взрывного» скачка, отличающей его от «постепенного» скачка (скачка второго рода), является то, что процесс перестройки старой системы в новую, включая процессы разрушения и созидания, *протекает интенсивно и охватывает одновременно все элементы и связи системы*, т. е. *всю систему в целом*, а не поочередно отдельные стороны и части системы, как в

случае скачков второго рода. В резких скачках «силы», связующие отдельные элементы и подсистемы между собой, меньше по величине тех «сил», которые обеспечивают целостность, единство системы.

Применительно к явлениям неорганической природы это ярко выступает в наличии «дальнего порядка» расположения атомов в кристаллических телах в противоположность «ближнему порядку» расположения атомов в аморфных телах и жидкостях. Если «ближний» порядок, основанный на доминировании сил непосредственного взаимодействия между соседними атомами или молекулами, определяет протекание «постепенных» скачков, то наличие «дальнего порядка» при взаимодействиях атомов в кристаллических телах объясняет четко выраженную точку их плавления. Например, переход кристалла («дальний порядок») в состояние жидкости («ближний порядок») возможен по достижении такой средней тепловой энергии, которая требуется для разрушения связей атомов кристаллической решетки всего тела, а не отдельных его частей. В этом случае образуется своего рода конфронтация двух сил — в виде равномерно распределенной силы, удерживающей атомы в кристалле в форме «дальнего порядка», и силы разъединения атомов путем их взаимного отталкивания в тепловом движении.

К высокоорганизованным системам также применимы аналогичные понятия дальнего и ближнего порядка. В системах живой природы и общества «дальний порядок» обеспечивается особыми «силами» и управляющими механизмами централизации: центральная нервная система и головной мозг; государственная власть и ее социально-политические и социально-экономические институты; в технических самоуправляемых системах — это центральные блоки по выработке команд, принятию решений. В антагонистических обществах при наличии централизации, характеризующейся «дальним порядком», и резкой конфронтации консервативных и прогрессивных сил, направленных на ее разрушение и созидание нового, борьба этих сил достигает границы меры — революционной ситуации, характеризующей неустойчивое равновесие системы. При этом скачку — политическому перевороту — предшествует резкое размежевание противоположных сил и их внутренняя консолидация.

Рассмотрим специфику «постепенных» скачков, которые, на наш взгляд, существуют в *двух формах* в зави-

симости от двух типов организации систем. Эти скачки имеют место в процессах движения и развития.

В сложных системах с большим количеством более или менее *однородных элементов и связей* между ними обеспечивается «ближний порядок» в виде статистически *однородных структур*. К таким системам относятся статистические совокупности частиц жидкостей и газов, аморфных тел, статистические взаимодействия животных организмов в популяциях (популяционная генетика) и т. д. Их постепенный переход в качественно новое состояние представляет собой соответственно: последовательный отрыв молекул от общей массы жидкости (испарение); переход упругой деформации в пластическую через очередное ослабление межмолекулярных связей; постепенный переход тела из аморфного состояния в кристаллическое (например, помутнение стекла) и т. д. и т. п.

Другая форма постепенных скачков присуща изменениям сложноорганизованных и вместе с тем высокоорганизованных систем с четко выраженной *иерархически-разнородной* структурой. Таковы изменения растительных и животных организмов в процессах образования новых видов, процесс антропогенеза, изменения в неантагонистических общественных системах (при благоприятных, гармоничных условиях).

Характерной чертой механизма постепенного перехода в таких системах являются, во-первых, тесная взаимная связь и обусловленность элементов целого (ближний порядок); во-вторых — относительная автономность, дискретность подсистем (в организме — тканей, органов) и их связей в составе целой системы. Это свидетельствует о диалектическом сочетании в организации системы ближнего и дальнего порядка. Отсюда — постепенное накопление количественных изменений приводит к *разновременному вызреванию противоречий и достижению границ меры* для каждой подсистемы, для каждого уровня. Все это завершается гармоничным разрешением основного противоречия, поворотом к новому качеству, к новой системе. Таков, например, процесс образования новых биологических видов. Расходящаяся генеалогическая ветвь на протяжении многих поколений скрещивающихся особей приводит к таким дивергентным формам, которые не дают потомства при скрещивании, что является одним из критериев возникновения нового вида. Это поколение особей и представляет собой момент, границу меры, «точ-

ку» завершения скачка и образования нового качества. Но на всем протяжении этого скачка имели место и мелкие скачки с появлением «подкачеств», относящихся к изменению структуры и функций отдельных организмов, тканей и их объединений. Однако эти мелкие скачки могли быть скачками первого или второго рода. Аналогичен процесс антропогенеза как «постепенный скачок», включающий в себя три основные стадии (австралопитека, питекантропа и неандертальца).

Итак, процесс постепенного перехода к новому качеству, т. е. основной скачок, содержит ряд подчиненных ему скачков, относящихся либо к отдельным *частям, подсистемам*, либо к отдельным *сторонам* целой системы (организма, общества). От сочетания внутренних и внешних условий зависят характер скачков и точки перехода, т. е. моменты начала и завершения скачков. Классики марксизма — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин — дали образцы диалектического анализа скачков в общественном развитии с тончайшим учетом внутренних и внешних условий их протекания (революция 1848 г. в Германии, Парижская коммуна в 1871 г., революция 1905 г. и 1917 г. — в России).

Рассмотренные два рода скачков суть два *основных механизма детерминации процессов образования новых качеств и подкачеств, новых систем и подсистем в результате количественных изменений*.

Более полное раскрытие механизмов развития требует выяснения, во-первых, способов отрицания старого качества в его связи с новым и, во-вторых, способов *конструктивного синтеза нового качества, новых систем*. Исходя из диалектической интерпретации категорий качества и скачка, можно вначале рассмотреть абстрактно возможные способы конструктивного синтеза новых систем и соответственно новых качеств, а затем выяснить условия их реализуемости. Способы такого синтеза зависят от того, сколько независимых видов изменений (что и как изменяется) можно произвести в системе и сколько существует сочетаний таких видов.

При соответствующих условиях изменяться могут раздельно либо совместно (т. е. в сочетаниях по два или по три) *качество* элементов, *количество* элементов, *качество связей*, что приводит к изменению структуры как интегральной характеристики системы. Это дает в итоге семь способов синтеза, порождения новых систем и, сле-

довательно, новых качеств¹⁵. Если же к трем видам изменений добавить четвертый — *изменение числа связей*, — то получим уже не семь, а пятнадцать возможных способов синтеза новых систем.

Если перейти к рассмотрению многоуровневых, иерархических систем, то при учете количества и качества (типа) входящих в них подсистем и уровней, а соответственно и их связей значительно увеличится число способов синтеза, или способов образования новых систем. Важно подчеркнуть, что все эти способы определяются *независимостью* положенных в их основу изменений, сочетания которых выражают специфику этих способов. Ясно, что не все абстрактно-возможные варианты порождения нового могут реализоваться в естественных земных условиях. Даже явления изомерии в природе требуют весьма специфических условий их осуществления. Вот почему важнейшей общенаучной задачей является выяснение условий реализации каждого варианта.

Однако нередко ограничиваются обычно двумя-тремя способами. Например, в теоретической биологии, строя модели эволюции, сильно ограничивают число рассматриваемых возможностей. Так, автор теории филэмбриогенеза А. Н. Северцов называет лишь две: изменение числа и величины эмбрионов и их качества¹⁶. Сторонник современной синтетической теории эволюции Э. Майр также отмечает лишь два способа порождения новых видов — изменение числа и качества особей¹⁷. Это объясняется, по-видимому, узким «геоцентрическим» видением мира, когда интерес прикован к наличным земным условиям, а не к возможным, и кроме того, быть может, и недооценкой относительно самостоятельной роли структурных характеристик, в частности изомерии и симметрии, в объяснении эмпирических свойств и изменений, в объяснении сходства различных организмов между собой.

Если множество способов синтеза новых систем рассмотреть с позиции их детерминации, то в конечном счете в их основе окажутся *количественные изменения* элементов и (или) связей, в частности, взаимодействий между ними, а их качество и тем более структуру не-

¹⁵ См.: *Урманцев Ю. А.* Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974, с. 62—63.

¹⁶ См.: *Северцов А. Н.* Собр. соч. М.; Л., 1945, т. III, с. 516—523.

¹⁷ См.: *Майр Э.* Популяции, виды и эволюция. М., 1974.

возможно изменить «без прибавления или отнятия материи либо движения»¹⁸. С точки зрения *причинных факторов* лишь *количественные воздействия* качественно определенных агентов (механические, тепловые, электромагнитные, химические и пр.) могут вызывать изменения *качеств* объектов (в соответствии с их «мерой»). Огромная роль структур в описании, расчете, предсказании соответствующих свойств еще не означает того, что изменения структуры якобы превращаются в особый фактор детерминации материальных систем, действующий независимо от количественных изменений объектов¹⁹. Например, аллотропические и агрегатные состояния Ф. Энгельс объяснял различной группировкой молекул²⁰, т. е. тем, что сейчас называется структурой. А изменения структур, или группировки молекул, «основываются,— пишет Ф. Энгельс,— на большем или меньшем количестве [Menge] движения, сообщенного телу»²¹. Поэтому тезис о детерминирующей роли количественных изменений может быть применен и к способам синтеза систем. Прибавлением и вычитанием и их сочетанием можно изменить число элементов, интенсивность их свойств и связей, взаимодействий, а через них изменить качество, а соответственно и структуру системы.

Диалектические скачки и проблема направленности развития. Диалектика количественных и качественных изменений представляет дальнейшую конкретизацию понятия развития как возникновения, становления и разрешения противоречий. Рассмотренные виды скачков и входящих в них отрицаний и способов синтеза новых систем с присущими им новыми качествами позволяют раскрыть содержание понятия развития со стороны необратимых количественных и качественных изменений, которые реализуют такую существенную характеристику, как *направленность* любого процесса развития в областях неживой, живой природы и общественной жизни.

И здесь возникает важнейшая методологическая и теоретическая проблема: в чем заключается различие и сходство, а также связь направленности движения и направленности развития, законов движения и развития?

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 385.

¹⁹ См.: Агудов В. В. Количество, качество, структура.— Вопросы философии, 1967, № 1, с. 59—68.

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 385.

²¹ Там же.

Любому движению объекта присуща направленность, имеющая свои особенности в качественно различных формах движения, на разных уровнях организации материи. В наиболее простом, механическом движении направленность имеет векторный характер: пространственно-временные векторы — в кинематике, векторы сил, импульсов и моментов импульсов — в динамике. А в химических процессах направленность представляет собой избирательность, или предпочтительность («выбор»), протекания реакций. В живом организме направленность присуща процессам обмена веществ, движению крови, потокам информации и т. п. Поведение растений и животных в среде в виде поисков света, влаги, пищи, движения по овладению тем или иным агентом — все это характеризуется направленностью от «возможности к действительности» (отношения потребности к их реализации). Наконец, поведению отдельных индивидов и их групп в обществе присуща *целенаправленность*, зачатки которой есть уже у животных.

В неорганической природе направленность движения объектов имеет локальный в пространстве и дифференциальный по времени характер, т. е. направление задано лишь на ограниченном участке пути и в промежутке времени. Локальный и дифференциальный характер движения в механике и физике вытекает из принципов близкого действия и наименьшего действия. Например, луч света в неоднородной прозрачной среде проходит путь за минимальное время с затратой минимума энергии. Локальная и дифференциальная направленность движения тел, заданная в каждой точке пространства и времени, реализуется в индивидуальных траекториях их движения в зависимости от внутренних и внешних условий движения. Такого рода направленность находит свое выражение и в понятии марковских процессов. Для последних характерно то, что каждое последующее состояние движущегося тела зависит лишь от предыдущего состояния и не зависит от его истории, поскольку она не отражена в этом состоянии. Объекты неживой природы способны сохранять следы от прошлых воздействий, но у них нет ни прошлого опыта, ни функции, аналогичной памяти, т. е. они не способны к выбору и использованию того или иного фрагмента прошлой истории. Не имея прошлого опыта и функции его использования, неживые тела в направленности своего движения не ориентированы на

будущие результаты движения. Преодоление узких рамок физического близкодействия и расширение пространственно-временного диапазона направленности, а также ориентация на конечный результат возможны лишь на основе качественно нового типа отражения — сигнально-информационного, присущего живым системам²².

В чем состоит направленность развития и каковы условия и механизм ее формирования?

Если объекты рассматривать за промежутки времени t , которые малы по сравнению с полным временем их существования T , т. е. $t \ll T$, то их индивидуальные траектории движения или поведения настолько разнообразны, что не представляется возможным обнаружить какую-либо регулярность, их общую направленность. Иная ситуация, когда движущуюся систему объектов мы рассматриваем в интервале времени, соизмеримом с временем ее существования: $t \sim T$. Для объектов неорганической природы это время зависит от величины полной энергии системы, которая постепенно уменьшается до некоторого предела. При этом выделяются три стадии существования систем — стадия рождения и становления системы, стадия «зрелости», когда ее параметры приближаются к экстремальным, и, наконец, стадия нисходящая, заканчивающаяся распадом или качественным превращением в другую систему. Такова, например, «судьба» радиоактивных веществ, звезд, галактик. Для живых существ — это время их индивидуальной жизни, ограниченное накоплением необратимых деструктивных изменений; время существования отдельных популяций, целых сфер флоры и фауны. Поэтому *полное время существования системы взаимодействующих объектов есть существенный параметр*, характеризующий временные границы ее меры, т. е. представляющий ее временную меру. Время полного существования системы взаимодействующих объектов, или же однопорядковое, соизмеримое с ним время, логично именовать собственным историческим временем, а понятие исторического времени считать диалектико-материалистической категорией теории развития. Каждому качественно определенному типу систем объектов соответствует свое историческое время. Научные данные свидетельствуют о том, что за длительные промежутки

²² См.: Анохин П. К. Методологическое значение кибернетических закономерностей. — В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968, с. 577—586.

времени, соизмеримые с временем существования системы взаимодействующих объектов, необратимые изменения как количественные, так и качественные в виде отдельных событий, последовательных цепей скачков интегрируются в зависимости от внутренних и внешних условий в общую направленность или тенденцию изменений в рамках меры данного объекта или системы объектов. Иначе говоря, направленность развития, вырастая из направленных движений, имеет интегральный характер.

Тенденция или направленность развития выражается в виде изменения *специфических характеристик* — свойств, функций, связей; в виде формирования новых устойчивых свойств, зависимостей, структур. Эти специфические интегральные характеристики направленного развития отличны от параметров движения (скорости, ускорения, энергии, импульса, момента импульса и др.). В неорганической природе к интегральным характеристикам развития относятся средняя плотность вещества, сложность состава и строения систем.

Общая направленность эволюции живой природы выражена в изменении главной характеристики — в совершенствовании самосохранения существ путем их приспособления к среде в соответствии с основным противоречием между организмом и условиями существования, между наследственностью (устойчивостью) и ее изменчивостью. Приспособленность разных таксономических единиц живого, в свою очередь, имеет направленность изменений разных свойств и функций путем повышения их сложности и вариативности, надежности функционирования. Имеются линии повышения уровня и степени организованности строения, функционирования и поведения, повышения роли внутренних факторов, автономности существования и поведения, расширения ареала распространения. Разнообразные частные линии восходящего развития имеют свои критерии восходящей направленности. Существуют и тупиковые ветви эволюции.

В формировании направленности развития существенны не только необратимые качественные, но и необратимые количественные изменения, которые накапливаются под влиянием относительно регулярных воздействий до границ меры, или точек разрешения соответствующего противоречия. Чем ниже уровень организации материи, чем более простой является форма движения материи, тем в большей степени обратимые процессы преобладают

над необратимыми. В неорганической природе это преобладание обратимых изменений выступает в виде циклических процессов и более крупных круговоротов. Однако круговороты, воспроизводящие и повторяющие основные черты материальных систем, не абсолютно тождественны в силу интеграции необратимых процессов.

Так, даже в локальном участке солнечной системы — на Земле — при стационарном движении Луны вокруг Земли приливное трение, возникающее за счет притяжения водных масс Луной, постепенно замедляет вращение Земли вокруг своей оси. И накопление этих необратимых количественных изменений в системе Луна—Земля за время, соизмеримое с ее историческим временем, необходимо приведет к качественно новому состоянию. Подобные накопления необратимых количественных, а затем и качественных изменений все большего масштаба происходят и в других космических системах нашей Галактики и Метагалактики, в которых ведущей направленностью эволюции признается, согласно современным астрономическим данным, рассеяние вещества и энергии, остывание и излучение, уменьшение средней плотности вещества²³, хотя, вероятно, не существует единой глобальной направленности эволюции во всей Вселенной.

Следующая особенность и условие формирования направленности развития в отличие от локальной направленности движения состоит в том, что противоречия становятся решающим фактором детерминации направленности развития лишь в *системе взаимодействующих объектов*. При этом как отдельные объекты (элементы системы), так и система в целом являются открытыми для взаимодействий с другими объектами и системами и без этих взаимодействий развиваться не могут. Например, эволюционирует не отдельная биологическая особь или множество организмов, принадлежащих тому же виду, но реально взаимодействующая система организмов, т. е. популяция. Отдельный же организм развивается как представитель популяции (и вида); онтогенез воспроизводит основные этапы филогенеза, и в то же время индивидуальные изменения вносят вклад в процесс видообразования.

²³ См.: Амбарцумян В. А. Нестационарные объекты во Вселенной и их значение для космогонии.— Земля и Вселенная, 1968, № 4, с. 5. Заметим, кстати, что именно такая направленность эволюции обусловила возникновение и развитие жизни.

Для любой открытой и вместе с тем относительно самостоятельной системы на каждой качественно определенной стадии, фазе, этапе ее эволюции направленность развития определяется как ведущими, внутренними факторами, и прежде всего *основными и главными противоречиями*, так и *внешними условиями, внешними противоречиями*.

К внутренним условиям относятся качество и количество элементов и их связей (взаимодействий), противоречия в динамической организации системы. К внешним условиям относятся: стационарные условия, т. е. условия, не меняющиеся или незначительно меняющиеся со временем; медленно и направленно меняющиеся условия (например, остывание поверхности планет и их разогрев за счёт ядерных реакций обеспечили образование высокомолекулярных углеродистых соединений как предпосылку предбиологических систем); изменчивые условия, вызывающие случайные для тех или иных объектов изменения, в частности деструктивные.

Внутренние детерминирующие факторы, процессы, противоречия, внутренние условия в целом «задают» некоторый набор возможностей (линий) развития, а превращение одной из этих возможностей в действительность определяется сочетанием внутренних факторов с внешними условиями.

Анализ взаимосвязей количественных и качественных изменений в процессах развития, и в первую очередь проблемы направленности развития, позволяет дать определение развития в широком смысле слова. Развитие системы (в широком смысле) — это связанная последовательность таких ее необратимых количественных и качественных изменений и входящих в них диалектических отрицаний, вызванных внутренними и внешними взаимодействиями и противоречиями системы, которые в зависимости от сочетания внутренних и внешних условий синтезируются по новым (отличным от движения) параметрам в общую направленность изменения системы за время, соизмеримое с временем ее существования. Короче говоря, *развитие — последовательность таких необратимых количественных и качественных изменений открытой системы взаимодействующих объектов, которые складываются в общую направленность изменений этой системы за ее собственное историческое время*.

Диалектическое понимание развития дает методологические ориентиры для дифференцированного анализа и предсказания процессов развития систем в разных областях действительности.

Прежде всего, необходимо вскрывать «внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества»²⁴. Это означает исследование основного противоречия в пределах меры данного объекта и главных противоречий на качественно различных этапах его созревания, анализ разрешения этих противоречий, т. е. анализ механизмов скачков. При этом следует учитывать как специфику содержащегося в скачке диалектического отрицания старого качества, старой системы, так и способы синтеза нового качества, или, иначе говоря, виды преемственности между старым и новым, что и как отрицается: качество или количество элементов и связей или же их организация, структура; отрицаются ли элементы путем перехода их в среду, в другую систему или путем их трансформации в иные образования. При анализе способов конструктивного синтеза нового системного объекта также следует различать синтез нового на основе изменения числа или качества элементов и связей или того и другого. Перечисленные разновидности отрицания и синтеза, в свою очередь, имеют свои разновидности.

Если в цепи скачков, содержащих в себе отрицания старого и синтеза нового, обнаруживается повторяемость, преемственность старого и нового, то при учете характера действия устойчивых внешних факторов можно с некоторой вероятностью выявить направленность развития по тому или иному параметру. Прогнозирование направленности развития зависит не только от учета условий синтеза нового и отрицания старого, содержащихся в скачках, но также от учета такой интегральной характеристики, как «спиралевидный» характер развития, что составляет важнейшую сторону содержания закона отрицания отрицания.

Из сказанного выше вытекает ряд выводов о соотношении понятий движения и развития.

С одной стороны, процессы развития отличаются от процессов движения по их параметрам, по характеру на-

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

правленности. С другой стороны, развитие систем вырастает из взаимодействий, представляя специфический интегральный эффект движения, реализующийся за собственное историческое время данной открытой системы.

Для развития существенны не любые процессы изменения, движения, а *необратимые количественные* и особенно *качественные* изменения. При этом в развитие вносят вклад те необратимые качественные изменения, которые обеспечивают *преемственность* со старым качеством по характеру способов отрицания старого и синтеза нового, входящих в стадию скачка.

Движение объектов носит в большей степени локальный (движение отдельных объектов системы) и дифференциальный характер (в каждый момент или достаточно малый промежуток времени задано направление движения). А процесс развития как синтетический эффект отдельных движений системы объектов на значительно большем промежутке времени в большей степени носит *интегральный* характер.

3. ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Наша эпоха, открывшая эру сознательного переустройства общества, дает богатый материал для обобщения пройденного человечеством пути и осмысления настоящего в его подлинно исторической перспективе, под углом зрения возможностей радикально нового типа социального прогресса. В такой переломный период естественна острота постановки принципиальных мировоззренческих проблем, отражающих глубинную диалектику исторического процесса: связи нового и старого, будущего и прошлого, отрицания и сохранения, преодоления и возвратов, преемственности и поступательности, единства и различия, целостности и открытости.

Перечисленные проблемы касаются таких существенных моментов процесса развития, которые в своей органической взаимосвязи образуют специфическое содержание фундаментального закона диалектики — закона отрицания отрицания.

Всестороннее исследование названного закона — прежде всего под углом зрения его роли в последовательном проведении принципа историзма, который концентрирует в себе мировоззренческо-методологическую специфику материалистической диалектики, — весьма актуально в современной исторической ситуации, требующей научного постижения противоречивого хода человеческой истории в закономерном единстве ее качественно различных этапов.

В главе рассматриваются некоторые аспекты закона отрицания отрицания, важные с точки зрения научно-философского осознания историчности мира и человеческого бытия.

Общая характеристика закона. Как известно, первая отчетливая формулировка закона отрицания отрицания как всеобщего закона диалектики принадлежит Гегелю, в системе которого он, однако, получил объективно-идеалистическую интерпретацию. Основоположники марксизма включили данный закон — в материалистически переос-

мысленной, критически переработанной форме — в свою философскую теорию, раскрыв его как закон развития прежде всего материального мира и человеческой предметной деятельности, а на этой основе и мышления, познания. «Истинные законы диалектики,— писал К. Маркс в письме к И. Дидгену,— имеются уже у Гегеля — правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы»¹. Согласно Ф. Энгельсу, отрицание отрицания представляет собой «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления»². В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» начинает изложение основных черт диалектического понимания развития именно с закона отрицания отрицания: «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания“), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии»³, а в «Философских тетрадах», перечисляя основные элементы, характеризующие объективную диалектику и ее отражение в познавательном процессе, включает в их число «повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и ...возврат якобы к старому (отрицание отрицания)»⁴.

Некоторое время назад имела место известная недооценка закона отрицания отрицания и даже трактовка его как пережитка гегельянства, остатка гегелевской терминологии и т. п. Это не могло не сказаться на общем уровне понимания данного закона и его места и роли в системе диалектико-материалистической философии (а также, неизбежно, и на уровне понимания самой диалектики). В настоящее время исследовательский интерес к указанному закону растет⁵, однако нельзя не признать, что ему не уделяется еще того внимания, которое соответствует глубине его содержания, его действительному мировоззренческому и методологическому значению.

Исследование закона отрицания отрицания сталкивается с трудностями, коренящимися в его чрезвычайной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 456.

² Там же, т. 20, с. 145.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

⁴ Там же, т. 29, с. 203.

⁵ Обзор отечественной философской литературы, посвященной анализу закона отрицания отрицания, его различных аспектов и связей с другими законами диалектики, см.: Харин Ю. А. Закон отрицания отрицания.— Философские науки, 1979, № 4, с. 110—119.

сложности и многогранности. Если закон единства и борьбы противоположностей указывает на источник развития, а закон перехода количественных изменений в качественные и обратно — на один из аспектов (характер стадий, этапов) возникновения нового в ходе развития, то закон отрицания отрицания *охватывает целостную форму и внутреннюю структуру процесса развития во взаимосвязи его основных фаз, единый механизм его восхождения через разрешение противоречий в синтезе*⁶.

Кстати сказать, с синтетическим характером закона отрицания отрицания связана особая сложность его выявления и эмпирического подтверждения, порождающая порой и у некоторых марксистских авторов сомнения в его всеобщности. Данный закон как выражение единства последовательно сменяющих друг друга фаз развития обнаруживается лишь в контексте целостного процесса развития, т. е. исследование его предполагает умение выделить этот объективный процесс в его внутренней логике и расчлененности, найти тот особый поворот, или ракурс, в котором связь исследуемых конкретных явлений и этапов предстает как *специфическая связь развития*, образуемая развертыванием основного в рамках данного цикла диалектического противоречия и его разрешением в синтезе.

В силу своего интегрального характера рассматриваемый закон объединяет в себе противоречия процесса развития, сплавливая их в живой ритм диалектической поступательности, органично связывая такие противоположные моменты, которые при одностороннем и метафизическом подходе «распадаются» и кажутся несовместимыми. Это касается прежде всего соотношения моментов отрицания и отрицания отрицания. Можно ли осуществить отрицание, отрицая его; не превращается ли отрицающее себя отрицание во что-то прямо противоположное себе, не ли-

⁶ В философских работах по диалектике, как правило, отмечается этот более общий, интегральный характер закона отрицания отрицания, который по богатству своего содержания, по охвату существенных сторон процесса развития может сравниться с диалектическим методом в целом. «Ни закон перехода количественных изменений в качественные и обратно, ни закон единства и борьбы противоположностей не дают общей, синтетической картины развития... Применение закона отрицания отрицания позволяет охватить и понять процесс развития в его полноте и конкретной целостности» (История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1974, с. 226).

шается ли оно тем самым действенной критической силы?

За этим вопросом стоит глубокая противоречивость процесса развития, в котором даже такой его момент, как отрицание, реализуется в противоречащей ему форме, в форме отрицания себя. Подобного же рода вопросы встают и при анализе таких характерных моментов рассматриваемого закона, как возвраты к исходным пунктам, повторения пройденных ступеней. Если ход развития выражается в смене старого новым, в движении от прошлого к будущему, то возвраты, повторения «поворачивают» процесс к старому, прошлому. Но можно ли действительно уйти от старого, возвращаясь к нему, преодолеть прошлое, повторяя его?

В этой связи показательны попытки современных буржуазных и ревизионистских критиков материалистической диалектики, особенно из числа сторонников так называемой негативной диалектики, противопоставить отрицание — отрицанию отрицания, доказать несовместимость закона отрицания отрицания с подлинно критической позицией, с революционной установкой на радикальный, бескомпромиссный разрыв с прошлым, старым, который возможен будто бы только через «тотальное отрицание», «великий отказ» и т. п. Такое исключение из диалектики названного закона свидетельствует, помимо прочего, о том, что в своей научной, материалистической форме он не интегрируется в буржуазное философское сознание, остается за пределами его мировоззренческих возможностей. Неоправданно связывая закон отрицания отрицания только с «позитивистской» концепцией прогресса (порок которой усматривается в том, что она, укореняя будущее в наличном, новое в старом, не обладает тем самым радикальным понятием перехода к новой исторической ступени), представители «негативной диалектики» (Г. Маркузе, Т. Адорно и др.) остаются в лучшем случае в плену его гегелевской трактовки, т. е. не идут дальше той его идеалистической мистификации, которая действительно лишает его подлинно критической силы и революционного смысла, превращая в конечном счете в средство философского разложения и восстановления наличной эмпирии⁷.

Важно подчеркнуть, что такое одностороннее толкование закона отрицания отрицания, отказывающее ему

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 157.

в праве на адекватное выражение критической и исторической позиции, во-первых, не является некоторой частной операцией, но существенно затрагивает весь состав диалектики. Абсолютизация негативно-разрушительной силы отрицания деформирует весь ее категориальный аппарат, который, утрачивая синтезирующую основу, рассыпается на метафизические противопоставления противоположностей: утверждения и отрицания, внешнего и внутреннего, нового и старого, целостности и процесса, возможности и действительности и т. п. В поток всеобщего, ничего не удерживающего разрушительного движения втягивается и сама диалектика, вырождаясь в «логику распада»⁸. Во-вторых, подобные философские конструкции весьма красноречиво обнаруживают свою классовую природу. История последних десятилетий наглядно продемонстрировала их объективную функцию и роль в идеологической дезориентации «движений протеста». Эти обстоятельства по-своему — «от противного» — указывают на неразрывную связь закона отрицания отрицания с теоретическим содержанием и классово-исторической определенностью материалистической диалектики, которая именно в силу своего революционного характера не сводится к отрицанию старого, но «включает в себя и сохранение его безусловного содержания, победу *положительного ядра* над силой распада»⁹.

Отрицание отрицания как истинная форма диалектического отрицания. Значение закона отрицания отрицания в составе материалистической диалектики выражается прежде всего в том, что благодаря ему раскрывается и реализуется сущность *диалектического* отрицания как важнейшего момента процесса развития. «Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹⁰, — писал К. Маркс. Но в том-то и дело, что в реальных процессах развития отрицание «прежних форм существования» осуществляется их переходом в такое другое, которое сохраняет не-

⁸ См.: Социальная философия Франкфуртской школы. М., 1975. «В некотором смысле Адорно добился своей цели: его „негативная диалектика“ предельно негативна, отрицая саму себя и превратив себя в свою собственную противоположность. Диалектика перестала быть диалектикой, и ее место заняла метафизика неразрешимых противоречий» (Там же, с. 121).

⁹ *Лифшиц М.* Карл Маркс: Искусство и общественный идеал. М., 1972, с. 37.

¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 297.

обходимую генетическую связь с тем, что отрицается. *Критичность* диалектического отрицания подтверждается как раз его *созидательным* смыслом, его ролью в содержательном развертывании процесса: «От утверждения к отрицанию — от отрицания к „единству“ с утверждаемым, — без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом»¹¹.

Исследование этой стороны развития, реализуемой законом отрицания отрицания, в настоящее время чрезвычайно актуально именно в связи с распространением субъективистско-волюнтаристских концепций диалектики, односторонне подчеркивающих прерывность, скачки, спонтанность, беспредпосылочность, превращающих отрицание из момента связи — в момент абсолютного разрыва, из момента развития — в момент, начисто разрушающий внутреннее единство процесса, т. е. фактически сводящих диалектику как раз к «голому отрицанию, игре или скепсису», к теоретическому обоснованию «ориентации на абсолютное насилие, на бунт, на политический и культурный нигилизм»¹². Здесь особенно рельефно выступает необходимая (хотя, разумеется, не прямая, проявляющаяся в различных многократно опосредствованных формах) сопряженность теоретической трактовки диалектики с классовой природой философского сознания.

В материалистической диалектике, которая служит философским обоснованием сознательного исторического творчества, диалектическое отрицание понимается как необходимо несущее в себе также и сохраняющую, конструктивную силу. Поэтому оно реализуется именно через отрицание отрицания, посредством него. Диалектического отрицания в собственном смысле — как момента связи, момента развития¹³ — нет без отрицания отрицания: убрав второе, нельзя удержать первого.

Первое отрицание само по себе (абстрактно взятое) не выражает еще специфики развития, не обнаруживает его спонтанного механизма. Только через отрицание отрицания противоречие действительно развертывается в качестве движущей силы определенного процесса развития, разрешаясь в некоторый положительный результат, в нечто новое. Другими словами, первое отрицание не дает еще единства процесса: лишь благодаря его внутренней

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 208.

¹² Баталов Э. Я. Философия бунта. М., 1973, с. 41.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

связи со вторым формируется это единство, опирающееся на «удержание положительного». Эту необходимую соотнесенность первого и второго отрицаний специально подчеркивал Ф. Энгельс: «...первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным»¹⁴. Диалектическая природа первого отрицания (его причастность развитию) выявляется и подтверждается не иначе, как его связью со вторым, необходимым отношением ко второму, возможностью второго. Отрицание отрицания образует, таким образом, специфическую структуру диалектического отрицания как фактора, производящего цельность и поступательность процесса развития.

Отрицание — чрезвычайно важный элемент диалектики, которая, как отмечал К. Маркс, включает его в позитивное понимание существующего. Но оно — не обрыв преемственной связи со старым, не «голое ничто»: оно выполняет действительную конструктивную функцию в качестве условия высвобождения нового «из недр старого». Его конкретность, определенность выражается в содержательной связи его и с тем, что отрицается, и с тем, что рождается в форме нового синтеза как результат разрешения старых противоречий. В реальных процессах развития отмирание старой формы совпадает с полаганием исторических предпосылок для нового: одного нет без другого. «Когда капитал — не какой-нибудь определенный капитал, а капитал вообще — только еще образуется, процесс его образования есть процесс разложения и продукт распада предшествующего ему общественного способа производства»¹⁵. В свою очередь, возникающие в рамках капитализма материальные и духовные элементы нового общества обнаруживают начало разложения условий капиталистического способа производства, которые выступают как «устраняющие себя». Внутренние противоречия выражают преходящий характер некоторого явления (процесса) тем, что несут в себе возможности его перехода в *свое* другое. Поэтому недостаточно только констатировать противоречия — необходимо «объяснить их происхождение, развитие и тенденцию»¹⁶, т. е. довести признание противоположностей и их борьбы до раскрытия

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 145.

¹⁵ Там же, т. 26, ч. III, с. 516.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 226.

способа их разрешения в синтезе, дающем начало качественно новому процессу.

Таким образом, отрицание отрицания не сводит на нет отрицание в процессах развития, не «притупляет» его, не лишает революционно-критической силы — но как раз реализует его в качестве фактора, участвующего в рождении подлинно нового. Действительно критическая позиция — это не просто отказ, отречение, неприятие: это также умение «совершать положительную работу для образования нового мира»¹⁷, что необходимо предполагает опору на преемственно развиваемую основу исторического процесса.

Единство преемственности и поступательности в развитии. Процессы развития специфически характеризуются тем, что они совершаются не как прямое линейное движение (скольжение от одного к другому, вытягивание цепочки звеньев все дальше и дальше), а замыкаются в известной мере на себя, воспроизводя свои условия, свои особые предпосылки в качестве собственного результата. Возникший капитал, пишет К. Маркс, создает предпосылки, являющиеся уже *«не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия»*. Для своего становления капитал больше не исходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки для своего сохранения и роста»¹⁸. Этим элементом круговорота создается преемственное единство процесса, воплощающееся в его конкретно-всеобщей основе, или субстанции, которая не является чем-то изначально данным и неизменным, но непрерывно производится, восстанавливается и обогащается ходом самого процесса.

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» обращает особое внимание на этот — всеобщий, субстанциальный — аспект развития, в котором находит свое существенное выражение его диалектический характер. Показателен отрывок из Гегеля, который В. И. Ленин приводит, отмечая, что он «очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»: «Всеобщее составляет основу, поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном методе *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении,

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 378.

¹⁸ Там же, т. 46, ч. I, с. 448.

в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя»¹⁹.

Особенность гегелевской диалектики (обусловленная и заключенным в ней «громادным историческим чутьем» и — одновременно — присущим ей панлогизмом, «логическим преформизмом») состояла в чрезмерном выдвигании на первый план субстанциального характера развития, сращенности процесса с его всеобщей основой, которую Гегель толковал идеалистически, сводя ее к духу, т. е. в материалистической интерпретации к отчужденному от человека и мистически превращенному в самостоятельный субъект абстрактному мышлению. Гегель абсолютизировал эту сторону развития, в результате чего последнее лишилось своих действительных субъектов и представало разворачиванием некоего изначально предсуществующего содержания: в ходе развития «полагается лишь то, что уже имеется в себе»²⁰; весь процесс разворачивается в предзаданных границах: «подобно тому как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю»²¹. Здесь гипертрофирован момент сбережения, сохранения, а отрицание сведено к некоторому опосредствующему моменту, исчезающему в возвращении к началу, т. е. лишено действительного конструктивного значения, не является источником рождения подлинно нового, но служит лишь средством самоутверждения исходной ложной позитивности.

Однако гегелевская мистификация ни в коей мере не может служить основанием для недооценки, а тем более игнорирования субстанциального аспекта развития. Поскольку процесс развития возникает, как таковой, постольку необходимо зарождается его общая основа, аккумулирующая и «откладывающая» в себе его прошлое, — в силу чего и становится возможной специфичная именно для процесса развития диалектика поступательности и

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 212.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л., 1929, т. I, с. 226.

²¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л., 1935, т. VIII, с. 18.

возврата, восхождения и преемственности, единичного и общего, непосредственного и опосредствованного.

Когда развитие понимается только как линейный ряд изменений некоторого единичного объекта, выпадают из поля зрения те факторы, элементы, внутренние «пружины» процесса, посредством которых формируется его преемственное единство, «удерживается» его прошлое, в качестве основы будущего, ткется содержательная связь восхождения. Остается в тени тот аспект развития, который складывается как бы «за спиной» единичных объектов, но через посредство которого они только и могут выступать действительными носителями процесса. Этот аспект развития неразрывно связан с таким существенным моментом закона отрицания отрицания, как *снятие*, с помощью которого, собственно, и утверждается субстанциальная основа процесса, накапливающая в себе энергию его развертывания.

Закон отрицания отрицания обнаруживает свою силу, свое специфическое действие в диалектической взаимообусловленности преемственности и поступательности. «Диалектика вообще состоит в отрицании *первого* положения, в смене его *вторым* (в переходе первого во второе, в указании связи первого с вторым etc.)»²². Тем самым ход развития предстает как совпадение отрицания — и удержания, движения вперед — и возвратного движения, дальнейшего определения начала — и его обоснования, приближения к нему. Здесь поступательность реализуется через возвращение как непрерывное восстановление внутреннего единства процесса. Так, в закономерном развитии общественного целого, экономической формации «всякая предпосылка общественного процесса производства есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка»²³. Этим совпадением противоположных движений (смыканием предпосылки с результатом, и наоборот) и создается относительная целостность процесса развития как условие его продолжения и самопреодоления. В диалектической взаимосвязи преемственности и восхождения ведущей стороной служит восхождение, но базой ее возможностей является преемственно складывающаяся субстанциальная основа процесса.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 208.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 534.

В этом плане отрицание отрицания может быть рассмотрено в качестве фактора, образующего специфику *времени развития*. Поскольку развитие выступает как процесс одновременно и восходящий и возвращающийся, постольку в нем прошлое, настоящее и будущее не располагаются линейно одно после другого и не сменяют друг друга одно за другим: они, напротив, пронизывают и обуславливают друг друга. В диалектическом развитии имеет место не просто «убегание» будущего от прошлого, а их противоречивое смыкание, и чем выше форма развития, тем глубже будущее захватывает прошлое в качестве своего потенциала, своего базиса. Поэтому показателем уровня развития оказывается не только способность производить новое,— но и способность удерживать, сберегать, ассимилировать старое,— т. е. широта и глубина той субстанциальной основы, на которую данный особенный процесс опирается и которая определяет в конечном счете его возможности и границы.

Такое понимание имеет не только чисто теоретическое значение для объяснения процессов развития; оно дает соответствующую философско-мировоззренческую основу для выбора путей революционно-творческого действия, практического созидания нового. Яркий пример — решение В. И. Лениным практической проблемы становления новой социалистической культуры в борьбе с течением пролеткультовцев, которые намеревались создавать «чистую» пролетарскую культуру, не «запятнанную» эксплуататорским миром, т. е. как раз метафизически противопоставляли, отрывали друг от друга новое и старое, будущее и прошлое и тем самым обрекали себя в конечном счете на бесплодное разрушение. Раскрывая несостоятельность этой, в сущности своей реакционной утопии, В. И. Ленин писал: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»²⁴. Рост возможностей будущего диалектически опосредствуется накоплением прошлого, как и наоборот. Опора на прошлое и выход в будущее предполагают друг друга и переходят друг в друга.

Эта особенность временных отношений развития, связанная со спиральной формой процесса, получает наибо-

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 462.

лее полное выражение в общественной истории, в развитии человеческой культуры, взятой в ее глубинном единстве. История культуры предоставляет обширнейший материал, показывающий, как движение вперед, созидание новых форм опосредствуется уже достигнутым, старым, находя в нем необходимую опору и импульсы (так что сама задача сбережения, спасения, воссоздания, извлечения из «тьмы прошедшего», возрождения выступает существенной творческой задачей); и как в равной мере уже достигнутое, ставшее, непрерывно опосредствуется актуальным восходящим движением, каждый конкретный шаг которого включает прошлое в новые содержательные связи, тем самым одновременно и изменяя, и удерживая его, выявляя в нем новые грани и сохраняя.

Объективно складывающийся ход развития, реализуя одни возможности, оставляет поле неосуществившихся, несвершившихся возможностей. Возвраты назад, к исходным пунктам, к «началам», и предстают как бы формой «вычерпывания» нереализованных возможностей.

В ритме процессов, развертывающихся через отрицание отрицания, соотношение старого и нового не сводится к тому, что новое отбрасывает старое, прорывает его, выходит за его пределы и т. п.; это соотношение тоньше и глубже: старое есть не только нечто свершившееся, ушедшее — оно таит в себе многообразие непроявленных качеств, нераскрывшихся тенденций, «неразбуженных» потенций и в этом смысле составляет потенциал нового, фонд восхождения.

Можно сказать, что человеческое творчество — как исторически преемственное наращивание богатства культуры — не оставляет позади себя свое прошлое, но дает ему вечно новую жизнь.

Отрицание отрицания как выражение фазы синтеза. Целостность и открытость развития. Выше отрицание отрицания рассматривалось как истина диалектического отрицания, реализующего единство поступательности и преемственности в процессах развития. Теперь рассмотрим отрицание отрицания под углом зрения необходимой взаимосвязи относительно самостоятельных фаз, или стадий, развития в рамках некоторого относительно завершенного цикла. Здесь отрицание отрицания непосредственно совпадает с особой, выделенной во времени фазой процесса, выполняющей функцию синтеза предшествующих фаз («тезиса» и «антитезиса»), снятия их односто-

ронности в новом содержательном единстве. С этим существенным аспектом закона отрицания отрицания связана традиционная проблематика триады, возвратов как «совпадения» начала с концом и конца с началом, а также принципиальный вопрос о совместимости таких характеристик развития, как целостность и открытость.

Представление о возврате — одно из древнейших, с помощью которых человеческая мысль открывала и осваивала процессуальность мира. Возникнув первоначально в составе мифологического сознания как отражение природных ритмов (суточных и годовых циклов), жестко подчинявших жизнь человеческих коллективов, оно в дальнейшем получает философское оформление в идее закономерного круговорота вселенной, мироздания. Идея круговорота мировых явлений логически опирается на понятие субстанции, «первоначала» как того, из чего все исходит и во что все возвращается. Можно отметить, что уже здесь неясно проступают очертания тройственного ритма процесса как бесконечно повторяющихся циклов: исходное единое — разнообразие многих — возврат в единое. Чтобы имел место возврат, необходимы исходное состояние и отход от него — его отрицание; возврат выступает в этом смысле своего рода отрицанием отрицания. Таким образом, идея возврата издавна улавливала общие контуры закона отрицания отрицания, осмысливая движение через форму троичности.

Однако в течение тысячелетий (первобытность, античность, в известном смысле средневековье) господствовали представления об абсолютной замкнутости круговорота сущих, возвратов к «первоначалу», которое тем самым обретало значение «конца» как границы, изначально очерчивающей круг возможностей для всего существующего. То, из чего все рождается и во что все возвращается, само по себе неизменно. Такое толкование развития существенно связано с трактовкой времени как циклического, т. е. по сути лишенного будущего. Циклическая концепция развития и времени утверждает в конечном счете неизменяемость мира, в котором будущее оказывается лишь проекцией прошлого ²⁵.

²⁵ См.: Гуревич А. Я. *Время как проблема истории культуры*. — Вопросы философии, 1969, № 3; Лосев А. Ф. *Античная философия истории*. М., 1977. «Даже Гераклит, более всех ощущавший движение времени, писал: „Этот миропорядок, один и тот же для всякого сущего, не создан никем из богов и людей, но он был и есть и бу-

Начиная с поздней античности получают развитие идеи линейного, «вытянутого» времени, оформляющиеся — в рамках христианства — в концепцию истории как драмы, последовательности необратимых, обращенных в будущее событий, объединенных высшим смыслом. Но христианская форма историзма в конечном счете глубоко антиисторична. Грехопадение человечества, образующее абсолютное начало истории, завершается столь же абсолютным концом — воссоединением «отпавшего» творения с творцом. Идея возврата к исходному всеединству через отрицание, «отпадение» — излюбленная идея мистики. Троичность в христианской догматике выражала и утверждала статичную сущность мира: отпадение мира от бога не только не рождало и не прибавляло нового бытия и новой истины, но, напротив, было только чем-то отрицательным — лишенностью, ущербностью, преодолеваемой лишь полным возвратом к богу ²⁶.

Антиисторическая сущность такого рода концепций выражается в характерной трактовке *отношения отрицания и возврата*: отрицание здесь подчинено абсолютному смыслу возврата, т. е. фактически лишено конструктивного смысла и продуктивной силы. Суть антиисторизма — не в самом по себе признании возврата, а в мистическом и метафизическом толковании его, которое имело вполне земные корни: догмат троичности в руках христианской церкви был способом оправдания существующего в его эле и отрицательности: зло мира освящалось как высочайшая неизбежность, как путь человечества к богу.

Если идея возврата — в самых различных ее формах и вариациях проходит через историю культуры, выступая

дет вечно живым огнем, в соответствии с мерой зажигающимся и в соответствии с мерой гаснущим» (фр. 30 по Дильсу). Таким образом, для греческой философии судьба-необходимость является коррелятом не времени, но вечности — непреходящего „теперь“, в котором все кругообороты сущего предзаданы и предсуществлены» (*Ошеров С. А.* История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия. — В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 318).

²⁶ «Столь характерный для библейской традиции мистический историзм на пределе своей кульминации обращается против самого себя. Поэтому для апокалиптика так важна идея абсолютного конца, когда все движущееся остановится, все открытое замкнется, все нерешенное будет решено и все спорящие стороны услышат свой вечный приговор» (*Аверинцев С. С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 272).

существенным элементом философских представлений о движении, развитии, истории, то это обусловлено тем, что она отражает в конечном счете реальную особенность объективной диалектики развития. «Движение и Werden,— отмечает В. И. Ленин,— вообще говоря, могут быть без повторения, без возврата к исходному пункту и тогда такое движение не было бы „тождеством противоположностей“». Но и астрономическое и механическое (на земле) движение и жизнь растений и животных и человека — все это вбивало человечеству в головы не только идею движения, но именно движения с возвратами к исходным пунктам, т. е. диалектического движения»²⁷.

Однако в действительных процессах развития имеет место не абсолютный (полный) возврат — но относительный, частичный, не точное повторение — но повторение на новом уровне: то, во что возвращается процесс, отличается от начальной формы, точка исхода и точка возврата не совпадают, и это их расхождение, дистанцирование выражает такое содержательное приращение процесса, в котором проявляется продуктивная сила диалектического отрицания как отрицания отрицания. «Истинное — естественное, историческое и диалектическое — отрицание как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) движущее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем... на основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени»²⁸. Взятый в конкретном контексте развертывания диалектического противоречия, возврат теряет мистическую окраску, телеологический пафос, смысл некоей абсолютной предопределенности, обращающей весь процесс назад, в прошлое. Он реализуется в разрешающем противоречие синтезе противоположных моментов конкретного процесса развития (его «положительной» и «отрицательной», «консервативной» и «разрушительной» сторон) — синтезе, который всегда выступает как *новое содержательное единство*.

Если развития нет без возникновения нового, без движения к будущему, то закон отрицания отрицания свя-

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 308.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 640—641.

зывает рождение нового с возвратом якобы к старому, выход в будущее — с «заходом» в прошлое, с повторением известных черт пройденных ступеней: возврат оказывается *формой восхождения*. Через отрицание отрицания осуществляется имманентный ритм развития; как «разрешающая форма движения противоречия и его конкретный результат»²⁹, оно выражает целостный ход развертывания диалектического противоречия (Ф. Энгельс и подчеркивает: «развитие путем противоречия, или отрицание отрицания, — спиральная форма развития»³⁰), которое в самом своем разрешении дает толчок дальнейшему развитию на основе зарождения новых противоречий.

Встречающаяся иногда односторонняя оценка закона отрицания отрицания, акцентирующая внимание на его идеалистической гегелевской трактовке, имеет под собой то реальное основание, что закон этот — именно в силу его синтетического характера — оказался в наибольшей степени мистифицирован, деформирован логикой спекулятивной конструкции: Гегель использовал его для построения философской системы как абсолютно завершенного в себе целого. В этом, однако, проявился не только идеалистический схематизм гегелевской диалектики: здесь заключено также рациональное зерно, состоящее в том, что форма развертывания философского содержания, ход движения мысли, воссоздающей всеобщую «архитектонику» бытия — «внутреннее воспроизведение мира в мышлении»³¹, — должны соответствовать всеобщему ритму диалектического движения, выражаемому отрицанием отрицания как актом «самоосуществления всякого бытия»³².

Ошибка Гегеля не в том, что он использовал закон отрицания отрицания для логической организации философского материала, философского мировидения; ошибка его — в ложности исходного пункта, в том, что он начинает не с реального бытия, а с абстракции бытия, «развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу закончившего своё дело мышления,—

²⁹ История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа, с. 222.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 343.

³¹ Там же, т. 40, с. 45.

³² Там же, т. 42, с. 155.

притом закончившего его в абстрактной сфере логики»³³. Гегель исходит из всеобщих логических определений, т. е. из того, что само является производным, вторичным продуктом предшествующего отрицания (отчуждения человеческой сущности). Это — такое начало, которое не содержит в себе действительной энергии самодвижения, поэтому и весь цикл отрицания отрицания оказывается мистически смещенным, лишенным реальной основы, сдвинутым на фазу: «То, что должно служить исходным пунктом, становится мистическим результатом, а то, что должно было бы получиться в качестве рационального результата, становится мистическим исходным пунктом»³⁴. Движение, отправляющееся от абстракции, возвращается — через отрицание отрицания — к абстракции, восстанавливает абстракцию, и результатом оказывается кружение абстрактного мышления в самом себе, «диалектика чистой мысли». Безжизненность, недействительность исходного пункта, начала находит свое необходимое и характерное выражение в том, что развитие в гегелевской диалектике «имеет абсолютный конечный пункт»³⁵.

В этом моменте с особой наглядностью обнаруживается принципиальное отличие материалистической диалектики от гегелевской. В гегелевской диалектике развитие имеет абсолютный конец — в материалистической последний абсолютно исключается. Вопрос этот не является второстепенным или формальным. Напротив, он существенно затрагивает важнейшие методологические и мировоззренческие аспекты диалектики. Идея бесконечности развития специфически связана с материалистической позицией и есть ее существенное выражение. Насколько для идеалистической диалектики характерно постулирование конца развития (абсолютности возврата), настолько для материалистической диалектики характерно признание «вечного развития мира»³⁶.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 232.

³⁴ Там же, с. 264.

³⁵ Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л., 1932, т. IX, с. 39.

³⁶ Показательно, что в послегегелевских буржуазных концепциях диалектики проблема совмещения целостности и открытости развития остается камнем преткновения. Буржуазная философская мысль колеблется между крайними позициями, абсолютизируя либо целое за счет развития и противоречий, которые относятся к сфере видимости, псевдобытия (Брэдли, Мак-Таггарт), либо, напротив, процесс, «принцип новизны», качественные изменения, рождающиеся из мистических «импульсов творческой потенции» (Александр,

Закон отрицания отрицания в его материалистической трактовке и позволяет понять «круг» развития как принципиально разомкнутый, диалектически соотнести такие равно необходимые характеристики развития, как целостность (относительная завершенность и закономерное единство его последовательно сменяющих друг друга циклов) и открытость. У Гегеля целое есть синоним абсолютной законченности, завершенности — круг, «в котором первое есть также и последнее, а последнее есть также и первое». На почве материалистического подхода целостность процесса, образуемая имманентной логикой развертывания его противоречий, является вместе с тем выражением его открытости: постичь единство процесса — это и значит раскрыть выводящую за его пределы историческую тенденцию, т. е. понять процесс в его самоотрицании. Здесь отрицание отрицания разрешается в такой синтез противоположностей, который дает выход в новое, включает в себя содержательное приращение как результат реального опосредствования борющихся противоположных сторон. Это значит, что в материалистической диалектике целостность и историзм не только не исключают друг друга, но взаимопредполагают: целостный подход есть условие исторического, а исторический — условие целостного. Исторический подход, правда, включает в себя «консервативный» момент оправдания некоторого явления «для своего времени и своих условий», — но не сводится к нему: оправдание снимается критикой, открывающей в «существующем» элементы его ниспровержения.

Главное состоит в том, что в материалистической концепции субстанциальная основа развития понимается не как predetermined и неизменная, но как такая, которая создается каждым шагом развития и является в подлинном смысле историчной. Внося в развитие элемент историчности, возвраты якобы к старому не упраздняют его поступательности: конец одного цикла становится началом другого — и процесс в целом обретает форму бесконечной спирали, сопрягающей вместе круговое и восходящее движения. Каждый цикл отрицания отрицания оказывается повернутым вперед, открытым для будущего, включенным так или иначе в вечное самообновление мира.

Уайтхед). См.: *Киссель М. А.* Учение о диалектике в буржуазной философии XX века, Л., 1970, а также главу 1 раздела IV настоящей книги,

Исторический смысл и мировоззренческая функция закона отрицания отрицания. В любой философской концепции развития так или иначе отражается отношение людей к условиям своего существования, мера их социальной активности (самодеятельности), характер их реального участия в истории.

Этот «человеческий подтекст» заметно обнаруживается в трактовках таких моментов развития, которые входят в содержание закона отрицания отрицания. Выше отмечалось, что абсолютизация таких черт развития, как возвраты, повторения, цикличность, философски отражала и санкционировала отношение людей к условиям своего бытия, как к тому, что лежит целиком в пределах прошлого: мир здесь видится фактически закрытым для будущего, лишенным истории как порождения новых возможностей. С другой стороны, понимание мира развивающимся, содержательно изменяющимся, «разомкнутым»; подступы к такому пониманию, как правило, связаны с формированием критической социально-исторической позиции, ориентирующей на будущее, на новые возможности общественного развития.

Если сопоставить различные формы диалектики (скажем, античную, гегелевскую и марксистскую) по уровню отражения ими сущности (объективного механизма) развития, то можно констатировать нарастание элементов историзма, глубины проникновения в факторы, конституирующие специфическую диалектику старого и нового, прошлого и будущего, данности и возможности,— что соответствовало в конечном счете переходу к более развитым формам общественной практики, открывавшим больший простор для человеческой активности.

Мир должен быть понят как открытый тому, чего не было и нет, принципиально незавершенный, чтобы в нем могла осуществляться человеческая деятельность в ее сущностных характеристиках как деятельность целеполагающая, т. е. обновляющая и обогащающая мир, вносящая в него нечто небывалое. В завершенном, замкнутом мире нет места для человека — в такой мир не может «вписаться» человек в качестве существа творческого, несущего в себе и реализующего новые возможности.

Диалектическое видение мира сопряжено с историческим самосознанием людей, развитие которого, естественно, предполагает соответствующую общественно-практическую основу.

Если закон отрицания отрицания был впервые четко сформулирован Гегелем, то это обусловлено глубоким историческим содержанием его диалектики, отразившей — в абстрактно-спекулятивной форме — отчуждение человека в труде как «становящуюся *родовую жизнь*»³⁷. Раскрывая заключенный в гегелевских построениях реальный смысл, К. Маркс отмечает, что здесь за отрицанием и отрицанием отрицания скрывается «отчужденное усмотрение *действительного опредмечивания* человека, действительного присвоения им своей предметной сущности путем уничтожения *отчужденного* определения предметного мира»; с одной стороны, Гегель нащупывает объективную основу категориального содержания в деятельности самоопредмечивания, с другой стороны, этот «действительный живой акт» — содержательная, конкретная, чувственная деятельность — получает у него абстрактное, бессодержательное выражение, сводится к связям логических категорий, оторванных от действительного человека и действительной природы, и «это движение в его абстрактной... форме, как диалектика, рассматривается как *истинно человеческая жизнь*»³⁸.

В пределах этой философской мистификации Гегель фиксировал такие существенные характеристики труда, благодаря которым реализуется его созидательная функция и разворачивается объективная диалектика истории как процесса самопорождения человека в труде. Труд в его исторической функции — хотя и сведенный к абстрактно-духовному труду — послужил той действительной моделью, которая позволила Гегелю проникнуть (до известной границы) в сущность диалектического развития и сформулировать в общей форме его основные законы, в том числе закон отрицания отрицания. Во взаимопереходах опредмечивания-распредмечивания, самоотчуждения и снятия отчуждения, объективации и субъективации Гегель улавливал механизм производства истории, — но, оставаясь в рамках отчуждения, «он нашел лишь *абстрактное, логическое, спекулятивное* выражение для движения такой истории, которая не есть еще *действительная* история человека как уже предположенного субъекта»³⁹.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 169.

³⁸ Там же, с. 169—170.

³⁹ Там же, с. 155.

В гегелевской форме диалектики логика и история остались в конечном счете дуалистически противопоставленными («все эти неизменные и неподвижные вечности не оставляют места для истории»⁴⁰), закон отрицания отрицания в гегелевской трактовке лишен подлинно исторического смысла — и это связано с ограниченностью тех социальных условий человеческой деятельности, за пределы которых гегелевская философия не вышла, оставшись их грандиозной философской санкцией.

Материалистическая трактовка закона отрицания отрицания, высвобождающая его глубокий диалектический смысл, выступает прежде всего в радикально отличном от гегелевского решения проблемы «начала» — того исходного положительного, которое — через отрицание отрицания — восстанавливается на новом уровне в качестве «посылки», которая «толкает *вперед*»⁴¹. Перенесение развития на реальную почву, возвращение ему его действительных субъектов открыли возможность научно-философского понимания сложнейших аспектов развития, выражаемых законом отрицания отрицания. Главное состоит в том, что включение данного закона в материалистический контекст позволяет действительно развернуть «отрицательную», революционно-критическую сущность диалектики, т. е. развить последнюю как форму последовательно исторического миропонимания.

Закон отрицания отрицания — это прежде всего закон реального бытия, реально протекающих процессов развития, и только благодаря этому он оказывается также законом мышления, которое не порождает из себя этот закон, но подчиняется ему постольку, поскольку воспроизводит в своем движении «диалектику вещей». Всеобщность закона отрицания отрицания лишь проявляется в том, что он есть и закон мышления, познания, но отнюдь не коренится в этом факте. Действительным подтверждением его всеобщности является не то, что он может быть представлен в виде некоей абстрактной логической схемы, а, напротив, конкретность его действия, выражающего развертывание своеобразных противоречий эмпирически протекающих процессов. Кстати, конкретная история представлений о движении и развитии позволяет конста-

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 138.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 211.

тировать следующую закономерность: первоначально господствующими были циклические представления (тесно связанные с экономическими, социальными и духовными особенностями породивших их культур); затем возникали, а, начиная с Нового времени, на волне мощно нараставшего капиталистического прогресса обрели перевес линейные концепции развития, утверждавшие возможность безграничного прогресса (классический буржуазный прогрессизм и эволюционизм). Разумеется, элементы линейных представлений всегда так или иначе присутствовали в циклических концепциях — так же как с возникновением линейных циклические вовсе не исчезли, но воспроизводятся в составе буржуазной культуры как отражение ее противоречий. И тем не менее можно, на уровне оправданного приближения, признать смену циклического мировосприятия отрицающим его линейным. Диалектико-материалистическая концепция развития, снимающая односторонности первого и второго в радикально новом духовном синтезе и дающая научную формулировку закону отрицания отрицания, в этой связи сама выступает как отрицание отрицания.

Охватывая в целом специфику процесса развития, закон отрицания отрицания определеннее проявляется там, где сама эта специфика достаточно развита. Естественно, что свое наиболее полное выражение он находит на ступени высшей формы развития — в историческом процессе человеческой предметно-преобразующей деятельности, поднимающейся до уровня сознательно-свободного творчества.

Отрицание отрицания выступает как бы слепком с живого ритма человеческой деятельности, которая не затухает, не «успокаивается», не исчерпывает себя в своем внешнем продукте, — но, напротив, воспроизводит себя в нем, поскольку продукт, вобравший в себя субъективную энергию, оказывается условием и моментом ее последующего развертывания. Это значит: человек объективирует, опредмечивает в ходе деятельности свои сущностные силы («отрицание») и, снимая объективацию, возвращается к себе как субъекту деятельности («отрицание отрицания») на новой, обогащенной основе, вобравшей в себя содержательный опыт осуществленного действия, т. е. возвращается к такому исходному пункту, с которого весь процесс может поступательно продолжаться вновь и вновь. Живой труд переходит в форму внешнего бытия,

человеческого продукта, но последний несет в себе породившее его движение: он реализует некоторую способность — вызывая к жизни новые способности, удовлетворяет известную потребность — порождая новые потребности, осуществляет определенную возможность — открывая горизонт новых возможностей. Поэтому общей формой процесса является не круг, а спираль, в каждом новом витке реализующая и полагающая свою открытость.

Здесь отрицание отрицания отчетливо предстает перед нами как механизм производства истории, производства исторической связи, воплощающейся в противоречивом единстве преемственности и восхождения, прошлого и будущего, действительности и возможности.

Можно сказать, что закон отрицания отрицания — наиболее историчный из законов диалектики: он выражает «сакраментальную формулу» развития, адекватным прообразом которой является историко-творческий процесс. И вместе с тем закон этот, охватывая общую форму, целостный ритм развития (фазы которого могут иметь самые различные пространственно-временные параметры в зависимости от конкретно-всеобщей основы процесса), позволяет выходить к обобщениям широкого исторического масштаба, постигать глубинную связь качественно различных и последовательно отрицающих друг друга ступеней процесса развития и таким образом вскрывать его объективную тенденцию, выводящую за границы данного состояния.

К. Маркс использовал закон отрицания отрицания при анализе исторической тенденции капитализма, выявляющей не только преходящий характер капиталистической формации, но и ее противоречиво-преемственную связь с предшествующей и последующей ступенями, ее специфическое место в историческом развитии как последней классово-антагонистической формы общества, которая подготавливает предпосылки и условия своего отрицания — перехода к коммунистической цивилизации. Капиталистическая частная собственность, пишет К. Маркс, «есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе

кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»⁴².

Это теоретическое обобщение, научно-философское осмысление общего хода истории, постигающее ее объективно-реальную перспективу, включает в себе ориентацию на определенное практическое — коммунистическое — движение, которое и осуществляет теоретически постигнутую необходимость, конкретно претворяет историческую возможность в историческую действительность.

Итак, закон отрицания отрицания не только не противоречит критическому пониманию существующего в перспективе будущего, но составляет важнейшее условие такого понимания и опирающейся на него революционно-созидательной деятельности.

⁴² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 773.*

4. ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ

Философские категории обретают свой настоящий смысл в условиях развитой системы конкретного знания, на определенном уровне развития науки и культуры. При этом взаимопереходы и взаимосвязи категорий отражают не только и не просто объективные связи и отношения объективной реальности, закономерности ее развития, но и этапы и закономерности развития знания и тех форм практики, на основе которых становится возможным соответствующий уровень всеобщности отражения объективных связей и отношений материального мира.

Будучи формами отражения всеобщих свойств и связей действительности, категории диалектики являются, таким образом, ступенями развития познания. Они сложились не все сразу, не все вместе, а в определенной последовательности, именно в той последовательности, в какой в процессе познания и практической деятельности происходило овладение всеобщими свойствами, условиями и связями действительности. Формируясь на определенной ступени развития практики и познания, каждая категория воплощает в себе, отражает особенности этой ступени развития познания и практики, закономерности познания на этой ступени и перехода на другую, более высокую ступень.

Таким образом, чтобы раскрыть в категориях диалектику развития материи и познания, необходимо рассматривать категории не изолированно, не рядомположно, а в их взаимосвязи. Только поставленные во взаимосвязь категории смогут воспроизвести в идеальной теоретической форме всеобщие закономерности движения и развития объективной действительности и познания.

Движение и покой. Развитие. Объективная реальность находится в постоянном движении, изменении. Однако она не лишена и устойчивости, состояний покоя. В отличие от движения, которое абсолютно, покой относителен, временен, возникает при определенных условиях и с ними исчезает. Покой свойственен не материи в целом,

а определенным отношениям материальных вещей (структурам), которые рано или поздно нарушаются непрерывно происходящими изменениями. Обосновывая абсолютность движения, Ф. Энгельс писал: «*Движение есть способ существования материи*, следовательно, нечто большее, чем просто ее свойство. Не существует и никогда не могло существовать материи без движения. ...Всякое равновесие либо является лишь относительным покоем, либо само представляет собой движение в равновесии, каким, например, является движение планет. Абсолютный покой мыслим лишь там, где нет материи»¹.

Абсолютное движение обуславливает постоянные изменения реальности, относительный покой вводит эти изменения в определенные рамки и тем самым обуславливает повторение одних и тех же циклов, в результате чего возникает относительно устойчивая система движения, на основе которой формируется качественно определенная вещь. «Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является,— подчеркивал Ф. Энгельс,— существенным условием дифференциации материи и тем самым существенным условием жизни»².

Таким образом, противоположность движения и покоя обуславливает дифференциацию материи на отдельные материальные образования и возникновение более высоких уровней организации материи. В силу абсолютности одной стороны данного противоречия (движения) и относительности другой (покоя) это противоречие, разрешаясь, иницирует развитие материи, постоянный переход ее от одних материальных образований к другим, от одних относительно устойчивых систем движения к другим. В самом деле, ни одна относительно устойчивая система движения не исчерпывает всех изменений, характерных для нее. В рамках «движения в равновесии» происходит множество других изменений, сама равновесная система оказывается неизбежно включенной в другие движения и т. д. До определенного времени все эти изменения не нарушают равновесия частей, образующих данную относительно устойчивую систему движения, и она продолжает существовать как качественно определенная вещь. Но, накапливаясь, изменения, происходя-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 631—632.

² Там же, с. 561.

щие в системе и с системой, нарушают ее равновесное состояние. Система преобразуется, исчезает, на ее основе возникают другие относительно устойчивые системы движения, которые на определенной ступени своего существования тоже разрушаются абсолютным движением, давая начало возникновению новых относительно устойчивых систем и т. д., без конца. Вне этих постоянно возникающих и исчезающих относительно устойчивых систем движения не существует материи. Соотношение последних, их переход друг в друга и в более высокие образования выражает обусловленную взаимодействием между абсолютным движением и относительным покоем тенденцию развития.

Развитие, таким образом, есть результат динамической взаимосвязи абсолютного движения и относительного покоя, обуславливающей дифференциацию материи на отдельные материальные образования (относительно устойчивые системы движения) — вещи — и их постоянный (вечный) переход из одних в другие и в более высокие образования.

Противоречие как источник развития. Взаимодействие выступает в роли источника развития материальных образований, поскольку оно представляет собой противоречие, что составляет главное в содержании понятия «взаимодействия» как категории диалектики. В этом случае налицо отношение, в котором стороны, являясь относительно устойчивыми самостоятельными реальностями, обладающими противоположными направлениями действия, противоположными тенденциями, как бы исключают друг друга. Если же при этом они находятся в неразрывной взаимосвязи, они составляют диалектическое единство противоположностей.

Все это характерно и для внутренних и для внешних взаимодействий. Последние, вообще говоря, лишь относительно внешни, поскольку каждая вещь существует в какой-то системе связей с другими вещами, и изменение этой системы может привести или к соответствующему изменению вещи, изменению тех или иных ее свойств, или к ее исчезновению, превращению в другую вещь, в другое материальное образование. Иными словами, бытие каждой конкретной вещи зависит от других вещей, с которыми она находится во взаимодействии, и в рамках этого взаимодействия имеет место их единство, выступающее и в форме взаимополагания (невозможности сущест-

вования друг без друга), и в форме совпадения в способах существования (поскольку они являются образованиями единой материи и в связи с этим подчиняются одним и тем же всеобщим законам движения и развития), и в форме тождества (при наличии общей природы они при соответствующих условиях переходят друг в друга).

Поскольку каждая вещь представляет собой систему взаимодействующих элементов и существует лишь в строго определенной системе взаимодействий с другими вещами, ее внутренняя природа и внешние формы поведения противоречивы. Противоречие, таким образом, выступает в качестве всеобщего закона бытия материи, обуславливая ее постоянное развитие, переход от низшего к высшему. В самом деле, противоречие является основой возникновения всякой вещи (каждое материальное образование возникает в результате взаимодействий соответствующих реальностей, обладающих противоречивыми тенденциями) и ее развития (изменение ее сущности, переход на новую, более высокую стадию существования обуславливается развитием взаимодействий между противоположностями), основой превращения ее в другую вещь (преобразование данной вещи в другую является следствием столкновения противоположностей на определенной стадии развития их взаимодействия, разрешения противоречия).

Всякое материальное образование представляет собой сложное целое. В момент его возникновения, как правило, взаимодействует множество факторов, обладающих различными противоположными тенденциями. Поэтому в каждом материальном образовании содержится множество противоречий в различных формах и на различных стадиях его развития; оно, по существу, — система противоречий. Каждая вещь, подчеркивал В. И. Ленин, выступает «как сумма и единство противоположностей»³, и ее развитие есть «борьба respective развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc.»⁴.

Среди всего многообразия противоречий, свойственных вещи, необходимо выделять основные противоречия, разрешение которых обуславливает изменение сущности вещи, ее превращение в качественно другую вещь. В от-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

⁴ Там же.

личие от основных противоречий неосновные определяют только локальное развитие вещи: их разрешение обуславливает изменение состояний вещи в рамках той же самой ее сущности. И если развитие осуществляется на основе возникновения и разрешения соответствующих противоречий, то именно основные противоречия выполняют функцию источника этого развития⁵.

Причина и следствие, необходимое и случайное в процессе развития. Определив развитие как результат взаимодействия, мы тем самым признали взаимодействие причиной изменений, возникающих во взаимодействующих материальных образованиях, а возникновение и развитие последних — следствием этой причины.

При соответствующих условиях взаимодействующие материальные образования вызывают соответствующие изменения друг в друге. Более того, при этом могут возникнуть новые, возможно более сложные материальные образования, а прежние объекты превратиться в элементы нового целого, новой относительно устойчивой системы движения. Взаимодействие элементов, образовавших целостную систему, по отношению к ее специфическим свойствам выступает как причина, а появление и существование этих свойств — как следствие.

В том случае, когда взаимодействие тех или иных материальных образований, вызывая соответствующие изменения их свойств, не лишает их относительной самостоятельности, мы имеем дело с взаимодействием как с внешней причиной изменения. Когда взаимодействие материальных образований приводит к возникновению новой целостной системы, оно выступает в качестве внутренней причины изменения.

Мысль о том, что именно взаимодействие является причиной происходящих в мире изменений, обосновал впервые Ф. Энгельс, преодолев тем самым ограниченность в понимании причинности механистическими материалистами, которые в качестве причины рассматривали лишь внешнее воздействие. Согласно учению механистических материалистов, получалось, что причина каждого явления находится не в нем самом, а вне его, в другом явлении, вещи⁶. Показывая ограниченность данного представле-

⁵ Подробнее см. главу 1 раздела III настоящей книги.

⁶ Здесь следует заметить, что учение о причине как вещи, действующей на другую вещь, оказалось очень живучим и сохранилось вплоть до сегодняшнего дня.

ния о причине, Ф. Энгельс подчеркивал, что все процессы природы предполагают по меньшей мере два действующих друг на друга фактора, что причина всякого изменения представляет собой не одностороннее действие, а взаимодействие. «Все процессы природы,— писал он,— двусторонни: они основываются на отношении между, по меньшей мере, двумя действующими частями, на действии и противодействии»⁷.

Понимание причины как взаимодействия имеет большое мировоззренческое значение, позволяет объяснить все происходящие в мире изменения без привлечения каких-либо потусторонних, находящихся вне материального мира сил, показать, что материя причину своих изменений, своего развития имеет в себе.

Развивая мысль о взаимодействии, как конечной причине всех изменений материи, ее вечного самодвижения и развития, Ф. Энгельс писал: «Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... Так естествознанием подтверждается то, ...что взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать. Раз мы познали формы движения материи... мы познали самую материю, и этим исчерпывается познание»⁸.

Будучи взаимодействием материальных образований (вещей или элементов, образующих одну и ту же вещь), появление причины во времени всегда предшествует появлению следствия — изменений во взаимодействующих образованиях (элементах), ибо требуется определенный (в каждом отдельном случае свой) интервал времени, прежде чем то или иное взаимодействие даст результат, вызовет соответствующее изменение. Если бы между взаимодействием и его результатом (соответствующими изменениями) не было определенного временного интервала, не было бы никакой истории, никакого развития. Между тем часто высказывается мысль, что причина и следствие возникают одновременно, что пока не появилось

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 404.

⁸ Там же, с. 546. Об этом см. также: Свечников Г. А. Категория причинности в физике. М., 1961; Он же. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971.

следствие, не может быть и причины⁹. Эта мысль, учитывая фактор взаимодействия, не учитывает, однако, временной интервал как условие изменения (процесс появления следствия). Подчеркивая одновременность появления причины и следствия, А. И. Уемов и С. В. Остапенко спрашивают: «...почему требуется ждать появления действия, когда уже существует все, что для него достаточно?»¹⁰.

Ответить на этот вопрос нетрудно, если признать, что причина — это не только вещь, а прежде всего взаимодействие, т. е. сами действия как процессы, протекающие в пространстве и во времени. Поэтому речь должна идти и о вещах, которые налицо и вступили в контакт, и о временном соотношении действий вещей (взаимодействий) и возникших в результате этого изменений. В первом случае одновременность имеется, но здесь налицо только момент возникновения причины — вступление тех или иных вещей (факторов) во взаимодействие, но нет еще причинно-следственной связи. Во втором же случае, где мы имеем дело с причинно-следственной связью, одновременности нет. Сначала возникают действия (взаимодействие) тех или иных материальных образований (событий), а затем появляется их результат — изменения во взаимодействующих материальных образованиях¹¹.

Известно, что, если есть причина, следствие наступает неизбежно. Причинная обусловленность является одной из форм существования необходимости. Данная мысль подчеркивается многими авторами¹². Но если связь при-

⁹ См.: Уемов А. И. О временном соотношении между причиной и действием: Борьба против индетерминизма в квантовой механике и временное соотношение причины и действия. Иваново, 1960; Поликаров А. Относительность и кванты: Философские проблемы современной физики. М., 1966, с. 389—447; Парнюк М. А. Детерминизм диалектического материализма. Киев, 1967; Еразтин А. В. О направлении времени во вселенной. — В кн.: Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1969, вып. 5, с. 18—25.

¹⁰ Уемов А. И., Остапенко С. В. Причинность и время. — В кн.: Современный детерминизм: Законы природы. М., 1973, с. 225.

¹¹ Убедительную, на наш взгляд, критику концепции одновременности появления причины и следствия см.: Аскин Я. Ф. Время и причинность. — Вопросы философии, 1966, № 5, с. 74—84; Он же. Философский детерминизм и современная наука. — Философские науки, 1973, № 2, с. 159—161; Он же. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.

¹² См.: Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М., 1959; Проблема причинности в современной физике. М.,

чины со следствием всегда необходима и причинная обусловленность изменений является всеобщим законом развития материи, то не следует ли из этого вывод об отсутствии объективного существования случайности? В самом деле, как согласовать необходимый характер причинно-следственной связи с объективным существованием случайности?

Причина со следствием связана необходимо. Если есть причина, следствие наступает неизбежно. Если те или иные материальные образования вступили во взаимодействие, соответствующие изменения наступают неизбежно. Если два атома водорода вступили во взаимодействие с атомом кислорода при соответствующих условиях, образование молекулы воды неизбежно. Но если водород вступит во взаимодействие с хлором, неизбежно образуется хлористо-водородный газ, с фтором — фтористый водород. Далее, если пропустить через электролит электрический ток, на электродах будут выделяться вещества, и не любые, а строго определенные. Если общество разделилось на классы, возникновение государства неизбежно.

Однако если связь определенного взаимодействия причины с его результатом — соответствующими изменениями (следствием) — необходима, то всегда ли необходимо возникновение данного взаимодействия? Необходима ли встреча взаимодействующих материальных образований между собой? Обуславливается она природой материальных образований или внешними факторами, течением обстоятельств?

В одних случаях встреча и соответственно вступление во взаимодействие тех или иных материальных образований является необходимой, обусловлена их природой, в других случаях она обусловлена внешними факторами, течением обстоятельств. Например, взаимодействия людей в процессе производства и распределения материальных благ, возникновение классов, имеющих противоположные интересы, и классовой борьбы на известной стадии развития общества являются необходимыми. Необходимыми, вытекающими из природы живых организмов, являются их взаимодействия с факторами окружающей

1960, с. 5—130, 360—426; *Свечников Г. А.* Категория причинности в физике; *Пахомов Б. Я.* Необходимость и случайность, возможность и действительность в причинных связях. — В кн.: Современный детерминизм: Законы природы, с. 165—188; *Райбекас А. Я.* Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977.

среды, необходимыми являются взаимодействия протонов и электронов в атоме, взаимодействие планет между собой и солнцем в солнечной системе. Случайным является столкновение отдельных молекул газа, случайна ошибка единичного измерения, случайно попадание в организм тех или иных болезненных микробов и т. п. «Для отдельного животного случайпо, где оно родилось, какую среду оно находит вокруг себя для жизни, какие враги и сколько именно врагов угрожают ему. Для материнского растения случайно, куда ветер разносит его семена, для дочернего растения случайно, где находит себе почву для прораствания то зерно, из которого оно вырастает...»¹³

Итак, случайное существует не в отношениях причин с их следствиями, а в процессах, связанных с образованием причин. Но все элементы взаимодействия, составляющего какую-либо случайную причину, имеют свои причинно-следственные ряды, которые обусловили их включение в данное взаимодействие. Каждый такой причинно-следственный ряд является необходимым, случайным является его пересечение с другими причинно-следственными рядами. Случайность, таким образом, порождается в моментах пересечения необходимых причинно-следственных рядов, где как раз и образуются новые причины, включаются во взаимодействия новые элементы¹⁴.

Случайное взаимодействие, обусловившее возникновение новой относительно устойчивой системы, становится необходимым моментом ее природы, определяющим направление ее развития. Но рано или поздно случайные взаимодействия приводят к образованию еще более сложных систем, превращаясь в необходимые звенья (стороны) их сущности и так или иначе проявляясь на поверхности через случайные свойства и связи, и т. д., без конца. Например, случайная встреча и взаимодействие друг с другом определенных микрообъектов при соответствующих условиях приводит к образованию атомов того или иного химического элемента. Взаимодействие микрообъектов здесь вначале выступает как случайная причина, затем, с образованием атомов, она превращается в необходимую причину. Такой переход будет иметь место и в случаях образования молекулы того или иного веще-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 535.

¹⁴ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. пропзведения, М., 1956, т. II, с. 323.

ства в результате взаимодействия соответствующих атомов, в случаях образования более сложных систем в результате взаимодействия молекул, появления живых систем в результате взаимодействия химических соединений и т. д. Материя, таким образом, развивается через постоянный переход случайного в необходимое и необходимого в случайное.

Так, на основе взаимодействий и вызываемых ими изменений материальных образований, развертывания и пересечения причинно-следственных рядов выявляется диалектика необходимого и случайного, их взаимосвязь и взаимопереходы в процессе развития материи¹⁵.

Итак, взаимодействие является конечной причиной всех происходящих в мире изменений, перехода материи из одного устойчивого состояния в другое, от простого к сложному, от низшего к высшему. Связь причины со следствием всегда необходима. Однако в области образования причин имеет место случайность. Причина первоначально появляется как внешняя по отношению к взаимодействующим реальностям, вещам, как случайное взаимодействие. С образованием на основе этого взаимодействия новых относительно устойчивых систем она превращается во внутреннюю причину, в необходимое, в момент их сущности. Выступая на поверхности через изменение определенных свойств, проявляющихся в процессе взаимодействия данного материального образования с другими, его окружающими материальными образованиями, она превращается для них во внешнее, случайное, в тот или иной момент явления. Возникновение на базе этих новых взаимодействий более сложных материальных образований обуславливает превращение внешнего, случайного во внутреннее, необходимое и т. д. — без конца. Материя развивается через взаимодействия, обуславливаемые ими изменения вещей, образование все новых и новых причинно-следственных рядов, появление в моментах их пересечения случайностей, обуславливающих текучесть, изменчивость явлений, их превращение в необходимые стороны сущности материальных образований, возникающих на смену исчезнувшим.

Отдельное и общее в процессе развития. Как было отмечено, каждая вещь представляет собой относительно

¹⁵ Интересный анализ диалектики взаимосвязи причинности, необходимости и случайности содержится в работе Б. Я. Пахомова (см.: Современный детерминизм: Законы природы, с. 165—188).

устойчивую систему движения, вследствие чего она не просто сосуществует с другими вещами, а воздействует на них и на себе испытывает их воздействия, т. е. находится с ними во взаимодействии. Эти взаимодействия вызывают в ней соответствующие изменения, проявление определенных свойств. Поскольку у каждого материального образования свой круг вещей, с которыми оно находится во взаимодействии, в нем возникают такие изменения, которые в полной мере не повторимы у других вещей, т. е. оно приобретает такие свойства, которые характерны только для него и отсутствуют у других вещей. Эти свойства составляют единичное в вещи. Единичное, таким образом, это то, что принадлежит только одной вещи.

Но будучи частью материи, одним из бесчисленного множества ее образований, каждая отдельная вещь подчиняется единым законам движения и развития материи и обладает множеством свойств, повторяющихся у других вещей, материальных образований. Повторяющееся в вещи, то, что принадлежит многим вещам, составляет общее.

Общее и единичное, таким образом, представляют собой различные стороны, свойства, характеристики отдельных материальных образований, вещей — отдельного. Вне отдельного (отдельных вещей) они не существуют. Существовая в отдельном в качестве его сторон, свойств, единичное и общее не просто сосуществуют, а находятся в органической взаимосвязи и взаимозависимости. Отдельное, таким образом, представляет собой единство единичного и общего. Оно обладает соответственно противоположными тенденциями: единичное имеет тенденцию не повториться, общее — повториться в других вещах.

Поскольку всякое отдельное (материальное образование) возникло в результате преобразования других отдельных (образований, вещей) и содержит их в снятом виде в своей природе (так же как содержит в себе и возможность превращения в другие отдельные материальные образования), оно (отдельное) существует только в той связи, которая ведет к общему, т. е. представляет собой звено в бесконечной цепи развития материи, перехода ее из одних устойчивых состояний в другие, от одних материальных образований к другим. Раскрывая диалектику общего и отдельного, В. И. Ленин писал: «...отдельное не существует иначе как в той связи, кото-

рая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»¹⁶

Говоря о связи отдельного и общего в процессе развития материи, перехода ее от одних отдельных образований в другие, мы должны отметить, что существует и иная точка зрения, отождествляющая отдельное с единичным. Подобное возможно в рамках номиналистической концепции единичного и общего, согласно которой реально существует только единичное, общего же вообще нет, оно представляет собой «пустой звук», «сотрясение воздуха» и т. п. Поскольку общего, согласно этой концепции, в объективной действительности нет, постольку отдельные, чувственно-конкретные вещи всецело единичны. А если это так, то нет никакой связи между отдельными материальными образованиями, они возникают независимо друг от друга, существуют определенное время и исчезают. Не обладая общим между собой, они не могут превратиться друг в друга и обеспечить преемственность в смене одного материального образования другим. При такой постановке вопроса невозможно превращение единичного в общее и само развитие.

Номиналистическое решение проблемы соотношения общего и отдельного не является диалектическим. Признавая реальное существование общего в отдельном, т. е. находясь на позициях диалектического материализма, содержание отдельной вещи нельзя свести к единичному, ибо в ней наряду с единичным, присущим только ей, существует и то, что повторяется в других вещах, т. е. общее, и оно (общее) играет не второстепенную роль в отдельном (в вещи), а составляет ее сущность.

Сторонники отождествления отдельного с единичным вместе с тем отождествляют общее с целым, с целостной системой, считая единичное (отдельное) частью целого, ее элементом¹⁷. При этом обоснование необходимости

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

¹⁷ См.: Солопов Е. Ф. Материя и движение. Л., 1972, с. 111; Фурман А. Материалистическая диалектика: (Основные категории и законы). М., 1969, с. 37.

рассмотрения общего как целого они видят в том, что каждая отдельная вещь не существует изолированно от других, а находится с ними в органической связи и образует целостную систему и что эта последняя оказывает определенное воздействие на каждую отдельную вещь, входящую в целое, и определяет ее сущность, так что невозможно понять общую природу вещи, ее сущность, не рассматривая ее в качестве элемента (части) целого, в которое она входит. А если это так, рассуждают сторонники данной точки зрения, то и общим надо считать не то, что указывает на тождество данной вещи с другими вещами, а само целое, целостную систему¹⁸.

Что касается того, что природа всякой отдельной вещи зависит от целого, частью которого она является, это верно, но от этого целое не становится общим. Оно представляет собой отдельное материальное образование, которое обладает и неповторимыми, присущими только ему, и повторяющимися в других материальных образованиях свойствами, т. е. является единством единичного и общего, так же как единством единичного и общего является и каждая вещь, входящая в это целое. Разумеется, при раскрытии природы, сущности каждой отдельной вещи надо учитывать, что она зависит от целого, в которое входит в качестве части или элемента. Но это не только не исключает того, что совокупность необходимых свойств и связей, составляющих сущность отдельной вещи, будет повторяться у каждой вещи (представляющей собой аналогичное материальное образование и входящей в качестве элемента в аналогичное целое), наоборот, это обстоятельство предполагает повторение. В самом деле, указанные свойства являются необходимыми для вещи, а важнейшей чертой необходимого, как известно, является неизбежность появления при соответствующих условиях.

Могут сказать, что если под общим понимать повторяющееся, то в диалектике общего и отдельного нельзя выразить зависимости природы вещи от целого. Это верно. Но должно ли соотношение категорий «общее» и «отдельное» выражать эту зависимость? Думается, что нет. Она хорошо выражается через взаимосвязь других категорий, а именно части и целого, элемента и структуры, причем

¹⁸ См.: Югай Г. А. О категории субстанции в марксистской философии.— В кн.: Проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1968, с. 86—87.

отражение этой закономерности является необходимым моментом диалектики указанных категорий. Зачем же подменять данные категории категориями общего и отдельного?

А дело в том, что если понимать под общим повторяющееся, то невозможно отличить внешнее общее, простое сходство, которое чаще всего бывает случайным, от подлинно общего, которое по природе присуще вещи, составляет ее сущность,— критерий повторяемости не позволяет нам провести такое разграничение. И хотя это действительно так, ничто, однако, не мешает воспользоваться для названного разграничения другим критерием, именно тем, который мы применяем при различении необходимого и случайного, внешнего и внутреннего, наконец, сущности и явления. Больше того, мы просто обязаны использовать этот критерий в процессе анализа общего. Например, определяя место и роль той или иной общей стороны (свойства или связи), выявленной у исследуемого материального образования, мы должны ее осмыслить через категории «внутреннее» и «внешнее», «необходимое» и «случайное», наконец, «основа» и «обоснованное». Познание сущности исследуемого объекта, выявление диалектики взаимосвязи образующих ее моментов (сторон и отношений) происходит не только через категории «общее» и «отдельное», но через всю совокупность категорий.

Итак, рассмотрение отдельного через призму его соотношения с общим позволяет раскрыть генетическую связь отдельного с предшествующими ему во времени материальными образованиями, а также и с последующими, которые придут ему на смену, определить его место в цепи развития материальных образований в рамках того или иного структурного уровня материи, его соотношение с другими структурами. Этот аспект рассмотрения отдельного показывает, что каждая вещь, будучи конечной, преходящей, содержит в себе момент бесконечного, вечного, выступает в качестве одной из его конкретных форм, в качестве одного из моментов бесконечного процесса развития материи¹⁹.

Качество и количество, содержание и форма, элемент и структура в процессе развития. Каждая отдельная вещь

¹⁹ Анализ данного аспекта взаимосвязи общего и отдельного содержится в кн.: *Босенко В. А. Диалектика как теория развития*. Киев, 1966, с. 19—54.

представляет собой единство того, что указывает на ее сходство с другими вещами, и того, что указывает на ее неповторимость, индивидуальность. А все, что придает определенность вещи, указывает на ее сходство с другими вещами и на отличие от них, называют свойствами вещи.

Свойства, характеризующие вещь, не одинаковы. Одни из них указывают на то, что она собой представляет, другие — на ее величину, размеры. Совокупность свойств, указывающих на то, чем вещь является, составляет ее качество; совокупность же свойств, указывающих на величину вещи, ее размеры, составляет количество.

Поскольку свойства вещи существуют лишь в определенной системе ее взаимодействий с другими вещами, в определенной системе связей, постольку ее качественные и количественные характеристики зависят от этой системы. Изменение системы отношений, в которых находилась вещь, приводит к изменению этих характеристик. В одной системе отношений (взаимодействий) вещь представляет собой одно, в другой — другое, в третьей — третье и т. д.

Через категории «качество» и «количество», так же как и через любые другие парные категории диалектики вещь осмысливается полностью, без остатка. Все, что есть в вещи, составляет и качество и количество и соответственно (при осмыслении через другие категории) — единичное и общее, причину и следствие, необходимое и случайное, сущность и явление, конечное и бесконечное и т. д.

Когда категорию «качество» отождествляют с категорией «сущность», исходя из того, что качество рассматривается как внутренняя, т. е. неотделимая от вещи, определенность. Но, вообще говоря, определенность вещи включает в себя не только качественные, но и количественные характеристики, т. е. все необходимое, без чего вещь не может существовать. И если это так, то внутренняя определенность вещи есть не качество, а сущность. Сущности же противостоит не количество, а явление, в содержание которого входит все, что проявляется на поверхности вещи в результате ее взаимодействия с другими вещами, т. е. несущественные свойства. Стало быть, качество является внутренней определенностью вещи вместе с количеством, и не только внутренней, но и ее внешней определенностью. Качество — единство внутренней и внешней определенности. Изменение свойств

вещи в силу изменения ее связей, взаимодействий с другими вещами представляет собой изменение ее внешней определенности, внутренняя же определенность сохраняется, в связи с чем сохраняется и сущность вещи. Значит, у вещи есть внешнее качество, которое существует, пока остаются неизменными условия существования вещи (система ее связей с другими вещами), и которое изменяется, превращается в другое качество с изменением этих условий, системы связей²⁰, и внутреннее (основное) качество, которое составляют необходимые свойства вещи, указывающие на то, что она собой представляет. Внешнее качество зависит от внутреннего (основного), но не только от него, а и от предметов, с которыми вещь взаимодействует.

Качественная определенность существенным образом зависит от количества элементов, образующих вещь, силы взаимодействий между ними и вызываемых этими взаимодействиями изменений количественных характеристик тех или иных ее сторон. Но качество вещи определяется не только количеством элементов, ее образующих, но, в свою очередь, и их качеством, не только силой взаимодействия, но и его характером, не только степенью изменения той или иной стороны, но и тем, что она собой представляет. Одним словом, качественная определенность вещи обуславливается и количественными и качественными характеристиками элементов вещи, их взаимодействиями и вызываемыми ими изменениями. Совокупность элементов, образующих вещь, их взаимодействий и вызываемых ими изменений представляет собой содержание вещи.

Но в процессе возникновения того или иного материального образования в результате взаимодействия соответствующих реальностей устанавливается определенная система отношений между этими реальностями, придающая возникающему образованию необходимую устойчивость и целостность. Совокупность относительно устойчивых отношений элементов, образующих вещь, в рамках которых осуществляются их взаимодействия и вызываемые последними изменения, составляет форму вещи.

Поскольку устойчивая система отношений вещи устанавливается в результате взаимодействия элементов, ее

²⁰ См.: *Туленов Ж.* Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974, с. 100.

образующих, и вызываемых им изменений, можно сделать вывод, что форма определяется содержанием — качеством и количеством элементов, образующих вещь, их взаимодействиями и вызванными этими взаимодействиями изменениями. Но, возникнув, форма приобретает определенную устойчивость и самостоятельность по отношению к содержанию. Будучи обусловлена природой взаимодействующих элементов, она в своей основе необходима и как необходимое составляет важнейшую сторону сущности вещи. Как относительно устойчивая система необходимых связей она оказывает непосредственное воздействие на содержание вещи, на протекающие в ней процессы изменения. На первых начальных ступенях существования материального образования, когда форма соответствует тем взаимодействиям и изменениям, которые ее вызвали к жизни, она обеспечивает его нормальное функционирование, способствует его развитию.

Но в связи с тем, что в результате взаимодействия элементов, образующих вещь, и самой вещи с другими окружающими ее материальными образованиями происходят непрерывные изменения в содержании, а система отношений, в рамках которых осуществляются взаимодействия, остается неизменной, возникает несоответствие формы содержанию, развивается противоречие между содержанием и формой.

В самом деле, будучи совокупностью взаимодействий всех протекающих в вещи процессов, содержание имеет тенденцию непрерывно изменяться, форма же, являясь относительно устойчивой системой отношений, имеет тенденцию оставаться неизменной. Эти явно противоположные тенденции формы и содержания в начальный момент возникновения вещи не обнаруживают себя. Но с появлением несоответствия формы содержанию они начинают проявляться в виде несущественного различия, затем, по мере накопления изменений в содержании и усиления несоответствия, они переходят на стадию существенного различия. Дальнейшее углубление несоответствия формы содержанию приводит к тому, что форма из фактора, способствующего развитию вещи, превращается в фактор, препятствующий ему. На этой стадии противоречие между содержанием и формой выступает в виде соотношения противоположностей. Усиление «борьбы» между содержанием и формой в процессе функционирования материального образования приводит к ломке существующей си-

стемы связей и образованию новой, соответствующей изменившемуся содержанию. Таким путем разрешается противоречие между старой формой и развившимся в ее рамках новым содержанием. С разрешением противоречия между содержанием и формой происходят коренные качественные изменения не только в форме, но и в содержании, преобразуется материальное образование в целом.

Процесс ломки старой формы и образования новой представляет собой скачок, переход вещи в новое качество. Какие бы изменения в содержании вещи ни произошли, ее основное качество остается тем же самым, если не подверглась изменениям форма. Преобразование основного качества вещи начинается с изменения формы. Диалектика содержания и формы, таким образом, показывает механизм взаимосвязи количественных и качественных изменений, раскрывает природу скачка.

Когда мы говорили о диалектике содержания и формы, мы имели в виду взаимосвязь элементов, образующих вещь, их взаимодействий и вызываемых последними изменений в вещи, с одной стороны, и относительно устойчивой системы отношений, образующих структуру вещи, с другой стороны. Но при более детальном исследовании содержания возникает необходимость в выявлении отношений между отдельными моментами содержания и его структурой, в частности элементами, образующими вещь, и устойчивой системой связей, в которой они находятся. Диалектика этих отношений отражается в категориях «элемент» и «структура».

Элемент — это относительно устойчивая, качественно определенная реальность, находящаяся во взаимосвязи с другими относительно устойчивыми, качественно определенными реальностями и образующая вместе с ними целостную систему. Структура — это относительно устойчивая система связей элементов, образующих целое (вещь). Учитывая, что связь является необходимой стороной отношения, которое включает в себя и обособленность, раздельность, структуру можно определить и как совокупность устойчивых отношений между элементами²¹. Наконец, поскольку структуру образуют необхо-

²¹ См.: Системные исследования: Ежегодник. М., 1969, с. 64; Системные исследования: Ежегодник. М., 1970, с. 23; Категория структуры в системе философских понятий. Свердловск, 1973, с. 9—10.

димые общие устойчивые отношения, связи, обусловленные природой взаимодействующих элементов, которые отражаются через категорию «закон», постольку структуру можно представить и через совокупность законов, выражающих связь элементов в целостной системе²².

Элементы и структура взаимообуславливают друг друга: характер связи между элементами, образующими целое, система их отношений в рамках целого зависят от природы элементов, их качества и количества; с другой стороны, качество элементов, их свойства, место, роль и значение в целом в определенной мере зависят от системы связей, в которых они находятся, от структуры целого. Изменение элементов, составляющих то или иное целое, их количества и качества обуславливает изменение структуры, а появление новой структуры обуславливает соответствующие изменения в элементах, в нее входящих, у них появляются новые свойства, новые качественные и количественные характеристики.

Взаимосвязь элементов и структуры представляет собой единство противоположностей: элементы, находясь в непрерывном взаимодействии между собой, имеют тенденцию постоянно изменяться, структура — оставаться устойчивой, неизменной. На определенной ступени развития этого противоречия, когда усиливающееся несоответствие структуры изменившимся элементам делает ее несовместимой с ними, происходит ломка старой структуры и установление новой²³. Формирование новой структуры знаменует собой переход материального образования в новое качественное состояние, на новую ступень развития²⁴. Здесь проявляются те же закономерности, что и при взаимосвязи содержания и формы. И это не случайно. Элементы представляют собой содержание (важнейшую его сторону), структура выступает в качестве формы (внутренней ее стороны). Диалектика взаимосвязи элементов и структуры, таким образом, представляет

²² См.: *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962, с. 11; *Муравлев Н. Я.* Методологическое значение категории структуры в познании биологических процессов. — В кн.: Симметрия, инвариантность, структура: (Философские очерки). М., 1967, с. 101; *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964.

²³ См.: *Современные проблемы материалистической диалектики*. М., 1971, с. 124.

²⁴ См.: *Свидерский В. И.* Указ. соч., с. 43.

собой конкретизацию диалектики взаимосвязи содержания и формы, ее определенный аспект.

Соотношение изменчивых элементов с устойчивой структурой не охватывает закономерностей взаимосвязи взаимодействий элементов целого и его структуры. Между тем эти закономерности играют существенную роль в уяснении механизма функционирования и развития. Для отражения этой группы закономерностей возникли категории «структура» и «функция».

Понятие «функция» отражает воздействие друг на друга элементов целостной системы и ее взаимодействие с другими системами (вещами), обеспечивающее ее устойчивое существование²⁵.

Понятие «структура» в соотношении с понятием «функция» обозначает относительно устойчивую систему связей элементов, образующих вещь, включающую в себя в качестве определенных звеньев и сами элементы. Здесь структура выражает все устойчивое в вещи и противопоставляется взаимодействиям и обусловленным ими изменениям²⁶. Понимание структуры как единства элементов и отношений между ними встречается у ряда авторов²⁷. Правда, они не связывают его с диалектикой взаимосвязи структуры и функции, а рассматривают в качестве единственного категориального смысла данного понятия. Между тем это значение категория «структура» приобретает лишь в соотношении с категорией «функция».

Структура и функция — это взаимосвязанные моменты целостной системы, каждого ее звена. Всякая сформировавшаяся структура, предопределив место того или иного элемента в целостной системе, обуславливает и его функции, направление и характер взаимодействий. Но в процессе взаимодействий элементов, образующих целостную систему, и самой системы с другими материальными образованиями возникают соответствующие изменения во взаимодействующих элементах и в системе в целом. По

²⁵ См.: *Сетров М. И. Основы функциональной теории организации: Философский очерк.* Л., 1972, с. 31; *Мамзин А. С. О форме и содержании в живой природе.* Л., 1968, с. 149.

²⁶ См.: *Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения.* М., 1966, с. 268.

²⁷ См.: *Проблема причинности в современной физике*, с. 62; *Райбекас А. Я. Указ. соч.*, с. 160; *Сержантов В. Ф. Принцип структурности и его значение в физиологии.* — В кн.: *Вопросы диалектического материализма в теоретической медицине.* Л., 1962, с. 91—136.

мере накопления этих изменений начинают меняться функции отдельных элементов и самой системы. Изменение функций приводит к изменению структуры материального образования, переходу его на новую ступень развития или превращению в другое материальное образование²⁸.

Роли структуры и функции — противоположны. Структура выражает момент устойчивости, функция — движение, изменение, действие. Взаимосвязь структуры и функций представляет собой единство противоположностей, которое, являясь основой существования вещи, обуславливает ее функционирование и развитие. Взаимодействия элементов вещи в рамках сложившейся ее структуры и самой вещи с другими вещами, сохраняющие ее целостность, составляют функционирование материального образования; преобразование же структуры вещи в результате накопления изменений функций элементов, ее образующих, представляет собой момент развития — перехода вещи в новое качественное состояние, превращения ее в другую вещь. Осмысление вещи через призму категорий «структура» и «функция», таким образом, позволяет выделить в ее существовании стадии функционирования и развития. В свете этих категорий весьма правомерна постановка вопроса о необходимости деления всех законов на законы функционирования и законы развития²⁹.

Структура, в каком бы плане мы ее ни рассматривали (в соотношении ли с содержанием или с элементами, или с функцией), играет определенную роль в образовании и существовании вещи. Именно она превращает взаимодействующие материальные образования в элементы системы или в части целого. Для системы характерны расчлененность на элементы, определенный тип их взаимосвязи и целостность.

Понимаемая таким образом система оказывается тождественной вещи — расчлененному на относительно самостоятельные элементы целому, в котором эти элементы

²⁸ См.: *Аверьянов А. Н.* Система: философская категория и реальность. М., 1976, с. 148—149.

²⁹ См.: *Рожин В. П.* Законы марксистско-ленинской социологии. М., 1969; *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1973, с. 269—274; *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975, с. 123—172; *Гончарук С. И.* Законы развития и функционирования общества. М., 1977, с. 10—110.

находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. Мысль о сходстве понятия «система» с понятием «вещь» проводят А. И. Уемов, А. Я. Райбекас и др.³⁰

Будучи целостной системой, вещь не является изолированной от других вещей, она с ними взаимодействует и при соответствующих условиях становится элементом более сложных систем. А эти последние, взаимодействуя с другими целостными системами (вещами), образуют еще более сложные системы, превращаясь в их элементы, и т. д. без конца. В результате «материальный мир предстает перед нами в виде последовательных ступеней развития, образованных иерархией систем, где системы каждого уровня являются в свою очередь элементами следующего, более высокого уровня»³¹.

При рассмотрении вещи как целостной системы возникает необходимость в сопоставлении категорий «целое», «часть» и «элемент», выявлении различий между ними. И понятие «часть», и понятие «элемент» имеют смысл лишь в отношении к определенному целому: то, что является частью для одного целого, может быть элементом для другого. Часть вне целого представляет собой не часть, а самостоятельное материальное образование, вещь. Точно так же обстоит дело и с элементом. Пока та или иная реальность не вступила во взаимодействие с другими реальностями и не образовала вместе с ними целостную систему, она не является элементом, а представляет собой вещь. Лишь с вхождением в соответствующую структуру, с вступлением во взаимосвязь с другими реальностями, приводящую к возникновению новой целостной системы, она из вещи превращается в элемент. В этом случае и часть и элемент выражают специфику целого, являются носителями некоторых его свойств.

Часть и целое находятся между собой в органической взаимосвязи и взаимозависимости. Частью является материальное образование, входящее в состав другого материального образования и выступающее в качестве момента его содержания или формы. Целым является материальное образование, включающее в себя другие материальные образования и обладающее свойствами, не сводящимися к свойствам составляющих его частей. Ко-

³⁰ См.: Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 59; Райбекас А. Я. Указ. соч., с. 154.

³¹ Современные проблемы материалистической диалектики, с. 163.

нечно, природа целого, его сущность, качественные и количественные характеристики зависят от природы составляющих его частей. Но и части испытывают на себе воздействие целого, в состав которого они входят. Дело в том, что частями являются не только элементы, образующие целое, но и связи между элементами, их взаимодействия. Диалектика категорий части и целого, отражая закономерности взаимосвязей внутри целого, отражает и взаимозависимость целого и отношений (связей, взаимодействий) между элементами, его образующими. Элементы — это реальности, которые, обладая определенной самостоятельностью, участвуют во взаимодействиях внутри целостной системы и выполняют в ней строго определенные функции.

Таким образом, просматривается естественная генеалогия рассмотренных выше категорий. Закономерности взаимосвязи качества и количества конкретизируются в диалектике содержания и формы, которая показывает механизм превращения количественных изменений в качественные, раскрывает природу скачка. Диалектика же содержания и формы, в свою очередь, разворачивается через взаимосвязь элементов и структуры, структуры и функции, элемента и системы. Развитие осуществляется через накопление количественных изменений в содержании материального образования, скачкообразный переход количественных изменений в качественные, осуществляющийся в процессе разрешения противоречия между содержанием и формой, ломку старой, не соответствующей изменившемуся содержанию (изменившимся элементам, функциям) формы (структуры) и установление новой формы (структуры), обуславливающей образование новой целостной системы (вещи) с новой сущностью, новой качественной определенностью.

Развитие как диалектическое отрицание. Возникновение новой вещи с новой сущностью, с новой качественной определенностью можно рассматривать как результат отрицания предшествующей ей вещи, преобразования прежней сущности, качества.

Отрицание, таким образом, является необходимым моментом развития. Именно переход от низшего к высшему по ступеням рассмотренных выше категорий и отражается в категории «диалектическое отрицание». В отличие от простого уничтожения, разрушения той или иной вещи, ее дезорганизации, диалектическое отрицание

означает не только уничтожение, но и становление, не только разрушение, но и созидание, не только дезорганизацию, но и организацию³². Уничтожается то, что не соответствует достигнутому уровню развития содержания отрицаемой вещи, в частности: качество, не соответствующее вышедшим за рамки меры количественным изменениям; форма, не соответствующая новому содержанию; структура, не соответствующая изменившимся элементам и функциям; тип организации, не обеспечивающий нормальное функционирование системы в изменившихся условиях. Напротив, положительное, соответствующее достигнутому уровню развития материального образования, изменившимся условиям его существования, в частности: новые, возникшие в рамках старой формы моменты содержания, изменившиеся (качественно и количественно) элементы, составлявшие отрицаемую систему, их новые функции, взаимодействия, через которые реализуются последние, и т. д., сохраняется и переходит в новое материальное образование, присутствует в снятом, преобразованном виде в новой сущности, новой качественной определенности. Удерживая в отрицаемом (качественном состоянии) все положительное и перенося его во вновь возникающее (качественное состояние), диалектическое отрицание обеспечивает связь низшего с высшим, а вместе с этим и преемственность в развитии.

Понятие «диалектическое отрицание» касается, таким образом, момента преобразования. Но этот же самый момент развития отражается и понятиями «разрешение противоречия», «скачок». Чем же отличается «диалектическое отрицание» от указанных философских понятий?

Понятие «разрешение противоречия» фиксирует в указанном процессе то, что превращение одного в другое является результатом «борьбы» противоположностей и представляет собой ликвидацию данного противоречивого единства. Понятие «скачок» отражает в этом процессе уже иную сторону, именно то, что последний является результатом перехода количественных изменений в качественные, перерывом непрерывного существования данного качества. Понятие «диалектическое отрицание» говорит, в свою очередь, что процесс преобразования является единством уничтожения и сохранения, исчезновения и возникновения, что в ходе этого процесса реа-

³² См.: *Аверьянов А. И.* Указ. соч., с. 31—40.

лизуются связь низшего с высшим и переход на более высокий уровень развития. В отличие от понятия «скачок», которое фиксирует момент прерывности, понятие «диалектическое отрицание» фиксирует момент непрерывности бытия, преемственности в развитии. В отличие от понятия «разрешение противоречия», которое, фиксируя момент ликвидации того или иного противоречивого единства, указывает на конечность всякой конкретной формы бытия, понятие «диалектическое отрицание», фиксируя момент уничтожения той или иной конкретной формы (материального образования или качественного состояния), отражает бесконечность бытия.

Какова же тенденция этого бесконечного процесса уничтожения одного и возникновения другого, перехода материи из одних качественных состояний в другие? Что появляется на смену исчезающему, уничтожаемому?

Поскольку в ходе диалектического отрицания удерживается положительное в отрицаемом и это положительное включается в качестве момента в сущность возникающего нового, которая, кроме этого, содержит в себе новые звенья, моменты, связи, появившиеся в связи с качественным скачком на более высокую ступень развития, постольку всякое возникающее в процессе диалектического отрицания материальное образование или качественное состояние располагает более богатым содержанием, чем предшествующее. А это означает, что в процессе развития материи «через отрицание» осуществляется переход не только от низшего к высшему, но и от образований с менее богатым содержанием к образованиям с более богатым содержанием.

Далее, поскольку ход следующих друг за другом диалектических отрицаний ведет «в свою противоположность», в определенных пунктах развития неизбежно появляются материальные образования или качественные состояния, так или иначе повторяющие пройденные ступени. Вместе с тенденцией восхождения к более богатой форме и содержанию, свойственной диалектическому отрицанию, это дает направленность развитию и обуславливает его «спиралеобразный» характер³³.

Развитие как переход возможности в действительность. Результат диалектического отрицания не является случайным по отношению к отрицаемому, его связь с

³³ Подробнее см. раздел III, гл. 3 настоящей книги.

последним не внешняя, а внутренняя, необходимая, поскольку этот результат уже содержался в природе отрицаемого в качестве возможности. Как единство противоположностей вещь представляет собой и единство действительного и возможного. Действительностью является реально данное качество (сущность) вещи; возможностью то, что является потенцией диалектического отрицания этого качества, его перехода в новое качество при соответствующих условиях.

На первый взгляд может показаться, что определение действительности через реальное существование недостаточно, поскольку оно не позволяет отграничить действительность от возможности, ибо возможность тоже существует реально и должна войти в действительность. Возможность действительно существует реально в виде способности вещи при соответствующих условиях превратиться в другую вещь, стать другой, и в этом своем виде возможность входит в действительность, является ее моментом. Когда мы противопоставляем возможность действительности, мы имеем в виду не способность вещи превратиться в другое, а именно это другое, которое в настоящее время реально еще не значимо, но неизбежно станет значимым, когда сложатся соответствующие условия. В качестве противоположности реально существующей вещи, таким образом, выступает не присущее ей свойство (способность) стать другим, а такое другое, которое содержится в ней в качестве ее отрицания.

Возможность часто рассматривают как функцию вероятности. Возможность в этом случае представляется как нечто, находящееся между невозможностью и необходимостью. Приближение ее к тому или другому полюсу зависит от изменения степени вероятности. Если вероятность наступления того или иного явления (состояния) приближается к нулю, возможность превращается в невозможность, если она приближается к единице, возможность становится необходимостью. «...Возможность возникает на определенном этапе процесса, снимая невозможность, затем происходит вызревание возможности, что характеризуется возрастанием ее вероятности от 0 до 1; когда вероятность достигает 1, количество переходит в качество, необходимость снимает возможность»³⁴.

³⁴ Современные проблемы материалистической диалектики, с. 134.

В таком истолковании подчеркивается взаимосвязь не между возможностью и действительностью, а между случайностью и необходимостью. При этом, строго говоря, возможность не может превратиться в необходимость, поскольку является одной из сторон, свойств необходимости (в качестве другой ее стороны выступает действительность). В необходимость превращается не возможность, а случайность, которой тоже присуща возможность (наряду с действительностью), но эта возможность иного рода. Возможность, связанная с необходимостью, при соответствующих условиях осуществляется неизбежно. Осуществление же возможности, связанной со случайностью, не обязательно, она может реализоваться, может и не реализоваться, в силу чего и возникает потребность в определении степени вероятности наступления тех или иных случайных явлений, в использовании теории вероятностей и понятия шкалы вероятностей. Речь идет в этом случае не о процессе превращения возможности в необходимость, а о характере течения случайного процесса, обладающего указанным видом возможности превращения случайности в необходимость.

Поскольку путь от случайности к необходимости в данном случае представляет собой не что иное, как процесс образования соответствующей совокупности факторов (элементов), взаимодействие которых, как причина, неизбежно обуславливает появление данного явления — определенного следствия, постольку реализация возможности, связанной со случайностью, осуществляется лишь тогда, когда случайность превращается в причину и необходимо порождает соответствующее следствие. Значит, возможность, связанная со случайностью и выступающая как абстрактная возможность, превращается в действительность не непосредственно, а в результате перехода ее в возможность конкретную, связанную с необходимостью. Именно это обстоятельство, очевидно, имеют в виду, говоря, что «в любом процессе возможность не переходит в действительность прямо, а на определенном этапе одна из реальных возможностей, заключенных в явлении, превращается в необходимость»³⁵. Недостаток рассмотренной точки зрения состоит главным образом в том, что этот путь осуществления

³⁵ Современные проблемы материалистической диалектики, с. 132.

возможности представляется в качестве всеобщего и единственного пути³⁶.

Но в объективной действительности существуют не только возможности, обусловленные случайными свойствами и связями, но и возможности, обусловленные необходимыми свойствами и связями, законами функционирования и развития материальных образований. Эти последние при наличии соответствующих условий превращаются в действительность непосредственно³⁷.

Возможность превращается в действительность при наличии внешних и внутренних факторов, необходимых для того, чтобы произошли соответствующие изменения в вещи, в результате которых она превращается в «свое другое» — в другую вещь или в другое качественное состояние. Если посмотреть на внутренние условия через призму всеобщих форм бытия, нетрудно установить, что их необходимыми моментами будут: выход количественных изменений за рамки меры, накопление изменений в содержании, в составляющих элементах вещи, обуславливающих обострение противоречия между содержанием и формой (структурой) и вызывающих их несовместимость³⁸.

Что касается внешних условий осуществления возможности, то их будет составлять наличие определенных факторов (вещей), взаимодействия с которыми способствуют соответствующим изменениям материального образования, формированию и развитию его новой сущности, новой качественной определенности³⁹.

Материя, таким образом, развивается через реализацию присущих ей возможностей путем создания соответствующих условий в рамках существующей действительности.

С осуществлением тех или иных возможностей их число не уменьшается и не исчерпывается: результат осуществления тех или иных возможностей сопровождается появлением новых возможностей. Таким образом,

³⁶ См.: Современные проблемы материалистической диалектики, с. 132.

³⁷ См.: Парнюк М., Яценко А. Возможность, действительность и цель. — В кн.: Проблема возможности и действительности. М.; Л., 1964, с. 147.

³⁸ См.: Современные проблемы материалистической диалектики, с. 123—124, 128.

³⁹ См.: Аверьянов А. Н. Указ. соч., с. 149.

возможности материи безграничны. И в этом смысле она неисчерпаема в своем развитии.

Итак, изложенное показывает, что категории, находясь между собой в необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, отражают необходимые стороны процесса развития, его всеобщие закономерности, в частности:

- взаимосвязь изменения и устойчивости в процессе развития;

- абсолютность движения и относительность покоя;

- расчлененность материи на отдельные материальные образования;

- их обособленность (раздельность) и связь;

- их взаимодействие и обусловленность последним всех изменений;

- наличие противоположных сторон, тенденций в каждом материальном образовании;

- их борьбу между собой и обусловленный этой борьбой переход материального образования с одной стадии развития на другую и, при соответствующих условиях, в другое материальное образование;

- прерывность и непрерывность процесса изменения;

- скачкообразность развития;

- единство необходимого и случайного, неповторимого и повторяющегося, конечного и бесконечного, уничтожения и сохранения, дезорганизации и организации в нем;

- преемственность как важнейшую сторону перехода от простого к сложному, от низшего к высшему;

- переход сторон, свойств, тенденций в свою противоположность и повторение пройденного на новой основе;

- превращение возможности в действительность и порождение новых возможностей;

- неисчерпаемость материи и безграничность ее развития.

IV. КРИТИКА МЕТАФИЗИЧЕСКИХ И ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ РАЗВИТИЯ

1. ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
2. КРИТИКА КАТОЛИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ
РЕЛИГИОЗНОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ
3. БУРЖУАЗНЫЙ ИСТОРИЗМ И ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ
4. КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА
5. МАРКСИСТСКОЕ УЧЕНИЕ О РАЗВИТИИ
И КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА

1. ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Обращаясь к теме развития в буржуазной философии конца XIX — начала XX в., В. И. Ленин писал, что «с „принципом развития“... „согласны все“.— Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское „согласие“ есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину»¹. В конце XIX в. в самых широких кругах общества большим влиянием пользовался позитивизм, проповедовавший в трактовке развития идеи плоского механистического эволюционизма. Наиболее полное выражение придал ему Г. Спенсер, который видел в эволюции процесс, определяемый как *«интеграция материи, сопровождаемая рассеянием движения, во время которой материя переходит от состояния несвязной и неопределенной однородности к состоянию определенной и связной разнородности, а неизрасходованное движение претерпевает аналогичное же превращение»*².

В этой «формуле эволюции» механицизм сочетается с такими характеристиками развития, которые несут на себе печать явной *метафизичности*.

В самом деле, развитие по существу определяется здесь как процесс перераспределения материи и движения, состоящего в простом механическом перемещении и сочетании частиц материи в комплексы, характер которых определяется характером составляющих их единиц. Процесс этот сугубо постепенен, исключает скачки и перемены постепенности. Его законы сводимы в конечном счете к законам классической механики: «неустойчивость однородного», представляющая собою парафраз понятия неустойчивого равновесия; «закон» направления движения по линии наибольшего действия или наименьшего сопротивления; «закон» группировки как следствие одинаковых изменений одинаковых частиц под действием одинаковых сил и обратно, и др., — все они, несомненно,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

² Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1886, с. 238.

выражают или законы ньютоновской механики, или их аналоги.

Наконец, сама «формула эволюции» есть лишь простое обобщение ряда гипотез естествознания XIX в., таких, как небулярная гипотеза Канта—Лапласа, которая, хотя она и пробила брешь в метафизическом воззрении на природу, носила механистический характер.

Но, пожалуй, наиболее важной идеологической основой плоского эволюционизма была очевидная связь его с идеей вечности установившегося капиталистического («промышленного») общества с его явно выраженным «порядком», связанным с «устойчивостью разнородного». Всякое нарушение этого «порядка» уподобляется Спенсером «местной болезни», «разложению»: примеры этого он видит «в общественных беспорядках и бедствиях»³. И когда на основании своих наблюдений за процессами социального развития конца XIX в. Спенсер приходит к выводу, что следует ожидать «переход самодеспотства в господство общины, ограниченное при коллективизме, и полное — при коммунизме; иного вывода, по-видимому, сделать нельзя»⁴, он трактует этот грядущий переход именно как распад. В этой установке Спенсера сочетаются два мотива: один — что капитализм («промышленное общество») представляет собою высшую ступень общественной эволюции, за которой может последовать только распад; второй — что в силу естественных законов развития он должен смениться социализмом. Охотно соглашаясь с первым — вплоть до выраженного О. Шпенглером убеждения в том, что этот распад («закат Европы») уже начался, — буржуазные философы никак не могут согласиться со вторым, отвергая саму идею закономерных этапов социальной эволюции.

Все это и привело в первые десятилетия XX в. к своеобразной ситуации. Буржуазно-либеральные, реформистские и ревизионистские толкования популярной в естествознании идеи развития разворачиваются в общем и целом в рамках плоского эволюционизма. Такая трактовка развития вполне удовлетворяет тех, кто не помышляет о радикальном, революционном преобразовании общества и видит в перспективе простой «рост», не затра-

³ См.: Спенсер Г. Основные начала, с. 207—208.

⁴ Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898, т. II, с. 704.

гивающий основ существующего порядка, и в первую очередь политического устройства.

Неудивительно, что один из современных буржуазных социологов — Р. Арон, идеолог «индустриального общества» и «экономического роста», провозгласил, что «социальный прогресс возможен без политической революции»⁵. С другой стороны, сначала анархисты и анархо-синдикалисты, а затем «левые» и «ультралевые» экстремисты абсолютизируют революционные формы политической борьбы, «отменяя» в их пользу не только политическую реформу, но и борьбу рабочего класса за свои непосредственные экономические интересы.

И если концепции первого типа основывались на плоском эволюционизме и, в свою очередь, обосновывали его, то принадлежавшие ко второму — оказались связаны с учениями о «творческой» эволюции, пришедшими на смену дискредитированному крушению механицизма в естествознании плоскому эволюционизму. Выступая разновидностями одной и той же *метафизической* по своей сущности концепции развития, они различаются тем, на какой из сторон двуединого процесса развития, подразумевающего единство и взаимную обусловленность количественных и качественных изменений, прерывного и непрерывного, делается ударение.

«Творческая» эволюция: проблема новизны и ее источник. Содержание концепции «творческой» эволюции показывает, что она является как бы «оборотной стороной» плоского эволюционизма.

Проникновение в естествознание начала XX в., особенно в науки о живой природе, диалектики качественных изменений, несводимых к постепенным и непрерывным количественным изменениям, воплотилось в учении о необратимости биологических изменений (закон Доло), в признании дискретности генетического кода (законы Менделя), но в особенности — в теории мутаций. Качественные изменения, скачки в развитии, не допускавшиеся механистическим эволюционизмом на том основании, что возникающие в результате скачка «уроды» обречены будто бы на гибель, оказывались обычным фактом биологической эволюции. Поэтому науке и философии приходилось так или иначе их объяс-

⁵ Aron R. Les désillusions du progrès: Essai sur la dialectique de la modernité. Paris, 1969, p. 103.

нять. Причем для философии это было тем более актуально, что вступление капитализма в эпоху империализма, в эпоху кризисов, войн и пролетарских революций, представляющихся буржуазным идеологам чем-то необъяснимым и катастрофическим, требовало отказа от надежд на постепенность общественного развития, все более выявлявших свою иллюзорность.

В 1926 г. Я. Х. Смэтс подвел итог: «Мы верим в эволюцию, но это больше не механистическая эволюция прошлого или позапрошлого поколения, это — творческая эволюция»⁶.

Именно в форме «творческой» эволюции выступает идея развития в буржуазной философии первой половины XX в. Она занимает центральное место в учениях А. Бергсона и С. Александера, Я. Х. Смэтса и А. Н. Уайтхеда. В той или иной форме ее признают и на ней основываются прагматисты Ч. С. Пирс, У. Джемс и Ф. К. С. Шиллер, неореалисты, «критические» реалисты и другие.

Сам термин «творческая эволюция» был введен в оборот А. Бергсоном, опубликовавшим в 1907 г. книгу под одноименным названием. Ее основная идея заключается в том, что эволюция — это «непрерывное творчество»⁷. Факты показывают, говорит Бергсон, что гипотеза трансформизма обладает большой вероятностью, и даже если будет доказано, что отсутствует материальная связь происхождения между последовательными формами, то остается очевидным их идеальное родство. «Вот почему мы думаем, что язык трансформизма становится теперь обязательным для философии, как его догматическое утверждение становится обязательным для науки»⁸, но одновременно этот «язык становится совместимым... даже с доктриной отдельных актов творения...»

Бергсон подвергает острой и довольно убедительной критике плоский эволюционизм. Основной его порок он видит в том, что эволюция воссоздается здесь из фрагментов того, что уже эволюционировало: это операция, подобная игре ребенка, восстанавливающего картинку из перемешанных кусочков картона, на котором она была первоначально нарисована. Так, например, Спенсер «берет реальность в ее наличной форме; он разбивает ее, он ее распыляет на частички, которые и пускает по вет-

⁶ *Smuts J. C. Holism and Evolution*. 3-d ed. London, 1936, p. 8.

⁷ *Бергсон А. Творческая эволюция*. М.; СПб., 1914, с. 21.

⁸ Там же, с. 23.

ру; затем он „интегрирует“ эти частицы и „прекращает их движение“. Подражая целому работой мозаики, он воображает, что рисует и создает его генезис»⁹. Естественно, что в таком случае эволюция может быть представлена только как перемещение и перераспределение частиц в пространстве.

Таким образом, Бергсон усиленно подчеркивает качественный характер изменений, несводимых к простому перемещению. Однако этот качественный характер немедленно истолковывается им гносеологически: несводимость изменений, вызываемых эволюцией, к количественным, сказывается в том, что они не находят полного объяснения в непосредственно предшествующем состоянии, а следовательно — *непредвидимы*. Перенос проблемы качественного изменения в эту плоскость сразу же меняет смысл проблемы: на место *объективной* характеристики изменения, позволяющей выявить отношение между собою противоположных — количественной и качественной — сторон процесса развития и установить их объективную обусловленность, зафиксированную в фундаментальном законе диалектики, приходит характеристика познавательная. Выделенная Бергсоном, эта характеристика была развита далее в теории эмерджентной эволюции.

Основоположники теории эмерджентной эволюции — английский биолог и философ К. Л. Морган и английский философ С. Александер — выдвинули тезис, согласно которому все изменения, происходящие в природе, сводятся к изменениям двоякого типа. Одни изменения — «результанты» — таковы, что их результат есть алгебраическая сумма исходных составляющих. Такого рода изменения могут быть предсказаны «априори» и математически вычислены. Другие — «эмердженты»¹⁰ — это изменения, не допускающие такого предсказания.

Казалось бы, дело обстоит достаточно просто: как Бергсон, так и названные авторы не учитывают того известного факта, что качественные изменения типа химических превращений получают объяснение и могут быть предсказаны. Не говоря уже о диалектике количест-

⁹ Бергсон А. Творческая эволюция, с. 325.

¹⁰ Англ. *emergence* — возникновение; неожиданное, непредвиденное появление; в религиозном смысле — вознесение. Этот термин впервые использовал английский философ-позитивист Дж. Льюис.

венных и качественных изменений, разрабатываемой в диалектическом материализме, Д. С. Милль писал, что «различные действия химического соединения никогда, без сомнения, не окажутся простой суммой действий его составных элементов. Но между свойствами этого соединения и свойствами его элементов может существовать известное постоянное соотношение, которое... даст нам возможность предвидеть, какого рода соединение получится в результате того или иного нового сочетания элементов, прежде чем мы на самом деле испытаем это сочетание»¹¹. Однако в отличие от позитивиста Милля, требовавшего установления отношений между явлениями, подчиненными некоторым законам, Бергсон и авторы «эмерджентной эволюции», во-первых, устранили понятие объективного закона, связывающего явления, а во-вторых, *онтологизировали* невозможность предвидения.

На вопрос, может ли член низшего уровня предвидеть возникновение высшего, дается отрицательный ответ. Как писал С. Александер, «существо, находящееся на уровне А, не может предсказать (более высокий уровень.— *Авт.*) В. Существо на уровне В может предсказать все будущее в терминах А и более низших уровней, но не в терминах В. Например, если оно живет в начале жизни, то оно не может предсказать высших форм жизни иначе как в терминах физико-химических действий»¹².

В таком случае вопрос о предсказуемости в социальной области теряет смысл. Познает и предвидит человек, а он, будучи представителем высшего из известных нам уровней, может познать и предвидеть только то, что ниже его в шкале эволюции. Объективное значение предсказуемости на уровне физических процессов теряется, если только не превратить в «субъектов» предвидения самих членов тех или иных уровней развития — атом, молекулу, низшие организмы и т. д. Неясной становится и природа «эмерджентной» непредсказуемости. В своеобразной «онтологической» форме здесь выражены важные стороны соотношения *теорий* различных уровней, что и было использовано позитивистскими критиками как аргумент против теорий «творческой» эволюции. Но у самих эмерджентистов отсюда вырастает идеалистическое понимание развития: как связь между уровнями, так и их качест-

¹¹ Милль Д. С. Система логики. М., 1914, с. 340.

¹² Alexander S. Space, Time and Deity. London, 1927, vol. I, p. 327.

венное различие и движущие силы развития логически требуют признания *идеальных* факторов эволюции.

Каким же образом реализуется эта логика? «Творческий» характер эволюции выражается в существовании несводимых друг к другу изменений, «эмерджентов», обладающих подлинной «новизной», т. е. несводимых к своим составляющим, и потому непредвидимых, образующих в своей совокупности различные «уровни развития». Эти «уровни» *дискретны*, поскольку между ними налицо перерывы постепенности, обусловленные «эмерджентным» характером изменений¹³.

В теории эмерджентной эволюции возникает и специфический способ трактовки взаимоотношений различных «уровней» (ступеней) развития. Так, К. Л. Морган писал о «включении» (*involution*) низшего уровня в высший и «зависимости» (*dependence*) низшего уровня, когда он включен в высший, от этого последнего¹⁴. С. Александер так раскрывает этот тезис: «Живое тело является также физическим и химическим... Но новое качество жизни, которым оно обладает, не химично, не механично, а есть нечто новое. Так, части живого тела имеют цвет, но жизнь не окрашена; они материальны, но жизнь не материальна; материально лишь тело, которое живет»¹⁵. А значит, если тело физико-химично, материально, то «жизнь» сверхматериальна. Структура, обладающая жизнью, следовательно, выражима без остатка в терминах физики и химии, тогда как «простое качество жизни» не

¹³ А. Бергсон считал, что «творческая эволюция», несмотря на ее качественный характер, все же постепенна, не зная перерывов и качественных скачков. «Изменение совершается непрерывно, и... само состояние есть уже изменение» (*Бергсон А. Творческая эволюция*, с. 2); прерывность — лишь кажущаяся — это лишь «удары литавр, раздающиеся время от времени в симфонии» (Там же, с. 3). Действительные качественные различия возникают только в результате расхождения эволюционных линий (растение — животное; оцепенение — интеллект — инстинкт). Лишь под влиянием критики, показавшей, что «действие, которое подразумевает „новизну“, „творение“, „невозможность предвидения“... по существу несовместимо с *непрерывным* изменением» (*Benda J. Sur le succès du bergsonisme: Précédé d'une réponse aux défenseurs de la doctrine*. Paris, 1914, p. 10). Бергсон в «Двух источниках морали и религии» (1932) признал, что творческая эволюция «выступает как... ряд неожиданных скачков» (*Bergson H. Les deux Sources de la Morale et de la Religion*. Paris, 1932, p. 120).

¹⁴ См.: *Morgan C. L. Emergent Evolution*. London, 1927, p. 15—17.

¹⁵ *Alexander S. Philosophical and Literary Pieces*. London, 1939, p. 311.

может быть таким образом объяснено и потому «должно быть принято с „естественным благочестием“ (natural piety) исследователя... Оно не допускает объяснения»¹⁶.

Таким образом, концепция «эмерджентной эволюции» оказывается «механицизмом наизнанку»: если механицист считал, что объяснить жизнь — значит свести ее к физико-химическим процессам, построить ее физико-химическую модель, то эмерджентист убежден, что она необъяснима именно потому, что несводима к этим процессам. На самом деле, конечно, несводимость высшего к низшему никоим образом не означает, что возникновение высшего и его специфика не могут быть научно охарактеризованы и объяснены. В результате «творческая» эволюция так или иначе присоединяется к витализму в объяснении жизни, а общая теория развития, формулируемая ее сторонниками, оказывается идеалистической по своему философскому содержанию.

Идеализм «творческой» эволюции особенно четко выявляется тогда, когда речь заходит о движущих силах развития и о той связи, которая существует между «уровнями» эволюции. Бергсон, особенно много уделявший внимание первому вопросу, видит источник развития в «жизненном порыве» (*élan vital*). Применительно к жизни в биологическом смысле — это «внутренний напор», поднимающий организм с одной ступени развития на другую; в собственно философском плане — «потребность творчества», «сознание или, лучше, сверхсознание», противостоящее мертвой материи и т. д.¹⁷ Этот набор образных выражений имеет единственное значение: источник «творческой» эволюции следует искать *в сознании* — субъективном для человеческой жизни, объективном для биологического жизненного процесса вообще и космоса в целом. К. Л. Морган и С. Александер, не удовлетворяясь данными естествознания, ищут решения *философского* и приходят к тому, что это решение состоит в признании божественного начала, что и является «конечным философским объяснением, дополняющим научную интерпретацию»¹⁸.

В чем причины обращения к сверхприродным силам? Основным источником фидеизма в концепциях «творче-

¹⁶ *Alexander S. Space, Time and Deity. London, 1927, vol. II, p. 45.*

¹⁷ См.: *Бергсон А. Творческая эволюция*, с. 91, 224, 233 и др.

¹⁸ *Morgan C. L. Op. cit., p. 9.*

ской» эволюции является узко-эмпирическое понимание содержания науки, якобы неспособной исследовать и объяснить движущие силы развития. Как утверждал К. Л. Морган, «объяснение не является моим делом как ученого...» — и все же без объяснения новизны, «эмерджентности» новых качеств обойтись нельзя. Объяснение — дело философии («метафизики»), которая и «дополняет» науку посредством привлечения факторов вненаучных. Морган постулирует в качестве философского объяснения «эмерджентности» божество, т. е. «деятельность, которая совершенно бесполезна в науке и никоим образом не допускает научного доказательства»¹⁹. Если научное знание отвечает только на вопрос «как», то «метафизика» дополняет его ответом на вопрос «почему».

Аналогичным образом поступает С. Александер, который хотя и не удовлетворяется «объяснением» нового ссылкой на бога и не хочет использовать язык религиозного «объяснения», но соглашается полностью с его духом²⁰. Он дает движущей силе эволюции название «низус» (лат. — «порыв», «устремление»). Воплощая элемент «духовности», присущий всему сущему, он ощущается «как стремление к чему-то еще не достигнутому»²¹. Такому ощущению отвечают на различных ступенях эволюции *время* в пространственно-временном континууме, являющемся первым «уровнем», *качества* материи, жизнь органических существ, *психика* существ сознательных, *третичные качества* (идеалы истины, красоты и блага) или ценности социальных процессов, наконец — высшее, еще не достигнутое качество «божественности». В результате возникает своеобразная теистическая «метафизика»: «Бог — это целый мир, как обладающий качеством божественности. Целый мир является „телом“ такого существа, а божественность — его „душой“». Но это обладатель божественности не в действительности, а в идеале. Как действительно сущее, бог есть бесконечный мир со своим стремлением к божественности, или, если использовать фразу Лейбница, как чреватый божеством»²².

Таким образом, теизм Александера оказывается не-

¹⁹ *Morgan C. L. Op. cit., p. 289.*

²⁰ См.: *Mind: A quarterly review of psychology and philosophy.* New York, 1921, vol. 30, p. 410.

²¹ *Alexander S. Philosophical and Literary Pieces.* p. 381.

²² *Alexander S. Space, Time and Deity, vol. II, p. 353.*

сколько отличным от традиционного христианского теизма. Если последний признает бога трансцендентной причиной мира и его имманентной основой, то бог Александра — имманентная основа и трансцендентное завершение, цель мирового процесса.

Здесь перед нами выступает еще одна важная черта «творческой» эволюции — ее телеологизм. Уже Бергсон поставил вопрос о цели в связи с эволюцией. Он основывался на том, что традиционный механицизм, исходящий из лапласовского детерминизма, как и телеология, согласно которой «вещи и существа только реализуют однажды начертанную программу»²³, одинаково исключают новизну, творчество. Преобразованная телеология, которой придерживается Бергсон, — это утверждение, что цель (гармония) лежит не впереди, но «позади» — в самом «жизненном порыве», но не как преобразованная, а в качестве различных многообразных *возможностей* воздействия жизни на материю. «...Действие это, представляя всегда в той или иной степени характер случайности, предполагает хотя бы зародыш свободы выбора. Выбор же предполагает упрежденное представление нескольких возможных действий»²⁴. Цель, следовательно, включена в сам «жизненный порыв», включена в качестве возможности действия.

Уточненное и утонченное понимание целесообразности Бергсоном имеет одну важную и ценную сторону: развитие должно объясняться не механическим сложением частей и не тем, что эти части слагаются по заранее заданному плану; возникшее явление требует объяснения *suí generis*, исходя из его собственных причин и обстоятельств²⁵. Однако такое объяснение, согласно Бергсону, всегда уникально и потому дает только ретроспективу, а не перспективу эволюции. Вместе с тем, вводя свое понимание телеологии, Бергсон считал, что оно поможет ему преодолеть антропоморфизм обычного телеологизма, трактующего процессы в природе по аналогии с сознательной целенаправленной деятельностью человека. Однако на место такого антропоморфизма, основой которого выступает именно *сознательная* деятельность, ставится иной антропоморфизм — основанный на аналогии с бес-

²³ Бергсон А. Творческая эволюция, с. 35.

²⁴ Там же, с. 86.

²⁵ См.: там же, с. 85.

сознательной деятельностью, с деятельностью инстинктивной, интуитивно-художественной и т. д. А в результате сознательной и целенаправленной деятельности противопоставляется деятельность целенаправленная, но бессознательная, основанная на множестве возможностей, лишь одна из которых реализуется — причем реализуется спонтанно и по существу случайно.

Эта концепция, предназначенная обосновать свободу человека в противовес необходимости²⁶ «механических» процессов, изучаемых (по Бергсону — конструируемых) наукой, приводит к отрицанию объективных законов развития. В этом она представляет собою шаг назад даже по сравнению с традиционной телеологией, не отвергавшей таких законов, но трактовавшей их как выражение скрытых конечных целей природы.

«Творческая» эволюция с ее представлением о несводимости новых, «эмерджентных» образований к сумме составляющих элементов необходимо приводит к аналогичному решению проблемы *целостности*. Новое — это новое *целое*, несводимое к сумме составляющих его частей; целое больше суммы его частей — так формулируется основополагающая идея «холистического» подхода к эволюции. Так ставит вопрос Я. Х. Смэтс в своей известной работе «Холизм и эволюция». Он не удовлетворен ни учением А. Бергсона о творческой эволюции, ни эмерджентной эволюцией К. Моргана или С. Александера. В первой «жизненный порыв», недифференцированный и однородный, связанный с чистой длительностью, не может объяснить реальное многообразие, возникающее в развитии. Более того, сама структура эволюционирующих явлений объявляется Бергсоном результатом интеллектуальной деятельности, конструирующей эту «структуру» в соответствии с практическими интересами интеллекта. Между тем структура — существенная черта именно реальности. Соответственно эмерджентная эволюция фиксирует внимание на самом возникновении нового, на его непредсказуемости, упуская из виду объективный характер

²⁶ Гегель считал, что противоречие телеологии и механицизма есть выражение более общей антиномии свободы и необходимости (см.: *Гегель Г. В. Ф.* Соч. М., 1939, т. VI, с. 193). Ленинский анализ этого места (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 168), показал, что в результате Гегель фактически пришел к признанию того, что законы природы суть основы целесообразной деятельности человека.

нового, его иную структурированность²⁷. Ключ к проблеме, по Смэтсу,— признание того, что возникновение нового есть возникновение *новых целых*.

Правда, Смэтс вовсе не стремится оспорить важнейшие формулировки «творческой» эволюции: он признает и непредсказуемость нового, и то, что эволюция направляется особым «принципом». В общем смысл его учения состоит в том, что в любом явлении можно выделить два фактора: *структуру* явления, которая подлежит научному описанию и объяснению, и *принцип* возникновения и качественного отличия этого явления от предшествующих и исходных, такого объяснения не допускающий. «Таким образом, эволюция охватывает структуру плюс принцип, взаимопроникающие друг друга, воздействующие друг на друга и друг друга оживляющие»²⁸. Однако они в то же время противопоставлены друг другу — структура вполне объективна и подлежит научному исследованию, тогда как принцип — это скорее *метафизическое* (философское) объяснение. «Этот принцип, который я решил назвать Холизмом, в основе своей тождествен принципу, который наполняет собой творческие структуры мира жизни»²⁹. Иными словами, «принцип Холизма» — это лишь новое название для той же идеальной силы развития, которую имели в виду другие представители «творческой» эволюции, отличительной особенностью которой является лишь производство новых «целостностей».

Но в результате получается тавтология: целое объясняется через «принцип целостности». Правда, здесь Смэтс подходит к проблеме более тонко, чем, скажем, «классический» витализм. В противоположность механицизму, для которого организм есть сумма его элементов, виталисты вводили добавочный фактор — «энтелехию», «жизненную силу» — в качестве еще одного элемента. С точки же зрения Смэтса, хотя целое и больше суммы его частей, оно «не есть нечто добавляемое к этим частям»³⁰.

²⁷ Смэтс здесь явно неправ, поскольку и Александер, и Морган пытались раскрыть важные структурные отношения различных уровней развития, выраженные в понятиях «включения» и «зависимости» (см.: Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. М., 1962, с. 240—252). Другое дело — удалось ли им это.

²⁸ Smuts J. C. Holism and Evolution, p. 90.

²⁹ Smuts J. C. Planes for a Better World. London, 1942, p. 177.

³⁰ Smuts J. C. Holism and Evolution, p. 101—102.

Оно скорее «множитель», накладывающий отпечаток на каждую из частей.

Очевидно, что и здесь проблема поставлена ложным образом, поскольку целое не получается ни «прибавлением», ни «умножением»; оно *развивается* соответственно прогрессирующему усложнению организации, и новая целостность — это «система, т. е. соподчиненная сложная взаимосвязь частей, дающая в своих противоречивых тенденциях, в своем непрерывном движении высшее единство — развивающуюся организацию»³¹.

Впрочем, Смэтс применяет для объяснения целостности и другую концепцию. Он вводит понятие «поля», как особого свойства материи, порождаемого ее структурой. В «поле» содержится как бы план строения всего явления, его прошедшее и будущее. «Поле» является константным, тогда как материальная структура — лишь временная форма, в которой воплощены свойства целого. Введенное по аналогии с понятием физического (электромагнитного, гравитационного и т. д.) поля, «поле» Смэтса не обладает, однако, какими-либо эвристическими возможностями. В лучшем случае тут ставится задача открытия и исследования нового типа полей, например «биополя», используемого в ряде биологических концепций для объяснения свойств организмов (Дж. С. Холдейн, А. Мейер-Абих, П. Фейерабенд и др.)³².

Таким образом, и в «холизме» Смэтса проблема развития не была решена. Здесь лишь добавлена к концепции «творческой» эволюции идея «целостности» новых образований, возникающих в ходе развития. Развитие связывается со структурой, но объяснение перехода от одного уровня целостности к другому по-прежнему производится с помощью сверхприродных, «метафизических» факторов.

Синтез всех тех определений, которые давали процессу развития сторонники «творческой» эволюции, от Бергсона до Смэтса, попытался осуществить А. Н. Уайтхед. Этот крупный ученый — математик и логик, исследователь философских проблем теоретической физики — обо-

³¹ Шмальгаузен И. И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. 2-е изд. М.; Л., 1942, с. 10.

³² См. подробнее: Рохгаузен Р. Проблема целостности в биологии. — Вопросы философии, 1959, № 3, с. 76—90.

сновывал свои выводы о необходимости коренного переосмысления картины мира, созданной естествознанием XIX в., ссылкой на те же великие открытия естествознания, что и Ф. Энгельс: клеточное строение организмов, закон сохранения и превращения энергии, теория развития, дополняя их еще и электродинамикой Максвелла. Если картина мира, в которой все процессы понимаются как простое пространственное перемещение, не оставляет места для развития как появления нового, то на основе этих открытий «мы должны включить понятие изменения в тот конечный факт, за которым наука прекращает свой анализ»³³. Включив изменение в картину мира, мы должны прийти к выводу, что природа есть *процесс*, а также выработать для ее изображения мыслью новые понятия.

Выдвинув задачу переосмысления картины мира, Уайтхед подошел к её решению с неверных позиций. Вместо дальнейшего развития и совершенствования понятия *материи* он решил отказаться от «материалистической троицы» — материи, пространства и времени (хотя эти понятия и выражают, с его точки зрения, важные черты природы) — в пользу «двоицы» — «событий» и «объектов». С его точки зрения, конечными элементами мира являются *события* (events), связанные между собою отношениями протяженности (extension), обладающие однопозначной пространственно-временной определенностью и потому индивидуальные, преходящие, неповторимые и необратимые. Их качественная определенность обусловлена *объектами*, т. е. общими, непреходящими, повторяющимися факторами. «Непрерывность природы следует найти в событиях, атомарные свойства природы находятся в объектах. Непрерывный эфир — это весь комплекс событий; а атомы и молекулы суть научные объекты, которые существенно отличны от событий, формирующих эфир»³⁴.

Введение этих понятий потребовалось Уайтхеду для того, чтобы не только получить возможность трактовать

³³ Whitehead A. N. An Anthology. New York, 1953, p. 159.

³⁴ Whitehead A. N. An Enquiry concerning the principles of natural knowledge. Cambridge, 1919, p. 66. Уайтхед различает три рода «объектов»: чувственные, объекты восприятия (обычные вещи повседневного опыта) и научные, воплощающие наиболее постоянные аспекты природы — атомы, молекулы и т. д.

природу как процесс, в котором происходят качественные изменения, но и для того, чтобы представить ее как предмет непосредственного восприятия: события мы воспринимаем (*apprehend*), тогда как объекты — опознаем (*recognize*). Тем самым возникает опасность двойственной аберрации: *идеалистической*, поскольку события понимаются как составные элементы опыта, и *метафизической*, поскольку различие событий и объектов приводит в конце концов к их противопоставлению и разделению единого мира на мир «действительных событий» и мир «вечных объектов», т. е. к отрыву качественных характеристик от динамики процесса развития.

Первая опасность достаточно явственно обнаружилась еще в ранний период философского развития Уайтхеда, когда он провозгласил в работе «Принцип относительности»: «Природа... есть целостность, включающая индивидуальные опыты, так что следует отбросить различие между природой, какова она реально, и опытом о ней, который чисто психологичен. *Наш опыт о мире-явлении и есть сама природа*»³⁵. Вторая опасность достигла завершения уже в поздний период, после 1924 г., когда Уайтхед создает систему объективно-идеалистической космологии, в которой совокупность «вечных объектов» получает наименование «первоначальной природы бога», на которой объекты как качественные определения событий перетекают в мир событий, в «природу», понимаемую теперь как «производная природа бога».

Таким образом, концепция Уайтхеда оказывается еще одной разновидностью идеализма. Однако ее отличительная черта — попытка разработать учение о развитии как «срастании» (*concrecence*) противоположных элементов, событий и объектов в единое целое — имеет ряд интересных моментов. Во-первых, само понятие «срастания» вводит вместо механического «суммирования» идею единства нового целого. «Нет „срастания“ и „новой вещи“, — подчеркивает Уайтхед, — когда мы анализируем новую вещь, мы не находим там ничего, кроме срастания»³⁶. А следовательно, само это «срастание» представляет нам не структуру и принцип, как в системе холизма, но именно структуру с ее внутренними отношениями. Во-вторых,

³⁵ Whitehead A. N. An Anthology, p. 338.

³⁶ Whitehead A. N. Process and Reality: An Essay in Cosmology. New York, 1960, p. 321.

анализ этих отношений обнаруживает, по Уайтхеду, их специфический характер. Они образуют пространственные связи, несводимые, однако, к внешнему соприкосновению³⁷.

Результатом анализа Уайтхедом структуры «действительных событий» или «действительных сущностей» оказывается сложная картина внутренних взаимосвязей вещей, отражающая единство непрерывности и дискретности. «Математическая физика,— пишет Уайтхед,— переводит высказывание Гераклита „Все вещи текучи“ на свой собственный язык. Оно тогда означает: все вещи суть векторы. Математическая физика принимает также атомистическую доктрину Демокрита. Она переводит ее в фразу: всякий поток энергии подчиняется „квантовым условиям“»³⁸. Но это и означает, по мнению Уайтхеда, что современная физика требует замены «статического материала» реальности «текучей энергией», т. е. отказа от понятия *материи*.

Однако в отличие от различного рода «энергетических» построений Уайтхед строит доктрину «органицизма», или «органического реализма», в которой он стремится учесть выводы физической науки о структурности и функциональности изучаемых ею природных образований, требуя понимать их скорее как «живые» тела, чем как инертные и бесструктурные частицы материи. В силу этого «наука приобретает новый аспект... Она становится изучением организмов»³⁹, которые далее начинают трактоваться по аналогии с познавательными актами.

Можно смело утверждать, что Уайтхед под влиянием содержания новой физики пошел дальше других представителей «творческой» эволюции в выявлении ряда элементов диалектики процессов развития, в частности единства прерывности и непрерывности. Однако он остался на позициях метафизики в решающем — в понимании соотношения противоположностей качественных и количественных изменений. Пытаясь обнаружить их единство, он разрабатывает сложную систему категорий своей «философии процесса», однако не в состоянии пойти дальше «союза противоположностей» (*union of oppositi-*

³⁷ См.: Whitehead A. N. Process and Reality, p. 450, 451.

³⁸ Ibid., p. 471.

³⁹ Whitehead A. N. Science and the Modern World. New York, 1958, p. 10.

es), резюмирующегося в *дуализме*: преходящего и вечного, физического и духовного, конкретного и абстрактного, единого и многого, количества и качества... «Таким образом, в этом контрасте между единством и множеством налицо дуализм. Во всей вселенной царит союз противоположностей, который является основой дуализма»⁴⁰. От этого дуализма лежит прямой путь к дуализму бога и мира, «изначальной» природы бога и его природы «производной».

Таким образом, возможное лишь в абстракции разделение и противопоставление противоположных определений процесса развития ведет не только к метафизике, но и к идеализму.

Итак, теории «творческой» эволюции существенно отличаются от плоского эволюционизма XIX в., видевшего в эволюции простой рост. Они строятся на признании факта возникновения нового в процессе развития, качественного скачка. В противоположность плоскому механистическому эволюционизму они утверждают несводимость новых качеств к исходным элементам процесса, наличие в природе системы уровней, сформировавшихся в результате качественных скачков и отличающихся друг от друга специфически новыми качествами.

Однако подчеркивание качественной стороны развития, абсолютизация качественных скачков в их противопоставлении количественным изменениям рожают только новую разновидность *метафизической* в своей односторонности и абстрактности концепции развития. И неудивительно, что этот метафизический подход *разрушает* принцип материального единства мира, являющийся необходимой основой диалектического учения о развитии, вынуждает к поискам внеприродной, сверхъестественной основы процессов развития и их скрытой движущей силы. Не свободны от этой слабости даже те, кто пытался истолковать «творческую» эволюцию в натуралистическом и даже материалистическом плане: Р. В. Селларс, У. Монтегю, А. Лавджой, и др.⁴¹

Поэтому в 30—40-х годах нашего века концепция «творческой» эволюции отходит на задний план. Вместе с нею на некоторое время отходит на задний план в

⁴⁰ Whitehead A. N. Adventures of Ideas. New York, 1958. p. 193.

⁴¹ См.: Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков, с. 8.

системе буржуазной философии и концепция развития вообще.

От «творческой» эволюции к теории уровней и систем. Среди сторонников «творческой» эволюции были и откровенные виталисты, и стихийные материалисты, протестовавшие против бесплодности виталистических импликаций «творческой» эволюции. Именно против спекулятивного характера концепций возражает Т. Г. Морган в своей книге «Экспериментальные основы эволюции»⁴². Но спекулятивный элемент не заслоняет от некоторых исследователей важности идеи качественных различий «уровней», или «слоев», реальности, сформировавшихся в результате эволюционного процесса. В естественнонаучной и философской литературе 30—40-х годов начинают все более подробно и обстоятельно дискутироваться вопросы, связанные с проблемой «уровней» существующего и их структурных различий, но уже в отрыве от проблемы развития или в относительно отдаленной связи с нею.

Прежде всего, логический анализ понятия «эмерджентности» как свойства некоторых актов возникновения, характеризующихся непредсказуемостью, показал, что непредсказуемость эта *относительна*. Результатом было утверждение, получившее название «релятивистской» концепции «эмерджентности»: эмерджентность как непредсказуемость определенных качеств возникающего нового образования относительна, поскольку она зависит от уровня нашего знания. Тем самым эмерджентность теряет свою таинственность, а вместе с тем и свое онтологическое содержание, превращаясь в чисто гносеологическую характеристику. Между тем в теориях «творческой» эволюции речь шла именно о каких-то объективных характеристиках непредсказуемости возникающего.

Итог длительной полемики по этому вопросу подвел Э. Нагель в своей известной работе «Структура науки». В проблеме «эмерджентности», писал он, сочетаются два аспекта: тезис о иерархической организации вещей, качества которых не могут быть предсказаны на основе знания только качеств «низшего» уровня, и общая теория развития, в которой признаются «творческие» новые структуры, несводимые к низшим. Первый тезис говорит о логических отношениях выводимости, свойственных оп-

⁴² См.: Морган Т. Г. Экспериментальные основы эволюции. М.; Л., 1936, с. 177—208.

ределенным утверждениям, и сводится к простому вопросу: «выводимо ли данное утверждение из *данного* набора утверждений»⁴³.

Сложнее обстоит дело с общей теорией развития. Нагель считает, что доктрина «творческой новизны», противопоставляемая обычно преформизму, логически не связана со свойством непредсказуемости. Если в первом случае имеются в виду логические отношения между предложениями, то во втором — выдвигается претензия на философскую концепцию, говорящую нечто о реальности «самой по себе». Но вопрос о возникновении нового, говорит он, это чисто эмпирический (исторический) вопрос, разрешаемый соответственно обращением к эмпирическому исследованию. Необходимые уточнения, введенные в постановку вопроса о «творческой» эволюции, покажут, считает Нагель, что для эволюционной теории, признающей новизну возникающего, «не существенны ни вера в индетерминизм, ни вера в телеологическую причинность»⁴⁴ (ни, добавим мы, вера в сверхприродные движущие силы, долженствующие объяснить развитие). Однако позитивистски окрашенный натурализм Э. Нагеля накладывает на его понимание развития отпечаток антифилософский: нет смысла, по его мнению, говорить об общих законах развития, поскольку это было бы «метафизикой» в позитивистском смысле — совокупностью утверждений, не имеющих научного содержания.

Достаточно тривиальными оказываются и рассуждения Нагеля относительно соотношения «органических целых» и «суммативных» образований, сводящихся к тому, что есть органические целые, допускающие аддитивный анализ и не допускающие такового. «Тот простой факт, что система есть некоторая структура динамически соотносящихся частей, недостаточен сам по себе для того, чтобы доказать, что законы такой системы не могут быть сведены к некоторой теории, развитой первоначально для определенных допускаемых конституэнтов этой системы. Это заключение может быть весьма скудным; но оно показывает, что обсуждаемый вопрос не может быть решен, как предполагается в значительной части обширной литературы о нем, оптом и априори»⁴⁵.

⁴³ Nagel E. The Structure of Science. New York, 1961, p. 371.

⁴⁴ Ibid., p. 377.

⁴⁵ Ibid., p. 397.

Прекрасно! Конечно, нельзя решать философские проблемы «оптом и априори», но как их решать? Уклонение от ответа, которое предпочел Нагель, означает лишь мировоззренческую нищету.

Разрыв генетических связей между различными уровнями эволюции, о котором мы говорили в связи с абсолютизацией «творческой» эволюцией качественной стороны дела, привел к превращению *эволюционной* концепции в концепцию «слоев», или «уровней», бытия, рассматриваемых уже вне развития. Она устраивает равно и представителей неотомизма, воспринимающих от Фомы Аквинского учение о иерархическом строении всего бытия, и феноменологов типа М. Шелера, и «реалиста» Н. Гартмана. Ближе всего к «творческому» эволюционизму стоит М. Шелер. В своей работе «Место человека в космосе» он говорит о «последовательности ступеней» (Stufenfolge), наблюдающихся в природе, как и в каждом из природных образований. Поскольку главной темой его исследований является философская антропология, Шелер рассматривает преимущественно человека как существо, в котором воплотился высший из известных нам уровней — и в то же время, в «снятом» виде, все остальные уровни, «слои» существования.

Специфика высшего слоя состоит в том, что он имеет собственную структуру, но осуществляется за счет энергии низших слоев. «Высшая форма бытия „определяет“, если можно так сказать, *сущность* и сущностные области мирообразования, — однако *осуществляется* она посредством иного принципа, который столь же изначально свойствен Первосущему, как и духовное: посредством творящего реальность и определяющего случайные формы принципа, который мы называем „порывом“ (Drang)»⁴⁶. Мы без труда узнаем в этом «порыве» те «низусы», «порывы» и т. д., которые свойственны концепциям «творческой» эволюции, но у Шелера гораздо более четко представлено противопоставление *научного* понятия «естественной эволюции жизни» и «*метафизического*» (спекулятивно-философского) принципа «порыва» и «мирового процесса», понимаемого как «самоосуществление божества».

⁴⁶ Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos.— In: Gesammelte Werke. Bern; München, 1976, Bd. 9, S. 52.

От традиционных объективно-идеалистических и теистических концепций учение М. Шелера о «слоях бытия» отличается тем, что в нем подчеркивается сила *низшего* уровня, по сравнению с которым все высшие слои выступают как более слабые, легко разрушимые и нуждающиеся в энергии низшего слоя для своего существования. Эту мысль Шелер формулирует, опираясь на концепцию «ступеней бытия», разработанную Н. Гартманом. Последний еще в 1912 г., в связи с анализом философских проблем биологии, поставил вопрос о «развитии» как «развертывании» (*Auswicklung*), или «эксплицировании», чего-то такого, что на начальной стадии уже содержится «имплицитно», т. е. «свернуто»⁴⁷. Преформистский и телеологический смысл такого понимания развития не устраивает Гартмана, и он вместе с современными ему биологическими концепциями предпочитает говорить о «морфогенезе», т. е. «становлении форм»⁴⁸. И развитие как реализация «системы предрасположений» (*Anlagesystem*) зародыша может прилагаться, в основном, лишь к эмбриологии. Когда же Гартман, уже гораздо позже, обращается к философскому значению понятия развития, он довольно резко отмежевывается от него именно по той причине, что «развитие» как «развертывание свернутого» «подразумевает всеобщую телеологию форм, в которой низшее постоянно несет в себе „определение“ к высшему». Но тем самым, полагает Гартман, мы ничего не выигрываем — наоборот, «принцип ступеней бытия только неправомерно отягощается метафизикой, ничего не выигрывая со своей стороны»⁴⁹.

Иначе говоря, Гартман предложил ограничиться в онтологии анализом «ступеней» бытия. «Многообразие форм,— пишет он,— явно образует ряд ступеней, порядок которых может быть признан таким: вещь, растение, животное, человек, общество... Присмотревшись ближе, мы находим, что каждая из этих ступеней бытия, в свою очередь, заключает в себе целую лестницу ступеней»⁵⁰. Ступени эти «категориально различны»: каждый слой определен своей категориальной системой, отличаясь от других как структурой их связи, так и наличием в выс-

⁴⁷ *Hartmann N.* Philosophische Grundfragen der Biologie. Göttingen, 1912, S. 67.

⁴⁸ *Ibid.*, S. 68.

⁴⁹ *Hartmann N.* Kleinere Schriften. Berlin, 1955, Bd. I, S. 68.

⁵⁰ *Hartmann N.* Neue Wege der Ontologie. Stuttgart, 1949, S. 36.

ших слоях категорий, отличных от категорий низших слоев. Исследование категориальных структур различных слоев бытия приводит Гартмана к обнаружению двух родов законов: «законов бытия» и «законов зависимости».

Можно сказать, что эти два ряда законов представляют собою экспликацию тех двух отношений между уровнями, которые мы встречали уже в теории эмерджентной эволюции: «включение» низшего в высший и «зависимость» низшего, таким образом включенного, от высшего. Гартман детализирует эти отношения, формулируя пять «законов слоев»: (1) при чередовании слоев категории низшего бытия могут переходить в высший слой, но не наоборот; (2) переход касается не всех категорий низшего слоя и распространяется на все высшие слои; (3) при переходе категории преобразуются характером высшего слоя; (4) качественная специфика высшего слоя основана на привхождении категориально нового, независимого от категорий низшего слоя, переходящих в высший; (5) восходящий ряд слоев образует качественную иерархию⁵¹.

В свою очередь, «законы зависимости» таковы: (6) низшие категории более «сильны» в отношении детерминации; (7) высший слой бытия не может существовать без низшего, но последний без первого может; (8) низшие категории составляют лишь фундамент, или «материю», но не сущность и не форму высшего слоя; (9) новое высшего слоя совершенно независимо (автономно, «свободно») по отношению к низшему⁵². Эти девять «законов», очевидно, содержат немало верных положений, но в комплексе образуют систему отношений, *исключающих* важнейший элемент диалектического понимания соотношений различных уровней развития — само развитие, переход, *порождение* высшего слоя реальности низшим. И если в концепциях «творческой» эволюции возникновение высшего, нового качества, «эмерджента», объяснялось с помощью божественных, идеальных сил, то у Гартмана отсутствует даже такое «объяснение» и сам процесс.

Процесс развития, происходящий в природе, он понимает как явление феноменального, а не существенного, категориального порядка. «Процесс» — понятие, употребляемое им вместо «развития», — понимается как форма

⁵¹ См.: *Hartmann N. Neue Wege der Ontologie*, S. 51.

⁵² См.: *Ibid.*, S. 69—70.

повторения, т. е. воспроизведения жестких категориальных структур. Поэтому, хотя нельзя уже, подобно старой онтологии, противопоставлять бытие и становление, так что «подвижность и становление образуют как раз всеобщий способ бытия реального, безразлично, идет ли речь о вещах, живых существах или людях»⁵³, теория развития не является сколько-нибудь существенной составной частью или аспектом философии Гартмана. И основа этого факта все та же: разрыв исходного и конечного пунктов развития, перерыв постепенности между ними, доходящий до «детерминации сверху», т. е. определения структуры новообразования исключительно ее, этой новой структуры, категориальным набором, а качеств новообразования — структурой, свойственной этому новому типу связи⁵⁴. Но в таком случае следует признать в какой-то форме предобразование этой высшей ступени, определяющей сам «скачок» к новому, перерыв (Lücke).

Иначе говоря, отказавшись от принятого в теориях «творческой» эволюции способа «объяснения» развития через посредство идеальных, а в конечном счете божественных сил, Гартман одновременно вынужден был отказаться и от мировоззренческого значения идеи развития.

Из сказанного очевидно, что основные трудности, вставшие перед различными идеалистическими концепциями развития, носят методологический характер. Центральная из этих трудностей — часто неосознаваемая, но так или иначе присутствующая во всех концепциях «творческой» эволюции — это *парадокс возникновения*, сводящийся к тому, что тезис «из ничего не может возникнуть нечто», выражающий смысл «принципов сохранения», как будто бы приходит в противоречие с самой идеей возникновения нового, еще не существовавшего. Этот парадокс решается диалектическим материализмом с помощью принципа причинности, связывающего возникновение нового не с субстанциальным его наличием или отсутствием, но с причинностью: ничто не возникает без причины. Эту мысль знал уже домарксовский материализм — материализм диалектический идет дальше, рассматривая противоречие как источник развития, закон перехода количественных изменений в качественные как выражение принципа возникновения нового на основе и вследствие изме-

⁵³ Hartmann N. Neue Wege der Ontologie, S. 24.

⁵⁴ См.: Hartmann N. Philosophie der Natur: Abriss der speziellen Kategorienlehre. Berlin, 1950, S. 483.

нений количественных, постепенных⁵⁵. Идеализм, тесно связанный с метафизикой, по существу неспособен, даже в наиболее развитых своих формах, включая диалектику Гегеля, по-настоящему объяснить возникновение нового. Ведь если в основе развития лежит *идеальное* начало, априори более высокое, чем все, что только может еще появиться, то реального возникновения нового просто нет: то, что представляется новым, в той или иной форме уже предсуществует в «Идее», порождается ею или иным началом, идеальным по природе и только иначе именуемым, да помещаемым в различных точках процесса, в прошлом, настоящем или будущем.

Но это означает, что движущие силы развития так или иначе изымаются из самого процесса, помещаются «по ту сторону» природного и социального мира, а концепции развития, с идеализмом связанные, оказываются «метафизическими» уже не только в смысле односторонности представлений о развитии, но и в смысле *спекулятивности* их основных понятий. Огромное влияние на развитие философии науки в западных странах неопозитивизма с его решительным неприятием «метафизики» в смысле спекулятивной философии привело к потере влияния концепций «творческой» эволюции, на время замененных идеей «уровней», «слоев» бытия, а также системно-структурными методами и представлениями. Идея развития приурочивается главным образом к специальной области биологической науки и трактуется в ее рамках. Лишь в последние два десятилетия буржуазная философия, особенно американская, вновь обращается к мировоззренческим проблемам теории развития.

Оживление «метафизики», своеобразный ее «ренессанс», последовавший за ее «ниспровержением» позитивизмом⁵⁶, оказался связан, как представляется, с той жгучей потребностью в мировоззрении, которую испытывает капиталистическое общество в современном мире. Научно-техническая революция; бурное развитие научного знания, открывающего «странные» зависимости и формулирующего «сумасшедшие» теории; но прежде всего, конечно, социальное движение эпохи, подорвавшее сами

⁵⁵ См.: Богомолов А. С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? — Философские науки, 1970, № 3, с. 66—72.

⁵⁶ См.: Скворцов Л. В. Обретает ли метафизика «второе дыхание»? М., 1966; Юлина Н. С. Проблема метафизики в американской философии XX века. М., 1978.

основы буржуазного общества и его идеологии,— все это заставляет задуматься над проблемами объяснения мира и происходящих в нем процессов развития. Поэтому вновь и вновь ставятся задачи всеобъемлющего философского *синтеза*, отодвинутые было на задний план различного рода «аналитическими» философиями. Как правильно отметила Н. С. Юлина, «в форме „преодоления“ и „восстановления“ метафизики осуществляется переориентация философского мышления на новый образ науки и переосмысление предельных оснований философского знания»⁵⁷. И среди различных тенденций такой переориентации немалое место занимает возрождение идеи развития, «процесса». При этом обнаруживается достаточно обстоятельный зачастую учет влияния в современном мире диалектического материализма как наиболее развитой современной теории развития. Не случайно новейшие буржуазные концепции развития строятся, как правило, в острой полемике против марксистской философии.

Для возрождающихся «метафизических» концепций в Америке 50-х — 60-х годов характерно обращение к развитию («процессу») как атрибуту отдельных «царств» или «модусов» бытия. Так, в «позитивистской онтологии» Д. К. Фейблмена процесс осуществляется в сфере «существования», трактуемого как «временная и историческая диалектика действительности»⁵⁸. Текущий, а следовательно, противоречивый, внутренне конфликтный характер существования связан, по Фейблмену, с тем, что существование всегда недостаточно, несовершенно, а его основная характеристика — это «лишенность» (*privation*, аристотелева *stēresis*), противостоящая «полноте» сущности. Соединяя Гегеля и Платона, Фейблмен видит в существовании «возвращение» (*epistrophē* неоплатоников) к сущности, но без первоначальной «эманации». «Эпистрофе,— пишет он,— есть побуждение части вернуться к целому, где частицы существования рассматриваются как части и соответствующие сегменты универсума сущности целых... Это порыв, побуждающий существующие вещи обрести своего рода чувство, направленное на сущность»⁵⁹.

Иными словами, это та же идеалистическая установка, которой пользовались сторонники «творческой» эво-

⁵⁷ Юлина Н. С. Указ. соч., с. 281.

⁵⁸ Feibleman J. K. *Ontology*. Baltimore, 1951, p. 215.

⁵⁹ Ibid., p. 494.

люции, но ограниченная сферой существования, противостоящей сфере сущности. Аналогичную картину рисует П. Вайс, для которого «процесс» также принадлежит модусу «существования» — лишь одному из четырех модусов, исчерпывающих бытие (Действительность, Идеальность, Существование и Бог). Уже в первой из своих книг «Реальность» Вайс, подобно Фейблмену, выводит процессуальный характер реальности из ее «неполноты». *«Быть — значит быть неполным... Никакая реальность не ограничена полностью протяженностью момента и поэтому она не может уничтожиться с истечением этого момента. Реальности существуют в то время, как они меняются, потому что, будучи целиком наличными в качестве действительных, они в качестве виртуальных являются все еще будущими, незатронутыми событиями того момента, который налицо»*⁶⁰. Мы видим здесь открытую полемику против Уайтхеда, «события» которого атомарны во времени и уничтожаются, заменяясь новыми, в самый момент их осуществления. Подобно бергсоновской «длительности», которая сохраняется, «делая снежный ком из самой себя», «события» Уайтхеда также сохраняются, обретая «объективное бессмертие» в настоящем. В отличие от него Вайс подчеркивает активную роль *будущего*. Универсальная взаимосвязь сущего, каждый элемент которого «показывает необходимо на все другие как объекты его потребностей, которые необходимо принять во внимание для того, чтобы быть полным»⁶¹, дополняется связью с будущим. «Если каждое сущее занято свойственным ему будущим, то оно будет пытаться сделать его наличным по-своему и в соответствии со своим темпом»⁶².

Относясь к сфере (модусу) существования, «процесс» не может рассматриваться как универсальная черта бытия. Он характеризуется временностью, субстанциальностью и действительностью. Но «то, что временно, всегда может быть дефектным»; «то, что субстанциально... — имеет границу, требующую других субстанций; то, что действительно, не обладает необходимым контролем по отношению к тому, что оно содержит. Вселенная невременна, несубстанциальна и недействительна, а поэтому столь совершенна, сколь это возможно, не имеет противоречащих ей прин-

⁶⁰ Цит. по: *Reck A. J. The New American Philosophers: An exploration of thought Since World War II. Baton Rouge, 1968, p. 322.*

⁶¹ *Weiss P. Modes of Being. Carbondale; London, 1968, p. 9.*

⁶² *Ibid.*

ципов, существ, которые бы контрастировали с нею и зависели в отношении значения, которое она могла бы иметь, от того факта, что она охватывает необходимые модусы, которые в ней необходимо объединены»⁶³.

Из этого рассуждения видно, что система Вайса строится по образцу спекулятивных философских систем прошлого, старательно избегавших опоры на науку, и даже в тех случаях, когда такая опора была фактически налицо, старательно эти «опасные связи» маскировавших. Поэтому его система не получила широкого отклика в философском мире. Аналогичная судьба ожидала другого представителя столь же спекулятивной философии, А. Бама, который попытался соединить в единую картину мира полярность, диалектику и органицизм. Особенность этого построения состоит в том, что А. Бам стремится подчинить диалектику органицизму. «Всякий жизненный рост,— пишет он,— диалектичен, и всякая действительная диалектика органична... Органистическая диалектика — это диалектическая диалектика»⁶⁴. И хотя в работах этого философа встречаются отдельные интересные диалектические идеи, основанные главным образом на переосмыслении и развитии идей диалектики прошлого, практически полная изоляция от проблемы научного знания и социальной практики делает его систему бесплодной. Тем более относится это к пониманию им развития. Собственно, Бам подчеркивает связь диалектики с понятием *изменения*, а не развития, утверждая, что диалектика подразумевает изменение и постоянство, появление нового и старение, рост и упадок, возникновение и гибель как необходимые полярные элементы всего существующего⁶⁵. Но он не соединяет эти моменты и стороны процесса в единую теорию развития, а подчинение диалектики органицизму чревато редукцией общей теории диалектики к частному ее случаю — диалектике связей, наблюдаемых в живом мире.

Более плодотворный путь — использование для построения «синтетической теории эволюции» наиболее общих выводов естествознания нашего времени. После того, как теории Дарвина, Ламарка и Уоллеса обнаружили историческую непрерывность органического развития, пишет

⁶³ Weiss P. Philosophy in Process. Carbondale, 1966, vol. I. p. 285.

⁶⁴ Bahm A. J. Polarity, Dialectic and Organicity. New Mexico, 1977, p. 249.

⁶⁵ См.: Ibid., p. 177—204.

американский биолог Г. Росс, «в последние десятилетия химические и физические понятия действительно навели мосты этого перехода (от неорганического к органическому.— *Авт.*), а открытия субатомного порядка связали материю, как мы наблюдаем ее на Земле, с более ранними стадиями космической эволюции. Когда эволюционные идеи распространяются на органические сообщества (*community and biome formation*), возникает постулируемая непрерывность событий от самых ранних космических условий и до наиболее высокоорганизованных сообществ природы. Этот всеохватывающий характер эволюционной теории поистине возвышается до объединяющего принципа вселенной»⁶⁶. Но разрабатывая свой «синтез эволюционной теории», Росс не вышел за пределы стихийного естественнонаучного мировоззрения, лишь уточняя некоторые устаревшие философские установки эволюционизма прошлого — плоский эволюционизм, жесткий детерминизм и т. д.

Более развитую концепцию в этом духе строит американский философ Э. Харрис. Его работы, и прежде всего «Основания метафизики в науке», посвящены выяснению того, что такое «научная философия» и как строить «метафизику» на основании науки. Самый общий ответ на этот вопрос состоит в том, что философия должна согласовываться с научным познанием своего времени. Но в то же время для того, чтобы осуществить идею единства мира, по его мнению, необходимо выйти за границы науки и постулировать это единство. «Но вся совокупность научной теории свидетельствует о потребности постулировать его, и каждое ответвление научного исследования раскрывает новые примеры, требующие холистической интерпретации своего предмета»⁶⁷. Другая сторона этой целостной картины мира — дифференциация целого и ее источник — *процесс*.

Трактуя последний, Харрис не удовлетворяется концепциями Александера и эмерджентистов, Бергсона и Уайтхеда, как раз потому, что во всех них сохраняется некое таинство возникновения нового. «Даже впечатляющий синтез Уайтхеда оставляет неопределенным статус

⁶⁶ *Ross H. H. A Synthesis of Evolutionary Theory. Englewood Cliffs, 1962, p. VII.*

⁶⁷ *Harris E. E. The Foundations of Metaphysics in Science. New York, 1965, p. 453.*

психики, а природу сращения темной»⁶⁸. С другой стороны, подход аналитических философов к проблеме целостности, основанный на логическом атомизме, несовместим с действительным сложным и пронизанным взаимозависимостями характером мирового целого и тех частичных целых, которые в нем имеются. Это свидетельствует и о непригодности той формы логики, которую развивают неопозитивисты, для действительного исследования природы: «требуемый тип логики — диалектическая логика, логика процесса и взаимозависимости понятий. В ходе развития теории и объяснения она возникает как логика вопроса и ответа»⁶⁹. Ее Харрис обнаруживает у английского историка и философа-неогегельянца Дж. Коллингвуда.

Таким образом, Харрис основательно продумал свою концепцию от ее исходных научных материалов и до методологии, стремясь сочетать достижения науки с наиболее основательными и рациональными выводами эволюционных концепций первой половины XX в. и диалектическим методом. Однако последний берется им в его неогегельянском варианте. Но дело не только в этом. Центральная для Харриса проблема — это соединение целостности и процесса. Приняв целостность за первичное, определяющее по отношению к частям, он оставил в стороне другое — относительную самостоятельность частей, конституирующих целое в той же мере, в какой целое конституирует свои части.

В результате понятий так приоритет целого ведет и к телеологии. Опираясь на факт существования «телеологических» (функциональных) научных объяснений, имеющих в виду объяснение функционального назначения органов живого тела, т. е. специфицирующие функции, выполняемые соответствующими органами, Харрис вводит в свое понимание процессов развития целое как *цель*. «В телеологических процессах, — утверждает он, — определяющее влияние оказывает образец целого, который появляется в конце»⁷⁰, т. е. является конечной причиной. Так появляется в качестве окончательного философского «объяснения» *финализм*.

⁶⁸ Harris E. E. Op. cit., p. 283.

⁶⁹ Ibid., p. 283.

⁷⁰ Ibid., p. 475. Развернутую критику финализма см.: Эфендиева Н. М. Критический анализ натурфилософии Эррола Харриса. Баку, 1978.

Явная непоследовательность философской интерпретации развития связана у Харриса, прежде всего, с его сознательным отказом от последовательного материализма, что, конечно, делает двусмысленной и идею опоры на науку. Основание для этого отказа он усмотрел в том, будто бы материализм в принципе механистичен, тогда как «диалектика по существу своему предвосхищающа и телеологична. Именно целое объясняет части, а исход диалектического развития определяет процесс... Имманентность развивающегося целого — вот что составляет стимул развития. Поэтому диалектика никогда не может быть «материалистичной»⁷¹. Иначе говоря, Харрис не считает возможным развитие материализма, позволяющее избежать слабостей материализма метафизического, механистического. Здесь проявляются старые предрассудки буржуазного философа против самого термина «материализм» — предрассудки, в свою очередь ведущие к той или иной форме идеализма или финализма.

Длительная и сложная история, которую пережила идея развития, далеко еще не завершена. Однако история эта показывает, что реальный выход за пределы односторонних и искаженных представлений о развитии, господствующих в буржуазной философии, лежит в направлении диалектико-материалистической концепции развития, всестороннего раскрытия и обоснования процесса развития как процесса закономерного, объяснимого объективными законами материалистической диалектики.

⁷¹ *Harris E. E.* Op. cit., p. 48.

2. КРИТИКА КАТОЛИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ РЕЛИГИОЗНОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

Представляя собой в мыслях схваченную эпоху, современная философия в целом оказывается чрезвычайно многоплановой, пестрой и противоречивой, причем прогрессивные ветви ее развития более или менее непосредственно связаны с материалистической диалектикой, а наиболее консервативные — с идеалистическим и антидиалектическим по своему существу религиозным миропониманием. Вполне естественно поэтому, что в лагере буржуазной философии наиболее внимательно и придирчиво за развитием материалистической диалектики следят именно религиозные философы и среди них особенно — последователи неотомизма, наиболее влиятельного религиозно-философского течения современности. Неотомисты весьма настойчиво стремятся придать борьбе против марксистско-ленинской философии глобальный характер, объединить в пей все современные буржуазные философские течения, а сами претендуют на лидерство в этой борьбе.

Исходный принцип этих притязаний неотомисты обосновывают следующим образом. «Свободный мир», т. е. капиталистический мир, считают они, ныне «не в состоянии противопоставить учению марксизма-ленинизма хотя бы с известной долей приближения столь же целостную мировоззренческую систему»¹. Разъедаемый плюрализмом философских и политических воззрений, «свободный мир» лишь в том случае сможет пайти некую объединяющую идеологическую силу, если определенно и последовательно станет опираться на мировоззренчески-философские основы христианства. Только на основе синтетического охвата всех сторон окружающей действительности, включая как бытие, так и познание, с позиций общих принципов томистского учения, по их мнению, можно вести с шансами на успех противоборство с диалектико-материалистической теорией развития.

¹ Herder — Korrespondenz, 1967, Hf. 3, S. 135.

В своих попытках построить достаточно широкую и вместе с тем гибкую теоретическую платформу для борьбы против материалистической диалектики современные последователи Фомы Аквинского стремятся использовать две исторически возникшие, а ныне сосуществующие (подчас и немирно) линии в отношении допустимых религиозных форм философии. Первая из этих линий — вполне традиционная, идущая еще от середины XIX в., подтвержденная I Ватиканским собором католической церкви (1870 г.) и неоднократными посланиями римских пап вплоть до 70-х гг. XX в. — состоит в открыто провозглашаемой враждебности к материализму и в безусловном отрицании его как богопротивного метода познания, не только не имеющего ничего общего с христианскими принципами мировоззрения, но и являющегося прямым их антиподом. Суть этой тенденции достаточно определена была выражена в мае 1970 г. папой Павлом VI: «возрастающее влияние материализма и натурализма угрожает ныне разрушить духовное состояние нашей цивилизации»².

Но есть и вторая тенденция в отношении неотомистской философии к материалистической диалектике, которая все более ощутимо проявляется в 60—70-х годах нашего века. Ее стержневая установка проистекает из стремления достаточно влиятельных кругов католической церкви установить диалог с марксистами не только в социально-политической сфере, но и в сфере мировоззрения, попытаться сопоставить философские воззрения марксистов и христиан. Выражая эту тенденцию, французский кардинал Марти призывает «серьезно изучать отношения между марксистской доктриной, стремящейся достичь освобождения без бога, и евангелием, предлагающим божье спасение»³.

Примечательно, что влиятельнейшие католические круги, терпимо относящиеся к возможностям сопоставления марксистской и христианской философских позиций, одобрительно относятся к диалогу «с лицами», но не «с движениями». Иными словами, они ориентируют томистских философов на диалог весьма избирательный. Что же касается самих католических философов, то они допускают возможность более радикального изменения от-

² La documentation catholique, 1970, 21.VI, N 1565, p. 552.

³ Ibid., 1975, 16.XI, N 1686, p. 96.

пошения католической доктрины к марксизму. Так, западногерманский «марксолог» В. Пост признает вполне отвечающей духу времени «модель частичного восприятия марксизма теологией»⁴.

Но говоря о возможности ассимилирования католической философией и теологией некоторых элементов марксизма, официальные ватиканские круги сводят подобного рода операцию к чисто внешнему заимствованию, не затрагивающему основ мировоззрения. В тех же случаях, когда определенные группы католиков готовы пойти от диалога с марксистами гораздо дальше и воспринять марксизм как инструмент интерпретации общественного развития, более того, как инструмент революционного изменения политического строя, как это произошло с движением левых католиков, называемых «христианами-марксистами», все попытки подобного рода получают резкую отповедь и церковных иерархов, и официальной католической печати. Официоз ордена иезуитов журнал «Чивильта каттолика», обрушившись в целом ряде своих статей на «вероотступнические грехи», выразившиеся в попытках «христиан-марксистов» сохранить верность церкви, разделяя вместе с тем приверженность марксизму, подчеркивает, что «нельзя быть одновременно христианином и марксистом», что «церковь считает несовместимой с верой как теорию, так и практику марксизма, поскольку марксизм является атеистической и материалистической теорией»⁵.

Квалифицируя радикальные попытки акцептировать марксистскую теорию целиком или частично как нарушение христианского долга, Ватикан еще более сурово осуждает стремление некоторых католических кругов взять на вооружение марксистско-ленинскую практику революционного изменения действительности.

Так, бывший архиепископ Венеции Альбино Лучани, взойдя на весьма непродолжительное время (всего 33 дня) на папский престол под именем Иоанна Павла I, счел необходимым подчеркнуть: «...ошибочно думать, что политическое, экономическое и социальное освобождение можно отождествлять со спасением в Иисусе Христе, что „где Ленин, там и Иерусалим“»⁶. Это высказывание

⁴ *Post W. Kritik der Religion bei Karl Marx.* München. 1969, S. 290.

⁵ *Civiltà cattolica*, 1976, vol. 1, N 3014, p. 105, 108.

⁶ Herder — Korrespondenz, 1978, Hf. 12, S. 597.

красноречиво свидетельствует, что отстаиваемая официальными католическими кругами теория развития своим острием направлена против марксистско-ленинского учения о социалистической революции, против материалистической диалектики как методологии революционной мысли и революционного действия.

Неотомистская аналектика — антипод материалистической диалектики. В противоположность диалектико-материалистической теории развития, ядром которой является учение о единстве и борьбе противоположностей как источнике самодвижения материи, католическая теория развития опирается на религиозную концепцию творения, переносящую источник движения и развития всего сущего во внешнюю по отношению к материальной реальности сферу сверхъестественного. Эта креационистская доктрина исходит из признания того, что в основе развития мира находится божественная субстанция, сотворившая этот мир «из некоего предсуществующего строительного материала» — материи⁷. Поэтому мир «не совечен» богу: он имеет начало и конец. Но это отнюдь не означает, что сотворенный мир не имеет абсолютно ничего общего с сотворившим его богом. Неотомистская аналектика, претендующая на роль методологической основы католической концепции развития, утверждает, что существует «аналогия бытия», благодаря которой весь сущий мир не только существует, но и развивается.

Краеугольный постулат аналектики состоит в провозглашении того, что, хотя бог и мир принципиально различны, между ними имеется определенное сходство, позволяющее понять пути развития конечных, сотворенных вещей на основе «аналогического» соотнесения их с чистым актом божественного творения. Исходным принципом здесь является утверждение, что в каждом реальном бытии содержится пассивная возможность (*potentia*) стать именно таким, а не иным. Осуществление такой возможности реализуется в акте действия (*actus*), а процесс перехода возможности в ее осуществление выступает как движение, изменение, являющееся такой же действительностью, как возможность и акт. Эти три категории — возможность, акт и движение — суть восходящие ступени развития, которые реализуются в действи-

⁷ *Tresmontant C.* Introduction à la theologie chretienne. Paris, 1974. p. 70—71.

тельности благодаря воздействию на пассивную и бесформенную материю со стороны внешней по отношению к ней причины, заключенной в активной форме, которая восходит в конечном счете к перводвигателю движения, чистому акту, к божественной первопричине. «Божественная причинность,— утверждает католический теолог М.-Ж. Никола,— охватывает всякую частную причинность, реализуется через нее, „передает“ бытие через изменение»⁸. Следовательно, божественная причина выступает в этой доктрине не только первоосновой всего сущего, но также и первоосновой всех происходящих в реальном бытии изменений.

Здесь-то и кроется источник принципиальных различий в трактовке изменения и развития материалистической диалектикой и неотомистской аналектикой.

В противоположность диалектическому пониманию движения объективной реальности как самодвижения, имеющего своим источником единство и борьбу противоположностей, схоластическая аналектика выносит источник движения материальной действительности за ее пределы и утверждает, что источником активности, действия, развития в мире является не якобы вторичное производное материальное бытие, а только первичное, истинное бытие, в котором сущность и существование слиты воедино. Это истинное несотворенное бытие составляет сущность божественной субстанции, дающей начало всем сотворенным формам бытия и их развитию. Что же касается воспринимаемых нашими чувствами и разумом вторичных сущностей, обладающих материальной основой, то они приобретают моменты активности и действия, становясь тем самым причастными к развитию, только «в производстве определенного бытия из ничто, которое ему предшествует (*ex nihilo et subjecti*), через акт творения во всей его чистоте»⁹. Оказывается, что материя, согласно томистской доктрине,— это «самое низшее и несовершенное сущее во Вселенной, в силу чего она не может быть действующей причиной для высших, более совершенных форм бытия»¹⁰.

⁸ *Nicolas M.-J.* Evolution et christianisme: de Teilhard de Chardin à saint Thomas d'Aquin. Paris, 1973, p. 4.

⁹ *Ibid.*, p. 6.

¹⁰ *Vries J. de, Lotz J. B.* Philosophie im Grundriss. Würzburg, 1969, S. 89.

Соглашаясь с тем, что понимание материи как объективной реальности вполне совместимо с религиозно-теологическими представлениями томизма о бытии, поборники томистской аналектики отвергают тезис о материи как развивающейся, а тем более как саморазвивающейся объективной реальности. В их представлении материя, даже если она и выступает в качестве объективной реальности, инертна, пассивна, лишена способности к самодвижению, саморазвитию. Для того чтобы привести ее в движение, необходим нематериальный источник изменения и развития в мире. В силу этого материя сама по себе недиалектична, носителем диалектики может выступать и выступает только духовная субстанция — человеческая или божественная. Таков один из краеугольных тезисов томистской аналектики.

Вынося источник изменения, движения объективной реальности во вне по отношению к самой этой реальности, отождествляя его с божественным первоисточником, томистская аналектика яростно ополчается против признания возможности самодвижения, саморазвития в объективной действительности. С точки зрения неотомистской аналектики, утверждение о саморазвитии материальных явлений, природных процессов нарушает онтологический статус природы, все многообразие которой акцидентально по отношению к несотворенному, но все творящему бытию.

Признавая наличие противоположностей в объективной действительности, неотомистская аналектика отрицает понимание единства и борьбы противоположностей в качестве источника развития. Для нее противоположности — это абсолютно разграниченные, не переходящие друг в друга ни при каких обстоятельствах взаимоисключающие стороны конечных сущностей. Аналектика рассматривает противоположности в статике, а не в динамике, видит в их наличии только отклонение от нормального пути развития, но отнюдь не норму развития. Она призывает к синтезу противоположностей в некоей абстрактно формулируемой гармонии, но всячески отвергает противоречие между различными сторонами любого процесса действительности в качестве источника развития.

Характеризуя аналектику как логику бытия и логику познания, которая не исчерпывается «диалектикой противоречий», неотомисты считают противоречие присущим только ограниченному человеческому разуму, а на первое

место выдвигают принцип тождества, который якобы только и способен выразить единство субстанции и верный путь ее познания. Различное и конкретное, несходное и единичное, коренящиеся в материи, утверждают неотомисты, не могут быть носителями единства мира. Единство мира проистекает из сходного и общего, коренящихся не в материи, не в конкретных акцидентальных проявлениях бытия, а в первичной духовной сущности, бытии как таковом, в божественном бытии. В этом чисто духовном бытии, из которого проистекают все явления и процессы окружающей реальности, «снимаются» все противоречия, аннулируются все различия, бытие и сознание сливаются в гармоничном тождестве. Именно это истинное и бесконечное бытие выступает для всякого конечного бытия в качестве образца, недостижимого идеала, который, вовлекая все виды сотворенного бытия в процесс уподобления себе (согласно принципу аналогии), вносит тем самым источник развития в косный и инертный мир сотворенных естественных сущностей.

Принципы тождества и аналогии в томистской аналектике дополняются принципом финальности, в соответствии с которым конечной целью развития мира, равно как и всякой сотворенной сущности, включая человека, является стремление к богу. Эти принципы в своей совокупности образуют методологические контуры того догматического подхода, который и по сей день применяется неотомистами для философско-теологического истолкования бытия и познания, процессов развития в органической и неорганической природе, в общественной жизни.

Однако усложнившаяся динамика социального и научно-технического прогресса, коренные преобразования во всех сферах жизни современного общества, начало которым положила Великая Октябрьская социалистическая революция, привели к тому, что томистская доктрина развития, просуществовавшая практически в неизменном виде шесть с половиной столетий, стала даже для многих поборников католической философии синонимом ретроградства. Поэтому в последние десятилетия, особенно в 60—80-е годы XX столетия, становятся все настойчивее попытки католических философов и теологов, не изменяя «вечным истинам» христианства, обновить томистскую доктрину развития, лучше приспособить ее к современности.

Решающие причины такой переориентации заключены, во-первых, в коренных, качественных преобразовани-

ях мирового общественного развития и резком ускорении его темпов, произошедших в результате создания на Земле нового типа цивилизации — социалистической, возрастающего влияния мировой системы социализма на прогресс человечества. Они заключены, во-вторых, в углубляющемся воздействии научно-технической революции на экономические, социально-политические и духовные процессы современности, на мировоззрение людей, в том числе и верующих. Под совокупным влиянием этих изменений в жизни современного общества резко усилился его динамизм, что, в свою очередь, потребовало от религиозных доктрин более гибкого приспособления к изменяющемуся облику мира, внесения существенных поправок в свои концепции развития.

Модернизация христианской теории развития в контексте обновленческих тенденций в католицизме. Существенное изменение направленности и динамики мирового общественного развития, улавливаемое различными идеологическими доктринами, в том числе и религиозными, привело к тому, что за последние 15—20 лет католическая церковь претерпела гораздо более масштабную и глубокую эволюцию, чем за всю свою предшествующую историю. Эта эволюция, нашедшая свое концентрированное выражение в термине «аджорнаменто» (обновление), проявляется, прежде всего, в формировании нового облика католической идеологии и ее философских оформлений. Широковещательное «обновление» осуществляется на основе ассимиляции и препарирования в интересах церкви новейших достижений человеческой цивилизации в экономической, социально-политической, научно-технической и духовной сферах, ассимиляции, осуществляемой в рамках традиционных томистских доктрин, получающих, однако, иное, чем прежде, истолкование.

Эта общая сущность модернистских тенденций современного католицизма проявляется в полной мере и в модификации томистской доктрины развития. Утверждая, что реальное существование человека в определенной социальной действительности, связанное с изменением социальных и политических структур, с обогащением материальной культуры, духовным и моральным прогрессом, обладает действительной, а не мнимой ценностью, лидеры современного католицизма вынуждены благосклонно отнестись к тем философским идеям развития, которые все активнее формируются в лоне этого вероучения,

по которые ранее неизменно квалифицировались отцами церкви как «еретические».

Весьма характерно, что сама категория прогресса, которая совсем недавно идентифицировалась с ересью «прогрессизма», ныне в официальных документах римских пап Павла VI и Иоанна Павла II приобрела права гражданства в качестве едва ли не определяющей применительно к сфере общественного развития. В их энцикликах, посланиях, выступлениях последняя четверть XX в. характеризуется как «эпоха» большого прогресса, то и дело говорится о возрастающем «динамизме жизни и цивилизации», о «развитии техники и цивилизации нашего времени» и связанном с этим «необычайном прогрессе в области овладения человека миром». Римские первосвященники настойчиво призывают к углублению «апостольского, миссионерского динамизма», к «открытости церкви по отношению к развивающемуся миру», настаивают на дальнейшем «обновлении» церкви, которая должна быть более стойкой перед лицом разного рода «новшеств», тем более, что «тема развития и прогресса на устах у всех».

Если выделить основные идеи, которые были выдвинуты в последнее время неортодоксальными католическими философами и которые после более или менее длительного замалчивания, а порой обвинений в ереси и уничтожающей критики все же инфильтрировались в религиозно-философскую доктрину развития, то следует остановиться на следующих из них.

Во-первых, в лоне католицизма постепенно сложилась, а в последние два десятилетия приобрела широкое влияние (главным образом благодаря трудам П. Тейяра де Шардена, Э. Мунье, И. Конгара, Ж. Лакруа, Ж.-М. Доменана, Д. Джирарди) концептуальная схема прогрессирующего развития так называемых земных реальностей, земной деятельности человека в природной и социальной действительности. Если раньше человеческая деятельность, направленная на преобразование мира, определялась консервативными церковными идеологами как противное божественным предписаниям проявление гордыни человека, то в концепциях католических «прогрессистов», напротив, всякое бездействие и пассивность трактуются в качестве зла, а активная деятельность человека в соавторстве и сотрудничестве с богом — как добродетель. Сторонники этой концепции утверждают, что необходимо «строить Землю», и всякая человеческая деятель-

ность, как бы скромна она ни была, при условии, что она согласуется с догматами христианства, способствует очеловечиванию мироздания, отношений между людьми, внося тем самым позитивные элементы прогрессивного развития человека и в вертикальном (направление к богу), и в горизонтальном (направление к совершенствованию жизни на Земле) измерениях.

Во-вторых, под влиянием идей Ж. Маритэна и И.-Б. Метца, которых долго упрекали в преувеличении светских мотивов в деятельности христиан, католическая доктрина развития признала неправомочность игнорирования теологией общественно-политических реальностей и провозгласила ныне позитивную ценность действий в сфере политики, направленных на сохранение мира, совершенствование общественных институтов, возвышение человека и его личностных ценностей, воплощение принципов гуманизма, трактуемых, разумеется, в христианском духе. Если раньше поборники католической теологии делали основной упор на дедуцирование умозаключений применительно к видимому миру на основе чисто спекулятивного метода, исходящего из неизменных догматов веры, то сегодня все явственнее формируется «теология земных реальностей», которая исходит преимущественно из фактов изменяющейся социальной действительности, а затем уже интерпретирует их в рамках «политической теологии» (И. Б. Метц), «теологии развития и прогресса» (Ф. Утар, В. Дайм), «теологии революции или освобождения» (Г. Гутьерас и др.). Среди поборников этих концепций идет все более глубокая дифференциация по направленности политических ориентаций, но большинство из них убеждено в необходимости освобождения в том смысле, что надлежит «изменить структуры»¹¹ (политические. — *Авт.*). Поскольку такое убеждение в последние годы стало преобладающим, особенно среди теологов и пастырей в Латинской Америке, Ватикан и приближенные к нему иерархии церкви выступили с резкой критикой «теологии освобождения», которая, по словам западногерманского кардинала И. Ратцингера, «собственно не является теологией, так как она полагается не на бога, а на классовую борьбу, и хочет не свободы, а диктатуры партии», находясь «под массивным давлением марксистских группировок»¹².

¹¹ Herder — Korrespondenz, 1979, Hf. 5, S. 239.

¹² Ibid., 1978, Hf. 12, S. 597.

В-третьих, под влиянием работ М. Д. Шеню, А. де Любака и их последователей, провозгласивших необходимость сакрализации человеческого труда, католическая доктрина развития признает позитивную ценность целесообразной человеческой деятельности — прежде всего трудовой — в преобразовании мира. Если раньше теология рассматривалась почти исключительно как теория сотворения мира, то ныне она все чаще трактуется как «теология труда», как теория развития и преобразования мира человеком — партнером бога. Именно в труде, отмечает итальянский неотомист Дж. Кампанини, интегрируются воедино горизонтальное и вертикальное измерения человека, его соотносительность с миром и богом. Поэтому «труд (как самостановление и в известной мере как самопонимание личности, как служение другим, активное отношение к миру) выступает необходимым опосредствующим началом для открытия человеком подлинности его отношений с другими людьми». Но в то же самое время человек в процессе труда уподобляется богу-творцу, в силу чего труд является знаком эсхатологического ожидания. Поэтому «через труд человек приходит к обществу и истории и вместе с тем — к трансценденции»¹³.

В-четвертых, широкое распространение и рост влияния «трансцендентального неотомизма» К. Ранера, Г. Кюнга, Р. Давези, призывающего заменить беспрекословное следование за томизмом «философствованием в духе „томизма“», которое не отгораживается от современной философии и науки, а вступает на путь диалога с ними в поисках истины, привело к тому, что католическая доктрина развития все более включает в себя переработанные на схоластический лад элементы экзистенциализма, неопозитивизма, социальной философии Франкфуртской школы и даже марксизма, чтобы более убедительно подкрепить свои претензии на универсальность, способность создать философско-теологический образ действительности второй половины XX в. Если раньше теология ориентировала католика преимущественно на «вертикальное измерение», т. е. на участие в деле искупления, то ныне она все чаще говорит о взаимосвязи «вертикального измерения» с «горизонтальным», имеющим в виду активное участие человека в продолжении

¹³ *Campanini G. Etica cristiana del lavoro.* — In: *Messaggio cristiano ed economia.* Bologna, 1974, p. 375.

божественного дела творения, в изменении и развитии окружающей действительности. Если раньше философия и наука трактовались только как служанки богословия, то ныне они все определеннее характеризуются в качестве «партнеров» теологии в объяснении развивающегося мира, причем человеческая эмансипация, гуманизм, наука, социальный прогресс превращаются в основные темы теологии.

Из названных четырех основных направлений, по которым протекает ныне модернизация философско-теологической доктрины католицизма, в том числе и пропагандируемой ею теории развития, наиболее существенное значение в смысле глубины пересмотра философских основ доктрины имеют первое и четвертое. Но если первое из них, связанное преимущественно с деятельностью П. Тейяра де Шардена, фактически выходит за пределы томизма и должно быть поэтому проанализировано отдельно, то четвертое, в формировании которого решающую роль сыграли работы видного западногерманского теолога и философа К. Ранера, фактически видоизменяет некоторые стороны томистской доктрины развития, оставляя в неприкосновенности ее принципиальные основы. Поэтому мы рассмотрим его более подробно.

Исходным пунктом традиционного томистского философствования является внесубъективный мир, космос. Но современная нам действительность, в которой происходят радикальные изменения, утверждает К. Ранер, принуждает трезво мыслящего философа и теолога ставить в центр внимания человека и его историческую деятельность. Поэтому акценты в современном христианском философствовании должны быть перенесены с «теологии неба» на «теологию земли», в силу чего «история открытия и веры должна сосуществовать с общей мирской историей»¹⁴. Поэтому «суждение веры о человеке... должно ввести нас в его историческую ситуацию. Это предполагает как диалог с данной ситуацией, поскольку она уже осмыслена научно и теоретически, так и мужество войти в еще не рефлексированную ситуацию, принять ее и говорить из нее»¹⁵.

Но чтобы войти в перефлексированную (с точки зрения христианства) ситуацию исторического развития че-

¹⁴ *Rahner K. Zur Theologie der Zukunft. München, 1971, S. 16—17.*

¹⁵ *Ibid., S. 81.*

ловеческой цивилизации, особенно на ее современном необычайно динамичном этапе, современный христианин должен быть готов встретиться с марксизмом, более того, он «должен допустить вопрос со стороны марксизма, насколько серьезно мы воспринимаем мир, который предназначен нам для деяний»¹⁶. Как раз «деяние», по мысли Ранера, и должно составить основную категорию обновленной католической теологии, давая ей возможность показать, каким путем человек опредмечивает свои поведенческие акты через деяния, выступая тем самым сотворцом бога в изменении и развитии мира. Анализ человеческой истории через призму деяния дает возможность показать, что величие человека и его богоподобие заключается не столько в том, что он имеет бессмертную душу, сколько в нашем активном участии в божьем деле сотворения и развития мира и самих себя через актуализацию в нас самих божьих атрибутов творчества. Именно этим, по Ранеру, определяется и соотношение гражданской истории и истории спасения: отражение бога в человеке не только означает его принципиальную отнесенность к богу и вытекающую отсюда исключительную роль человека во вселенной, но и сверх того — свободу человека, благодаря которой он сам способен выбирать цели своего деяния и тем самым оказывать определенное воздействие на направленность социального развития.

Отсюда следует вывод К. Ранера о необходимости антропоцентрической ориентации христианского философствования, о необходимости привнесения существенных изменений в томистскую доктрину развития в контексте понимания роли человека как субъекта исторического процесса, как сотворца (разумеется после бога) своего мира. Если раскрыть скобки этой антропоцентрированной теологии, то ее главным утверждением становится тезис, согласно которому «человек нашего времени и особенно человек будущего является человеком, планетарно объединенным историческим процессом, глобальным жизненным пространством и тем самым объединенным зависимостью каждого от всех»¹⁷.

Одним из важнейших факторов такой «глобализации» человеческого существования в XX в., считает К. Ранер,

¹⁶ *Rahner K. Zur Theologie der Zukunft*, S. 189.

¹⁷ *Rahner K. Das Christentum und der «neue Mensch»*. — In: *Schriften zur Theologie*. Zürich; Köln, 1965, Bd. V, S. 160.

стала научно-техническая революция, поставившая человека в принципиально новое соотношение с окружающим его миром и позволившая тем самым ему существенно усилить свое влияние на процессы изменения и развития в природной и социальной действительности. «Человек сегодняшнего и завтрашнего дня,— пишет К. Ранер,— является человеком техники, автоматизации, кибернетики. В нашем контексте это означает: человек в широком масштабе уже больше не остается таким человеком, который просто влачит свое существование от данной заранее природы в точно таким же образом данной заранее среде, а становится человеком, создающим для себя свою новую среду. Между собой в своем физическом и духовном существовании и „природой“, т. е. физически и биологически постижимой средой, как условием своего собственного существования, он вклинивает внешний мир, созданный самим»¹⁸. Но опираясь на науку и технику, человек, по утверждению К. Ранера, изменяет не только окружающую природную и социальную действительность, он «применяет технически планируемую силу преобразования также и к самому себе, превращая самого себя в объект своей манипуляции, изменяя тем самым самого себя и становясь „творцом самого себя“»¹⁹. Именно техническое могущество, приобретенное человеком в процессе овладения достижениями научно-технического прогресса, считает Ранер, превращает человека в субъекта планетарного жизненного пространства, не просто воспринимающего окружающую среду, но и изменяющего ее, а также и самого себя «по своим собственным планам»²⁰.

В силу того, что христианство прежних веков не сталкивалось да и не могло сталкиваться со столь радикальными изменениями в сущности человеческого бытия и в процессе развития окружающей человека среды, перед современным христианством, считает Ранер, возникают все новые и все более ошеломляющие задачи, требующие «мучительного процесса акклиматизации к ним христианской церкви». В ходе такой акклиматизации от традиционных представлений об изначальном акте творения необходимо перейти к «представлению о бесконечной революции», совершаемой человеком по наитию бога в истории, революции, в которой наличный мир вечно сжигается в

¹⁸ Ibid., S. 161.

¹⁹ Ibid., S. 162.

²⁰ Ibid.

бесконечном огне, чтобы вновь и вновь возрождаться в своем развитии к будущему²¹.

Образцом того, что конкретно понимает Ранер под «акклиматизацией» христианства к духу современной науки, может служить совершенная им самим операция по «сближению» библейской картины творения с современной эволюционной теорией. Он убежден, что воспринятая из времен борьбы теологии с наукой альтернатива «либо вера в творение либо эволюционная теория» должна замешиться новым постулатом: «вера в творение и эволюционная теория»²².

Призывая собратьев по теологии внимательнейшим образом следить за всеми успехами современного естествознания в вопросах происхождения и развития человека, Ранер предостерегает их, однако, от слишком доверчивого отношения к естественнонаучным теориям, в которых господствуют монистические либо пантеистические воззрения, объясняющие все и вся в реальности, и в особенности развитие, материальными причинами, что в конечном счете завершается «диалектическим материализмом»²³. Чтобы избежать этого, считает он, мало признавать пригодность эволюции для «тела» человека и отвергать такую пригодность для «души», как длительное время поступало католическое богословие, нужно признать правомерность эволюционного подхода к развитию и духовной субстратности человека, представить человека в его реально-онтологической диалектике, во взаимной соотнесенности материальных и духовных начал, как в становлении, так и в развитии человека.

Для Ранера эволюция и отражение бога в духовной сущности человека представляют собой два необходимых и взаимосвязанных процесса. Человек становится человеком в процессе эволюционного развития, но его индивидуальную неповторимость составляет конструирующая его личность безграничная милость божия. В силу этого человек занимает специфическое, только ему присущее место во всем сотворенном — он является гражданином эволюционного формирующегося и развивающегося кос-

²¹ См.: *Rahner K.* Das Christentum und der «neue Mensch», S. 162, 165, 175—176.

²² *Overhage P., Rahner K.* Das Problem der Hominisation. Über den biologischen Ursprung des Menschen: Quaestiones Disputae. 12/13. Freiburg; Basel; Wien, 1961, S. 5.

²³ *Ibid.*, S. 21.

моса и одновременно гражданином духовного мира божественности. Это проистекает из того, что в самом процессе становления человека наличествует момент «развития материального по направлению к духу», а это, по мнению Ранера, создает основу для взаимного соответствия библейской доктрины и научных концепций. Разница между ними состоит только в том, что «естественнонаучное начало (т. е. телесность) — это начало, от которого развитие все больше удаляется, а библейское начало (т. е. духовность человека) есть начало, которого в ходе истории необходимо снова и снова достигать. Причем, чем выше поднимается „развитие“, тем яснее становится, какие действительные, подлинные возможности были заключены в этом начале»²⁴.

Этот вывод теолог обосновывает следующим образом: «Поскольку человек является „продуктом“ природы и существует не когда-нибудь, а именно в конце развития, которым он, по крайней мере частично, может управлять, преобразуя вместе с тем самого себя, постольку именно природа приходит в нем к себе самой» и «предстает в конце концов как какая-то история», как «самотрансцендентность космоса в человеке»²⁵. Но такую самотрансцендентность, самопонимание природы через человека и в человеке, считает Ранер, нельзя представить как развитие, осуществляемое только в силу естественных и естествознанием устанавливаемых причин. Это можно представить только как процесс «самосообщения бога духовному творению», в силу чего сложная картина развития космоса и человека предстает перед мысленным взором как «динамика, которую бог создает в соответствии со становлением — в самотрансцендентности мира»²⁶. Поэтому многообразие развития мира можно правильно понять лишь исходя из христианского представления, что «мир в своих материальных структурах заранее открыт для действительности духа, для веры как тотального акта самого внутреннего ядра духовной личности, направленного на действительность бога»²⁷.

²⁴ Overhage P., Rahner K. Das Problem der Hominisation, S. 84—85, 89.

²⁵ Rahner K. Christologie innerhalb einer evolutiven Weltanschauung.— In: Schriften zur Theologie, Bd. V, S. 196, 199.

²⁶ Ibid., S. 199, 201.

²⁷ Ibid., S. 26.

Если резюмировать основные выводы К. Ранера, направленные на модернизацию и обогащение католической «теологии развития и социального прогресса», то суть их состоит в следующем.

Во-первых, «развитие» характеризуется как медленная и спокойная эволюция, связанная с постепенным наращиванием духовности и элементов гуманности в человеческом обществе, всякое же революционное изменение, особенно в общественной жизни, есть отклонение от нормального пути развития.

Во-вторых, развитие ограничивается строго определенными временными рамками, оно имеет свое начало и свой конец; если этот принцип излагать в космическом измерении, то развитие началось с момента сотворения мира и завершается одновременно с концом этого мира²⁸.

В-третьих, источником развития признаются не имманентно присущие миру, его отдельным вещам и процессам противоречия, а божественный дух, лежащий у истоков сотворенного мира и составляющий высшую цель его развития, всякое же противоречие, особенно в самой развивающейся действительности, признается «нонсенсом», возникающим только в силу несовершенства человеческого познания и деяния.

В-четвертых, развитие естественного, природного и социального мира, приходящего к самопознанию в человеке и через человека, оказывается неразрывно связанным с «эсхатологическим» измерением человеческого существования, а мистический «эсхатон» выступает в качестве завершения человеческой истории и всякого развития. Важнейшей же целью развития, как того и требуют традиционные христианские каноны, является подготовка души к потусторонней жизни в вечном общении с богом.

Все сказанное дает возможность определить довольно узкие границы новаторства, предпринятого К. Ранером и другими поборниками «авангардистской теологии» в целях «осовременивания» и «онаучивания» томистской доктрины развития. Эти границы определяются двумя основными принципами: 1) обмирщение католической концепции развития (путем вытеснения ее традиционной проблематики теологически истолкованной социально-политической и этической проблематикой) не должно затра-

²⁸ В силу чего все ультрасовременные модификации томистской доктрины развития не отменяют ее апинаучной, креационистской сущности.

гивать основ католической догматики; 2) признание активной роли человека в изменении и развитии социальных структур отнюдь не должно приводить к выводу о приемлемости их революционного обновления; в этой сфере угодная богу (и церкви) активность обязана идентифицироваться только с постепенным реформаторством неокатолического толка. Если же границы обновления теологии, в том числе и «теологии развития и прогресса», оказываются преодоленными тем или иным богословом или даже целым движением, немедленно следуют официальные санкции со стороны Ватикана.

Так произошло с видным левокатолическим философом Джулио Джирарди, который за слишком активные попытки сблизиться с марксизмом, организовать прочтение библии и истории христианства, используя те средства, которые предоставляет исторический материализм, и признать правомерным для христианина «социалистический и революционный выбор», по указанию Ватикана был уволен в 1969 г. из Салезианского университета в Риме, а в 1973 г. — из Католического института в Париже. Так произошло с известным швейцарским «теологом-авангардистом» Гансом Кюнгом, который в декабре 1979 г. был отстранен Ватиканом от преподавания богословия из-за того, что ставил под сомнение божественность христианства и непогрешимость папы римского.

Фактический смысл тех позиций, которые занимает ныне католическая церковь по вопросам войны и мира, борьбы народов против империализма и неокOLONиализма, соотношения научно-технического и нравственного прогресса, охраны окружающей среды и прав человека, свидетельствует, что Ватикан стремится во что бы то ни стало ограничить вовлечение христиан в осуществление принципов «теологии развития и прогресса» рамками современной социальной доктрины католицизма. Допуская возможность перспективы развития религии, признавая право народов на участие в антиимпериалистических движениях, Ватикан вместе с тем строит свою доктрину социального развития на проповеди христианской любви, классового мира и классового сотрудничества. Он обосновывает необходимость церковного вмешательства во все сферы общественной жизни ссылками на радикальный христоцентризм, т. е. на актуализацию проблем развития современного человека и общества в духе учения об Иисусе Христе.

Именно этими причинами порождена противоречивость социально-политической доктрины развития, отстаиваемой современным католицизмом. Призывая освободить человечество от нарастающего бремени гонки вооружений и способствовать уважению суверенных прав каждого народа, поощряя участие католиков в антиимпериалистической борьбе, Ватикан одновременно резко осуждает «теологию революции» и возникшее в 70-х годах нашего века левокатолическое движение «христиане за социализм». Он игнорирует социальные причины возникновения военных конфликтов, проповедует религиозно-буржуазный «принцип солидарности», долженствующий отвлечь трудящихся от классовой борьбы, распространяет христианизированные варианты буржуазных концепций «конвергенции», «деидеологизации», «прав человека», подменяет подлинную борьбу за освобождение человека иллюзорным религиозным спасением «во Христе».

При общей высокой оценке научно-технической революции как глобального фактора ускорения социального развития современный католицизм и здесь занимает двойственную, противоречивую позицию. Восхваляя возрастающее значение достижений науки и техники, он одновременно гипостазировать отрицательные последствия научно-технического прогресса, рассматривая его вне связи с конкретными социальными условиями его осуществления; утверждает, что именно «развитие техники» порождает «основную главу драмы нынешнего человеческого существования», поскольку именно «техника несет человеку угрозу превратиться для него в средство и орудие невообразимого саморазрушения, перед лицом которого все стихийные бедствия и все катастрофы покажутся бледными»²⁹.

Из изложенного можно сделать вывод, что современная католическая «теология развития и прогресса» стремится уменьшить разрыв между социальным и научно-техническим развитием, с одной стороны, и христианской верой, а также теоретически интерпретирующими ее христианской теологией и философией — с другой. Она базируется на религиозно-идеалистических основаниях и, признавая определенное значение развития социально-экономической и научно-технической сфер для прогресса человеческой цивилизации, усматривает в конце концов

²⁹ Herder — Korrespondenz, 1979, Hf. 3, S. 195, 196.

решающую пружину этого прогресса в укреплении и распространении христианской веры, «эсхатологического видения» перспективы освобождения человека за пределами земного мира. Вместе с тем она и метафизична, ибо ограничивает развитие только определенными сторонами динамичной общественной жизни. Одновременно она утопична и реакционна, ибо предлагаемые ею средства «подлинного развития» не затрагивают основных источников социально-экономического развития, а провозглашаемая ею внеклассовая программа развития человечества на основе христианской любви к ближнему не может быть осуществлена нигде и никогда.

Вновь подтверждается удивительная глубина и жизненность учения В. И. Ленина о двух направлениях в философии — материалистическом и религиозно-идеалистическом, борьба между которыми не прекращается и в современной общественной жизни несмотря на то, что идеализм, приспособляясь к требованиям развивающейся науки и практики, вынужден теперь покидать многие некогда «незыблемые» его принципы.

Противоречия и парадоксы тейярдистской когерентной диалектики. Наиболее концентрированным выражением того, как современные католики пытаются обновить свою концепцию развития на основе синтеза научных знаний и религиозных представлений, является тейярдизм — философско-религиозное течение, связанное с именем его основателя — католического богослова, палеонтолога и палеоантрополога Пьера Тейяра де Шардена (1881—1955) и деятельностью многочисленных его последователей. Основная проблема, составившая лейтмотив всех исканий тейярдистов, такова: «как примирить, а затем как подкрепить любовь к богу и здоровую любовь к миру, стремления к отрешенности и требования развития»³⁰. Чтобы дать научно обоснованный ответ на эту проблему, считает Тейяр, необходимо рассмотреть феномен человека в его взаимосвязях с природой и обществом через принцип развития, через идею эволюционизма.

Уже в этом исходном пункте тейярдистского философствования проявляется интуитивно угаданная, но так и не понятая и не осознанная ни самим Тейяром, ни его последователями диалектическая концепция развития. «Сегодня позитивное познание вещей отождествляется с

³⁰ Teilhard de Chardin P. Srodowisko Boze. Warszawa, 1964, s. 17.

изучением их развития...— без тени сомнения утверждает Тейяр.— Начиная со своих самых отдаленных образований, материя выступает перед нами *в процессе развития*»³¹. Более того, для Тейяра де Шардена понятие «существование мира» и понятие «развитие мира» синонимичны, ибо, по его убеждению, «мир, который останавливается в своем развитии, есть мир, который умирает»³².

Но для Тейяра мало признать, что весь космос, вся окружающая нас природная и социальная действительность, включая человека и его сознание, есть продукт и процесс развития, важно определить характер, движущие силы и направленность развития. Отвечая на эти вопросы, он стремится не столько строить умозрительные теологические схемы, как большинство его богословских собратьев по ордену иезуитов, сколько опереться на конкретные данные науки, прежде всего геологии, сравнительной биологии, палеонтологии и антропологии. Утверждая, что вся окружающая нас природа развивается на основе закона непрерывного усложнения, действующего в сфере как материального, так и духовного развития, он истолковывает процесс возникновения жизни на Земле как скачок в развитии материи. Жизнь раскрывает свое многообразие, по Тейяру, в результате появления принципиально новой суперорганизации материи, нового типа ее корпускулярной группировки, приведшей в конечном счете к своеобразному перерыву непрерывности, к переходу от молекулы к клетке, к ступени жизни.

Механизм человеческого происхождения, считает Тейяр, не представляет здесь исключения (как твердит католическая ортодоксия), а может быть всецело объяснен как «перерыв непрерывности. Так теоретически определяется и представляется нам механизм возникновения мысли, точно так же как и первого проявления жизни»³³. Чтобы конкретнее представить себе этот механизм, считает Тейяр, нужно уметь выделить в цепи развития «критические точки изменения состояний, ступени по наклонной линии, в общем разного рода скачки *в ходе развития*»³⁴. Основными ступенями в процессе непрерывно-

³¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965, с. 48, 50.

³² Barthélemy-Madaule M. La personne et le drame humain chez Teilhard de Chardin. Paris. 1967, p. 176.

³³ Тейяр де Шарден П. Указ. соч., с. 169.

³⁴ Там же, с. 80.

го усложнения развивающейся космической материи — космогенеза, утверждает этот естествоиспытатель и богослов, применительно к нашей планете выступает геогенез, перерастающий в биогенез, который в своем развитии рождает психогенез, а из последнего на ступени возникновения человека возникает сфера развивающегося разума — ноогенез.

Тейярдистская концепция космогенеза с последовательными ступенями усложняющейся эволюции от неорганической материи до сферы разума находится в глубоком противоречии с ортодоксальной христианской теорией творения, выраженной в книге Бытия, которая полностью отменяет всякий намек на идею естественного генезиса, последовательного и восходящего развития. Но этим противоречие не исчерпывается. Еще более неприемлемой для последовательных поборников христианской ортодоксии является тейярдистская концепция антропогенеза, начисто отвергающая идею моногенизма и утверждающая, что «с точки зрения науки... „первым человеком“ является и может быть только множество людей и его юность насчитывает тысячи и тысячи лет»³⁵

Согласно Тейяру, дух и материя представляют собой не две различные субстанции, а два состояния эволюционного развития универсума. Если для христианских ортодоксов дух есть порождение бога, абсолютно противоположное материи, то для Тейяра «материя — мать духа, дух — высшее состояние материи»³⁶. Если традиционно-христианская теологическая мысль не выходит за пределы утверждения о непосредственном творении души — источнике сознания — сверхъестественной божественной силой, то Тейяр утверждает, что сознание, разум даются человеку не извне и не одноразово, в готовом совершенном виде, а проходят этапы усложнения в процессе эволюции. Он заявляет, что разум — «эволюционное достояние только человека», что «распространенная на весь неорганический и органический объем материи, эволюция начинает захватывать, хотим мы того или нет, психические зоны мира»³⁷. Он убежден, что мыслящий дух является результатом действия закона возрастающей сложности, позволяющего проследить восходящее развитие и

³⁵ Там же, с. 185.

³⁶ Teilhard de Chardin P. Le Cœur de la Matière.— Europe, 1965, N 431/432, p. 110.

³⁷ Тейяр де Шарден П. Указ. соч., с. 165, 217.

усложнение жизненных, в том числе и психических, явлений по мере развертывания эволюции, по мере усложнения материальных образований, в частности центральной нервной системы.

Однако эти особенности тейярдистской концепции развития, отражающие стихийно-диалектический подход к проблемам эволюции материи и духа, свойственный естествоиспытателю, с самого начала отягощены изрядной долей мистицизма, проявляющегося в стремлении теологизировать эволюцию, привнести в процесс космогенеза чуждый его духу финализм. «Эволюция идет по направлению к духу»³⁸, — говорит Тейяр, и эта направленность, по его мнению, характеризует сферы эволюции, включая «ноосферу», т. е. некую сверхдушу человечества, располагающуюся вне биосферы и над ней. Эта оторванная от материи, целиком теологизированная сфера сознания развивается в предустановленном направлении к сверхличному и сверхъестественному разуму, находя свое завершение в мистическом, духовном полюсе мира — в «точке Омега». Заранее предустановленная направленность развития ноосферы проясняет общую направленность всего процесса развития универсума, всего космогенеза, таинственный смысл и цель которого, согласно Тейяру, можно понять только введя еще одну сверхъестественную ступень эволюции — «теосферу», завершающую весь процесс космогенеза.

Таким образом, к двум основным критическим точкам развития живой природы: первой, связанной с возникновением жизни, т. е. биосферы, и второй, связанной с возникновением мысли, т. е. ноосферы, Тейяр добавляет третью: «Принятие бога в сознание самой ноосферы, слияние кругов с их общим центром, не является ли откровением Теосферы»³⁹. Теосфера выступает в его концепции как высшая концентрация всех индивидуальных сознаний, когда-либо существовавших в человеческой цивилизации, как «высшая личность, к которой его (человека) ведет вся игра космических процессов, как „Омега“ — тот, к которому все устремляется», «из которого все излучается»⁴⁰, получая направленность своего развития.

Произведенная Тейяром спиритуализация и теологизация космогенеза отнюдь не является некоей внешней «до-

³⁸ Teilhard de Chardin P. Le Cœur de la Matière, p. 105.

³⁹ Teilhard de Chardin P. Construire la terre. Paris, 1965, p. 144.

⁴⁰ Ibid., p. 140.

бавкой» к его эволюционизму. Она составляет скорее квинтэссенцию этой концепции, позволяя понять не только то, почему в тейярдизме космогенез перерастает в христогенез, но и то, почему развитие всех структур, даже чисто материальных, истолковывается в нем через призму панбиологизма и даже спиритуалистического панпсихизма.

Тейяровский скачок как перерыв непрерывности характеризует не качественное преобразование материального объекта, а скорее некий порог в восприятии субъектом развивающейся действительности. Отсюда становится понятным, почему у него нигде ни слова не говорится о возникновении в процессе эволюции новых качественных состояний на основе накопления предшествующих количественных изменений, а молчаливо предполагается, что всякая качественная определенность, «всякая вещь самой своей сутью продолжает свою структуру, уходя корнями все дальше в прошлое. Пусть в каком-то очень разжиженном виде, но все начинается с самого начала»⁴¹. В этом пункте спиритуалистический финализм и панпсихизм превращает кажущуюся диалектичность тейярдизма в реальную его метафизичность.

Во всех развивающихся материальных процессах Тейяр де Шарден полагает не только «фокус материальной организации», но и «фокус психической сосредоточенности», и если первый сопряжен с «тангенциальной», преимущественно физической, энергией, то второй — с энергией «радиальной», психической. При рассмотрении значимости этих двух видов энергии, считает Тейяр, несомненный приоритет принадлежит «радиальной энергии», ибо «по существу всякая энергия имеет психическую природу». Но еще более важно то обстоятельство, что именно радиальная энергия «...заставляет развиваться универсум по своей главной оси в менее вероятном направлении все более высоких форм сложности и внутренней сосредоточенности», приводя «нас к рассмотрению высшего полюса мира — „точки Омега“»⁴². Здесь спиритуализм Тейяра-богослова торжествует над стихийно-материалистическими представлениями Тейяра-естествоиспытателя, придавая всей тейярдистской концепции развития отчетливо выраженную религиозно-идеалистическую, теологическую и

⁴¹ Тейяр де Шарден П. Указ. соч., с. 80.

⁴² Там же, с. 65—67.

телеологическую окраску. Естественный процесс эволюции превращается в сверхъестественный. Божественный разум в качестве первоосновы эволюции и одновременно в качестве ее цели составляет Альфу и Омегу ее необозримой в пространственно-временном отношении длительности. Если в первоначальной точке Альфа созидающий божественный дух эволюции придает ей силу и направленность развития, то в завершающей точке Омега сливаются воедино все чудесные приобретения эволюционного развития, в том числе и наиболее ценные из них — мысль, познание, любовь, поклонение божеству.

Таковы рамки, в которые Тейяр, в угоду христианской ортодоксии, втискивает ярко описанный им процесс эволюционного развития. Эволюционирующий космос в его концепции оказывается не только замкнутым, но и имеющим центр — некий духовный перводвигатель, «психический центр всеобщего течения (*dérive*), трансцендентный времени и пространству и, значит, в сущности экстрапланетарный»⁴³, где универсум и личное сливаются, не исключая друг друга, в некую мистическую «сверхличность»⁴⁴. В этом центре получают свою наивысшую концентрацию могучие силы любви и объединения и тем самым устраняются все противоположности, разделяющие людей.

Истолкование «теосферы» как высшего образца, к которому должны стремиться люди, накладывает определяющий отпечаток на всю структуру тейяровской «когерентной диалектики». В соответствии с основным для нее принципом «когеренции» решающим источником и направлением развития универсума признается внутренне присущее всем элементам мира духовное по своему существу стремление к объединению в некую целостность. Причиной, движущей силой, сущностью и целью этого объединения признается вселенская любовь, которая, по словам Тейяра, заключается в зове к великому единству. Причем, превознося любовь как решающую силу объединения, тейярдисты не только обожествляют, но и космологизируют ее. Любовь предстает в их изображении источником объединения не только людей, но и всех элементов универсума (по крайней мере, биосферы), так как, согласно Тейяру, «любовь-связь выше любви-влече-

⁴³ Тейяр де Шарден П. Указ. соч., с. 268.

⁴⁴ Там же, с. 255.

ния: отдельные клетки стремятся друг к другу только, чтобы образовать высшее единство»⁴⁵.

А это означает в конечном итоге, что существующие в объективном мире различия и противоречия должны в процессе синтезирующего развития сглаживаться, ибо, как любил повторять Тейяр, «настоящий универсализм должен включить в свой синтез все без исключения инициативы, все ценности, все самые незначительные возможности»⁴⁶.

В тейяровском «универсализме синтеза» нет и намек на борьбу противоположностей. Он односторонен, подчеркивая одну (безусловно важную, но не единственную) сторону диалектического процесса развития — единство — и полностью игнорируя другую, неразрывно связанную с ней сторону — борьбу противоположностей, на основе которой происходит отрицание старого, отжившего и утверждение нового, передового, прогрессивного. В результате тейяровский синтез (персонализирующее объединение) оказывается мирным, бесконфликтным синтезом двух предшествующих тезисов, или моментов, развития (творческого соединения и соединения различия), без какой-либо борьбы нового со старым, без какого бы то ни было отрицания старого, или хотя бы его части, возникающим и развивающимся новым. В нем отсутствуют самые важные с точки зрения последовательно диалектической концепции развития моменты: противоречие, отрицание, отрицание отрицания, без которых по существу нет диалектики. В силу этого наличие интуитивно угаданных элементов диалектики не превращает его никоим образом в осознанный диалектический метод познания.

В противоположность тейяровской «когерентной диалектике» марксистский диалектический метод в полном соответствии с реальным диалектическим процессом утверждает, что развитие идет от тезиса через антитезис с последующим отрицанием его и движением к новому, более богатому и развитому синтезу и т. д. В этом процессе единство неотделимо от противоречий, а движущей силой и источником развития выступают единство и борьба противоположностей. Выражая сущность этого метода, В. И. Ленин указывал: «Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтаннейшем развитии,

⁴⁵ Teilhard de Chardin P. Construire la terre, p. 131.

⁴⁶ Ibid., p. 121.

в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей»⁴⁷.

Принцип конкретного анализа, четкой дифференциации имеет для марксистской диалектики не меньшее значение, нежели принцип объединения. Свойственный марксизму конкретно-исторический подход к исследованию и оценке общественных явлений предполагает необходимость уяснения не только количественных характеристик, но и качественной определенности, классовой сущности любого общественного явления.

Ничего подобного мы не находим в тейярдизме. Конкретный историзм и историческая конкретность в исследовании общественных явлений подменяются здесь абстрактными, оторванными от реальной исторической действительности рассуждениями о «биологии цивилизации». В итоге вместо своеобразия развития общественных отношений и выяснения специфики того или иного социального явления — абстрактная и надуманная схема исторического процесса развития человеческой цивилизации как простого продолжения биологической эволюции. Вкупе с удивительной политической наивностью Тейяра де Шардена, пытавшегося всегда и во всем быть вне противоборствующих политических партий, это приводит к поразительной беспомощности в оценке им социальных мотивов деятельности людей и перспектив развития человеческого общества. Тейяровские социальные категории (социализация, планетизация и т. д.) настолько абстрактны, настолько лишены какой-либо качественной социальной определенности, что их можно при желании наполнить любым содержанием. Эсхатологический же идеал будущего, который рисует тейяровская «диалектика соединения», — построение на основе «энергетики духа» идеального богочеловеческого общества — остается, при всей его оптимистической направленности, утопической иллюзией, религиозной фантазией.

Сложное и противоречивое развитие современных религиозно-идеалистических течений, особенно рельефно проявляющееся в католицизме, свидетельствует о том, что любая мировоззренческая доктрина в преддверии третьего тысячелетия нашей эры не может рассчитывать на сохра-

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

нение своего влияния, если она не включает в себя так или иначе интерпретированные элементы диалектики. Неизмеримо возросший динамизм социально-политического, экономического, научно-технического, духовного развития современного общества вынуждает к этому буржуазных философов и теологов даже вопреки их субъективным устремлениям. Но ни неотомистский модернизм, ни тейяр-дистский эволюционизм, ни «персоналистский революционаризм», ни «диалектическая теология» протестантского модернизма не в состоянии построить теорию развития, способную выразить диалектическую сущность реальной действительности, ибо социально-политические и теоретические основы этих религиозных течений не соответствуют основным тенденциям современного общественного развития, находятся в непримиримом противоречии с ними.

Именно поэтому и все их многочисленные, подчас весьма изощренные выпады против материалистической диалектики, представляющей собой последовательно научную теорию развития, оказываются несостоятельными, а каждый новый виток спирали на восходящем пути социального и научно-технического прогресса вновь и вновь подтверждает величие и мощь диалектического метода познания и преобразования действительности.

3. БУРЖУАЗНЫЙ ИСТОРИЗМ И ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ

В современных буржуазных концепциях философии истории принцип развития получил разнообразное и вместе с тем некое единое в его наиболее общих чертах толкование, отразившееся в представлениях об историзме, о структуре и особенностях исторического процесса развития.

В соответствии с тем, как философско-исторические концепции объясняют природу «подлинно» и «собственно» исторического, их можно разделить на две большие, противостоящие друг другу группы — объективистских и субъективистских концепций. Такое разделение, конечно, условно, так как в действительности в современной буржуазной философии нет объективизма и субъективизма в их чистом виде. Большая часть учений сочетает в себе объективистские положения с субъективистскими, придавая тем или другим из них решающее и определяющее значение. Однако это не лишает обоснованности предлагаемую нами рабочую типологию, поскольку именно в такого рода концепциях буржуазные философы истории разрабатывают и противопоставляют друг другу свои представления об истории, характере и направленности ее развития.

В концепциях объективистского толка утверждается полная зависимость человека, его исторического творчества от внешних для него, объективных, внеисторических и вневременных начал, законов, норм, ценностей, предопределяющих смысл и содержание человеческой жизни, самой истории. В субъективистской философии истории преобладает другая тенденция, тенденция к пониманию человека как автономного и творческого существа, свободного от всяких объективных предопределений. Человек в ней выступает либо как «сотворец» и «соавтор» всего сущего, либо как абсолютно свободное существо, самостоятельно созидающее свою судьбу, творящее историю. В противовес объективистской идее господства общезначимых факторов и принципов в субъективистских фило-

софско-исторических учениях подчеркивается однократность и неповторимость конкретно-исторической ситуации, человеческого выбора, решения, необратимый характер самого исторического развития.

Названная альтернатива объективистских и субъективистских тенденций подтверждается и тем анализом современной философии истории, который мы находим в исследованиях представителей буржуазной мысли. «По всей вероятности,— пишет К. Лёвит,— две великие концепции времени и истории, греческая и христианская, круговорот и эсхатон, исчерпывают принципиальные возможности истолкования происходящего, а все современные исторические теории либо делают упор на один из этих принципов, либо сочетают в себе оба»¹. Известный историк и систематизатор философских концепций человека и истории В. Брюнинг разделяет эту точку зрения и в своей книге «Философия истории современности»² предлагает развернутую и более дифференцированную характеристику философско-исторических учений. При этом в целях наглядности он прибегает к помощи таких символических фигур, как круг, линия и спираль. Первая фигура символизирует те концепции, в которых историческое развитие понимается как круговорот, постоянное возвращение к тому, что уже некогда было. В них, как правило, утверждается некий объективный и общезначимый принцип, априорно предопределяющий весь ход истории, принцип, который в исторических событиях реализуется всегда одним и тем же образом.

Такое понимание истории исключает возможность возникновения нового, момент однократности и неповторимости исторического события, по существу исключает поступательный характер развития и поэтому оно лишено существенных черт подлинной историчности. Символом развития Брюнинг считает линию. Она исходит из одного определенного временного пункта и завершается в другом (даже если эти пункты лежат в некоей бесконечности) без возвращения к пройденному, без повторения. Если же придать линии поступательное вращение, то любая ее точка опишет след в виде спирали, олицетворяющей подлинную историчность.

¹ Löwith K. Weltgeschichte und Heilsgeschehen.— In: Anteile, Martin Heidegger zum 60. Geburtstag. Frankfurt a/M., 1950, S. 122.

² См.: Brüning W. Geschichtsphilosophie der Gegenwart. Stuttgart, 1961, S. 9—10.

Независимо от применяемых образов и типологий в объяснении конкретных особенностей той или иной философско-исторической концепции западные философы обращаются и к человеку. В соответствии с определенным пониманием его положения и роли в истории они рассматривают и истолковывают природу самого исторического процесса. Это подтверждается новейшими трактовками идеи исторического развития. Теории прогресса, отмечает М. Гинсберг, распадаются на две основные группы. Представители первой рассматривают прогресс как осуществление провидения, представители второй — как развитие возможностей человека в соответствии с законами его природы. И та и другая теория может носить детерминистский характер или занимать промежуточную позицию³. Три подхода в понимании смысла и цели истории различает французский историк А. Бофр: это — понимание истории как цепи событий, управляемых случаем, понимание истории как строго детерминированного процесса и понимание истории как свободной эволюции, управляемой волей людей. Считая односторонним и недостаточным каждый из этих подходов, сам Бофр рассматривает исторический процесс как некую комбинацию всех этих факторов, но он не выделяет определяющего фактора исторического движения, не раскрывает характера соотношения различных ее элементов⁴.

Концепции предопределенного развития. Следует сказать, что принцип предопределения развития истории и принцип круговорота истории в их чистом виде непопулярны в современной буржуазной философии истории и не представлены в ней. Как правило, в ней сочетаются элементы круговорота с линейным развитием. Например, философия истории позитивистского толка обнаруживает тенденцию сближать историю и социологию, рассматривать историю как процесс, подчиненный некоторым объективным закономерностям и общезначимым принципам. При этом историческая закономерность здесь по существу понимается по аналогии с естественнонаучными законами, поэтому широкое применение получают принципы естественнонаучного детерминизма, математической и статистической обработки исторических фактов. Неповторимость и индивидуальность исторического не исключают-

³ См.: *Ginsberg M. The idea of progress: A revolution. Westport (Conn.), 1973, p. 17.*

⁴ См.: *Beaufre A. La nature de l'histoire. Paris, 1974, p. 82—83.*

ся в этих учениях, но пребывают в полном подчинении всеобщего и объективно-закономерного.

Под влиянием позитивистов XIX в. (Копта, Тэна и Спенсера) такую философию истории разработал немецкий социолог и философ П. Барт⁵. Философия истории, по его мнению, может исключительно следовать лишь естественным наукам как своему образцу. На этом пути она может определить различные ступени развития народов и все согласующееся в них зафиксировать в едином эмпирическом законе. Барт призывает искать такие всеобщие закономерности и считает возможным предвидение будущих событий истории. В этом утверждении закономерного характера исторического процесса и исторического предвидения состоит позитивный момент философии истории Барта. Однако его понимание исторической закономерности по аналогии с естественнонаучной ведет к подчинению исторического развития некоей фаталистической необходимости. Правда, Барт постоянно подчеркивает и значение однократного, индивидуального в истории. Но этот исторический элемент не получает сколь-нибудь логически оправданного обоснования в рамках его общей концепции.

Общезначимые закономерности неисторической природы имеют определяющее значение для философии истории П. Лакомба. Предметом исторической науки у него являются не отдельные события, а различные социальные институты — объективные, постоянные и «неизменные формы человеческого поведения, чувствования, воления и деятельности»⁶. Отношение между событием и институтом Лакомб сравнивает с отношением между случаем и законом природы. Такое методологическое сближение истории с естественной наукой приводит Лакомба к натуралистическим взглядам на исторический процесс.

Родственные философско-исторические концепции развивают также К. Лемпрехт, Л. Гумплович, Л. Уорд, А. Фирканд и др. Все они исходят из объективных общезначимых принципов, определяющих историческую действительность и понимаемых как некие динамические закономерности, очень близкие закономерностям естествен-

⁵ См.: *Barth P. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. Leipzig, 1922; Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellung. Leipzig, 1921.*

⁶ *Lacombe P. De l'histoire considérée comme science. Paris, 1930, p. 72.*

нонаучного образца. Историческая индивидуальность, как таковая, не исключается полностью, но натуралистическая и фаталистическая трактовка объективных предпосылок и структур истории исключает возможность диалектически обоснованного утверждения места и значения индивидуально неповторимого исторического события. Таким образом, основной недостаток этих учений состоит не в подчеркивании значения всеобщих структур, т. е. идеи закономерности развития и ее научной познаваемости, а в их понимании природы этих структур и самой исторической закономерности, в абсолютизировании роли естественнонаучных методов познания истории, при котором научность вообще отождествляется с научностью естествознания.

Подчеркивание идеи всеобщей детерминированности исторического развития характерно и для других буржуазных философов, в том числе и тех, в учениях которых объективная обусловленность исторического движения трактуется уже не в виде научно и разумно познаваемых тенденций, а как недоступный разумному постижению иррациональный жизненный поток. Если позитивистский рационализм понимал и объяснял историческую закономерность в свете механистических представлений физики нового времени, то иррационалистическая философия истории пользуется уже аналогиями из области биологии. Неподвижным структурам метафизического рационализма она пытается противопоставить свое понимание объективной действительности как динамического жизненного потока, непрерывного процесса становления, управляемого иррациональными жизненными силами, которые пронизывают и детерминируют человека. Этот детерминизм носит всеобщий характер, но не является каким-то историческим единством внешнего порядка. Абстрактно-рационалистической общезначимости в данном случае противопоставляется лишь общезначимость иного рода.

Претензии А. Бергсона, наиболее характерного представителя этого направления, противопоставить в своем иррационалистическом учении исторически-конкретное абстрактно всеобщему, дать историческое понимание объективного не оправдали себя. Рационально-всеобщее было заменено лишь иррациональным — творческой активностью, жизненным порывом, чистой динамикой, непрекращающимся течением, длительностью, свободным

движением и т. п. Но чистое течение и непрекращающееся становление тоже не означают истории, подлинного развития. История должна иметь начало и направленность, она должна сочетать в себе моменты непрерывного и прерывного. В противном случае нельзя говорить ни об исторической закономерности и преемственности, ни об однократном и неповторимом в истории. У Бергсона история — это постоянное движение без субстанциального носителя. Но реальный исторический процесс имеет своих носителей, субъектов истории, которые обладают относительно постоянной и исторически длящейся структурой. Бергсон, правда, вводит в свое учение элементы, призванные ограничить его иррационализм⁷, но они являются только внешними привесками, не согласующимися с основными положениями. Принцип определяющего господства иррационально всеобщего в истории в несколько иной трактовке жизни, как иррационально-мистической силы, еще в большей степени утверждает себя у известного немецкого представителя философии жизни Л. Клагеса⁸.

В стремлении освободить жизнь, дух, а следовательно, и человека из-под власти причинной закономерности материального мира, а вернее, в стремлении предотвратить позитивистские и рационалистические попытки объяснения из естественнонаучных принципов биологических, духовных и исторических явлений, представители философии жизни приходят к отрицанию научного познания законов объективного мира вообще, исторической действительности в частности. Они исходят из ложной альтернативы: либо четкая система разумно организованного мира, либо хаотическое течение жизни. Возможно, что их философия действительно хотела спасти дух человека, его историю от внешних и чуждых для истории форм естественнонаучного детерминизма, определить специфику собственно человеческого, исторического. В действительности же она отдала человека и историю во власть столь же вневременного и внеисторического абсолюта — жизненного потока.

Современные формы буржуазного историзма, характеризующиеся последовательным отрицанием всяких

⁷ См.: *Bergson H. Les deux sources de la morale et de la religion.* Paris, 1932, p. 289.

⁸ См.: *Klages L. Der Geist als Widersacher der Seele.* München; Bonn, 1954.

объективных и общезначимых принципов истории и подчеркиванием однократной и неповторимой природы подлинно исторического события, складывались под сильным влиянием христианства, теология и философия которого формировались в полемике с античным принципом первенства объективно-общезначимого в истории и в человеческой жизни — либо в противовес этому принципу, либо в виде синтеза античных и христианских идей. В соответствии с этой альтернативой и определились и католическо-схоластическая и протестантская философско-исторические концепции. Первая являет собой, прежде всего, определенный синтез христианства и античных идей. Вторая больше характеризуется попыткой противопоставить первоначально христианские идеи античному наследию. Поэтому если современная католическая философия истории относится к разряду очевидно объективистских концепций, то протестантская философия при всем своем религиозно-идеалистическом объективизме придает большее значение исторически-однократному.

Схоласт Т. Геккер⁹ считает, что именно идея исторического отличает христианство от античной философии. Он говорит об историчности христианской догмы в противовес метафизической концепции античности с ее надысторическими вечными истинами. Но вместе с тем Геккер вынужден признать, что античная метафизика лишь по видимости ближе к вечности, нежели христианская догма. Хотя христианские положения о личностном боге, творении и спасении вводят некоторые элементы историчности, тем не менее теологически нельзя божественное полностью отдать историческому. Христианство не может отказаться от идеи вечного, неизменного и надвременного бога. Здесь схоластическая философия сталкивается с противоречием: бог, творя мир, вторгается в историю, более того, он сам воплощается в исторически-однократном бытии и в то же время остается вечным и неизменным существом. Это противоречие Геккер пытается разрешить путем подчинения исторически-однократного (в его христианском понимании) всеобщему мировому порядку, идее вечного и надысторического бога.

В протестантской философии также проявляет себя борьба между христианской верой и элементами классиче-

⁹ Философско-историческая концепция Т. Геккера изложена в его работах: *Der Christ und die Geschichte*. Stuttgart, 1935; *Was ist der Mensch*. Stuttgart, 1934.

ской греческой философии. Отмечая неисторичность религий Востока и политеистических естественных религий, в которых господствует идея круговорота и повторения, представители протестантизма подчеркивают историчность христианства и некоторых других религий. Как утверждает Э. Бруннер, таковыми являются религии с «теистической идеей бога, с верой в господина мира, который тем самым должен отличаться от созданных им мира и природы, которым он ставит цели»¹⁰. Это, по мнению Бруннера, превращает историю в движение к определенной цели, имеющее единый смысл и направление. Человек, включенный в историческое развитие, также обретает цель жизни, а решения и действия его за или против этой цели приобретают характер ответственных решений и действий. Личный творческий бог и ответственная человеческая личность в протестантизме коррелируются, однако эта корреляция рационально невыразима, поскольку бог ни в какой степени не историчен. Он творит в определенных однократных и неповторимых актах, не подлежащих временности. Для философии истории это парадоксально, для христианской теологии подобная «диалектика» неизбежна. «Бог относится ко времени так же, как и к миру»¹¹. То есть бог находится по ту сторону всякой временности. Время возникает одновременно с актом творения. При этом вопрос о том, как в этом акте определяется естественная природа времени, каким образом оно переходит в сотворенный мир и становится необходимым условием течения материальных процессов, находится целиком за пределами теологического объяснения проблемы времени¹².

С точки зрения философии истории совершенно ясно, что, несмотря на усиленное подчеркивание исторического характера ряда важнейших идей христианства — идеи личностного бога, акта творения, инкарнации, спасения, протестантская теология не может освободить свою историческую концепцию от всевластия надвременных и веч-

¹⁰ Brunner E. Religionsphilosophie evangelischer: Theologie Handbuch der Philosophie. Tübingen, 1927, S. 34; см. также: Das Ewige als Zukunft und Gegenwart. Zürich, 1953.

¹¹ Brunner E. Religionsphilosophie evangelischer, S. 57. Противоречивость такого положения признается и другим представителем современной религиозной философии. См.: Rahner K. Zur Theologie der Zukunft. München, 1971, S. 9, 16—17.

¹² О проблеме времени в связи с идеей развития см.: раздел II, гл. 5. настоящей книги.

ных сущностных начал. Неразрешимой антиномией остается для нее также проблема отношения между вечным и временным, неизменным и преходящим, историческим.

И в учении Геккера, и в учении Бруннера, как и во всей современной христианской философии, проявляет себя старая дилемма между сущностным и волевым богом. С первым связано понимание божественной действительности как вечной и неизменной, что восходит к «чистым сущностям» и «объективным идеям» античности, к Платону и Аристотелю. Второе понятие бога подчеркивает приоритет личностного, активного, творческого и волевого. В своем последовательном развитии такой бог разрывает свои связи с вечными и неизменными сущностями и ценностями, он проявляет свое «всемогущество» и может принимать свои решения свободно, считаясь лишь с собственной волей. Если кормчим истории признается сущностный бог, история будет развиваться на путях, определенных вечными принципами. Если же двигателем истории является волевой бог, то развитие истории зависит от соответствующих решений божественной личности, которые могут выражаться либо в предсказаниях на определенный отрезок времени, либо в постоянных вмешательствах бога в историю. Современная христианская философия сочетает оба эти представления о боге в соответствующих философско-исторических концепциях. При этом католическая философия больше окрашена первым пониманием бога, протестантская — вторым. Однако при всех различиях, существующих между католической и протестантской философией истории, следует иметь в виду их принципиальное родство — и та и другая концепция в конечном счете не может отказаться от вечной и неизменной сущности бога. Конкретная историческая действительность превращается здесь в арену, на которой разыгрывается драма не человеческой, а священной, божественной истории.

Понимание исторически-однократного позволяет все христианские концепции истории причислить к типу линейных (что и делают буржуазные историки философии), в которых история трактуется как одна единственная великая линия. В одном случае здесь пантеистическое божественное бытие включается в развитие и утверждается некое историческое начало, однократный ход истории и предопределенный конец всего существующего. В другом — история генетически объясняется однократным

актом творения личного и трансцендентного бога. Историческое рассматривается как нечто однократное, завершающееся по божественному установлению в определенное время.

Такое линейное развитие в целом предопределено и детерминировано божественным провидением. Но история может пониматься (даже в религиозной философии как предположение не одного, а многих независимых друг от друга божественных актов творения) и как множество отдельных генетических линий. В идеалистической философии истории, вырастающей непосредственно под влиянием христианской, это ведет к идее разделения истории человечества на множество отдельных и самостоятельных культур, цивилизаций, духовных, народных и национальных общностей.

Релятивистская философия истории. Протестантская философия истории получает свое развитие у ряда приходящих к ней светских идеалистических мыслителей. На путях секуляризации протестантской концепции эти философы пытаются исключить всякие общезначимые, вечные элементы божественной природы и тем самым рассматривать все сущее в потоке истории. Один из первых представителей этого направления, Э. Трёльч, стремится, с одной стороны, преодолеть метафизический объективизм христианской философии, с другой стороны, он предпринимает определенные меры, предохраняющие его учение от релятивистского историзма.

С этой целью он вырабатывает особое понимание объекта истории. Таким объектом для него является индивидуальное, но не в субъективно-человеческой форме, а в форме человеческих общностей. Из исторического потока он выделяет общности, представляющие собой некую «большую индивидуальную целостность или коллективную индивидуальность». Не выражая единой и всеобщей ценностной установки, она является самостоятельной и локальной «смысловой целостностью», принципы которой позволяют судить о составляющих ее отдельных величинах. Высшую форму такой целостности Трёльч называет «культурным синтезом»¹³. Последний служит ценност-

¹³ *Troeltsch E. Der Historismus und seine Probleme. Erstes Buch: Das logische Problem der Geschichtsphilosophie. Tübingen, 1922, S. 166—168; См. также: Tessitore F. Dimensioni dello storicismo. Napoli; Morano, 1971, p. 120—125, 217.*

ным критерием для объяснения больших исторических эпох. Трёльч подчеркивает исключительно историческое значение этих критериев. Однако он не удовлетворяется рассмотрением истории как некой прерывности, состоящей из подобных «культурных синтезов», а пытается найти исторические по своему существу основы для единства и непрерывности истории. Так, например, он говорит о внутренних связях, соединяющих «культурные синтезы» древних царств Передней Азии с современным Западом. Основной природой этих связей, их исторического единства Трёльч объявляет веру, но не догматическую, связанную с определенными религиями, а веру, которая вырастает из потребности человеческого духа в единстве.

Отвергая содержащиеся в религиозной метафизике потусторонние идеальные основания исторического единства и являясь в то же время противником материалистического объяснения объективных исторических связей, он утверждает «посюстороннюю» божественно-идеальную всеобщность, которая может быть обоснована лишь путем утверждения врожденной человеку духовной потребности в единстве, что так или иначе ведет к признанию метафизического духовного начала. Но Трёльч категорически подчеркивает исключительно историческую природу веры человека в «основы исторического единства» и тем самым ничем не предохраняет свою концепцию от релятивистской опасности.

В. Дильтей предпринимает еще более последовательную попытку идеалистического объяснения истории на основе ее собственной природы. Он отвергает гегелевские объективно-предданные структуры исторической действительности, трансцендентальную всеобщность кантовской философии и даже пытается отмежеваться от иррационально-виталистических форм всеобщности, характерных для Ницше, Бергсона, Клягеса. Дильтей развивает своеобразную историческую философию жизни. Он отрицает всякие вечные трансцендентные принципы объяснения человеческой и исторической действительности. Согласно Дильтею, внутренней жизни человека не отвечает никакой вневременной образ. Поэтому нет и субстанциального носителя индивидуальной жизни, который был бы трансцендентен для всего происходящего в ней. «Мы не знаем ничего иного,— пишет Дильтей,— кроме происшествия, и не имеем права предусматривать никакого его носителя, поскольку это было бы перенесением субстанциального

понятия в мир переживаемого»¹⁴. Как отдельные индивидуумы, так и отдельные общности, периоды, эпохи, культуры несут в себе свой смысл, но, добавляет он, над ними простирается некая более великая связь. Последнюю он пытается воссоздать с помощью своей мировоззренческой типологии. Опасность релятивистского историзма здесь проявляется еще более отчетливо.

Стремление объяснить «кризис истории» как следствие динамики ее элементов находим мы у О. Шпенглера. В его морфологии культуры конкретные исторические культуры рассматриваются как самостоятельные и независимые от человека организмы с закономерным ходом внутреннего развития (рождение, юность, расцвет, старость, смерть). Но это — несвязанные друг с другом своеобразные внутренние целостности, внутри которых переход от одной ступени развития к другой вызывается силой, действующей в самой культуре и, по существу, недоступной познанию.

Продолжая основные тенденции шпенглеровской философии истории, А. Тойнби несколько смягчает остроту ее крайностей. Он исключает принципиальное значение потусторонних для познания масштабов и факторов ее формирования, но, подобно Шпенглеру, отрицает объективное единство человеческой истории. Правда, Тойнби меньше, чем Шпенглер, подчеркивает дискретность исторического процесса и даже прослеживает определенные существенные связи и взаимоотношения между различными цивилизациями. Эта тенденция в мышлении Тойнби проявляет себя и в поздний период его творчества. В последних своих работах он склоняется к признанию того, что история человечества менее «монадна», чем он предполагал раньше. В предисловии к посмертно изданной книге «Диалог Тойнби—Икеда» английский мыслитель прямо провозглашает тезис о рождении всемирной цивилизации¹⁵. Тем не менее его философско-историческая концепция может быть рассмотрена как вариант плюралистического историзма.

¹⁴ *Dilthey W. Gesammelte Werke. Leipzig, 1921—1936, Bd. VII, S. 334.* См. также: *Schnädelbach H. Geschichtsphilosophie nach Hegel: Die Probleme des Historismus. Freiburg; München; Alber, 1974, S. 110—115.*

¹⁵ См.: *Toynbee — Ikeda dialogue: Man himself must chose. Tokyo, 1976, p. 11—12.*

Учения Трёльча и Дильтея, Шпенглера и Тойнби в целом иллюстрируют характерную для философии XX столетия тенденцию к субъективно-иррационалистическому пониманию истории. Утверждаемый ими историзм, выражающийся в признании множественности «культурных синтезов», «культур», «цивилизаций», — это первый и существенный шаг в сторону плюралистического историзма. В других учениях эти культурные единства распадаются на еще более частные человеческие общности. Так, например, Гаймсет говорит о самостоятельных исторических судьбах народов. Но и эта внутренняя непрерывность истории одного народа может быть, в свою очередь, разделена на множество составляющих ее судеб — различных племен, групп, семей и, наконец, отдельных человеческих индивидуумов. В конечном итоге историческая связь все больше разрывается, общность распадается на множество, философия истории приближается к своей субъективистской крайности. Для крайнего «субъективизма», или в данном случае индивидуализма, существование других индивидуумов и более высоких единств — народов, культур, человечества — несущественно, они лишь препятствие для собственного автономного развития отдельной человеческой личности. Более того, индивидуум, его биография тоже еще не самая крайняя форма прерывности единой большой линии исторического развития. Такой конечной формой прерывности для современной буржуазной философии является распадение отдельной человеческой истории на независимые ситуации — точки. Воззрение на историю как некую точечную прерывность в современной философии истории представлено в некоторых экзистенциалистских учениях (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр).

В отличие от персонализма, который сильнее подчеркивает непрерывное и нередко субстанциальное единство отдельного человека, экзистенциализм разрывает человеческое существование на отдельные ситуации. Временность и историчность есть некая прерывность — таков господствующий в экзистенциализме тезис.

В своей развернутой философско-исторической концепции К. Ясперс выступает против какой-либо вне исторического становления находящейся общезначимости. «Когда мы пытаемся схватить историю в общих законах (в причинных связях, закономерных формах, диалектической необходимости), то мы в этих общих понятиях не

имеем самой истории, так как история в своем индивидуальном есть нечто совершенно однократное»¹⁶. Все, что каким-либо образом определяется всеобщим, говорит Ясперс, повторяется, как индивидуум заменяется другим; все, что выступает в качестве частного случая находящейся над нами закономерности, не является собственно историческим. «Чтобы быть историей, индивидуум должен быть единственным, однократным, неизменным»¹⁷. Подобную однократность он считает исключительной прерогативой человека и его творений. Более высокие целостности, такие, как народ, культура, человечество, не имеют своей собственной индивидуальности и никакого единого центра действий. Их однократность живет лишь экзистенциальностью человеческих индивидуумов. Центр тяжести истории находится в человеке — в его экзистенциальной действительности. Ясперс не дает прямого ответа, что представляет собой эта экзистенциальная действительность. Он лишь подводит к пониманию экзистенции. Человеческая экзистенция диалектична — она дискретна и непрерывна, но непрерывность экзистенции, по мнению Ясперса, не может быть как таковая схвачена. Могут быть зафиксированы лишь моментально действующие и тут же исчезающие ситуации. Элемент прерывности, по его мнению, вносится коммуникациями и интимными контактами между человеческими экзистенциями. Контакты эти также носят характер моментального скачка.

Однако Ясперс все же связывает экзистенцию с метафизической сферой. «Самопрояснение экзистенции» как философии истории происходит на трех ступенях. На первой ступени так называемого ориентирования в мире история изучается рациональными средствами науки. Но они ограничены, и философия переходит на вторую ступень, к экзистенциальному прояснению. И, наконец, на третьей ступени «...сверхисторического знания и экзистенциальной затронутости, и через них в виде шифров проникает трансцендирование»¹⁸. Это трансцендирующее движение приближает нас к некоей метафизической первооснове

¹⁶ *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zürich, 1949, S. 299; см. также: Jaspers K. Kleine Schule des Philosophischen Denkans. München, 1965, S. 25—27.*

¹⁷ *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, S. 300.*

¹⁸ *Jaspers K. Philosophie. Berlin, 1956, Bd. III, S. 831.*

истории. То, что каждый раз доходит до нас от этой первоосновы, остается историческим и изменчивым. «Историчность,—пишет Ясперс,—для меня как временного бытия есть единственный способ общения с абсолютным»¹⁹. Однако исторически реальное действие этой метафизической первоосновы истории можно обнаружить в некоторых шифрах и символах. Последние имеют большое значение для нашего видения истории. Таким включающим нас в историю символом является «осевое время» истории, которое Ясперс относит к V в. до н. э. Под «осевым временем» имеется в виду такой период человеческой истории, в который с наибольшей силой проявила себя плодотворность и творческая созидательность человека, притом в такой форме, что она стала самоочевидным и убедительным поводом для самосознания всех народов независимо от их религиозной веры²⁰. Так Ясперс в своей философии истории, с одной стороны, разрушает непрерывность истории, доводя ее до конкретной отдельной ситуации, а с другой — предлагает некоторый метафизический принцип ее понимания.

Экзистенциалистское понимание философско-исторического субъективизма получает свое наиболее последовательное развитие у Жана-Поля Сартра. Он в такой степени абсолютизирует отдельную человеческую экзистенцию и ее свободу, что не остается никаких оснований для исторической непрерывности. Для сартровского понимания экзистенции важное значение имеет понятие «ничто» как некая исходная точка человеческого существования. Сартр резко отделяет бытие человека от бытия внешних предметов²¹. Окостеневшее, безжизненное, массивное, строго детерминированное «в-себе-бытие» внешних объектов, согласно Сартру, представляет собой полностью замкнутую в себе субстанцию. Человек же как «для-себя-бытие» не обладает никакой другой реальностью, кроме того, что она является отрицанием «в-себе-бытия».

Человек (для-себя-бытие) выступает у Сартра в качестве центра экзистенциальной активности, он постоянно в действии, всякое закрепление человека в сколько-нибудь прочной и длящейся структуре неизбежно ведет к «в-себе-бытию», к поглощению его внешним миром и его

¹⁹ *Jaspers K. Philosophie*, S. 400.

²⁰ См.: *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, S. 19.

²¹ См.: *Sartre J.-P. L'Être et le Néant: Essai d'Ontologie Phénoménologique*. Paris, 1943, p. 32, 34.

отрицанию. Сартр не признает никаких синтезов между «для-себя» и «в-себе-бытием» и никакой другой более высокой инстанции, находящейся по ту сторону человеческих экзистенций. Тем самым он осуществляет самую крайнюю форму экзистенциалистской философии истории. Для Сартра человек дан лишь в моментальном его решении и действии. Прошлое и будущее существуют для него лишь в той степени, в какой он подтверждает свою связанность с ними своим действием в настоящем. А поскольку человек всегда может отказаться от обязательств, взятых в прошлом, и обещаний, данных на будущее, то он абсолютно свободен и индетерминирован обстоятельствами времени. Тем самым временность сводится лишь к настоящему, а свобода провозглашается основной сущностью человека, становится необходимым условием конституирующего творчества человека. Если нет предданного единства и непрерывности истории, то она может появиться в результате творчества людей. Доведенный до крайней изоляции, оторванный от всяких объективных связей, человек с особой силой осознает себя как некое самоконституирующее начало. Он становится творцом своей собственной судьбы и судьбы исторической. «Выбирая себя, человек выбирает все человечество»²². Здесь человек уже связывается обязательством сделать такой выбор, который мог бы служить образцом для других.

Так в экзистенциалистском учении Сартра непрерывность истории доводится до прерывных человеческих экзистенций, и вместе с тем из этих изолированных точек открывается возможность конститутивного воссоздания единства истории. В различных формах такая возможность реализуется и в других концепциях современной немарксистской философии — трансцендентально-идеалистической философии, философии истории Хайдеггера и у многих представителей философской антропологии.

Диалектика исторического развития. Порвав с традиционным религиозным и объективно-идеалистическим объяснением истории, современная буржуазная философия в лице ряда влиятельных направлений оказывается во власти релятивистского историзма, который свою крайнюю форму обретает в субъективистском релятивизме экзистенциалистской философии. Однократная историче-

²² Sartre J.-P. L'Existentialisme est un Humanisme. Paris, 1946, p. 16; см.: Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960, т. 1, p. 166.

ская линия отдельных культур, народов, племен с непрерывностью их внутреннего развития расщепляется до «линии» индивидуальной биографии и в конце концов до точечной однократности экзистенции. Жизненно-историческое единство индивидуума здесь выражается в прерывном множестве ситуаций, каждая из которых понимается как нечто полностью новое, не имеющее к предыдущей никакого отношения. Человек внутри себя как бы лишается всяких генетических связей и каждый раз оказывается перед необходимостью принятия нового решения, хотя бы на мгновение определяющего структуру его бытия. Такая дискретизация непрерывности развития человеческой индивидуальности не в меньшей степени исключает историчность, чем идея вечного круговорота.

Не спасают положения и попытки воссоздания истории из самого человека. Каждый индивидуум проектирует формы, нормы и ценности, которые имеют значение либо только для него, либо приобретают интересубъективный смысл и распространяются на более высокие единства — народ, культуру, человечество. Человек тем самым как бы восстанавливает непрерывность как своего бытия, так и всей истории. Точечная множественность вновь заменяется непрерывной линией. При этом подчеркивается, что эта линия дана индивидууму не от природы и не преднайдена в нем самом, а есть чистый продукт его деятельности. Но именно это обстоятельство — не преданность смысла человеческого творчества, а отсутствие всяких существенных связей человека с объективной действительностью, его предметно-деятельных и содержательно-значимых отношений с природой, — делает несостоятельным идеалистическое понимание исторической деятельности человека.

На всех решениях современной буржуазной философии истории отрицательно сказываются либо идеалистические (объективные и субъективные) исходные принципы, рассматривающие человека в отрыве от реального процесса исторической действительности, материального и культурно-социального развития, либо мистифицированные представления историчности, воспринятые от христианской философии. В этой связи нельзя не согласиться с Н. Гартманом, отметившим, что если историческую действительность в существе своем понимать как исключительно духовный феномен, или продукт автопомного индивидуального творчества, то всеобщие закономерности

и детерминизм, происходящие из сферы физического, органического и психического в их взаимопереплетении, останутся неучтенными. «История,—пишет он,—тем похожа на мир, что и она обладает многослойной структурой. Она есть процесс, в котором участвуют факторы всех ступеней бытия, процесс, который... может быть понят лишь как результат всех гетерогенных сил»²³.

Иначе говоря, речь идет не о том, чтобы выводить историю из априорно данных предпосылок, из внеисторического и доисторического, обеспечить ее, скажем, внешними факторами природы, предопределением трансцендентного божественного происхождения, а о том, чтобы раскрыть и понять специфику исторического во всех проявлениях ее реального развития, чтобы показать, как и в какой форме структура, закономерности материальной природы, ее особенности и качества участвуют в истории, чтобы объяснить, что есть природная предопределенность истории и как она проявляет себя в специфически культурно-исторической детерминации.

Буржуазная философия истории, таким образом, остается во власти традиционных метафизических антитез и противоположений. С одной стороны, в религиозной, объективно-идеалистической и натуралистической философии разрабатываются своеобразные идеи прогресса, непрерывного линейного поступательного развития, объективно необходимого и закономерного характера исторического процесса, понятия цели и смысла истории. С другой стороны, как в названных системах, так и в особенности в субъективно-идеалистической философии выдвигаются и пропагандируются другие черты историзма: прерывность истории, понятия начала и конца, однократность, неповторимость и индивидуальность исторического события и действия. При этом перечисленные элементы историзма, как правило, понимаются таким образом, что объективное, всеобщее исключают субъективное, частное, повторяемость — однократность, непрерывность — прерывность, необходимость — свободу. Принципиальные основоположения буржуазной философии — теистическая и спекулятивная метафизика религии и объективного идеализма, натурализм и метафизичность механистического материализма, волюнтаризм и априоризм субъективного

²³ *Hartmann N.* Das Problem des geistigen Seins. Berlin, 1933, S. 17.

Идеализма — не позволяют понять и обосновать историзм в органическом и диалектическом единстве его «взаимоисключающих» элементов. История со всеми ее перипетиями, закономерностями и случайностями оказывается лишь актуализацией божественной, объективно-идеальной или природной программ, т. е. собственно историческое трактуется либо как божественное, как «шествование бога в мире», обретение бога в мире, либо как конкретизация абсолютной идеи в мире человеческой истории, либо как естественное продолжение природной эволюции и своеобразное осуществление заложенных в природе потенций («проектов и целей», постигаемых человеком под давлением непосредственной природной необходимости, врожденных естественных потребностей), либо, наконец, как порождение индивидуального духовного творчества человека, абсолютно свободного и независимого от объективных факторов. В объективистских трактовках непрерывность (линейность) поступательного движения, сама цель истории оказываются нередко наперед заданными человеку, и ему остается лишь познать их и строго им следовать, если он желает способствовать осуществлению подлинной цели человечества. С другой стороны, в субъективистских трактовках человек, оторванный от объективных сфер своего существования, становится исходным пунктом истории, ее автономным субъектом, свободно творящим свою жизнь и жизнь всего человечества. Непрерывность истории, единая линия ее движения, так же как и сама цель истории, выступают в таком случае как конечный результат этого творчества, как совокупность отдельных и неповторимых решений и действий человека. В обоих случаях собственно историческое понимается теистически, спиритуалистически, натуралистически либо волюнтаристски.

Традиционное для буржуазной философии метафизическое противоположение объективного и субъективного в понимании человека, общества и истории марксизм разрешает не устранением одной из сторон противоречивого отношения в пользу другой. Он не является также абстрактно-разумной теорией золотой середины, примиряющей различные философские воззрения, воздающей должное объективному и субъективному, общему и индивидуальному. Марксистская философия не определяет раз и навсегда основы и меры объективности и субъективности человеческой природы, но преодолевает антитезу об-

щего и единичного путем конкретно-исторического анализа факторов социального развития, путем применения критерия революционной практики. Она воплощает в себе принцип реальной и конкретно-исторической диалектики развития, противоречия которого разрешаются лишь в рамках относительного и конкретного единства, являющегося переходящей ступенью в поступательном движении человеческой истории.

Диалектико-материалистическое решение проблемы взаимоотношения материального и идеального, природного и духовного, наконец, понимание истории как естественно-исторического процесса, отличающегося специфическим социально-культурным типом детерминации,— все это открыло путь к созданию такой философско-исторической концепции, в которой историческое бытие предстало в единстве сущности и существования, всеобщности и индивидуальной неповторимости, объективного и субъективного.

Последовательно осуществляя принцип историко-материалистического монизма, К. Маркс и Ф. Энгельс установили закономерности общественного развития, которые выражают специфику исторического процесса и открывают возможность причинного объяснения истории, научно-теоретического предвидения ее дальнейшего развития. Эти закономерности не фетишизируют историю и не предопределяют ее будущего, они лишь отражают реальные объективные тенденции общественного движения в его наиболее глубоких основаниях. Исходя из основного для всякого человеческого общежития факта — способа добывания средств к жизни, писал В. И. Ленин, Марксова теория общественной формации «поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений („производственных отношений“ по терминологии Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм» ²⁴.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

Марксова теория общественно-исторического процесса раскрыла закономерные основы социальной деятельности человека, те объективные тенденции исторического развития, которые обуславливают его поведение и определяют условия его свободного и активного творчества. Такое диалектико-материалистическое понимание социального детерминизма, как отмечал В. И. Ленин, не только не предполагает фатализма, но, напротив, дает почву для разумного действований.

Диалектико-материалистическая философия устраняет всякий априоризм в понимании истории, сверхъестественное, трансцендентное, внеисторическое предопределение направленности, содержания и смысла человеческой истории. Вместе с тем она признает и объясняет роль и значение объективных материально-природных предпосылок исторического развития, показывает, как материал природного бытия, его закономерности, качества и свойства трансформируются, прежде всего через посредство материального производства, в содержательные формы культурного и социального бытия, существуют и проявляют себя в условиях социально-исторического процесса.

В противовес натуралистическим и спиритуалистическим концепциям истории К. Маркс и Ф. Энгельс объясняют историю из ее собственного социально-культурного развития как продукт предметно-практической деятельности человека: свободного в своем выборе и решениях и вместе с тем детерминированного объективными обстоятельствами общественного бытия. Исходя из практически деятельного, творческого, наконец, революционизирующего отношения к исторической действительности, когда предмет, реальный процесс истории рассматривается не только в форме объекта, но и «субъективно» в форме практики, К. Маркс включает и природу в сферу этого активного отношения человека к действительности. Он «историзирует природу», принимая ее не как абстрактно-материальную объективную предпосылку человеческого существования, а как естественную реальность, вовлеченную в сферу общественно-исторической практики. На этой основе К. Маркс приходит к одному из важнейших положений своей философии истории, согласно которому сфера материального производства (промышленность) является той именно областью общественного бытия, в которой прежде всего проявляется как практическое отношение человека к миру, так и действительно

историческое отношение природы к человеку, где природ-ные силы перестают обладать чистой естественностью и становятся фактором социального развития. «Промыш-ленность,— пишет К. Маркс,— является действительным историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания к человеку. Поэтому если ее рассматри-вать как *экзотерическое* раскрытие человеческих *сущ-ностных сил*, то понятна станет и *человеческая* сущность природы, или *природная* сущность человека... Становя-щаяся в человеческой истории — этом акте возникновения человеческого общества — природа является *действитель-ной* природой человека; поэтому природа, какой она ста-новится — хотя и в *отчужденной* форме — благодаря про-мышленности, есть истинная *антропологическая* при-рода»²⁵.

Объективная необходимость природы в своей истори-ческой форме обнаруживает органическую связь и зави-симость от субъективного фактора истории, от свободной и целесообразной деятельности человека. К. Маркс под-черкивает социальную, человеческую природу окружаю-щей нас действительности, показывает, что человечество практически имеет дело с «искусственной природой», ко-торая, несмотря на свои объективные основания и истоки, является его собственным творением. Разумеется, «исто-ризация» природы не исключает ее объективной естест-венности. Человек также генетически и фактически явля-ется природным существом. Но данный ему в его куль-турной жизни мир природы не может рассматриваться как некая «совершенная объективность», раскрывающая-ся в своем существе только в рамках чистого естествозна-ния. Само это чистое естествознание получает свою цель, как и свой материал, благодаря торговле и промышлен-ности, предметно-чувственной практике людей.

В концепции исторического монизма марксизм преодо-левает не только идеалистическую метафизику и натура-листическое понимание истории и человека, но и харак-терное для современной субъективистской буржуазной философии отрицание сущностного значения природы для человеческого бытия. Рассматривая природу исторически в ее социальных опосредствованиях, К. Маркс открыл новый аспект понимания всей действительности: природ-ной — с точки зрения социальной, исторической; социаль-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 124.

ной — с точки зрения конкретного человека, революционного класса, его практики. Показав же исторические и социальные формы, в которых необходимость природы и ее сущностные силы даны человеку, и подчеркнув человеческое происхождение и существо самих социально-экономических форм, так называемой общественной субстанции, ее принципиальную посюсторонность и досягаемость, он тем самым раскрыл коренные объективные условия человеческой свободы, исторического творчества.

Марксистское философское учение об истории учитывает эту специфику исторического процесса, отражает ее в своих важнейших принципах и положениях, в своем понимании природы исторической закономерности и общественного идеала. Его представления о направленности истории, социальном прогрессе складываются на основе объективного научного и партийно-классового подхода к анализу и оценке множества сложнейших явлений общественной жизни в прошлом и настоящем с учетом как реальных тенденций и возможностей существующей действительности, так и тех идеалов и ценностей, которые человеку предстоит претворить в действительность.

Современные буржуазные теории социального прогресса, несмотря на их различия, в конечном счете являются апологией существующего капиталистического общества, социальной утопией, предполагающей реформацию капитализма путем возрождения некоторых форм патриархального и раннебуржуазного общества. Различные философско-социологические концепции, отмечающие внутреннюю противоречивость капитализма и возможность его гибели, но не признающие социализма в качестве последующей, более высокой формы общественного прогресса, представлены в разного рода циклических теориях (Тойнби, Хаксли и др.), согласно которым исторический процесс совершается в виде круговоротов, рождения и гибели отдельных цивилизаций. Он проходит определенные ступени, но, достигнув высшего пункта, каким следует считать современный капитализм, возвращается к исходному положению. Такое понимание истории разделяется и некоторыми экзистенциалистскими философами.

Религиозная философия в несколько модернизированной форме проповедует свое традиционное понимание смысла истории, ее прогресса, согласно которому человечество может достичь абсолютной гармонии и совершен-

ства лишь за пределами истории, в потустороннем мире божественного. Технократические же и футурологические концепции открыто пытаются доказать неограниченность возможностей совершенствования капиталистического общества.

Но как бы ни формулировались эти буржуазные и религиозные концепции, в них утрачено понимание того, что настоящее, да и будущее более совершенное общество, есть ступень в историческом развитии. Считать капитализм высшей точкой развития цивилизации или видеть в нем социальную форму с неограниченными возможностями самосовершенствования, это по существу означает одно и то же — непризнание дальнейшего прогресса истории. Религиозная философия, казалось бы развивающая принципиально иную точку зрения, на самом деле также исходит из возможностей реализации абсолютного социального совершенства, из признания конца истории, данности ее конечной цели. И неважно, признается ли завершающей точкой цивилизации, ее абсолютно развитой формой конкретное историческое общество — современный капитализм, или абсолютное совершенство утверждается за пределами истории, в царстве Всевышнего. В обоих случаях мы имеем дело с чудом, превосходящим историю, ее действительное развитие, — чудом капитализма и чудом вознесения. Все различие в том, что в одном случае это чудо провозглашается в качестве догмата религиозной веры, а в другом — утверждается в форме наукообразных и философских заключений.

В отличие от различного рода религиозно-эсхатологических учений, буржуазных технократических и футурологических концепций, социальных утопий культурологического, экзистенциалистского и антропологического толка марксистская историческая теория и теория научного коммунизма подчеркивают поступательный характер исторического процесса, диалектическое сочетание прерывного и непрерывного, однократного, индивидуального и повторяющегося, общего в истории, творческую роль человека как субъекта истории, вскрывают реалистическую и конкретно-историческую природу коммунистического общественного идеала.

4. КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

В трактовке проблем общественного прогресса современной буржуазной философией, как в фокусе, отражаются господствующие в ней философско-методологические и идеологические установки. Идеалистическое понимание исторического процесса, метафизическая абсолютизация отдельных сторон общественной жизни, апологетика капитализма обнаруживают себя в качестве постоянных параметров во всем спектре буржуазных социально-философских концепций.

В их пестром потоке выделяются две основные линии: 1) отрицание прогресса и 2) апологетический прогрессизм. Обе эти тенденции — внешне полярные, но внутренние родственные по своим философским принципам и идеологическим установкам — неизменно присутствуют в современном буржуазном идеологическом сознании. «Пессимистическая» либо казенно-оптимистическая версии прогресса, вплетаемые в те или иные теории, постоянной характеристикой которых является их антимарксистская направленность, попеременно уступают друг другу первенство на идейно-теоретической авансцене в зависимости от экономической и социально-политической ситуации, от конъюнктуры на «рынке идей».

«Кризис цивилизации» или кризис капитализма? Наступление общего кризиса капитализма породило в буржуазной социальной мысли так называемый кризис идеи прогресса, в котором получил свое специфическое отражение усложнившийся характер исторического развития в XX в., еще более продемонстрировавший несостоятельность буржуазных концепций прогресса, идущих от эпохи Просвещения.

Наиболее полное концептуальное воплощение «кризиса идеи прогресса» нашел в циклических теориях общественного развития О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, распространение и влияние которых совпадает примерно с годами после первой и второй мировых войн. Согласно теории А. Тойнби, каждая «цивилизация» обыч-

но проходит четыре последовательных стадии: 1 — генезис (зарождение «цивилизации» из «примитивных» обществ); 2 — рост (поступательное развитие цивилизации); 3 — надлом (начинающийся кризис цивилизации); 4 — дезинтеграция (разложение цивилизации, заканчивающееся ее гибелью). Полагается при этом, что на развалинах погибшей цивилизации через посредство «кукол-ки-религии» может родиться «вторичная», а в ряде случаев «третичная» цивилизация. Однако их появление не означает какого-либо шага вперед, а лишь ведет к очередному циклу. В философско-исторической схеме П. Сорокина история человечества предстает в виде сменяющих друг друга в произвольном порядке трех извечно повторяющихся и равноценных «культурных суперсистем» («идейной», «сенсуалистической» и «идеалистической»). История, по словам самого Сорокина, оказывается не более, чем «новыми вариациями на старые темы».

Представление об истории как о сумме «локальных цивилизаций» либо круговращающихся «культур», при игнорировании формационного членения, по сути отрицает единство мировой истории и тем самым снимает вопрос о ее поступательном развитии. При этом абсолютизируется момент локального, особенного в развитии отдельных цивилизаций и игнорируется общий поступательный характер всемирной истории, тогда как именно в нем и выявляется интегральная закономерная сущность исторического процесса.

В. И. Ленин со свойственной ему глубиной и остротой вскрыл социально-классовые и гносеологические корни циклических теорий на примере О. Шпенглера. «Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли,— писал В. И. Ленин,— загнила и лопнула в первой империалистской бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли»¹.

Отрицание прогресса характерно и для новейшей буржуазной социально-философской мысли. Слегка приглу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174.

шаясь в конъюнктурно благоприятные периоды экономического бума, мотив «кризиса прогресса» с новой силой звучит по мере обострения общего кризиса капитализма. В откровенном, нередко апокалиптическом, виде эта идея выражается представителями антитехнократического направления «философии техники» — Г. Фрайером, Г. Шельски, А. Геленом, Ж. Эллюлем, Э. Фроммом, Л. Мэмфордом и др.

Другой, более завуалированной формой отказа от идеи исторического прогресса явилась неопозитивистски-релятивистская концепция «социального изменения», получившая распространение в середине 50-х годов. Понятие «социальное изменение», впервые введенное еще в 1923 г. американским буржуазным социологом У. Огберном в его многократно переиздававшейся книге «Социальное изменение», превратилось в одну из главных категорий современной буржуазной социологии и социальной философии, противостоящей категориям «развитие», «эволюция» и особенно «прогресс». Сторонники данной концепции (Мак-Айвер, Пейдж, фон Визе, Поппер) отрицают наличие каких-либо определенных устойчивых тенденций в историческом процессе, трактуют его в плоско-эволюционистском плане. Задачу социологии они сводят к сугубо эмпирическому описанию «вариаций», усматриваемых на поверхности явлений, вместо раскрытия внутренней закономерности, сущности, лежащей в их основе.

Мак-Айвер и Пейдж в своей известной книге «Общество»² посвящают специальный параграф рассмотрению вопроса: является ли концепция прогресса научной? Ссылаясь на тот действительный факт, что для различных мыслителей, эпох и социальных групп прогресс «имеет различное значение», они пытаются обосновать отрицательный ответ на поставленный вопрос. Общий прогресс в истории якобы отсутствует и не может быть выражен на каком-либо объективном языке, не может быть измерен. Для неопозитивистской концепции суждения о прогрессе не могут иметь объективно-истинного значения, они всегда, так или иначе, сводятся к чисто субъективной интерпретации исторического процесса.

Гносеологическим корнем данной концепции является метафизическое возведение в абсолют момента относительности исторических знаний и представлений различ-

² *MacIver R., Page C. Society. London, 1955.*

ных социальных групп и индивидуумов об общественном прогрессе. В противовес этому релятивизму марксистско-ленинская методология, выявляя диалектику абсолютного и относительного в понимании прогресса, дает научное решение вопроса об общественном прогрессе и его критериях. Представляют интерес суждения Г. В. Плеханова, высказанные им в полемике с субъективистами: «Существует ли объективное мерило прогресса? Его нет, говорят субъективисты; нет и быть не может, потому что прогресс есть нечто совершенно относительное: то, что для меня является прогрессом, для вас может означать регресс, и наоборот. В этом есть своя, очень небольшая, доля истины и своя, весьма значительная, доля заблуждения. Прогресс есть действительно нечто совершенно *относительное*, но из этого следует только, что нет *абсолютного* мерила прогресса; возможность же найти *объективное* мерило прогресса этим вовсе не исключается»³.

Научно-технический прогресс и социальные революции. Несостоятельность разного рода фатально-пессимистических и скептических взглядов на перспективы мирового развития со всей очевидностью обнаруживает себя на фоне величественных достижений в области социально-экономического, научно-технического, политического и культурного прогресса в СССР, нашедшего свое воплощение в построении общества развитого социализма, быстрого и всестороннего развития всех стран социалистического содружества, а также фундаментальных шагов по пути прогрессивных социальных преобразований, осуществляемых развивающимися странами, вставшими на путь некапиталистического развития.

С конца 50-х годов и в последующие десятилетия наблюдается своеобразное возрождение буржуазно-оптимистических версий общественного развития, появление разного рода апологетических «прогрессистских» концепций сциентистско-технократического толка. В данном случае сыграл свою роль послевоенный экономический бум и технико-организационные достижения в странах Запада, которые породили у господствующего класса веру в способность капитализма обрести на волне научно-технической революции «второе дыхание», надежду на возможность придать его развитию планомерный характер.

³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1956, т. II, с. 750.

Главной же причиной, стимулировавшей разработку и распространение техницистско-оптимистических теорий, явилась активизация идеологической борьбы, растущая потребность монополистического государства в инструментах идейно-духовного манипулирования общественным сознанием, внушения массам иллюзии «вечности» капитализма. Буржуазный Запад испытывает все более острую идеологическую потребность в социально-философских концепциях, обосновывающих ключевой для официальной буржуазной идеологии тезис о «неограниченных возможностях прогресса общества» в рамках модернизирующегося капитализма.

Свое воплощение этот социальный заказ получил в теориях «стадий экономического роста», «индустриально-го» и «постиндустриального общества». Прогресс рассматривается в них плоско-эволюционистски, отрицаются диалектически-противоречивый характер общественного развития, качественные скачки, социальные революции.

Одной из первых попыток такого рода явилась теория «стадий экономического развития» У. Ростоу, изложенная в его известной книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест»⁴. Согласно этой теории, история каждого общества проходит пять стадий поступательного развития: 1 — традиционное общество (базирующееся на «доньютоновской науке и технике»); 2 — создание предварительных условий для сдвига (предпосылок для промышленного переворота); 3 — сдвиг (эпоха промышленного переворота); 4 — движение к зрелости (завершение создания крупной машинной индустрии); 5 — эпоха высокого массового потребления (общество, в котором главное внимание переносится с производства на потребление и всеобщее благосостояние).

Главный порок теории Ростоу заключается в том, что его «стадии» общественного развития выделяются в основном по тем или иным технико-экономическим и научно-техническим критериям, тогда как производственные отношения, определяющие сущность любого общества, откровенно игнорируются. В его эволюционистской теории отсутствует анализ классового содержания общественного развития и роли социально-политических революций как

⁴ *Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge (Mass.), 1960.*

переломных моментов перехода от старого общества к новому.

Трактовка прогресса как неограниченной возможности совершенствования общества в рамках современного капитализма основана на абсолютизации роли научно-технического прогресса, а также некоторых показателей сферы потребления, на их отрыве от сущностных социально-политических процессов. Теория «стадий развития», претендующая на универсальное обобщение опыта всемирной истории, в действительности отображает и прославляет экономическое становление и развитие общества одного типа — капиталистического. При этом усиленно восхваляется капиталистическая индустриализация, тогда как ее отрицательные последствия, вызванные антагонистической формой, всячески замалчиваются. Рекламируя «американский путь прогресса», У. Ростоу провозглашает США обществом, будто бы достигшим вершин исторического прогресса — эпохи «высокого массового потребления». Вывод этот он делает, впадая в откровенную фетишизацию некоторых экономических показателей, средне-статистических данных потребления на душу населения так называемых товаров длительного пользования (автомобили, холодильники, телевизоры, стиральные машины и т. п.).

Интерпретация исторического развития как стадий технологического прогресса характерна и для представителей теории «индустриального общества», получившей известность в начале 60-х годов (Р. Арон, Ж. Фурастье, А. Лалеф, Ф. Перру и др.)⁵. Подхватывая идеи У. Ростоу, эти теоретики упрощают его пятиступенчатую схему до двух основных «типов» общества — традиционного и индустриального — и предпринимают попытку дать развернутый анализ «индустриального общества». Культ техники как главной детерминанты общественной жизни, взгляд на социальные процессы как на простую «функцию» научно-технического развития — таковы исходные посылыки технократической теории.

Идеологическую направленность ее довольно откровенно сформулировал один из создателей этой концепции —

⁵ Aron R. *Le Développement de la société industrielle et la stratification sociale*. Paris, 1957. Vol. I; *Idem*. *Dix-huit leçons sur la société industrielle*. Paris, 1962; Fourastiér J., Laleuf A. *Révolution à l'Ouest*. Paris, 1957.

Р. Арон, признав, что ее цель — «развеять миф о неизбежности перехода от капитализма к социалистическому строю»⁶. Эту идеологическую задачу буржуазные теоретики стремятся решить на путях последовательно проводимого технологического детерминизма, отождествления социализма и капитализма как «двух разновидностей одного и того же типа индустриального общества»⁷. Метафизически абсолютизируя роль науки и техники, некоторые черты сходства в характере технологии и организации производства в капиталистическом и социалистическом обществах, обусловленные современной научно-технической революцией, теоретики «конвергенции» отрицают коренную социальную и экономическую противоположность этих обществ. Тем самым игнорируется главный, системообразующий признак — характер производственных отношений, который обуславливает принципиальное различие двух противоположных общественных систем, представляющих качественно разные ступени исторического развития общества.

События последующих лет нанесли буржуазно-аполитическим концепциям прогресса сокрушительный удар. В конце 60-х годов капиталистическое общество вступило в новую фазу острейших социальных конфликтов, политической неустойчивости и экономического спада. Волна социально-политических потрясений, прокатившаяся по капиталистическим странам, обнаружила несостоятельность представлений о технико-экономическом росте как о своего рода панацее от острых социальных противоречий и конфликтов, наглядно продемонстрировала несбыточность индустриалистских надежд на «автоматическое» разрешение проблем буржуазного общества. Все это привело в глубокое смятение буржуазных теоретиков, заставило их модифицировать господствующие идеологические концепции.

Симптоматична в этом отношении появившаяся в 1968 г. работа Р. Арона «Разочарование в прогрессе. Диалектика современного общества»⁸. Она выражает нескрываемую растерянность автора перед неожиданным с точки зрения теории индустриального общества разви-

⁶ Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle, p. 8.

⁷ Ibid., p. 50.

⁸ Aron R. Progress and Disillusion: the Dialectics of Modern Society. New York, 1968,

ем исторических событий — повсеместным «кризисом ценностей», ростом недовольства и социально-политического протеста. Западные страны, отмечает автор, достигли высокого уровня благосостояния; по тем разительней контраст между развитием экономики и нравственной неуверенностью. Буржуазный теоретик, ранее уповавший на технико-экономический рост и развитие потребительных возможностей производства как на основу движения капиталистического Запада к «интегрированному обществу согласия», вынужден теперь задаться вопросом, происходят ли социальные волнения вне зависимости от экономического расцвета или же, напротив, порождены им.

Книга Р. Арона примечательна прежде всего как попытка «увязать» технократическую концепцию прогресса с кризисными процессами капитализма, приспособить ее к новому состоянию общественного сознания.

Констатируя «кризис ценностей», растущие настроения недовольства и протеста, «бунт против общества потребления», Р. Арон вместе с тем стремится затушевать социальные корни этих явлений. Активизацию движений протеста, майские 1968 г. события во Франции, студенческие волнения в США Р. Арон объясняет «разочарованием в прогрессе» — своеобразной расплатой молодого поколения за «наивную» веру в идеалы свободы, равенства, всестороннего развития личности и единения человечества. Их действительную неосуществимость в рамках исторически конкретного буржуазного общества (и растущее разочарование в перспективах этого общества) автор неправомерно выдает за свидетельство не реальности, утопичности самих этих идеалов.

Дискредитировавшую себя индустриалистскую версию общественного развития буржуазный социолог пытается спасти путем ревизии самого понятия прогресса. Прогресс истолковывается им не как движение к новому, более высокому типу общества, а узко-прагматически, как всего лишь тот или иной вариант «разрешения проблем, имманентных индустриальной цивилизации»⁹. В трактовке Р. Арона понятие прогресса по существу теряет свой социально-исторический смысл, редуцируется к отдельным эмпирическим показателям увеличения дохода, усложнения стратификационной структуры и т. п., и в

⁹ Ibid., p. 37.

конечном счете отождествляется с наличными технико-организационными изменениями в рамках государственно-монополистической системы.

Претендуя на раскрытие «диалектики современной эпохи», Р. Арон, однако, целиком пребывает в плену метафизических, сугубо эволюционистских представлений об общественном развитии. Не упразднение классовых антагонизмов, а «уменьшение разнородности страт», не ликвидация эксплуатации, а сокращение разрыва в доходах, не разрешение противоречия труда и капитала, а «расширение сферы согласия между работниками и нанимателями», не устранение капиталистического отчуждения, а всего лишь «уменьшение разрыва между человеком и его социальной жизнью путем повышения его интеллектуального уровня»¹⁰ — таковы в изображении Арона горизонты общественного развития.

Утопия «постиндустриального общества» — несостоятельная альтернатива коммунизму. Обострение кризиса капитализма в конце 60-х — начале 70-х гг. наложило свою печать на всю социально-экономическую и духовную жизнь западного общества. События этих лет наглядно подтвердили правильность вывода, сделанного Международным Советанием коммунистических и рабочих партий 1969 г.: «Даже в наиболее развитых странах капитала миллионы людей испытывают муки безработицы и нужды, неуверенность в завтрашнем дне. Вопреки утверждениям о „революции в доходах“, о „социальном партнерстве“, капиталистическая эксплуатация усиливается... Возросла неустойчивость системы капитализма. Во многих странах вспыхивают социально-политические кризисы, в ходе которых широкие трудящиеся массы осознают необходимость глубоких, решающих изменений»¹¹. Этот период отмечен серьезными сдвигами в буржуазном идеологическом сознании, растущей тревогой за завтрашний день, обостренным интересом к будущему, к вопросам перспектив общественного развития. Он ознаменовался известным «футурологическим бумом», появлением целого потока литературы, в центре которой стоят вопросы социального прогресса, тенденций и пер-

¹⁰ Aron R. Progress and Disillusion, p. 11, 127—128.

¹¹ Международное Советание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 298.

спектив исторического развития, судеб современного общества¹².

При всей внешней разноречивости этой новейшей социально-философской литературы ее общим мотивом стало признание небывалого социального динамизма современной эпохи, предчувствие глубоких исторических перемен. «Мы находимся на важном перекрестке как в наших социальных условиях, так и в нашем мышлении,— пишет американский социолог М. Мэрнен.— Это переходная эпоха, где великие изменения будут происходить независимо от того, попытаемся ли мы или нет предугадать, либо направлять их»¹³. «Сможем ли мы преодолеть Перелом — беспрецедентный период человеческой истории, когда Земля становится насыщенной людьми и глобально объединенной в плане экологическом и социальном», — вопрошает другой американский футуролог Брюс Маррэй в книге «Управляя будущим»¹⁴. «Переходная эпоха», «сдвиг», «перелом», «грандиозная мутация» — таковы наиболее распространенные, порой явно драматизированные эпитеты, применяемые западными авторами для характеристики современной эпохи¹⁵.

Декларируя «переходность» нашего времени, буржуазные теоретики, однако, не в состоянии раскрыть его действительную сущность, характер совершающегося перехода, определить движущие силы, основные тенденции и историческую направленность общественного развития. Современная эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму, эпоха глубочайшей в истории человечества социальной революции — получает в буржуазном идеологическом сознании превращенное, тенденциозное отражение.

В эти годы в русле официальной апологетической идеологии выдвигается целый ряд концепций, стремящих-

¹² По подсчетам американского социолога М. Мэрнена, о резком росте в последние годы литературы по вопросам характера и альтернатив социального развития говорят следующие данные: если в 1930 г. в США вышло 13 названий, то в 1970—1971 гг. — 138, а в 1974—75 гг. — 208. См.: *Marien M. Societal Directions and Alternatives: A Critical Guide to the Literature*. New York, 1976.

¹³ *Ibid.*, p. 124.

¹⁴ *Murray B. C. Navigating the Future*. New York, 1975, p. 109.

¹⁵ См.: *Boulding K. E. The Meaning of the Twentieth Century: The Great Transition. World Perspectives*. New York, 1964, vol. 34; *Kahn H., Brown W., Martel L. The next 20 years: A scenario for America and the World*. N. Y., 1976; *Nisbet R. History of the Idea of Progress*. N. Y., 1980.

ся обосновать в качестве «реальной перспективы» современного западного общества его эволюционирование в некую новую стадию капитализма: «Новое индустриальное общество» Дж. Гэлбрейта, «послесовременное» П. Дракера, «постцивилизация» К. Боулдинга, «активное общество» А. Этциони, «постлиберальная эра» Г. Викерса, «доизобразительная культура» М. Мед, «информационное общество» А. Нормана, «сверхиндустриальная цивилизация» О. Тоффлера, «общество услуг» и «общество потребления» А. Гартнера и Ф. Рисмена, «постиндустриальное общество» Д. Белла и т. п.¹⁶ Общая всем этим концепциям идея перерастания современного капитализма в бесконфликтное «технологическое, изобильное общество услуг» получила свое наиболее полное теоретическое развитие в известной теории постиндустриального общества.

Головокружительный взлет постиндустриальной теории, взятой в конце 60-х — начале 70-х годов на вооружение официальной идеологией, был обусловлен прежде всего необходимостью сменить потерявшую кредит индустриальную концепцию, спасти буржуазно-апологетическую концепцию общественного развития разработкой ее нового, модернизированного варианта, приспособленного к ситуации нынешнего этапа кризиса капитализма.

Постиндустриальная теория родилась как теория футурологическая. Ее успех на «рынке идей» был непосредственно связан с «футурологическим бумом» конца 60-х годов, порожденным кризисной ситуацией, растущей тревогой масс за будущее, актуализацией вопросов о перспективах общественного развития.

Согласно футурологическому прогнозу, конец XX в. (в индустриально развитых странах) будет ознаменован грандиозным цивилизационным сдвигом, прерывом «исторической постепенности» и скачком в новое «постиндустриальное» общество. В новом обществе работа в промышленности целиком превратится в ее обслужива-ние, на первый план выдвигаются вопросы организации досуга, перемены профессий, научных изысканий, разви-

¹⁶ См.: *Toffler A. The Third Wave. New York, 1980; Bell D. The winding passage. Cambridge. 1980; Norman A. Informational Society.— Futures: The Journal of Planning and Forecasting. 7:4, August, 1975. p. 321—328; Gartner A., Riessmann F. The Service Society and the Consumer Vanguard. New York, 1974; Vickers G. Freedom in a Rocking Boat: Changing Values in An Unstable Society. London. 1972.*

тия и «рациональной эксплуатации» талантов. Университеты разрастутся в «мультиверситеты» — своеобразные аналоги монополистических корпораций в сфере науки и образования, станут «главным институтом нового общества». Автоматическим следствием этих технико-организационных перемен выступают и прогнозируемые постиндустриалистами изменения в структуре власти. На смену господству плутократической олигархии придет «меритократия» — власть обладателей специальных познаний и интеллектуальных талантов¹⁷.

По тому же прогнозу в корне изменится и духовный облик общества. Социальные конфликты будто бы потеряют классовое, идеологически оформленное содержание, а на смену капиталистической конкуренции и жажде наживы придут гуманистические ценности творческой интеллигенции. Другими словами, как в социально-экономическом плане, так и по характеру противоречий постиндустриальное общество будет «столь же отличным от индустриального, сколь индустриальное отличалось от аграрного»¹⁸.

Марксистско-ленинскому учению об общественных формациях постиндустриалисты противопоставляют свою схему исторического процесса. Всемирная история сводится ими к «доиндустриальной», «индустриальной» и «постиндустриальной» фазам одной и той же общественной системы (т. е. к подготовке капитализма, собственно капитализму и его несколько видоизмененной проекции в будущее). Метафизически абсолютизируя «технология» и оставляя в стороне такую важнейшую характеристику любого общества, как тип производственных отношений, теоретики постиндустриализма устанавливают следующую произвольную иерархию ныне существующих государств: слаборазвитые страны (пребывающие где-то между каменным веком и первой промышленной революцией) — европейские страны (переживающие индустриальную стадию, основные параметры которой определились еще в XIX в.) — Соединенные Штаты, которые идут в ногу со временем и стоят на пороге «постиндустриальной эры». Постиндустриалисты подчеркивают «исключительность» американского опыта и настаивают на том,

¹⁷ См.: *Bell D. Notes on the Post-Industrial Society. Part I.— The Public Interest. 1967. N 6, Winter, p. 26—27.*

¹⁸ *Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York, 1970, p. 14.*

что «путь прогресса открыт лишь для тех стран, которые окажутся способными подражать Америке»¹⁹.

Однако это новое общество при всех своих футурологических атрибутах и претензиях на новизну обнаруживает вполне определенное сходство с уже известными из работ У. Ростоу и Р. Арона версиями прогресса как «бескризисного капитализма». Построены они по общему для буржуазного реформизма (и давно разоблаченному в Марксовой критике прудонизма) принципу метафизического отделения «плохих» сторон капитализма от «хороших». Как и в предшествующих технократических теориях, у постиндустриалистов главным критерием прогресса является «масштаб потребления», валовой национальный продукт и доход на душу населения. Футурологические параметры консумеризма отличаются лишь особым размахом, а картины ожидаемого общества «изобилия и досуга» гораздо более масштабны. Если для У. Ростоу вершиной прогресса являлась общедоступность имеющихся товаров длительного пользования, то футурологи стремятся поразить воображение читателя небывалым экспоненциальным ростом национального и личного богатства.

Чтобы придать видимость «научности» и убедительности утверждениям о том, что именно западные страны, и прежде всего США, стоят в авангарде мирового прогресса, постиндустриалисты окружают свои выводы флером экономико-статистических выкладок и экстраполяций, сравнительных показателей ассигнований на науку, количества открытий, роста числа ученых и «белых воротничков», а также количества автомобилей, холодильников и т. п.

Главным обстоятельством, лишаящим подобную аргументацию убедительности, является то, что такие показатели фигурируют не конкретно-исторически, а в виде неких консумеристских абстракций, вне связи с реальными социальными, культурными, духовными условиями жизни общества, его трудящегося большинства. Этот порок буржуазных доктрин стал особенно заметным в последние годы, ознаменовавшиеся возрастающей актуальностью проблем, связанных с конкретными условиями существования масс, «качеством жизни». Все большее

¹⁹ Brzezinski Z. America in the Technetronic Age. New York, 1967, p. 22.

значение сегодня приобретают вопросы образования, здравоохранения, контроля над условиями труда, участия в принятии решений, общедоступности культуры — проблемы, вокруг которых все шире разворачивается борьба трудящихся.

Использовать «качество жизни» в роли критерия прогресса (и свидетельства прогрессивного развития существующей системы) постиндустриалистам удастся лишь соответствующим образом препарировав само это понятие. «Качество жизни» в их трактовке лишается своего действительного социального содержания, получает товарно-фетишистскую и психологическую окраску. «От современной общественной организации, цель которой состоит в удовлетворении материальных потребностей, — пишет Тоффлер, — мы в быстром темпе переходим к таким экономическим структурам, которые должны обеспечить психологическое удовлетворение»²⁰.

Теоретики постиндустриализма, как правило, не обращаются к кругу тех серьезных социальных проблем, которые на деле скрываются за понятием «качества жизни». Такие важнейшие критерии «качества жизни», как *свобода* и *равенство*, они предлагают рассматривать лишь в субъективно-психологическом значении, в плане только «внутреннего самосознания» личности, «перенеся его за рамки формального в сферу личного, внутренней сути социального существования человека»²¹.

Выдвигая постиндустриальное общество в качестве социального идеала, его авторы не в состоянии выйти за рамки традиционных фетишей и символов буржуазного «процветания». Вершиной социального прогресса в этих прогнозах оказывается гипертрофированная модель «вещного» потребления, «свобода» масс от труда, который станет привилегией технократической элиты, неограниченный досуг как образ жизни «сравнительно обеспеченных, но потенциально ненужных работников»²².

Таким образом, критерий прогресса у постиндустриалистов предстает как буржуазно-конsumerистский в своей основе, эклектично сочетающий культ «вещного» потребления с идеалистически интерпретируемым «психологическим удовлетворением». Критерий этот лишен важ-

²⁰ Toffler A. Der Zukunftshorizont. Bern; München, 1971, S. 173.

²¹ Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era, p. 270.

²² Ibid., p. 11.

нейших социальных характеристик. В нем по-прежнему игнорируются такие существенные показатели прогресса, как характер общественных отношений, экономическое и социальное положение граждан в обществе, степень развития реальной свободы человеческой индивидуальности, условия для всестороннего развития личности.

В отличие от буржуазных теорий, метафизически абсолютизирующих в качестве критерия прогресса либо развитие техники, либо духовно-моральные факторы, марксизм отстаивает всесторонний, комплексный подход к вопросу о социальном прогрессе, оценивающий в совокупности характер научно-технических, экономических, социальных, политических, нравственных, культурных изменений, уровень развития и самореализации личности.

В работах постиндустриалистов заметна попытка «смягчить» примитивный технодетерминизм предшествующих теоретиков. Будущее изображается ими многовариантно, как веер возможных альтернатив. Однако этот футурологический веер построен таким образом, что сводится к дилемме — либо сохранение существующего строя, либо неизбежность «неототалитарной диктатуры». В число альтернатив не включаются реальные перспективы, связанные с широкими демократическими и социалистическими преобразованиями.

В новейших теориях прогресса имеет место стремление несколько отойти от традиционных линейных схем количественного технико-экономического роста, сообщить им некоторую динамичность и даже драматизм, придать им хотя бы внешнюю диалектичность, включить моменты «неожиданностей», «перерыва постепенности» исторического развития с целью как-то объяснить потрясения и кризисы, переживаемые капитализмом. Если У. Ростоу лишь фиксировал «стадии роста», то постиндустриалисты включают в свою теорию такие понятия, как «мутация», «скачок в новую эру», «технотронная революция» и т. д. Опираясь такой терминологией, авторы рассчитывают замаскировать плоско-эволюционистскую сущность своей концепции, представить ее соответствующей нынешнему «духу перемен», создать видимость «диалектического» подхода к современному развитию.

У футурологов реальная картина современного капитализма перевернута с ног на голову: в их изображении не капиталистический строй является препятствием на пути общественного прогресса, а сама государственно-мо-

нополюстическая организация якобы не в состоянии полностью реализовать свой «прогрессивный потенциал» из-за враждебных ей оппозиционных сил. Камуфлируя социально-классовые антагонизмы капиталистического общества, авторы выдвигают на первый план конфликт между индустриальным и технотронным секторами Америки (Бжезинский), «разъединение сфер» экономики и культуры (Белл), недостаточную способность человека к «адаптации» перед лицом ускоряющихся темпов изменений (Тоффлер). Существующая социальная организация изображается как воплощение динамичности и прогресса, тогда как роль их консервативного антипода отводится «культуре», общественному сознанию, психологии людей, оппозиционным «истэблишменту» движениям протеста. Стремление перенести ответственность за кризис социально-экономических отношений капитализма на общественное сознание, возложить вину за болезненные явления кризиса на «состояние умов» и психологическую приверженность масс к конфликтам, представить антимонополюстическую борьбу трудящихся в качестве «архаичного» социального действия, противостоящего «прогрессу», — таков один из главных идеологических мотивов постиндустриализма.

Формула «кризис роста» прямо связана с постиндустриалистской версией прогресса. Это — лишь иное выражение общей буржуазно-апологетической идеи о «прогрессивной эволюции» капитализма, которая в новой редакции осложнена временным «кризисом перехода», другими словами, речь идет о «прогрессе через кризис», о кризисе как форме движения к «новому обществу», как способе реализации прогресса. Псевдодialeктические рассуждения о «переходном периоде», «кризисе роста», «скачке в постиндустриальную эру» представляют собой новейший способ исказить, фальсифицировать сущность современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму.

Характеризуя новейшие буржуазные социально-философские концепции, важно отметить не только их антимарксистскую направленность, но и то, что концепции эти все более утрачивают цельность, формой теоретизирования в них все чаще становится заимствование и вульгаризация тех или иных положений марксизма. Результатом попыток футурологов создать контрмарксистскую общесоциологическую теорию (в которой Марксовой теории

общественно-экономических формаций противопоставляется учение о трех «стадиях» технологической зрелости; социальной революции — «техно-электронная» революция, классовому антагонизму — дихотомия «меритократии» и масс и т. д.) оказываются теоретически бесплодные схемы, включающие в себя вульгаризованные подражания марксизму.

Усилия постиндустриалистов модернизировать эволюционистскую концепцию прогресса — с помощью прогнозов «нового общества», тезиса о «мутации» и «скачке», признания отдельных противоречий — не изменяют идеалистической и метафизической сущности данной концепции и не имеют ничего общего с подлинной диалектикой. Они лишь подчеркивают ущербность самой теории, обнажают ее внутреннюю противоречивость. Если псевдоматериализм в определении основного фактора развития приводит буржуазных теоретиков к вульгарному экономизму, то попытки «подделаться под диалектику» порождают глубоко антинаучные псевдодиалектические конструкции.

Неподлинный, рекламно-декларативный характер «диалектики» постиндустриализма проявляется в том, что теория эта заслоняет основные противоречия государственно-монополистической организации и отвергает социальную революцию как способ выхода из кризисной ситуации, заменяя ее всевозможными «несоциальными» революциями — «технотронной», «сверхиндустриальной», нравственной и т. п. Главные усилия направляются на отрицание необходимости и закономерности революционного переворота, на опровержение марксистско-ленинского обоснования неизбежности перехода от капитализма к социализму. В своем итоговом выражении «постиндустриальное общество» — лишь спроецированный в будущее и рекламируемый в качестве вершины исторического прогресса модернизированный государственно-монополистический капитализм.

В обстановке обостряющегося экономического и идейно-политического кризиса 70-х годов техницистско-аполетическое направление подвергается усиливающейся критике со стороны леволиберальных теоретиков. Характерным примером такой критики может служить получившая широкую известность книга «Технологический человек: миф и реальность» видного американского социолога В. Феркисса, в которой последовательно раскры-

вается несостоятельность технократического мифа «прогрессивной трансформации капитализма»²³.

Прямой антитезой футурологическим экстраполяциям Гудзоновского института, утверждавшим безграничность резервов технико-экономического роста государственно-монополистической системы, явились работы деятелей так называемого «Римского клуба» и ряда представителей «демографического направления в экологии»²⁴, прозвучавшие серьезным обвинением в адрес варварской практики капиталистического хозяйствования, тревожным предупреждением человечества о пагубных последствиях ее продолжения.

Перспектива «технологического общества изобилия и услуг» ставится леволиберальной критикой под вопрос не только с точки зрения возможности его осуществления в системе социально-экономических отношений капитализма: серьезные сомнения высказываются относительно гуманности, моральной оправданности такого общества. «Вопрос о нашем изобилии ныне уже исчерпан,— пишет М. Мэриен,— но даже если экономический кризис будет временным, и даже если новые источники энергии будут быстро разработаны, существуют все же серьезные сомнения относительно жизнеспособности и желательности технологического общества изобилия и услуг»²⁵. Разоблачение антигуманного и антидемократического характера технократической версии прогресса — таков ведущий мотив леволиберальной критики. Выражая общую для этой критики оценку, один из ведущих ее представителей, Л. Мэмфорд, прямо называет технократические концепции «тоталитарными утопиями»²⁶.

Леволиберальная критика «технологического прогрессизма», сильная своим гуманистическим пафосом и демократической направленностью, носит, однако, неконструктивный характер, не опирается на сколь-нибудь целостное

²³ *Ferkiss V. C. Technological Man: The Myth and the Reality. New York, 1970.*

²⁴ *Tinbergen T. a. o. Reshaping the international order: A report to the Club of Rome. N. Y., 1976; Laslo E. a. o. Goals for mankind. N. Y., 1977; Meadows D. a. o. The Dynamics of Growth in a Finite World. Cambridge (Mass.). 1974; Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point: The Second report to the Club of Rome. New York, 1974.*

²⁵ *Marien M. Societal Directions and Alternatives: A Critical Guide to the Literature. p. 33.*

²⁶ *Mumford L. The Myth of the Machin. II. The Pentagon of Power. New York, 1970. p. 228.*

собственное понимание исторического процесса. Справедливо упрекая технократизм в фетишизации техники, забвении духовной стороны общественной жизни, леволиберальные теоретики вместе с тем впадают в другую крайность — абсолютизацию сферы культуры, моральных, ценностно-духовных факторов. Технократической утопии «постиндустриального общества» эти теоретики противопоставляют не менее иллюзорные проекты морально-духовной трансформации общества посредством распространения «новой морали» (Р. Вакка), «всемирной веры» (Г. Мюллер), «спонтанного религиозного обращения» (Л. Мэмфорд), «космического интеллекта» (Г. Кришна), «контркультуры» (Т. Розак), «новой свободы» (Р. Дарендорф), «нового сознания» (Ч. Рейч) и т. п.²⁷ «Революция в сознании» провозглашается этими теоретиками в качестве главного, решающего фактора современного общественного развития.

Концепции эти построены на методологически ошибочных посылах, предполагающих, будто изменения в надстройке, в общественном сознании способны сами по себе преобразовать социально-классовые отношения, экономический базис общества. Игнорируя определяющую роль производственных отношений, авторы таких концепций не уделяют внимания социально-классовым предпосылкам преодоления морально-духовного упадка западного общества и перехода к более высокому уровню общественного сознания. Леволиберальные надежды на «прогресс через сознание» глубоко утопичны, их зыбкость отчасти осознается и самими авторами. Не случайно их работы окрашены тревогой за будущее человечества, а проблема прогресса все чаще обсуждается в плоскости «возможностей выживания» общества перед лицом целого комплекса противоречий и проблем.

«Трагическая диалектика» буржуазного сознания и исторический оптимизм рабочего класса. Характерной приметой 70-х годов является выдвижение на идеологическую авансцену работ, в которых под сомнение ставится не только «технологический прогрессизм», не только

²⁷ См.: *Vacca R.* The Coming Dark Age. New York, 1973; *Muller H. J.* Uses of the Future. Bloomington, 1974; *Krishna G.* Beyond the Higher States of Consciousness.— The New York Times, 1973, 6 Okt.; *Reich C. A.* The Greening of America. Harmondsworth (Midd's), 1970; *Roszak T.* Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in postindustrial Society. New York, 1972.

реальность оптимистических техницистских расчетов и ожиданий, но и сам прогресс, как таковой. Заметно активизируется давно существовавшее на Западе антисциентистское течение с его отрицанием науки как конструктивной формы общественного сознания, возложением на нее вины за противоречия и кризисы капиталистического общества. Речь идет не просто о работах, в которых пессимистический прогноз включен в «веер альтернатив» наряду с целым рядом других возможностей более или менее благополучного развития событий, но о довольно обширной литературе, изображающей нисходящее развитие, упадок в качестве единственной и фатально неизбежной перспективы современного общества.

Авторы этих прогнозов как бы стремятся превзойти друг друга в живописании грядущих катастроф, «тотальной деструкции» западного общества, «заката современной эпохи», наступления «нового варварства» и т. п.²⁸ А. Герцог, например, предсказывает целый десяток наиболее вероятных мировых катастроф, в числе которых фигурируют погодная война, необратимое изменение климата, разрушение озоновой оболочки атмосферы, ядерная война, новый смертоносный вирус, анархия и беспорядки, ведущие к варварству и т. п.²⁹ Д. Лукас в своей книге «Закат современной эпохи» констатирует характерные для западного общества пороки — бюрократизацию, узурпацию власти правительством, отсутствие целей у общества, крах иллюзий процветания, отрицательные последствия научно-технического развития, разрушение природы, кризис морали — и приходит к выводу об упадке современной эпохи и движении к «новому средневековью»³⁰. «Общество, похоже, идет к самому быстрому упадку, скатываясь к фашистскому мета-государству, к антиутопии технократического варварства», — заявляет Д. Хоугэн в книге «Декаданс: радикальная ностальгия, нарциссизм и упадок в 70-е гг.»³¹

²⁸ *Lukacs G. The Passing of the Modern Age. New York, 1970; Pawley M. The Private Future: Causes and Consequences of Community Collapse in the West. New York, 1974.*

²⁹ *Herzog A. Previews of Coming Disasters: The 10 Most Likely Real Life Catastrophes.— The Village Voice, New York, 1975, 20 January, p. 5—8.*

³⁰ См.: *Lukacs G. The Passing of the Modern Age.*

³¹ *Hougan J. Decadence: Radical Nostalgia, Narcissism, and Decline in the Seventies. New York, 1975.*

Новейшие концепции, отрицающие прогресс, прямо перекликаются с пессимистическими теориями начала века. В основе их лежит уже известная идея «циклическости» общественной жизни, дискретности, исключающая признание поступательного характера развития и целостности всемирно-исторического процесса. Построены они по одной и той же «драматической» схеме: современная эпоха изображается апогеем общественного развития, за которым якобы неизбежно следует спад, регресс, а то и гибель цивилизации, при этом динамика истории выводится в них из отдельных, произвольно выхваченных и возведенных в абсолют сторон общественной жизни — смены культур, изменений морали, технологического развития, антропологических факторов и др.

Уже упоминавшийся нами Д. Лукас, например, подразделяет общественное развитие на три эпохи — античность, средние века и современность — и видит «диалектику» истории в неизбежном возвращении к «новому средневековью». Экскурс в философию истории предпринимает и видный биолог Г. Штент, по мнению которого внутренние противоречия в развитии науки и искусства делают этот процесс самоограничивающимся, поэтому нынешний «золотой век» оказывается последней стадией истории, концом прогресса³².

Типичный пример антипрогрессистских рассуждений являет собой книга «Новое просвещение. Очерки политического и социального реализма» английского социолога П. Смита, который с позиций консервативного «реализма» объявляет прогресс иллюзией, сегодня столь же далекой от реальности, как и несбывшиеся прогрессистские надежды просветителей³³. Автор критикует сциентистские упования на науку и технику, поскольку технико-экономический рост не сопровождается «духовным и интеллектуальным прогрессом», технофетишистское понимание прогресса неправомерно приписывает марксизму, ставит знак равенства между буржуазным реформизмом и «марксистским революционаризмом». Английский социолог не только не видит теорий, «которые давали бы истинное

³² См.: *Lukacs G. The Passing of the Modern Age; Asimov I. The Fourth Revolution.*— *Saturday Review*, 1970, 24 Okt., p. 17—20; *Stent G. S. The Coming of the Golden Age. A View of the End of Progress.* New York, 1969.

³³ См.: *Smith N. A. The New Enlightenment: An Essay in Political and Social Realism.* London, 1976.

понимание прогресса, но и сами результаты последнего оценивает сугубо отрицательно, признавая источником всех зол буржуазного общества не его собственные противоречия и кризисы, а сам «прогресс».

Формой консервативных нападок на теорию прогресса являются весьма распространенные рассуждения о «цене прогресса». Анализ объективной направленности общественного развития подменяется здесь субъективными оценками оправданности жертв, приносимых людьми в процессе модернизации, «платы за прогресс». П. Бергер, например, в книге «Пирамида жертв»³⁴ отрицает исторический прогресс на том основании, что процесс модернизации и при капитализме, и при социализме неизбежно сопровождается для людей жертвами и лишениями. По видимости, П. Бергер выступает против реакционных спекуляций на идее прогресса, против «теорий, утверждающих, что смерть и обнищание есть необходимые стадии на пути к справедливому обществу». В действительности же эта концепция нацелена против теории научного коммунизма, является попыткой дискредитировать социалистический прогресс, представить социализм лишь как «форсированную форму модернизации».

Примечательной особенностью ряда новейших пессимистических концепций, в отличие от традиционного «консервативного» антипрогрессизма, является внешнее усвоение ими аргументации и логики левого радикализма. «Тотальная критика» буржуазного общества перерастает у них в тезис «конца цивилизации», а отрицание прогресса сопровождается отрицанием возможности позитивной альтернативы капитализму, попыткой дискредитировать социализм как более высокий тип общества.

Примером тому может служить недавно появившаяся книга американского политолога Р. Синаи «Упадок современного мира»³⁵. В духе новейшей социальной критики автор рисует впечатляющую картину кризиса, переживаемого западным «индустриальным» обществом. Глубоко пессимистически оценивая ситуацию современного западного общества, регистрируя различные проявления кризиса, Р. Синаи вместе с тем камуфлирует его главную причину — основные экономические отношения капита-

³⁴ *Berger P. Pyramids of Sacrifice: Political Ethics and Social Change.* New York, 1974.

³⁵ *Sinai R. I. The Decadence of the Modern World.* Cambridge (Mass.), 1978.

лизм. Противоречия и конфликты, свойственные государственно-монополистической организации в современную эпоху общего кризиса капитализма, американский политолог истолковывает не в качестве симптомов упадка, хронической болезни запутавшегося в своих противоречиях буржуазного общества, а как свидетельства кризиса «индустриальной цивилизации» в целом. Тем самым автор стремится снять с капиталистического строя ответственность за конфликты и кризисы, переживаемые обществом, представить их как неизбежный удел всякого «индустриального общества», обусловленный логикой развития и упадка цивилизации.

Свою задачу Р. Синаи определяет как «попытку показать, что либеральная и марксистская концепции однолинейного прогресса не имеют основы ни в современной действительности, ни в истории»³⁶. Уже сама эта формулировка отражает как антимарксистскую направленность концепции Р. Синаи, так и существо его «критического метода», состоящего в искажении марксизма, приписывании несвойственных ему черт «однолинейности», отождествлении его с дискредитировавшими себя буржуазными прогрессистскими доктринами.

Марксизм, как известно, никогда не уповал на гладко-эволюционный, однолинейный путь развития общества. По самой своей сути диалектико-материалистическая теория общественного развития чужда такого рода утопизму. Критикуя подобные взгляды, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «вопреки претензиям „прогресса“, постоянно наблюдаются случаи *регресса* и *кругового движения*»³⁷. Подчеркивая противоречивый, внутренне диалектичный характер исторического процесса, В. И. Ленин писал: «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»³⁸. Формируя трезвое представление о противоречивом, спиралеобразном движении истории, марксистская наука вместе с тем раскрывает закономерно-поступательный характер этого движения, его прогрессивную во всемирно-историческом плане направленность — от первобытной стадии, через эксплуататорские, классово-

³⁶ *Sinai R. I. The Decadence of the Modern World*, p. 200.

³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 2, с. 91.

³⁸ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 30, с. 6.

антагонистические формации — к бесклассовому коммунистическому обществу.

Именно этот вывод марксистской теории прогресса, подтверждаемый всем ходом современного развития, и пытаются опровергнуть буржуазные идеологи. В их ряду Р. Синай выделяется лишь тем, что этой идеологической цели он рассчитывает достичь с позиций максималистски утрируемого «левого» радикализма. При этом он широко использует логику и аргументацию леворадикальных теоретиков, а его тезисы прямо перекликаются с идеями «одномерного общества» и «негативной диалектики» Г. Маркузе.

Американский политолог упрекает марксизм в «однолинейности» истолкования прогресса, в необоснованном «оптимизме», считает марксистскую диалектику «недостаточно радикальной» и «недостаточно революционной», противопоставляя ей собственную, якобы более глубокую диалектику, которая «не нуждается ни в чрезмерном рационализме Гегеля, ни в экстравагантном оптимизме Маркса, хотя и готова заимствовать все полезное у обоих»³⁹.

Диалектика, пишет Р. Синай, «по самой своей природе есть сомнение», скептицизм. Соответственно в предлагаемом им «диалектическом подходе» превалируют скептицизм и отрицание. «Все цивилизации,— пишет автор,— конечны, ограничены во времени и смертны. Все социальные порядки созданы через конфликт и противоречие, подвижны отрицанием, которое раньше или позже непременно должно разрушить их. Все явления в истории движутся как к осуществлению, так и к распаду, как к более полному воплощению своего сущностного характера, так и к закату и падению. Ничто не цветет вечно, всякий источник жизни в конечном счете иссякает и всякая концентрация энергии в конце концов рассеивается»⁴⁰.

Свои фатально-пессимистические выводы Р. Синай делает, исходя из самого факта существования противоречий, не пытаясь при этом рассмотреть ни характера данных противоречий, ни формы их разрешения. «Цивилизация никогда не сможет оставить места для наивного оптимизма прогресса или совершенствования человека. Она всегда стремится разрушить то, что с таким трудом

³⁹ *Sinai R. I. The Decadence of the Modern World*, p. 115.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 220.

было создано. Ее социальные проблемы не могут быть никогда окончательно разрешены, но должны решаться каждый день заново, а кризис и гибель являются всегда присутствующими возможностями»⁴¹. Конкретные исторические противоречия капиталистического общества подменяются автором «противоречиями вообще», присущими якобы всякой социальной системе. К числу таких «вечных противоречий» и «законов упадка» он относит «волю к власти» и «демонизм» характера человека, империалистические устремления всякого общества, бюрократическое окостенение общественных институтов, неизбежное вырождение правящих элит и т. п. Сюда же Р. Синаи включает и «конфликт между производительными силами и отношениями собственности», однако интерпретирует его лишь как частное проявление некоего всеобщего «противоречия между жизнью и ее формами»⁴².

Претендуя на «более диалектический» по сравнению с марксизмом подход, Р. Синаи на деле тенденциозно ограничивается лишь моментом отрицания, отмирания раздираемого противоречиями общества, тогда как нарождающееся в борьбе основных противоречий новое общество попросту игнорируется.

Американский политолог повторяет типичную ошибку представителей так называемой «трагической» и «негативной» диалектики; признает наличие внутренних противоречий и отрицает возможность их разрешения.

Еще в начале века В. И. Ленин противопоставлял подобным концепциям марксистскую теорию развития капитализма, основанную на диалектическом понимании развития противоречий, которые разрешимы в силу того, что они в своем развертывании создают объективные предпосылки для перехода к новой общественной форме. «Развитие капитализма, — писал Ленин, — не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически-переходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму»⁴³.

Материалистическая диалектика рассматривает борьбу взаимоисключающих тенденций и разрешение противоре-

⁴¹ *Sinai R. I. The Decadence of the Modern World*, p. 210.

⁴² *Ibid.*, p. 200.

⁴³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 4, с. 49.

чий как неотъемлемые стороны одного и того же процесса. В ходе борьбы противоположностей противоречия развиваются, углубляются, достигают все большей степени зрелости и движутся к своему разрешению. Весь процесс развития, развертывания противоречий, борьбы противоположностей закономерно подготавливает этап разрешения противоречий.

«Радикальная» концепция Р. Синаи, подобно другим антипрогрессистским теориям, разрабатывает фатально-пессимистические представления о судьбах революционного движения в индустриально развитых странах. Р. Синаи говорит о том, что «пролетариат неспособен быть оппозиционным классом в отношении к правящему классу», «неспособен выполнять предполагавшуюся Марксом миссию освобождения», повторяет типичные для «советологии» вымыслы об «упадке пролетариата и всех социалистических и коммунистических партий».

Отрицание возможности революционного преобразования общества, отрицание социалистической перспективы и тем самым утверждение капиталистического status-quo — таков идеологический общий знаменатель как буржуазно-апологетических, так и радикально-пессимистических теорий.

Марксистская теория общественного развития противостоит как утопическим, так и скептическим, релятивистским, трагико-пессимистическим установкам современной буржуазной философии истории. Она не имеет ничего общего с так называемым «прогрессизмом», с провиденциалистской верой в спонтанно-автоматическое совершенствование общества. Утверждая закономерно-поступательный характер развития общества, марксизм дает ключ к пониманию сложной, полной трагических коллизий диалектики этого развития, раскрывает глубоко противоречивый характер исторического процесса.

5. МАРКСИСТСКОЕ УЧЕНИЕ О РАЗВИТИИ И КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА

В переломные периоды человеческой истории, когда «классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы»¹, вопросы о перспективах развития общества, о смысле истории, об условиях, путях, средствах и способах замены старого уклада общественной жизни новым, более высоким, всегда оказываются в центре идеологической борьбы между сторонниками и противниками общественного прогресса. Проблема развития становится проблемой острого социально-политического звучания. Ее социальный смысл и значение наиболее ярко обнаруживаются в эпоху перехода от капитализма к социализму, когда особенно возрастает роль теории, научно определяющей перспективы общественного развития, дающей «человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности»². И именно поэтому так велико стремление буржуазии и ее идеологов опровергнуть учение марксизма-ленинизма, подорвать его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии.

В обострившейся идеологической борьбе против научной философской теории развития особую роль играет современный ревизионизм.

Современный ревизионизм, его идейные источники и направления. Ревизионизм не имеет своей сколько-нибудь целостной концепции развития, как не имеет он системы своей философии или последовательной теории борьбы за социализм. Он никогда не доводит своих построений до позитивного решения проблем. Социальная функция его в том и заключается, чтобы подрывать изнутри марксистскую концепцию. Он «вьется ужом» между марксистской наукой и буржуазной идеологией, выставляя себя бескорыстным борцом за некую «третью» позицию. Одна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 17.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 44.

ко логика классовой борьбы неумолимо обнаруживает его действительную социальную роль. «Когда не сразу видно,— писал В. И. Ленин,— какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: „Кому выгодно?“... Не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому* *выгодно* эти взгляды, эти предложения, эти меры»³.

Приспосабливаясь к новым историческим условиям, ревизионизм меняет формы борьбы. В свое время диалектика квалифицировалась Э. Бернштейном как побочный продукт марксизма, как «предательский элемент в марксовой доктрине; ...ловушка, лежащая на пути всякого последовательно правильного рассмотрения явлений»⁴. Он утверждал, что свое учение К. Маркс и Ф. Энгельс создали «не с помощью... диалектики, а помимо нее»⁵.

Современные ревизионисты почти все на словах «признают» диалектику, но они, как и их предшественники, выхолащивают революционную суть материалистического учения о развитии под лозунгами «борьбы с догматизмом», с «идеологической функцией» материалистической диалектики под предлогом якобы возврата к «аутентичной» марксистской гуманистической концепции развития. В соответствии с лозунгом «деидеологизации» марксистской философии и ревизионистской концепцией затухания классовой борьбы выводится необходимость пересмотра материалистической теории развития и вообще функций диалектики⁶.

Ревизионистское понимание развития обусловлено «поправками» к марксистской теории развития, позаимствованными в основном из различных течений современной буржуазной философии как экзистенциалистско-

³ Там же, с. 61.

⁴ Бернштейн Э. Исторический материализм. СПб., 1901, с. 46.

⁵ Там же, с. 64.

⁶ «Признание развития в мире вообще и в обществе в частности,— писал один из идеологов чехословацкого ревизионизма М. Рыдл,— выполняло в прошлом также идеологическую миссию. И хотя сейчас мы еще живем в период идеологической борьбы, однако главным идеологическим оружием — во всяком случае для нашего внутреннего развития — никак не может быть тезис о преходящем характере капитализма и закономерности его гибели, закономерности победы рабочего класса над буржуазией. Сейчас мы власть взяли в свои руки. Не должен ли этот факт изменить и ориентацию философии?» (*Rýdl M. Filosofie na křižovatce.— Rudé právo*, 1967, 16 listopadu).

антропологического, так и неопозитивистско-сциентистского толка, и предопределившими образование соответствующих направлений в международном ревизионизме.

Определяющее влияние на ревизионизм экзистенциалистско-антропологического направления оказал Ж.-П. Сартр, «дополнивший» марксизм экзистенциалистской антропологией, а также «негативная диалектика» Франкфуртской школы, превратившаяся в последние десятилетия в один из главных идеологических источников «левого» и правого оппортунизма и ревизионизма, разношерстного движения «новых левых». Конечно, Франкфуртская школа сама по себе не может рассматриваться как собственно ревизионистская. Существовая *вне* марксизма, она тем не менее посвятила себя пересмотру марксистской теории с позиций мелкобуржуазной идеологии. Франкфуртская школа представляет собой некое связующее звено между буржуазной философией и ревизионизмом, попытку соединить марксизм с буржуазными философскими школами и течениями. Характерно, что в ревизионистских трактатах эта школа оценивается как ядро и высшее достижение так называемого западного марксизма⁷.

Свою концепцию развития, если только можно так назвать проповедь всеобщего разрушения и отрицания, Франкфуртская школа создает в основном путем критики и ревизии концепции развития Гегеля, а через нее и К. Маркса и Ф. Энгельса. Характеризуя понятие «негативность» как особую, себя же и отрицающую «потребность», как «спекулятивную силу, которая взрывает то, что не распадается»⁸, Адорно, в частности, утверждает, что объективно-историческое развитие, как и развитие мышления,— это те же «мифологические боги, которые предпочитают пожирать своих детей»⁹. Адорно предполагает, что «развитие несет такое отрицание отрицания, которое не переходит в положительность»¹⁰. Следовательно, развитие, сделав отрицание тотальным, отрицает самое себя.

⁷ См.: *Vranicki P. Historija marksizma. Zagreb. 1971. t. 2. s. 225—244; Idem. Hlavní pravci marksistické filozofie XX veka.— Praxis. 1972. N 3/4.*

⁸ *Adorno T. W. Negative Dialektik. Frankfurt a/M.. 1966, S. 36.*

⁹ *Ibid., S. 30, 392.*

¹⁰ *Ibid., S. 396.*

Франкфуртская школа выступает прежде всего как отрицание социальной диалектики, диалектики истории. Но это несколько не уменьшает ее роли в отрицании диалектики природы, ибо отрицание одного влечет за собой отрицание другого, а в целом — отрицание принципов диалектики в их истинной всеобщности. По Маркузе, диалектика К. Маркса «имеет дело с отдельным этапом исторического процесса»¹¹. «Негативной диалектике», по заявлению ее создателей, присуще такое «критическое мышление, которое не останавливается перед критикой прогресса»¹². Противопоставляя «разум» «рассудку», Маркузе изображает «разум» в качестве працессиональной критической силы, которая ломает преграды и противостоит давлению действительности. При этом он утверждает, что «ни гегелева, ни марксова идея разума не приблизились к реализации: ни у духа, ни у революции развитие не приняло формы, предусмотренной диалектической теорией»¹³.

Таким образом, диалектика Г. В. Ф. Гегеля и диалектика К. Маркса у представителей Франкфуртской школы заменены «диалектикой» абсолютного всеотрицания и пессимизма.

Источником современного ревизионизма неопозитивистско-сциентистской направленности явилась методология Б. Рассела и Л. Витгенштейна, реконструированная позднее в «философию науки». Из этого источника проистекают попытки отрицать научный характер материалистической диалектики¹⁴, которые аргументируются тем, что диалектике якобы не свойственен элемент куму-

¹¹ *Marcuse H. Reason and Revolution: Hegel and the Rise of social Theory. New York. 1941. p. 315.*

¹² *Horkheimer M., Adorno T. W. Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente. Frankfurt a/M. 1969, S. IX.*

¹³ «Разум по самой своей сущности есть противоречие, оппозиция, негация, пока свобода не стала реальностью. Если противоречащая, оппозиционная, негативная сила разума сломана, действительность движется по своему собственному положительному закону и, не сдерживаемая духом, развивает свою репрессивную силу» (*Marcuse H. Reason and Revolution. p. 433, 434*).

¹⁴ «Ни диалектика, ни диалектический материализм. — утверждает А. Крон. — не являются наукой, научной теорией». Это всего-навсего «Философская теория, входящая в понятие метафизики, т. е. она принадлежит к той части философского знания, которая называется онтологией» (*Kron A. Dialektika kao metafizika. — In: Marks i savremenost. Deo 3. Beograd, 1966, s. 378, 379*).

лятивности, т. е. способности к накоплению фактов¹⁵, что ее принципы и категории «не подлежат модифицированию или отмене», их будто бы нельзя ни проверить, ни опровергнуть¹⁶ и что, наконец, диалектика якобы совсем напрасно — «узко и однобоко», «внеисторично и догматично» — отрицает метафизику, которую теперь уже можно реабилитировать, ибо в сознание людей в достаточной мере внедрилась идея развития, и только «бюрократические марксисты» не хотят видеть этих исторических перемен¹⁷.

Таким образом, в рамках философского ревизионизма, традиционно эклектичного в попытках фальсификации диалектики как общей теории развития, субъективистский антропологизм тесно сомкнулся с неопозитивистским эмпиризмом при всем различии их концепций.

Отрицание развития материи — лейтмотив ревизионистских извращений диалектики. Ни одно направление ревизионизма не отвергает принцип развития прямо и открыто. Не в правилах ревизионизма «открыто, прямо, решительно и ясно „рассчитаться“ с покинутыми взглядами»¹⁸. Но «согласие» современных ревизионистов с принципом развития есть именно того рода согласие, которое выхолащивает материалистическое и диалектическое содержание принципа развития, лишая его философского смысла и значения. Вопрос поэтому не в том, «согласны» ли современные ревизионисты с принципом развития, а в том, во-первых, понимают ли они материалистически субъект развития, во-вторых, рассматривают ли они развитие диалектически, и, в-третьих, берут ли они принцип развития в его универсальности, т. е. с точки зрения его философского смысла и значения?

Анализ ревизионистских взглядов показывает, что

¹⁵ «В сравнении со всем остальным.— писал И. Свитак,— должен быть поднят авторитет фактов. поскольку они обладают несравненным преимуществом — они не являются субъективными, они есть или их нет» (*Sviták I. Filosofie a život.— Literární noviny, Praha, 1956, č. 54, s. 3*).

¹⁶ Перепевая К. Поппера, А. Крон, в частности, пишет, что любая попытка проверить истинность диалектических принципов — это вращение по замкнутому кругу. игра с кубиком, на всех сторонах которого написана цифра 5. Сколько бы раз мы ни бросали этот кубик, всегда сверху будет цифра 5 (*Kron A. Dijalektika kao metafizika, s. 379—380*).

¹⁷ См.: *Маркович М.* Марксизм, догматизм, скептицизм. Београд, 1958, с. 3.

¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 10.

современные ревизионисты субъект развития понимают не материалистически, а идеалистически, развитие истолковывают не диалектически, а метафизически и не понимаются до собственно философского уровня постановки и решения вопросов общей теории развития, а, как правило, застревают на уровне позитивистского аналитизма, эмпиризма или же запутываются в эклектическом наборе метафизических абстракций. Они не связывают принцип развития с другими общими принципами философского материализма, которые имеют существенное значение для раскрытия смысла и содержания этого принципа.

Уровень понимания принципов диалектики в их истинной всеобщности зависит прежде всего от того, насколько последовательно проводится материализм. Однако главное, чем отличается ревизионистская «концепция» развития,— это отрицание развития материи и самого принципа материального единства мира. Французские ревизионисты, в частности, в своих последних работах вообще рассматривают материю как вид энергии и только. К. Акселос вводит понятие «пространственно-временной структуры материи-энергии»¹⁹, а Э. Морэн утверждает, что научный прогресс дал все основания для того, чтобы определять материю как энергию. «В XIX веке материя энергетизировалась»²⁰,— пишет он. Впрочем, все эти рассуждения не что иное, как перепевы (в свою очередь, тоже не новых) взглядов Р. Гароди, определявшего материю как совокупность энергетических полей, в которых непрерывно происходят процессы сжатия и расширения²¹.

Современные ревизионисты подменяют всеобщий принцип единства мира, т. е. материалистический монизм, так называемым монизмом практики, чтобы, как определяет польский ревизионист Л. Колаковский, «с точки зрения этого антропологического или, лучше сказать, антропоцентрического монизма»²² решать вопрос о развитии, элиминируя природу как естественную предпосылку и

¹⁹ См.: *Axelos K. Horizons du monde*. Paris, 1974, p. 42.

²⁰ *Morin E. Elément pour une anthropologie*.— *Tel quel*, 1974, N 58, p. 48.

²¹ *Garaudy R. Marxisme du XX^{ème} siècle*. Paris; Geneve, 1968, p. 73.

²² *Kołakowski L. Karol Marks i klasyczna definicja prawdy*.— *Studia filozoficzne*, 1959, N 2, s. 42.

объект практической деятельности людей. Именно поэтому для Колаковского материя — это, как и для Ж.-П. Сартра, всего-навсего то, что оказывает сопротивление человеческому усилию²³.

Праксеологическо-гуманистическую философию активно развивали и пропагандировали философы, объединявшиеся вокруг журнала «Praxis», в том числе Э. Фишер, Ф. Марек, Ф. Шатле, К. Акселос, Э. Морэн, Р. Гароди, А. Лефевр²⁴. Ее отстаивали Л. Колаковский, З. Бауман, Д. Маркуш, М. Вайда, К. Косик, Ю. Стринка, М. Пруха, Р. Каливода, Й. Цвекл.

Представители «философии практики» предпринимают попытку привлечь на свою сторону К. Маркса, для которого якобы, в отличие от Ф. Энгельса, природа отнюдь не стала «пробным камнем диалектики». Э. Фишер, Р. Гароди, как и представители «Praxis»'а, прибегают к неоднократно высказанным К. Марксом мыслям по поводу преобразующей природу деятельности человека, его творческой сущности, его способности «очеловечивать природу», к Марковскому положению о том, что не только

²³ «Материя, отделенная от человека,— утверждает Колаковский,— это ничто. В этом смысле поставить вопрос о материи «самой в себе» все равно, что спросить, существует ли ничто; все возможные ответы ведут к паралогизму, поскольку сам вопрос содержит в себе неверно сконструированное понятие» (*Kolakowski L. Karol Marks i klasyczna definicja prawdy*, s. 53). Путь к идеализму есть дорога и к поповщине, отмечал В. И. Ленин. Не случайно в пропагандируемом ныне на Западе последнем трехтомном опусе «История марксизма» Колаковский пытается соединить марксизм с религиозными догматами.

²⁴ Определяя практику как антропологическо-онтологическую категорию, А. Лефевр считает, что практика репродуцирует не только материальное и духовное производство, но и природу, общество, космос (см.: *Lefebvre H. Critique de la vie quotidienne*. Paris, 1961, t. II, p. 239—240). Особенно активно противопоставляет материи практику единомышленник А. Лефевра французский ревизионист Ф. Шатле. Критикуя ленинское определение материи, он определяет объективную реальность как «место, где осуществляется человеческая практика, где разворачивается диалектика труда и потребности. Другими словами, первоначальная характеристика „объекта, реальности“ должна исходить из фундаментального и объективного факта практики во всех ее различных аспектах и на различных уровнях ее сложности: чувственное восприятие философов и психологов может быть понимаемо лишь как момент этой практики. И объект в качестве чистого объекта, воспринимаемого чувствами, также является только частным аспектом практики, который, будучи изолированным от своего контекста, есть абстракция, попытка вывести из которой сущность или статут реального является ложной». (*Chatelet F. Logos et praxis*. Paris, 1961, p. 169).

человек является творением природы, но и природа — творением человека. Ссылаются также и на замечание В. И. Ленина, сделанное им в «Философских тетрадах» в адрес гегелевских высказываний о переходе идеи в практическую сферу («сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»²⁵). Однако высказывания К. Маркса и В. И. Ленина истолковываются ими в духе прагматизма и волюнтаризма (А. Лефевр и М. Маркович), подменяются субъективно-идеалистической позицией «созидания мира», позицией «выбора ценностей» и «предпочтения потребностей» (Л. Колаковский) или восприятием мира в качестве объекта человеческого труда (К. Акселос²⁶).

В пересмотре диалектико-материалистической концепции развития современные ревизионисты весьма активно используют софизмы агностиков. Агностицизм здесь — прямое следствие отрицания принципа отражения вообще, отражательного характера субъективной диалектики в особенности, ибо если законы природы не отражаются в сознании человека, то он о них действительно ничего не может знать. Из тезиса, будто мы не можем знать свойства, законы, процессы природы, ревизионистский агностик делает вывод о том, что природа не имеет ни свойств, ни законов и что в ней ничего не происходит. Такой взгляд недвусмысленно выразил М. Кангрэга: «Если речь идет о природе самой по себе, которая, как таковая, не имеет и не может иметь никаких свойств... то она ни в чем не отличается от кантовской „вещи в себе“, которая, как нам известно, непознаваема»²⁷. Другой представитель «антропоцентрического

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

²⁶ «Мир в его глазах», — пишет К. Акселос о К. Марксе, — представляет тотальность существующего в том виде, в каком она обнаруживается в производственной деятельности и через нее... Говоря о реальности, об объективности, о чувственно воспринимаемом, о материальности, Маркс постоянно имеет в виду реальную, объективную, чувственную, материальную деятельность, производительный труд, практику... Для Маркса материальный мир, объективность которого определена в качестве объекта реального действия, является основанием, первичной реальностью, над которой... воздвигается вторичный мир, мир субъективных представлений» (*Axelos K. Marx penseur de la technique*. Paris, 1961, p. 45, 128, 142).

²⁷ Kangrga M. Eticki problem u djelu Karla Marxa. *Kritika moralne svijesti*. Zagreb, 1963, s. 162. «Нельзя, — писал М. Пруха, — указать ни на одно постоянное свойство материи как материи» (*Průcha M. Tehnologija i filozofija*. — *Pregled*. Sarajevo, 1968, N 10, s. 10).

монизма», М. Маркович, приписывая агностический взгляд на природу К. Марксу, пишет: «Человек унаследовал грубую, нецивилизованную природу. Однако она Маркса не интересует, о ней невозможно ничего сказать»²⁸.

Как видим, антропоцентристы приходят в противоречие со своим же собственным «аргументом», обнаруживая свое «знание» о природе: утверждая, что о природе самой по себе невозможно ничего сказать, они тут же говорят, что она грубая, нецивилизованная, что в ней ничего не происходит, что в ней нет диалектики и т. п.

В. И. Ленин, характеризуя типичный идейный багаж философских ревизионистов, сравнивал его с костюмом арлекина, сооруженным из кусочков пестрой, крикливой, «новейшей» терминологии²⁹. Выхватывание «кусочков» отовсюду формирует такой стиль мышления, при котором теряется способность не только целостного, логически последовательного восприятия философской концепции К. Маркса и Ф. Энгельса, но даже и контекста того или иного конкретного произведения. Одним из ярких примеров подобного стиля может служить приписывание К. Марксу утверждения, будто природа есть для человека «ничто». Подобное утверждение не только противоречит всей целостной системе философских взглядов основоположника диалектического и исторического материализма, но и совершенно не вытекает из его работы «Экономическо-философские рукописи 1844 года», на которую ссылаются праксеологи. К. Маркс здесь³⁰ подвергает критике отнюдь не метафизический материализм во имя диалектики, как это утверждают истолкователи К. Маркса в духе праксеологии, а идеализм диалектика Гегеля, превращавшего природу в голую абстракцию, т. е. в ничто.

К. Маркс отрицает не действительную природу, а гегелевскую абстракцию природы, идею, взятую в отрыве от человека, отражающего в идеальных образах природу: такая абстракция и есть ничто. Идея К. Маркса состоит в том, что природа должна быть понята не как голая абстракция, а как действительный предмет человека —

²⁸ *Markovič M. Praksa kao osnovna kategorija teorije saznanja.*— In: *Neki problemi teorije odraza. Referati i diskusija na IV stručnom sastanku udruženja. Bled, 10—11 novembra 1960. Beograd, 1960, s. 112.*

²⁹ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 173.*

³⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 172—174.*

природного, предметного существа, т. е. понята в своем качестве объективной реальности. К. Маркс, таким образом, утверждает материализм вопреки гегелевскому идеализму, ему же приписывают нечто прямо противоположное.

К. Маркс и Ф. Энгельс, как и В. И. Ленин, были далеки от того, чтобы отрицать объективно существующую, независимую от человека природу, генезис человека из природы. Первой предпосылкой развития человеческой истории является «существование живых человеческих индивидов», их «телесная организация... и обусловленное ею отношение их к остальной природе»³¹. Изменяя внешнюю среду, ставя ее на службу своим целям и интересам, человек, по выражению К. Маркса, «очеловечивает природу». Но эта «очеловеченная природа» не есть уже просто природа, — это «вторая природа», преобразованная рядом предшествующих поколений, среда, в которой сконцентрирован весь опыт человечества. Вся же природа во всей своей полноте, весь мир никогда не могут быть редуцированы к одним продуктам человеческой деятельности. Из этого, однако, не следует, будто эту внешнюю природу можно рассматривать как «ничто», не имеющее никакой связи с деятельностью человека. Для К. Маркса и всех последовательных марксистов материальный мир выступает предпосылкой, условием, предметом деятельности человека. В. И. Ленин подчеркивал, что в процессе развития познания и практики «вещи в себе» превращаются в «вещи для нас», что никакой непроходимой стены между первыми и вторыми нет и быть не может.

Человека К. Маркс рассматривал «в качестве природного, телесного, чувственного, предметного существа», для которого «предметы его влечений существуют вне его, как независимые от него *предметы*»³². И деятельность его во все времена была продуктом развития, продуктом истории. Она обусловлена степенью развития производительных сил и производственных отношений и характеризуется определенными объективными закономерностями. И хотя К. Маркс главный недостаток материализма Фейербаха видит в том, что действительность им никогда не рассматривается как человеческая созна-

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

³² Там же, т. 42, с. 163.

тельная деятельность, практика, тем не менее отсюда отнюдь не следует сведение К. Марксом всякой действительности к практической деятельности людей, как это утверждают защитники праксеологическо-гуманистической концепции в ревизионизме. Подчеркнув огромное значение деятельности человека, К. Маркс и Ф. Энгельс считали необходимым напомнить: «Конечно, при этом сохраняется приоритет внешней природы»³³.

К. Маркс принципиально возражал против абсолютизации деятельной сущности человека, восходящей своими корнями к теологическо-идеалистической концепции беспредпосылочного творения мира. Критикуя «миропотрясающие» фразы младогегельянцев, К. Маркс и Ф. Энгельс развивали свое понимание проблемы практики, отмежевываясь не только от «непрактического» материализма Фейербаха, но и от «псевдопрактического» понимания действительности младогегельянами³⁴.

Прежде всего К. Маркс отмежевывался от «философии критического разума» Б. Бауэра, «философии действия» так называемых истинных социалистов, а также от диалектики индивидуума у М. Штирнера как единства творца и творения. Еще в «Святом семействе» основоположники марксизма критиковали Б. Бауэра за «бой против субстанции», т. е. за субъективистское понимание действительности как только человеческой деятельности. Позже, в «Немецкой идеологии», в полемике с Б. Бауэром и М. Штирнером вновь отвергается субъективистское понимание действительности в смысле подчинения «субстанции» «субъекту». Попытка «истинных социалистов» свести действительность к «свободной человеческой деятельности» и в этом смысле только субъективно понимать действительность оценивалась К. Марксом и Ф. Энгельсом в высшей степени критически.

Значение всей этой полемики состоит и в том, что она помогает раскрыть корни субъективистской абсолютизации практики праксеологическо-гуманистическим течением современного ревизионизма.

Отрицание современным ревизионизмом объективной природы влечет за собой и отрицание ее способности к развитию, ее диалектики. Утверждая, что природа, фиксированная в оторванности от человека, есть ничто, они

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 43.

³⁴ См.: Там же, с. 16—49.

закljučают: «Говорить о „диалектике“ этого ничто, которое подтверждается как ничто и остается таковым... не только невозможно, но и бессмысленно»³⁵.

Отрицание развития в природе обосновывается также ссылками на отличие процессов в природе от прогресса в обществе. Безусловно, прогресс в природе — процесс не столь явно проявляющийся. Опираясь на эти аргументы, ревизионисты неопозитивистского направления утверждают, что, не доказав наличия прогресса в природе, нельзя ни поставить, ни научно решить вопрос о диалектике природы. Б. Павлович, в частности, признает, что прогресс предполагает действие закона отрицания отрицания, но, поскольку, как утверждает Павлович, такого закона в природе нет, следует якобы говорить только об эволюции. Наличие же в природе эволюции только укрепляет убежденность в том, что диалектика в природе отсутствует. «Если — говорит Павлович, — из понятия эволюции опустим идею природной конечности (говорящей о сверхъестественной целесообразности) и сохраним только идею естественной причинности, то мы будем иметь дело с каким-то антидиалектическим материализмом. И наоборот. Если мы опустим идею естественной причинности, то получится нематериалистическая диалектика природы»³⁶. Следовательно, к вопросу о прогрессе в природе и диалектике природы — и так считает не один Павлович — можно подходить только с двух позиций: или с позиции антидиалектического материализма или с позиции нематериалистической диалектики.

Таким образом, неопозитивистствующие ревизионисты приходят к тому же выводу, что и ревизионисты антропологического толка: без человека, вне «реального исторического движения» диалектики природы нет. Диалектика будто бы имеет место лишь там, где осуществляется сознательное творчество. Между тем без признания материалистического положения о самостоятельности, самодвижении природы, т. е. без объяснения природы из нее самой, невозможно освободиться от теологического предрассудка, которому, как говорил К. Маркс, «непонятно чрез-себя-бытие природы и человека».

«Чрез-себя-бытие природы», самодвижение природы предшествует самодеятельности исторического человека и

³⁵ Neki problemi teorije odraza, s. 38.

³⁶ Marks i savremenost. Deo 3, s. 486.

делает ее возможной как с точки зрения ее возникновения, так и с точки зрения ее осуществления. Поэтому для того, чтобы правильно понять сущность человеческой самодеятельности и определить ее место в природе, саму эту самодеятельность нужно понять как одну из форм самодвижения в природе, возникшую на сравнительно высокой ступени развития материи. Современные же ревизионисты или начисто отрицают самодвижение природы (материи) или считают его чем-то совершенно несущественным для понимания возможности и сущности человеческой самодеятельности³⁷. В результате самодеятельность человека превращается ими в *единственный* источник и *единственную* форму диалектики.

Подмена диалектики социального развития эклектикой и софистикой. Отрицая диалектику природы, ревизионист декларирует свое признание диалектики истории, диалектики общественного развития. Но декларирование такого рода не более, чем фраза, ибо сразу же выясняется, что конечной целью отрицания диалектики природы выступает отрицание научного, материалистического воззрения на общественную историю, субъективизация диалектики, подведение «теоретической базы» под субъективизм и волюнтаризм.

Под предлогом борьбы против «позитивистского диалектического и исторического материализма», советского «догматизма», современные ревизионисты пытаются подорвать основные положения исторического материализма, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом. В такой направленности ревизионистской критики марксизма яснее всего обнаруживается социальный и идеологический смысл извращения ими материалистической диалектики как общей теории развития.

С ограничением сферы приложения принципов материалистической диалектики, а также сферы действия всеобщих законов диалектики и распределением их по различным областям, связано и противопоставление совре-

³⁷ «Хотя нам паверняка известно,— утверждал Й. Цвекл,— что неживая природа обладает способностью переходить в живую. а развитие жизни имеет способность создавать род сознательных существ, мы должны предполагать, что это развитие не столько является случайным или единственным во вселенной, сколько выражает качества, которые безразличны по отношению к материи и развитие которых зависит всего только от условий, которые в известной нам вселенной являются сравнительно редкостными» (Cvekl J. Filosofie a současnost. Praha, 1966, s. 122).

менными ревизионистами одних законов и принципов диалектического материализма другим, в том числе противопоставление законов диалектики основным общим посылкам философского материализма.

Метафизическое противопоставление абсолютно активного человека абсолютно пассивной природе зачастую выступает в форме противопоставления диалектики отражению, противопоставления, которое непосредственно лежит в основе всех попыток современных ревизионистов рассматривать вопрос о развитии вне системы диалектического материализма. Принцип отражения, в понимании ревизионистов, оказывается приложимым лишь к неразвивающейся природе; принцип развития — только к человеку как творческому практическому существу. В природе, где имеет место отражение (разумеется, в их толковании, как пассивное), нет ни развития, ни диалектики. А в обществе, где имеет место развитие и «совершается диалектика», нет отражения.

Но если диалектика имеет место только там, где нет отражения, то она может быть лишь в субъективном воображении, а не в фундаменте общества, которое само развивается в форме естественно-исторического процесса. Противопоставление диалектики отражению, таким образом, оборачивается отрывом так называемой субъективной диалектики от объективной, отрицанием объективной диалектики. Не случайно ревизионисты отрицают и диалектические законы развития общественно-экономической формации.

Ревизионистское антидиалектическое понимание развития особенно проявляется в отношении к проблемам современной эпохи, в постоянных отступлениях от стратегии и тактики коммунистического и рабочего движения современности.

Не понимая сущности диалектического закона единства и борьбы противоположностей как всеобщего закона развития, ревизионист требует сглаживания противоречий, затушевывания источников развития, «отменяет» классы и классовую борьбу.

Не понимая диалектики количественных и качественных, эволюционных и революционных моментов в процессе развития общества, он в толковании развития общества движется между крайностями: плоским эволюционизмом, абсолютизирующим стихийность и экономическую борьбу и отрицающим роль субъективного фактора в ис-

торическом развитии, и анархизмом левацкого толка с его метафизической концепцией катаклизмических переходов от одной общественно-экономической формации к другой. Абсолютизация эволюционной, количественной стороны в процессе развития приводит ревизионистов на позиции реформизма, рассматривающего развитие метафизически, как простое количественное увеличение или уменьшение³⁸.

Именно поэтому современный ревизионизм прежде всего подвергает сомнению детерминированность социального развития. Современные ревизионисты, как и их учителя³⁹, отрицают экономическую обусловленность общественных явлений, общественного развития. Р. Гароди об определяющей роли экономических отношений говорит не иначе, как с иронией: «В социалистических странах существует... иллюзия, согласно которой одно лишь изменение производственных отношений раз и навсегда решило бы проблемы и автоматически породило бы нового человека»⁴⁰.

Ревизионист не только в идеалистическом духе толкует марксистское понятие экономической структуры как основы общества, но стремится доказать преходящий характер зависимости сознания от производственных отношений, будто бы представляющей собой всего-навсего одну из переходных исторических форм диалектики субъекта и объекта, которая является основным фактором диалектики общества⁴¹.

С помощью отрицания определяющего значения материальных отношений в развитии общества социально-экономический анализ государственно-монополистического капитализма и реально существующего социализма под-

³⁸ «В такой стране, как Франция.— пишет Гароди,— социалистическая демократия не может быть отрицанием буржуазной демократии, но лишь расширением ее границ» (*Garaudy R. L'alternative*. Paris, 1972, p. 78).

³⁹ «Общественная тотальность не ведет никакой самостоятельной жизни поверх и над тем, что она объединяет, из чего она сама состоит. Она производит и воспроизводит себя сквозь свои отдельные моменты» (*Adorno T. W. Zur Logik der Sozialwissenschaften*.— In: *Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie*. Neuwied; Berlin, 1970, S. 127). Кроме прочего, это высказывание Адорно представляет собой еще одно свидетельство смыкания псевдомарксистских критиков позитивизма с неопозитивизмом, отрицающим определяющие объективные закономерности общества.

⁴⁰ *Garaudy R. Le grand tournant du socialisme*. Paris, 1969, p. 41.

⁴¹ См.: работы К. Косика, М. Животича, П. Враницкого.

меняется внеисторическим истолкованием современной эпохи, а ленинское учение о социалистической революции — новым «революционным учением».

У Маркузе оно заключается в «революции человека», в «Великом отрицании» участия в «игре» капиталистического «потребительского общества», в отрицании «одномерного сознания», внушаемого средствами массовой информации, а в итоге — в индивидуальном бунте отдельных личностей. У ревизионизма это находит свое выражение в том, что рекомендуемые им формы революционного движения в лучшем случае не преследуют цели упразднения существующего капиталистического порядка. «В ближайшем будущем возможно воздействовать в направлении усовершенствования капитализма в Соединенных Штатах», — пишет Гароди⁴², рекомендуя американцам покончить с нищетой, расизмом, милитаризмом. «Эту программу, — заключает Гароди, — можно выполнить, не ставя под вопрос основные принципы и законы существующего режима, а, напротив, сообщая им их полную действительность и осовременивая их, продолжая и обновляя традиции, обусловившие величие США: это еще не социализм, а улучшенный капитализм»⁴³. Завершает свои рассуждения о будущем Америки Гароди призывом направить «все животворные силы молодой Америки» на путь «гуманизации системы»⁴⁴.

Совершенно абстрагируясь в политике от коренных интересов пролетариата, конечной цели социалистического движения, ревизионисты и в теории не в состоянии увидеть основные черты и основную тенденцию развития капиталистического общества, а это является необходимым условием правильного определения стратегии социалистического движения.

Не поднимаясь на высоту философского, монистического подхода к проблеме развития, ревизионист за отдельными зигзагами и поворотами, за частными проявлениями развития и временными отступлениями не может уловить основной линии развития, открыть основных общих законов ее магистрального направления. С этим связан пересмотр основного положения материалистического понимания истории — о субъекте общественного развития,

⁴² *Garaudy R.* Le grand tournant du socialisme, p. 309.

⁴³ *Ibid.*, p. 93.

⁴⁴ *Ibid.*

о ведущей роли рабочего класса как главной революционной силы капиталистического общества.

Для «франкфуртцев», первыми провозгласивших утрату надежд на возможность формирования классового сознания пролетариата, в условиях научно-технической революции таким субъектом становится критически мыслящая часть студенчества и интеллигенции, способная будто бы преодолеть позитивистское «одномерное» мышление людей. Рабочий же класс якобы уже не обладает «коммуникативной компетенцией» для восприятия трансцендирующих данную действительность идей, полностью интегрирован в «высокоразвитое индустриальное общество»⁴⁵, стал «внутренним» фактором капиталистического общества, и потому лишен духа отрицания и революционной роли играть не может. «Внешним» фактором могут быть только «новые левые».

Вслед за Г. Маркузе все известные идеологи ревизионизма отказывают рабочему классу в его исторической миссии, рассуждают о «бессилии рабочих»⁴⁶, о падении революционности рабочего класса, признавая субъектом революционного процесса «нонконформистскую молодую интеллигенцию»⁴⁷. Поскольку «изменились численность, дифференциация и общественный вес рабочего класса», постольку не может произойти революция, устранение отношений господства⁴⁸.

Нетрудно понять, что выводы об «аполитизированном» рабочем классе преследуют совершенно определенные политические цели. Не случайно современный ревизионизм характеризуется отказом от политической формы борьбы — наиболее действенной формы борьбы рабочего класса.

Ревизионистскую концепцию классов характеризует извращенное понимание современного состояния классово-вой борьбы, положения классов в современном обществе, принижение руководящей роли марксистских партий, а также равнодушие, если не открытая вражда, к революционной активности трудящихся масс, к их борьбе с силами старого мира, к судьбам международного рабоче-

⁴⁵ *Habermas J.* Protestbewegung und Hochschulreform. Frankfurt a/M., 1969, S. 43.

⁴⁶ *Horkheimer M., Adorno T. W.* Dialektik der Aufklärung, S. 43; *Adorno T. W.* Negative Dialektik, S. 179.

⁴⁷ *Marcusé H.* An Essay on Liberation. Boston, 1969, p. 56.

⁴⁸ *Fischer E.* Was Marx wirklich sagte. Wien, 1968, S. 75.

го движения вообще⁴⁹. Рассуждения Гароди об «исторической инициативе масс», которую он противопоставляет партии, есть не что иное, как превознесение стихийности исторического развития, как предательство интересов рабочего класса и разоружение марксистской партии⁵⁰.

Ревизионизм претендует на то, что с помощью «гуманистической диалектики» он рисует гуманистическую перспективу: «С точки зрения этой перспективы,— пишет представитель югославского ревизионизма М. Животич,— открываются не законы предметной действительности, а гуманистический профиль этой действительности»⁵¹. Однако открытие гуманистического профиля действительности неотделимо от открытия ее объективных законов. Открытие К. Марксом «гуманистического профиля» капиталистической действительности заключалось в открытии законов возникновения, развития и гибели капиталистического общества, в открытии пролетариата, как могильщика этого общества. Но это открытие, этот поистине гуманистический подвиг, был осуществлен с помощью диалектики, которая выступила как отражение объективных диалектических законов общественного развития, как отражение существующего под углом зрения его самоотрицания, его неизбежной гибели.

Нематериалистическая диалектика современных ревизионистов, которая не «совершается» как истинное отражение объективного развития природы и истории, не обладает этой научной функцией и поэтому не может быть ни революционной, ни критичной, не может иметь значения ни для науки, ни для гуманизма.

⁴⁹ Что касается борьбы буржуазии и пролетариата, то, как полагает Э. Фишер, «Маркс представлял смену и преодоление буржуазных производственных отношений слишком упрощенно и автоматически». Исходя из «жизнеспособности» буржуазии, Фишер считает, что нынешнее соотношение сил на мировой арене характеризуется тем, что буржуазия изменилась, поскольку не потеряла способности к революционизированию производительных сил (*Fischer E. Was Marx wirklich sagte*, S. 75).

⁵⁰ «Если партия хочет стать центром всех сил, которые стремятся построить социализм во Франции, а не сектой доктринеров, она не должна иметь „официальной философии“. Партия не должна в принципе быть ни идеалистической, ни материалистической, ни клерикальной, ни атеистической» (*Garaudy R. Le grand tournant du socialisme*, p. 284).

⁵¹ *Zivotič M. Socijalistički humanizam i jugoslovenska filozofija*.— *Filozofija*, 1968, N 1/2, s. 112.

Отрицание объективной диалектики через отрицание принципа отражения привело современный ревизионизм к агностицизму во взглядах на общественное развитие, к отрицанию возможности предвидения в обществе, т. е. к отрицанию самой возможности науки об обществе. Такое отрицание покоится на метафизическом противопоставлении нового и старого. Используя замеченный еще Аристотелем «парадокс» развития, Г. Петрович, в частности, считает, что новое невозможно, если оно возникает из старого, а если оно не содержится в старом, то оно никак не связано с ним, — следовательно, нет общей закономерности развития, и поэтому невозможно ничего предвидеть⁵². Чувствуя слабость такой позиции, он спешит предвосхитить критику в свой адрес: «Некоторые выражают беспокойство, что тезис о необъяснимости нового может привести к известному агностицизму относительно возможности объяснения истории. На это можно ответить, что боязнь агностицизма не может быть достаточным основанием для принятия или отбрасывания определенной концепции»⁵³.

Здесь вновь мы встречаемся с идеями, позаимствованными у «франкфуртцев»⁵⁴. Э. Фишер пошел дальше и «франкфуртцев», и Петровича. Мысль К. Маркса, что уже внутри капиталистического общества возникают тенденции к утверждению общественного характера средств производства, мысль, которая подтверждала необходимость замены старого новым, Фишер использует для того, чтобы, наоборот, доказать возможность сохранения старого, ибо, поскольку именно в старом и зарождается новое, постольку старое жизнеспособно, обладает способностью к трансформации и сохранению себя⁵⁵.

Ревизионистская концепция развития не может не противоречить интересам социалистической революции, для совершения которой нужна революционная философия, научно объясняющая объективные законы общест-

⁵² См.: Petrović G. Filozofija i revolucija. Zagreb, 1973, s. 64—65.

⁵³ Ibid., s. 70.

⁵⁴ У Маркузе к «новому» может привести только неясная идея невозможного, утопия, полностью отрицающая все, что есть, «„транцендирующая“ данное общество и данный способ мышления» (Marcuse H. Das Ende der Utopie. Berlin, 1967; Idem. Versuch über die Befreiung. Frankfurt a/M., 1969), у Хабермаса — наука в «критическом» варианте с помощью саморефлексии.

⁵⁵ Fischer E. Was Marx wirklich sagte, S. 121—128.

венного развития. Однако концепция развития современного ревизионизма метафизически противопоставляет движение цели, цель — движению. Для так называемого старого ревизионизма был характерен лозунг: «Движение все — цель ничто». Этими словами Бернштейна, выражающими сущность ревизионистского понимания развития лучше многих рассуждений, обосновывалась стихийность в общественном развитии, отрицалась роль классов, в деятельности которых конституируется история; развитие трактовалось совершенно недialeктически, как некий постепенный процесс, для которого характерны лишь мелкие и медленные количественные, эволюционные изменения, которые никогда не могут привести к революционным скачкам, к качественным различиям.

Современные ревизионисты пошли дальше Бернштейна. Дело изображается так, будто с высоты коммунистического идеала, на уровне которого представляют себя ревизионисты, они приобрели-де право беспощадно критиковать всякое действительное развитие, ведущее к конечной цели, к осуществлению идеала: реальный социализм, марксизм, диктатуру пролетариата, марксистские партии, все способы и средства коммунистического преобразования общества. Но как можно достигнуть конечной цели без реального движения к ней — об этом современный ревизионист предпочитает не говорить. Зато он так или иначе, но всегда весьма активно выступает против всех форм действительного движения к социализму и к коммунизму, против всех реальных путей и способов достижения коммунистического идеала.

Философский структурализм и его несовместимость с диалектико-материалистической концепцией развития. В последние годы отрицание материалистической теории развития и диалектического метода активно осуществляется ревизионизмом путем ассимиляции идей структурализма. Структурализм зародился не в рамках ревизионизма, а как одно из новейших течений буржуазной философии.

Возникновение интереса к структурным исследованиям в условиях господства субъективно-идеалистических течений и в противовес им (например, во Франции) можно рассматривать как прогрессивную тенденцию. Попытка же ревизионизма осуществить перенесение структуралистских идей на почву марксизма выступает как стремление ограничить, дискриминировать диалектический

метод. Исследование структуры рассматривается здесь не как составной, существующий в тесной связи с конкретно-историческим элемент диалектического метода, а как нечто внешнее по отношению к диалектическому методу. Вместе с тем усвоение ряда структуралистских идей ревизионизмом создает общую платформу для наступления на марксистско-ленинскую теорию единым фронтом нескольких различных направлений буржуазной философии.

Именно потому, что структурный анализ представляет собой один из аспектов диалектического метода, всякое противопоставление его диалектическому методу неправомерно. Причем такое противопоставление имеет место не только тогда, когда отстаивается преимущество структурного подхода перед историческим, синхронии перед диахронией, но и тогда, когда предпринимаются попытки к дополнению одного другим, ибо именно в этом случае особенно очевидно, что оба подхода рассматриваются как два самостоятельных метода, а не как находящиеся в постоянном внутреннем единстве органически связанные моменты в движении всеобщего метода. О своих симпатиях к структурализму говорят совершенно открыто ревизионисты как позитивистской⁵⁶, так и антропологической⁵⁷ ориентации.

Отказ от диалектико-материалистической теории развития во имя абсолютизации структурного подхода наносит огромный вред практике общественного развития. Связь с жизнью, с практикой революционного движения,

⁵⁶ «Переход от динамического понимания диалектики к пониманию структуралистскому я считаю выдающимся изменением позиций,— писал неопозитивист М. Рыдл.— Ведь структура выступала и постоянно в определенных связях выступает как противоположность динамизму и движению. Динамизм и структура — это даже определенные диалектические полярности. Следовательно, это означает, что переход от одного аспекта к другому является качественным изменением точки зрения и должен повлечь за собой более коренную трансформацию всей марксистской философии» (*Rýdl M. Filosofie na křižovatce.— Rudé právo*, 1967, 16 listopadu, s. 3).

⁵⁷ Р. Гароди, который отнюдь не представляет в ревизионизме неопозитивизм, недвусмысленно заявляет: «Структурализм, как и кибернетика, может стать одним из способов постижения мира и осмысливания человека и его творческой деятельности, способом, наилучшим образом соответствующим духу нашего времени, разработке нового гуманизма» (*Garaudy R. Marxisme du XX^{ème} siècle*, p. 82).

учет конкретной исторической обстановки и условий развития обуславливает не только более высокий научный уровень теории, но и адекватность практических рекомендаций, отвечающих задачам прогрессивного общественного развития. Конструирование концепций, абсолютизирующих структуры без учета конкретной обстановки развития общества, ставит под удар революционные задачи марксистско-ленинской философии. Поскольку такого рода концепции не могут не вступать в противоречие с объективной реальностью, постольку они становятся источником неоправданного нигилизма, необоснованного критиканства по отношению к марксистско-ленинской теории и социалистической практике. С этих позиций не принимаются во внимание временные условия развития объективного и субъективного характера, которые определяли шкалу возможного выбора поведения общества и индивида и поэтому позволяют понять обоснованность и оправданность для своего времени определенных мер и поступков, которые становятся с вневременных позиций структурализма поводом для нападков на марксизм-ленинизм и реально существующий социализм.

Видение современного мира вне его действительного развития лишило ревизионизм правильной ориентации в современном обществе, затмило основное противоречие нашей эпохи. Главным «аргументом» международного ревизионизма, выступающего с опровержением реально существующего социализма, является концепция «несоответствия теоретической схемы социализма и исторической реальности», используя которую ревизионисты противопоставляют социализм реальный социализму «по Марксу». Между тем надуманность и антиреволюционный смысл противопоставления социализма реального социализму «по Марксу» могут не заметить именно те, кто абстрагировался от конкретных условий общественного развития нашей эпохи, в которой социализм и капитализм, существуя, в какой-то степени видоизменяют многие происходящие сегодня общественные процессы как в капиталистическом, так и в социалистическом мире.

В результате взаимного влияния двух антагонистических обществ возникают различного рода мистификации: явления, обусловленные влиянием соседства капитализма, выдаются или принимаются за явления чисто социалистического порядка. И наоборот. Такая мистификация придает видимость достоверности заявлениям крити-

ков социализма и марксизма по поводу несоответствия реально существующего социализма его теоретической схеме.

Принципиальное значение конкретно-исторического метода в условиях сосуществования социализма и капитализма в том и заключается, что на его основе могут быть дифференцированы общественные явления и процессы действительно социалистические и такие, которые появились в качестве реакции на капиталистическое соседство.

Диалектика сосуществования государств с различным общественным строем предполагает особую классовую бдительность, умение правильно оценить состояние современного общества, разглядеть истинную сущность явлений капитализма и социализма и тенденции их развития, учитывать в рамках общих закономерностей сферу возможного выбора поведения общества. Это умение вырабатывается только на почве конкретной классовой оценки реальных обстоятельств развития общественных явлений и процессов, т. е. на почве конкретно-исторического подхода.

Обращая внимание на метод исследования социальных явлений К. Марксом и на его оценку тактики рабочего класса, В. И. Ленин говорил: «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде... Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего»⁵⁸.

Для представителей ревизионизма общественное развитие второй половины XX в. определяется прежде всего научно-технической революцией. С точки зрения современного ревизионизма научно-техническая революция постепенно преобразует капиталистическое общество, примиряет все антагонизмы империализма и делает беспредметной социалистическую революцию. В соответствии с вульгарно-технологическим толкованием процесса общественного развития исчезает разница между социалистиче-

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 77.

ским и капиталистическим обществом, снимаются противоречия между ними, сводятся на нет все преимущества социализма. На этой основе конструируются спекулятивные выводы, которые подводят к уже несколько устаревшей, но еще не потерявшей популярности теории уюдобляющейся эволюции, вошедшей в обиход под названием теории конвергенции, в соответствии с которой поздний капитализм и социализм понимаются единственно как разновидности единого «современного индустриального общества», как «два варианта одного типа прогрессивного индустриального общества».

Главная цель, которую преследуют эти концепции, заключается в том, чтобы свести на нет или хотя бы ослабить влияние идеи социалистической революции, экстраполировать характер общественных отношений высокоразвитых капиталистических стран не только на все остальные страны мира, но и на будущее человечества. С помощью этих концепций ревизионистское толкование развития закрывает перспективы борьбы за коммунизм, делает бессмысленными усилия прогрессивных сил человечества в борьбе за радикальные общественные преобразования.

В. И. Ленин в свое время, подвергая критике стремление буржуазных и реформистских идеологов спекулировать на технико-экономической «схожести» социалистических и капиталистических стран без учета хода их развития писал: «„Близость“ *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а во все не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванию капитализма, чем занимаются все реформисты»⁵⁹.

Таким образом, общие пороки ревизионистского толкования развития исключают возможность цельной, единой, последовательной философской теории развития.

Ревизионистская «концепция» развития отличается прежде всего отказом от монизма в пользу дуализма, который проявляется в многочисленных метафизических противопоставлениях различных частей, аспектов, сторон единого, диалектического целого, человеческой истории — природе, творчества — отражению, практики — материи,

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 68.

самодетельности человека — самодвижению материи и т. п.

Ревизионист всегда выступает как эклектик. Все, чем «обогащает» ревизионизм теорию, как правило, заимствуется из «сокровищниц» различных направлений буржуазной философии. Несовместимое в рамках какого-либо одного из направлений буржуазной философии эклектически соединяется ревизионизмом в его построениях.

Склонность современных ревизионистов к дуализму, односторонности и эклектике вытекает, естественно, из их классовой непоследовательности, которая и определяет выбор соответствующей — неопределенной и непоследовательной — общеполософской теоретической и методологической позиции. В. И. Ленин учил никогда не забывать «характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, распылчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.»⁶⁰

Ревизия диалектико-материалистической теории развития в конечном итоге направлена на дезориентацию масс в пользу правооппортунистических, реформистских лозунгов. Концепция развития в руках ревизионистов стала предметом идеологических и политических спекуляций. Смыкаясь с антикоммунистическими устремлениями, ревизионистские извращения теории развития наносят огромный вред как делу идеологического воспитания трудящихся, так и практике общественного преобразования.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 392—393.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авенариус Р. 65
Адорно Т. 27, 86, 301, 462
Аквинский Фома 207, 371, 383
Акселос К. 465—467
Александр С. 355—362, 379
Александров А. Д. 235
Амбарцумян В. А. 219
Анненков П. В. 166
Анохин П. К. 188, 196
Аристотель 242, 278, 418, 478
Арон Р. 354, 439—442, 446

Бакрадзе К. С. 120
Бам А. 27, 378
Барт П. 27, 413
Бауман З. 466
Бауэр Б. 470
Белл Д. 444, 449
Берг Л. С. 268
Бергер П. 455
Бергсон А. 147, 355—359, 361—
362, 364, 379, 414—415, 420
Бернштейн Э. 461, 479
Блох Э. 466
Богданов А. 132
Бонапарт Луи 63
Борцов С. Г. 219
Боулдинг К. 444
Бофр А. 412
Брежнев Л. И. 5, 13, 31
Бройль Л. де. 67
Бруннер Э. 417—418
Брюнинг В. 411
Бутлеров А. М. 282

Вайда М. 466
Вайс П. 377—378
Вайскопф В. Ф. 105, 219
Вакка Р. 452
Вернадский В. И. 142, 211
Визе фон. 436
Викерс Г. 444
Виндельбанд В. 218
Витгенштейн Л. 463

Гадамер Г. 86
Гаймсет 422
Гароди Р. 73, 465—466, 474—
475, 477
Гартман Н. 371—374, 426—427
Гартнер А. 444
Гегель Г. В. Ф. 38, 41, 45, 47—
52, 54—55, 71, 74, 118—124,
127—129, 132—133, 147, 159,
163—164, 171, 173—174, 253,
265, 279, 299, 305—306, 313—
315, 317, 375—376, 457, 462—
463, 468
Геккер Т. 416—418
Гелен А. 436
Гераклит 127, 139, 367
Гернет Е. С. 180
Герцог А. 453
Гинсберг М. 412
Голд Т. 240—241
Гольбах П. А. 158—159
Гольдман Л. 27
Гонсет Ф. 27
Гумплович Л. 413
Гуссерль Э. 85
Гутьерас Г. 391
Гэлбрейт Д. 444

Давези Р. 392
Дайм В. 391
Дарвин Ч. Р. 49, 53, 161, 182, 378
Дарендорф Р. 452
Декарт Р. 38, 40
Демокрит 234, 367
Джеймс У. 355
Джирарди Д. 390, 399
Дильтей В. 420—422
Лицген И. 299
Добротин Р. Б. 213
Долло Л. 354
Доменан Ж. М. 390
Дракер П. 444
Дубинин Н. П. 193

Животич М. 477

- Завадский К. М. 181
 Зельдович Я. Б. 16
 Зенон Элейский 39
- Ильенков Э. В. 86
 Ильичёв Л. Ф. 92
 Иоанн Павел II, папа римский 390
- Каливода Р. 466
 Кампанини Д. 392
 Кангрэа М. 467
 Кант И. 41, 71, 152, 353
 Карнап Р. 86
 Каутский К. 65
 Кедров Б. М. 118
 Клагес Л. 415—420
 Колаковский Л. 465—467
 Коллингвуд Д. 380
 Конгар И. 390
 Конт О. 413
 Копнин П. В. 118
 Косик К. 466
 Кришна Г. 452
 Крон А. 463—464
 Кюнг Г. 392, 399
 Кюри П. 285
- Лавджой А. 368
 Лакомб П. 413
 Лакруа Ж. 390
 Лалеф А. 439
 Ламарк Ж. Б. 378
 Ландберг Ф. 444
 Лаплас П. С. 157, 245, 353
 Лёвит К. 411
 Левонтин Р. 22
 Лейбниц Г. В. 38, 40
 Лемпрехт К. 413
 Ленин В. И. 5—7, 11—12, 20—21, 23, 33—35, 38, 40, 42—43, 47, 54—70, 72—80, 84, 90—92, 97—102, 115—118, 124, 129—133, 139—140, 149, 162, 164, 166—167, 173, 175, 182, 205, 217—223, 223—233, 252—253, 258, 275—276, 288, 299, 305, 308, 312, 325, 332, 352, 384, 401, 407, 429—430, 435, 456, 458, 461, 467—469, 482—484
 Леонардо да Винчи 204
 Лефевр А. 466—467
 Лукас Д. 453—454
- Лучани А. 384
 Любак А. де. 392
 Майер Р. 53
 Майр Э. 289
 Мак-Айвер Р. 436
 Максвелл Д. К. 365
 Марек Ф. 466
 Маритен Ж. 391
 Маркович М. 467—468
 Маркс К. 5—7, 12, 19—20, 22, 25, 27, 30, 33, 36, 38, 41—43, 45—52, 54—56, 62—66, 69—70, 72, 74—76, 78—80, 84, 87—89, 97, 101, 106, 116, 118, 122—124, 129—131, 133, 161, 164—167, 169—170, 176, 182, 185—186, 199, 205, 212, 216, 221—222, 224, 252, 258, 265, 270, 275, 288, 299, 302, 304—305, 317, 320, 429—431, 456—457, 459, 461—463, 466—472, 477—478, 481—482
 Маркузе Г. 27, 301, 457, 463, 475—476
 Маркуш Д. 466
 Маррэй Б. 443
 Марти, французский кардинал 383
 Мах Э. 65, 72
 Мед М. 444
 Мейер-Абих А. 364
 Мендель Г. И. 354
 Метц И. Б. 391
 Милль Д. С. 152, 357
 Монтегю У. П. 368
 Морган К. Л. 356, 358—360, 362
 Морган Т. Г. 369
 Морочник С. Б. 219—220
 Морэн Э. 465—466
 Мунье Э. 390
 Мэмфорд Л. 436, 451—452
 Мэриен М. 443, 451
 Мюллер Г. 452
- Нагель Э. 369—371
 Наполеон Бонапарт 245, 247—248
 Нежданов П. 59
 Никола М. Ж. 386
 Ницше Ф. 420
 Новиков И. Д. 16
 Норман А. 444
 Ньютон И. 233

- Огберн У. 436
 Остапенко С. В. 328
- Павел VI, папа римский 383, 390
 Павлович Б. 471
 Парсонс Г. 18
 Пейдж К. 436
 Перру Ф. 439
 Петрович Г. 478
 Пиаже Ж. 142
 Пирс Ч. С. 355
 Платон 38, 418
 Плеханов Г. В. 64—65, 119, 124, 131—133, 164, 205—206, 437
 Плотин 376
 Поппер К. Р. 42, 86, 436
 Пост В. 384
 Пригожин И. Р. 17
 Прудон П. Ж. 63, 123, 166
 Пруха М. 466
- Равикович А. И. 220
 Райбекас А. Я. 343
 Ранер К. 392—398
 Рассел Б. 240, 243, 463
 Ратцингер И. 391
 Рейч Ч. 452
 Ригер Л. 220
 Риккерт Г. 217—218
 Рисмен Ф. 444
 Розак Т. 452
 Ромбах Х. 27
 Росс Г. 379
 Ростой У. У. 438—439, 446, 448
 Руссо Ж.-Ж. 38
 Рыдл М. 461
- Сартр Ж.-П. 27, 422, 424—425, 462
 Свйтак И. 464
 Северцов А. Н. 223, 226, 289
 Селларс Р. В. 368
 Синай Р. 455—459
 Скворон С. 181
 Смит Н. 454
 Смэтс Я. Х. 355, 362—364
 Сорокин П. А. 434—435
 Спенсер Г. 352—353, 355, 413
 Спиноза Б. 38, 40, 145
 Стринка Ю. 466
 Суслов М. А. 5
- Тиллих П. 27
 Тимофеев И. С. 283
 Тойнби А. Д. 421—422, 432, 434
 Тоффлер О. 444, 447, 449
 Трёльч Э. 419—420, 422
 Тэн И. А. 152, 413
- Уайтхед А. Н. 355, 364—367, 377, 379
 Уёмов А. И. 328, 343
 Уоддингтон К. Х. 42
 Уоллес А. Р. 378
 Уорд Л. 413
 Утар Ф. 391
- Фейблмен Д. К. 376—377
 Фейгль Г. 86
 Фейерабенд П. 364
 Фейербах Л. А. 106, 469—470
 Феркисс В. 450
 Фирканд А. 413
 Фихте И. Г. 41
 Фишер Э. 466, 478
 Фрайер Г. 436
 Фромм Э. 436
 Фурастье Ж. 439
- Хабермас Ю. 86
 Хайдеггер М. 27, 86, 425
 Хаксли Т. Г. 432
 Харрис Э. 379—381
 Холдейн Д. С. 364
 Хоркхаймер М. 86
 Хофман Д. 95
- Цвекл Й. 466, 472
- Черкесов В. И. 119
 Чернышевский Н. Г. 169
- Шарден Т. де. 390, 393, 401—408
 Шатле Ф. 466
 Швапп Т. 53
 Шелер М. 371—372
 Шеллинг Ф. В. Й. 41
 Шельски Г. 436
 Шеню М. Д. 392
 Шиллер Ф. К. 355
 Шлейден М. Я. 53
 Шлик М. 86

Шмальгаузен И. И. 148
Шпенглер О. 353, 421—422, 434—
435
Штаммлер Р. 60
Штент Г. 454
Штирнер М. 470

Эллюль Ж. 436

Эмпедокл 156

Энгельгардт В. А. 104

Энгельс Ф. 5—7, 9, 12—14, 30,
33, 35, 38, 41—43, 45—56, 62—
66, 69, 72, 76, 78—81, 84, 87,
89, 93, 97, 101, 116, 122—124,

130—131, 136, 145, 161—162,
164—167, 182, 209, 221, 224,
226—228, 232, 246, 248, 252,
270, 275, 278, 280, 288, 290,
299, 304, 313, 323, 326—327,
365, 429—430, 456, 461—462,
466, 468—470, 472

Этциони А. 444

Юлина Н. С. 376

Ясперс К. 108, 422—424

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолют 47—48, 313—315
— и материя 47
— и развитие 47—48, 314—315
Абсолютное и относительное 314—315
Абстрактное и конкретное 47—48, 265—266, 317
Абстракция 265—266, 313—314, 468
— и действительность 265—266, 313—314, 317—318
См. также: Восхождение.
Агностицизм 64
См. также: Познание.
Активность 189—190
— материи 149, 189—190
— отражения 189, 192, 203
— субъекта 190
Анализ 99, 141, 164, 166, 406
— качественный 260—261, 277—297, 408
— количественный 260—261, 277—297, 408
— и синтез 17, 34, 103, 109, 113—114, 123, 277, 288—289, 303—305, 309, 407—408
Антагонизм — см.: Противоречие.
Апории
— Зенона Элейского 39
Априоризм 238, 375
Ароморфоз 190
— и эволюция 352—354
Атом 207—210
— и единство дискретного и непрерывного 264—265
Атрибут — см.: Субстанция и атрибут.
Бесконечность (бесконечное) 241—248, 388
— материи, пространства, времени 244—248
— и конечное 388
— и развитие 244
Бытие 100, 241, 371—373, 376—377, 386, 424—425
— и мышление 47, 89, 100, 129—130, 201
— и небытие 127, 386
См. также: Мир.
«Вещь в себе» — см.: Агностицизм.
Взаимодействие 146, 155—156, 279, 294, 324—331
— и движение 327—332
— и *causa sui* 145
— и органическая система 141, 156, 286—287, 289, 291
— и отражение 185, 188—198
См. также: Причинность, Связь.
Взаимопереходы 22, 252—255
— и взаимопроникновение 25, 254—255
— и развитие 21, 252—255
Взаимосвязь 21, 140, 145, 170—171
— всего со всем 21, 140, 145, 167, 170—171
См. также: Связь.
Внутреннее и внешнее 191—192, 210—211, 295, 331
— и диалектика явления и сущности 266—268, 337
См. также: Содержание и форма, Сущность и явление.
Возможность 347
— абстрактная и реальная 347—349
— и действительность 346—350, 386
— и необходимость 174, 347—349
— и случайность 348—349
— и развитие 347—349
Возникновение 337, 344
— и уничтожение 228, 243, 285—286, 324—326, 345

- и развитие 284—290, 305—309, 344—346
- и новое 147—148, 169—170, 244—245, 284—290, 305—309, 344—346, 362—363, 369
- Восхождение 262—263, 307, 313
- от абстрактного к конкретному 47—48
- См. также: Абстракция.
- Время 229—250, 308, 310—311
- и развитие материи 146, 229—
- направление времени 235—249, 308, 417
- направление времени 235—241
- объективность времени 231—233
- связь с пространством 232—235, 240—249, 365
- Вселенная 177—178
- её материальность 143—144, 231, 245, 248
- и единство законов 150—152, 158
- и развитие 16, 22, 228
- См. также: Мир (филос.).
- Всеобщее — см.: Единичное особенное и всеобщее.
- Высшее 127, 171, 207—210, 323—325, 344, 358, 369—372
- и низшее 127, 171, 207—210, 323—325, 344, 358, 369—372
- и прогресс 127, 220
- Гипотеза 114—115
- как приём исследования 114—115
- как форма развития науки 114—115
- Движение 264—265, 290—292, 322—324, 387
- и материя 39, 94, 234, 323
- диалектическая и метафизическая концепции движения 40
- и взаимодействие 327—332
- и покой 39, 322—324
- и развитие 17, 256—257
- как изменение вообще 256
- как противоречие 256—257, 386
- формы движения 17, 291—293
- Действительность 145
- и возможность 346—350
- и необходимость 347—349
- познание действительности 90
- Детерминизм 68—69, 155—182, 249—250
- и телеология 155, 159, 173
- и случайность 162
- и новое 246—249, 289—290
- и развитие 144—149
- Диалектика 11, 13, 15, 33, 36, 38, 43, 67, 78
- ленинское определение диалектики 54—76, 101—102
- как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления 23, 34, 92, 94, 97, 100, 123, 128, 131
- в истории домарксистской философии 38—41, 43—45, 47—54, 106, 119—124, 127, 147, 156—157, 305—306
- критический и революционный характер материалистической диалектики 25, 35—36, 44, 77—78, 81, 97, 101—102, 302
- и диалектический метод 14, 53—54, 102—116, 407—408
- и принцип историзма и его фальсификация буржуазной философией 410—459
- и развитие 33, 78—82
- её противоположность метафизике 25—27, 38—40, 44—45, 56—59, 93, 301—302, 368—381
- и эклектика, софистика 42, 78—79, 92, 168, 460—484
- объективная и субъективная 13, 25—30, 65, 87, 89, 98—99, 124—125, 131—133
- противоположность материалистической диалектики идеалистической диалектике 27, 29, 41, 47—54, 58—59, 65, 92, 122, 128, 163, 306, 313—314, 317—318, 357—358, 365—367
- Диалектический материализм — см.: Диалектика, Материализм.
- Дискретность и непрерывность 264—265, 367

— развития 264—265, 367

Единичное, особенное и всеобщее 90, 213, 332

Единство 94, 152

— всеобщий принцип единства мира 17, 22, 95, 137, 140, 142, 149—150, 154

— всеобщий принцип развития 20—21

— и борьба противоположностей 51—52, 252—255, 262—266, 273—275, 345

и многообразие мира 138

— и цельность мирового процесса 17

См. также: Противоположность.

Естествознание 20, 69

— и диалектика 16, 39, 42—43, 53—54, 80—81, 105, 123

— и развитие 14, 19—21, 66, 177—182, 219—220

— и философия 79—81, 110—112, 180

Закон 156—158, 340

— его объективный характер 50, 152, 357

— законы динамические и статистические 149—152

— как внутренняя необходимая связь между явлениями 151—152, 156—158

См. также: Детерминизм.

Закон единства и борьбы противоположностей 252—276

— как «ядро» диалектики 252

Закон отрицания отрицания 49, 298—321

— как всеобщий закон развития природы, общества и мышления 300—302

Закон перехода количественных изменений в качественные 49—50, 277—297

— его всеобщность 50

Законы диалектики 48, 50, 122—123, 128, 130, 163, 168, 252—350

Изменение 139, 356, 378

— и движение 256—257

— и развитие 127, 153, 169, 256, 261

Информация 194, 282

— и отражение 194—195, 197—198

— и развитие 16, 21—22, 175

Истина 40

— её объективность 44

— абсолютная и относительная 44, 67—68

— как диалектический процесс 70

История 11, 13—14, 193—194, 311, 411—413

— материалистическое понимание истории 13—14, 20, 31, 38, 52, 58—64, 90—91, 97, 128, 160, 429—433, 435, 456, 458—459

— всемирная история 13, 224

— и культура 21, 309, 419—422, 435

и развитие общества 31—32, 45—46, 165—166, 223, 225, 227, 434

— как борьба классов 12—13, 24—25, 61—64, 101, 224—225

— как творческая деятельность людей 11, 31—32, 45—46, 198—199, 316, 320

— философия истории 217, 410—435

Категории диалектики 48, 71—73, 173—177, 277—284, 322, 350

— как ступени познания 69—71, 131

— как формы мышления 70—71, 125, 130—131

— развитие категорий 71, 73, 75, 99

Каузальность — см.: Причина (причинность).

Качество и количество 277—280, 336—340, 344—346, 356, 358, 367—368

— закон перехода качественных изменений в количественные и наоборот 14, 49—50, 57, 168, 256—259, 277—279, 284, 290, 297

— и мера 259, 279—280, 284—286

— и скачок 259—260, 271, 274, 285—288, 295—296, 345—346

Количество — см.: Качество и количество.

Логика 130, 380

- диалектическая 41, 74, 119, 121, 125, 130—131
- единство логики, диалектики и теории познания 74—75, 100, 117—133

Материализм 64—74, 79

- и основной вопрос философии 25—29, 47—54, 58—59, 64—67, 96—97, 365—367
- исторические формы материализма 51, 58—64, 80, 90—91, 101
- и диалектика 47, 50—51, 55—56

См. также: Диалектика, Материальное, Материя.

Материалистическая диалектика — см.: Диалектика, Материализм.

Материальное 137

- и идеальное 137
- материальное единство мира 95, 125, 136—139, 142—144, 147—149, 152—153

См. также: Материя.

Материя 15, 30, 365, 386—387, 400, 402, 464—472

- как субстанция 136—137, 145, 153, 164

- дух как высший продукт материи 403—404
- движение как способ существования материи 53, 94, 143, 149, 323
- и сознание 361—362, 401—409
- пространство и время — формы существования материи 240—249, 365
- развитие материи 143, 147, 153, 213—217, 326—336, 402—406
- формы движения материи, их взаимопревращение 53, 152, 161, 256

Мир (филос.). 93, 365—366

- единство мира 22, 95, 125, 136—154
- и человек 20, 83—84, 87—89, 91, 125, 316, 402
- мир в целом как предмет философского познания 16, 83, 92—96, 106—111, 145, 149, 165, 310, 365

Мировоззрение 83—88

- исторические типы 128
- его классовый характер в классовом обществе 26—27
- и диалектический материализм 12, 16, 19, 64, 80—87, 102

См. также: Диалектика, Идеализм, Материализм.

Монизм 30, 96, 136—140, 145

- и дуализм 368

Мышление 14, 25, 39, 137

- и бытие 47—48, 70

— его развитие 39

См. также: Категории диалектики, Логика, Отражение, Познание.

Необходимость и случайность 348—349

- и развитие 52, 174, 329—331
- см.: Детерминизм.

Общее — см.: Отдельное и общее.

Особенное — см.: Единичное, особенное и всеобщее.

Отдельное и общее 332

- их взаимосвязь, взаимопереходы 333—335

Отражение 126, 183—186, 189

- взаимосвязь развития и отражения 183—186, 189—190, 192—194, 196—203
- диалектико-материалистическое понимание отражения 30, 97, 185—186
- и историческая форма развития 193—203

См. также: Познание.

Отрицание 49, 304

- диалектическое 257, 296, 302—304, 309, 344—347
- как момент связи, развития 303, 305
- отрицание отрицания 42, 298—309, 313—315, 319—320

Познание 15, 17—24, 38—43, 47, 55—56, 67—76, 78—81, 83—87, 100—113, 120, 129, 149—154, 265

- и практика 89—90
- и диалектика истины и заблуждения 44, 66

- его историческое развитие 101, 120, 149—154
- См. также: Истина, Мышление, Отражение.
- Практика 89—90, 466
- и теория 25, 77, 83—84
- как критерий истины 89—90
- Преемственность 298—309
- в развитии 297—309
- См. также: Отрицание отрицания.
- Причина 68
- и следствие 68, 174—175, 326—331
- как «моменты всемирной взаимозависимости» 68
- См. также: Детерминизм.
- Причинность 68, 146, 156—159, 173—174, 326
- Прогресс 18—19, 22, 25, 81, 127, 204—228, 261—263, 272, 390, 412, 434—459, 471
- и регресс 25, 217, 220—228, 262—263, 272, 437, 456
- фальсификация идеи прогресса буржуазной философией 434—459
- Простое и сложное 208—209, 213—216
- развитие от простого к сложному 208—209, 213—216, 326, 364
- Пространство 232—235
- и материя 229—233, 241—250, 308, 323—324, 365
- связь со временем 232—235, 240—250
- Противоположность 252—253, 387
- единство и борьба противоположностей 14, 51—52, 252—255, 262—266, 345
- и противоречие 23, 252—265
- Противоречие 51—52, 263, 269—270
- диалектическое 252—254, 256—276, 295, 300, 304, 312—313
- формально-логическое 264—265
- разрешение противоречий 51, 254—255, 259—264, 268—275, 285—287, 345
- антагонистическое 46, 52, 57—58, 255—256, 258, 270—273
- неантагонистическое 270—273
- как источник развития 25, 116, 202, 255—271, 295—296, 324—326
- Развитие 11—36, 48, 152—154, 159, 193, 202, 255, 257, 292—297, 305—321, 374, 438
- и материя 147, 153, 155, 326—336, 402—406
- всеобщность развития 17, 23, 49, 70, 100, 123
- диалектическая и метафизическая концепции развития 12—13, 56—60, 352—354
- его объективный характер 60—62
- законы развития 159, 176—177
- «парадокс» развития 173, 207, 478
- как опосредствуемое научной диалектикой историческое творчество 11, 32—33
- Свойство 168—171, 174—176, 192—193, 280—282
- и вещь 336
- и отношение 168—171, 174—176, 192—193, 244—245, 254, 267—268, 280—282, 357—358
- См. также: Качество и количество.
- Связь 94, 339
- всеобщая связь явлений и процессов в природе, обществе и мышлении 68, 93, 110—113, 139—140, 145—146, 157—158, 174
- диалектика «как наука о всеобщих связях» 94
- и взаимодействие 140, 145—146, 155—156
- и развитие 289, 300
- Синтез — см.: Анализ.
- Система 253—263, 278—282, 284—288, 323—325, 339—344
- мир, природа как система 140—144, 164—165
- и элемент 168, 175, 207—211, 279—282, 337, 339—344
- органическая 181, 187—188

- развитие системы 153, 167—172, 174, 178, 196—197, 213—215, 259—263, 266—267
- системный подход 16, 141, 267

См. также: Связь.

Случайность — см.: Необходимость и случайность. Содержание и форма 176, 281, 337—341

- их единство 169, 206, 338—339
- их противоречие 206, 338—339

Структура 230, 278—284, 287, 339—344, 362

- и закон 153
- и система 141—144, 148, 153—154, 213, 278—280, 369
- и сущность 137—144, 371
- и функция 175, 208, 281, 341—342

Структурализм 479—481

Субстанция и атрибут 136—139, 153, 376—377

- и *causa sui* 40, 95, 145
- и взаимодействие 20, 266, 310
- и материя 136—137, 145, 153, 164
- и субъект 48, 306

Сущность и явление 48, 139, 141, 153, 161, 265—266, 336, 363

Теория и практика 83—84

- их диалектическое единство 25, 77, 89
- практика как основа теории, теория как отражение практики 77

См. также: Практика.

Тождество 388

— диалектическое 254

Томизм 207, 382—400

Форма — см.: Содержание и форма.

Целостность 138, 362—364, 419

- и организм 165, 180, 188, 267
- и развитие 315, 380
- и система 153, 164—165, 174, 280

Цель 361—362, 380

- и детерминация 361—362
- и телеология 361—362, 380
- и деятельность 361—362

Ценность 85—87

- и наука 85—87, 217

Часть и целое 138, 343, 363, 381

- их диалектическое соотношение 118, 138, 333—334, 343—344

Человек 29, 390—393, 401—410, 413, 417, 419—428

- и мир 87—89, 91, 199—203
- и природа 17—20, 88—92, 125—126, 216, 430—431, 466—472

- и развитие общества 90, 393—401, 410, 412—433

- и творчество 90, 198—199, 316—320, 361—362, 390, 392, 424—425

Эволюционизм 14, 57, 163, 352—354, 368, 403—404, 406—408

Эволюция 12, 168, 181—182, 184, 187, 189, 208—209, 396

- в живой природе 16—17, 53, 148, 161—162, 177—182, 187—193, 196—197, 199, 210—211, 215—216, 218—219, 223, 228, 293—294

- в неживой природе 16—17, 53, 161, 177—180, 210—211, 214, 219, 258, 294

- и органицизм 365—367, 378
- и теизм 401—409
- «творческая» 354—381

Явление — см.: Сущность и явление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение. ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	11
Раздел I. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА — МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕВО- ЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	37
Глава 1. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин — создатели материалистической диалектики	38
Глава 2. Мировоззренческая и методологическая функ- ции материалистической диалектики	77
Глава 3. Проблема единства диалектики, логики и тео- рии познания	117
Раздел II. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИКО-МА- ТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О РАЗВИТИИ	135
Глава 1. Принцип материального единства мира	136
Глава 2. Материалистический детерминизм	155
Глава 3. Роль принципа отражения в исследовании развития	183
Глава 4. Прогресс и регресс в процессе развития	204
Глава 5. Развитие и время	229
Раздел III. ВСЕОБЩИЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ	251
Глава 1. Закон единства и борьбы противоположностей	252
Глава 2. Закон перехода количественных изменений в ка- чественные и обратно	277
Глава 3. Закон отрицания отрицания	298
Глава 4. Отражение процесса развития в системе катего- рий диалектики	322

Раздел IV. КРИТИКА МЕТАФИЗИЧЕСКИХ И ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ РАЗВИТИЯ . . .	351
Глава 1. Проблема развития в современной буржуазной философии	352
Глава 2. Критика католических вариантов религиозной концепции развития	382
Глава 3. Буржуазный историзм и принцип развития . .	410
Глава 4. Критика современных буржуазных концепций общественного прогресса	434
Глава 5. Марксистское учение о развитии и критика современного ревизионизма	460
Именной указатель	485
Предметный указатель	489

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Редактор издательства Л. В. Пеняева. Художник Г. В. Дмитриев
Художественный редактор С. А. Литвак
Технические редакторы С. Г. Тихомирова, Н. Н. Кокина
Корректор Ф. А. Дебабов

ИБ № 25376

Сдано в набор 18.12.81. Подписано к печати 12.05.82. Т-10504.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр. отт. 27,7. Уч.-изд. л. 28.
Тираж 8800 экз. Тип. зак. 1193. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная Ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10